

СПАСЕННОЕ СЕРДЦЕ

СЕРИЯ «ПАЛАЧИ АИДА»

ТИЛЛИ КОУЛ

Даже спасение можно найти с помощью любви грешника...

Красота может быть проклятием.

Вера может быть ловушкой.

И только любовь может освободить тебя.

Спустя несколько долгих недель, после того как ее вырвали из уютных объятий религиозной коммуны ее священного пророка, — единственной жизни, которую она знала, — испуганную Далилу забрасывают в мир, окутанный злом и погрязший в грехе.

Продолжая стойко верить, что на ее душе от рождения стоит клеймо «Окаянная», Далила полна решимости найти обратный путь к своим людям из Ордена и подальше от развращенного и проклятого байкерского клуба — Палачей Аида, — которые удерживают ее на своей территории для защиты, той самой «защиты», которая вызывает лишь ее возмущение.

Далила хочет вернуться домой, убежденная, что только среди своих людей и под руководством священного пророка ее, рожденная Сатаной, душа может быть спасена. Убежденная, что она ведьма... искушительница... шлюха дьявола... Далила буквально ненавидит свое красивое лицо, прекрасное тело и эффект, который производит на мужчин. Но когда мужчина из клуба, — погрязший в грехах, но все же изумительно красивый, — решает заботиться о ней, Далила начинает видеть, что этот опасный и аморальный грешник из «внешнего мира» может предложить ей то, о существовании чего она даже и не догадывалась: бескорыстную любовь.

Кайлер «Кай» Уиллис любит свою жизнь: ежедневная жизнь в братстве, море алкоголя, свобода на дороге — и самое лучшее — выбор сексуальных сучек. Выросший в байкерском клубе, а ныне ВП самого грозного МК в Штатах, у Кая нет проблем с тем, чтобы клубные шлюхи согревали его постель... и он в полной мере пользуется этим... пока одна блондиночка не входит в его жизнь... прекрасная набожная блондинка, которую он не может выкинуть из головы... набожная блондинка, которую они вместе с братьями из клуба спасли из сраного религиозного культа... набожная блондинка, от которой ему приказали держать себя и свои шаловливые ручонки подальше.

После череды пьяных ошибок, Кая вынуждают заботиться о набожной блондинке, он осознает, что в этой девушке есть что-то большее, чем вид супермодели и отличная пара сисек. Он начинает думать, что она могла бы стать той самой девушкой, которая могла бы сделать невозможное — укротить его дикость и пленить его упрямое сердце.

Но Лилу связываю крепкие узы с прошлым, ее люди приняли решение, а с новым Пророком и одержимостью отомстить, они вряд ли отпустят ее...

Тилли Коул

Серия «Палачи Аида» — 2

Спасенное сердце

Название: Тилли Коул, «Спасенное сердце», серия «Палачи Аида», книга 2.

Переводчики: Ирина Н. (пролог — 3 глава), Matreshka

Редактор: Mistress

Вычитка: Mistress & Matreshka

Обложка и оформление: Mistress

Глоссарий

Терминология Ордена

Орден — новое религиозное движение апокалиптического характера. Учение основано на избранных христианских верованиях и твёрдой вере в то, что Апокалипсис неизбежен. Возглавляется пророком Давидом (объявил себя пророком Господа и потомком Царя Давида), старейшинами и последователями (прим. последователи, ученики, адепты — вполне синонимичны). Ранее возглавлялся пророком Давидом (объявившим себя пророком Господа и потомком Царя Давида), старейшинами и последователями. Преемник — пророк Каин (племянник пророка Давида).

Члены Ордена проживают вместе в уединённой общине в основе образа жизни лежат традиции и умеренность, полигамия и неортодоксальные религиозные обряды. Верят, что «внешний мир» представляет собой греховность и зло. Не контактируют с теми, кто не входит в общину.

Новый Сион — новая община Ордена. Создана после того, как предыдущая коммуна, была разрушена в битве против Палачей Аида.

Совет старейшин — это четыре человека: брат Лука, брат Исая, брат Михей, брат Иуда.

Шеол — ветхозаветное слово, в иудаистической традиции Царство мертвых. Греческие синонимы переводятся как «яма», «могила», «преисподняя»; др.-евр. «неисследованный, непознанный». Устройство Шеола подобно дантовскому Аду, наказания в котором зависят от вины. Он невообразимо глубок и фактически живое чудовище, куда самых отъявленных грешников также отправляют живьем.

Глоссолалия — непонятная речь, возникающая у верующих во время переживания религиозного экстаза. От переводчика: «говорение языками», «дар языков» — в ранней церкви рассматривался как один из даров Святого Духа (harismata), т.е. особых проявлений силы Св. Духа, отличавших Церковь апостольскую, которые ниспосылались первым христианам для укрепления веры, для созидания Церкви, для перерождения человека и человечества (12-14, I Кор.). Но бессмысленное экстатическое «языкоговорение» не особенно одобрялось уже в ранней Церкви.

В православной традиции трактуется как говорение на незнакомых языках, но подходят к этой проблеме осторожно, потому как однозначного позитивного толкования нет. В русской церкви явление глоссолалии исторически связано с сектой, члены которой

именовались хлыстами. Также глоссолалия являлась специфической особенностью, например, культа пятидесятников, монтанистов, квакеров, мормонов и др.

Диаспора — расселение людей определенной национальности на чужбине.

Коммуна (община) — все имущество, принадлежащее Ордену и находящееся под контролем пророка Давида. Отдельно расположенное поселение. Находится под охраной последователей и старейшин, обеспечено оружием на случай атаки из внешнего мира. Мужчины и женщины находятся в разных помещениях коммуны. Окаянных держат подальше ото всех мужчин (за исключением старейшин) в их отдельных комнатах. Территория окружена по всему периметру забором.

Старейшины — мужчины, обязанность которых следить за ежедневным существованием коммуны. В иерархии Ордена стоят сразу после пророка. Они ответственны за обучение Окаянных.

Последователи-охранники — мужская часть Ордена. Сосредоточены на защите земель коммуны и членов Ордена. Следует приказам старейшин и Пророка Давида.

Дань Господня — ритуал сексуального акта, проводимый между членами Ордена: мужчиной и женщиной. Имеется верование в то, что таким способом мужчина постепенно приближается к Господу. Дань воздается на коллективной церемонии. Для достижения трансцендентного (то есть вне опытного, запредельного, ментально ощущаемого, но не регистрируемого мышлением) переживания используются наркотики. Женщинам запрещено испытывать удовольствие в наказание за первородный грех Евы, и они обязаны исполнить акт, как часть их сестринского долга.

Окаянные — женщины/девушки в Ордене очевидно слишком красивые и, тем самым греховны по сути. Живут отдельно от остального сообщества. Считаются слишком соблазнительными для мужчин. Окаянные, как принято считать, повышают вероятность того, что мужчину поглотят сомнения, и он сойдёт с праведного пути.

Первородный грех — христианский богословский термин (этот термин ввел в общий оборот Аврелий Августин, но авторство ему не принадлежит, определить авторство практически невозможно, версий много), который означает, что человечество рождено во грехе и имеет врождённое желание поклоняться Господу. Первородный грех результат неповиновения Адама и Евы Господу, поскольку они вкусили запретный плод в Эдеме. В учениях Ордена (созданных пророком Давидом), Ева считается виновной в искушении Адама совершить грех, таким образом, сёстры Ордена считаются рождёнными как искушительницы и соблазнительницы, они обязаны подчиняться мужчинам.

Терминология Палачей Аида

Палачи Аида — мотоклуб (прим. переводчика: далее МК) Вне Закона — «один-процент». Основан в Остине, Техас, 1969.

Аид — в древнегреческой мифологии бог подземного царства мёртвых.

Материнское отделение/Головный чаптер — первая ветвь клуба. Первичное отделение.

Один-процент (однопроцентники) — Американская мотоциклетная ассоциация (АМА), которая, вероятно, однажды объявила, что 99 % байкеров — законопослушные граждане. Байкеры, несоблюдающие правила АМА называют себя «однопроцентники» (тот

самый незаконопослушный 1%). Подавляющее большинство «однопроцентников» состоит в МК Вне Закона.

Байкерский жилет — кожаный жилет, который носят байкеры вне закона. Украшенный лоскутками ткани и нашивками, отображающими уникальные цвета клуба.

Патч — нашивка с цветами клуба

Пришит — слово используемое, когда новый участник одобрен для полноправного членства в клубе.

Церковь — место/комната для встреч полноправных членов клуба. Проводятся Президентом клуба.

Старуха — женщина, получившая статус жены. Находится под защитой своего партнёра. Этот статус считается уважаемым среди членов клуба.

Клубная Шлюха — женщина, которая появляется в клубе, чтобы участвовать в случайных половых связях с членами клуба.

Сучка — женщина в байкерской культуре. Ласковое обращение.

Исчезнувший/Ушедший к Аиду — сленг, обозначает умирающего/мертвого.

Встречающийся/Исчезнувший/Ушедший к лодочнику — сленг, означает умирающего/мёртвого. Здесь идёт ссылка на Харона из греческой мифологии. Харон был перевозчиком мертвых, демоном преисподней (Дух). Платой за перевозку души умершего в царство мёртвых через реки Стикс и Ахеронт (прим. Харон вез души по подземным рекам) к Аиду являлись монеты (обол), располагаемые на глазах или под языком у покойника на похоронах. Тот, кто не платил пошлину оставался бродить по берегам Стикса в течение ста лет.

Снег — кокаин.

Лёд — метамфетамин.

Организационная структура Палачей Аида

Президент (През) — лидер клуба. Тот, Кто Держит Молот, являющийся символом абсолютной власти, которую имеет Президент. Молот используется для поддержания порядка в Церкви. Слово Президента — это закон внутри клуба. Он принимает советы от старших членов клуба. Никто не оспаривает решений Президента.

Вице-президент (ВП) — второй в клубе после Президента. Выполняет приказы Президента. Главный в поддержании связи с другими отделениями клуба. Уполномочен исполнять все обязанности и работу в случае отсутствия Президента.

«Дорожный капитан»/«Властелин дороги» — отвечает за все выходы клуба. Исследует, планирует и организовывает все выходы и выезды клуба. Размещает Оружейного пристава, отвечает только перед Президентом или ВП.

Сержант/Оружейный пристав — отвечает за безопасность клуба, охрану и поддержание правопорядка во время клубных встреч. Отчитывается о нарушениях Президенту и ВП. Ответственный за безопасность и защиту клуба, его членов и Потенциальных Клиентов.

Казначей — хранит записи всех доходов и расходов. Хранит записи про все введённые и исключённые клубные патчи, и цвета. (прим. а вот здесь возможен нюанс — цвета ладно, но возможно он хранит записи о тех членах клуба, которые когда-либо были приняты и

исключены).

Секретарь — ответственный за создание и поддержание всех клубных отчётов. Обязан предупреждать членов клуба о чрезвычайных заседаниях.

Проспект — кандидат в члены МК. Присоединяется к выходам, но не имеет права посещать Церковь.

Пролог

— Пошли, сестра, нам нужно уходить и как можно скорее! — уговаривала меня Мэй, торопясь вывести нас с Мэдди из уничтоженной общины. Ее любовник шел впереди, показывая дорогу.

— Нет! Я же сказала тебе, что никуда не пойду! — кричала я. При виде последователей Ордена, неподвижно лежащих на церемониальной площади, у меня подкосились ноги. Их разорванные пулями тела и безжизненные остекленевшие глаза говорили о том, что они мертвы.

— Лила, ну пожалуйста! — упрашивала Мэй и тянула меня за руку. Ее светло-голубые глаза молили о том, чтобы я следовала за ней.

Я попыталась сдвинуться с места, но в уши ворвались крики напуганных и обезумевших женщин. Я стояла и смотрела, как они беспорядочно мечутся, потому что их больше некому было направить и защитить. Посреди этого хаоса сновали орущие дети, а некоторые из них просто стояли и звали своих матерей, которых смело вместе с паникующей толпой. Мои единоверцы отчаянно пытались скрыться от затянутых в черную кожу отродий сатаны, которые решили покуситься на их веру.

Это была самая настоящая бойня.

Сцена, будто сошедшая со страниц Откровения¹.

— Лила! — снова закричала Мэй и обхватила мою щеку рукой, пытаясь привлечь внимание. Она явно беспокоилась за меня, но тем не менее была полна решимости утащить за собой.

— Я... я не хочу уходить, — прошептала я и оглянулась на Мэдди, которая в оцепенении послушно следовала за Мэй... словно агнец на заклатие.

— Я знаю, что ты не хочешь уходить, сестра. Но здесь небезопасно. Нам нужно убираться отсюда. Мы должны уйти во внешний мир.

— Во внешний мир? — широко распахнув глаза, я взвизгнула и задрожала. — Нет! Нет! Я не могу уйти во внешний мир. Это грех. Я должна остаться здесь. Чтобы спастись, мне нужно остаться здесь! Ты же это знаешь. Пожалуйста, не лишай меня шанса на спасение.

Я вырвала руку из ее захвата и начала пятиться назад.

— Мэй! Усмири эту гребаную девчонку, нам нужно разделиться! — сурово сверкнув голубыми глазами, закричал идущий позади Мэй мужчина с длинными светлыми волосами. Это человек, который убил брата Ноя, моего икупителя. Человек, который напряженно наблюдал за мной с той секунды, как я только вышла из клетки.

Темноволосый любовник Мэй, который стоял рядом с ним, свистнул и взмахом руки показал, куда нам идти. Мое сердце сжалось от страха и я, не отдавая себе отчета, побежала.

— Лила! — закричала Мэй, когда я бросилась в толпу перепуганных сестер. Я оглядывалась по сторонам, пытаясь найти укрытие и, увидев лес, рванула в его сторону.

Но я не успела сделать даже несколько шагов, как огромное тело обхватило меня

руками и оторвало от земли.

Я кричала, не переставая, когда сильная и крепкая рука, затянута в кожу, обняла меня за талию. А потом он рванул вперед, отчего я пришла в ужас и начала рыдать.

— Пожалуйста... пожалуйста,пусти меня! — умоляла я, но неожиданно мне на щеку упали длинные светлые волосы, а уха коснулись теплые губы, отчего я мгновенно замолчала.

— Нет, сладкие щечки. Ты идешь с нами, поэтому прекрати пытаться унести свою сексуальную попку подальше. Я не против любоваться твоей идеальной задницей хоть весь день, но Мэй хочет, чтобы ты была в клубе. Поэтому ты, черт возьми, едешь в клуб.

У меня перехватило дыхание от того, как разговаривал со мной этот незнакомый блондин, и я замерла в его руках, боясь даже пошевелиться. Я боялась того, что иначе меня постигнет участь братьев, которые бездыханными лежали на земле.

А потом я осторожно повернула голову и увидела того, кто нес меня в руках так, будто я ничего не весила. Это оказался блондин, тот, который непрерывно пялился на меня так, как будто хотел проглотить.

Мужчина, с первого взгляда на которого, у меня заныло в груди.

Мы подбежали к Мэй и Мэдди. Первая посмотрела на меня с облегчением, а вторая — с сочувствием. Блондин так и не выпустил меня из рук, а наоборот, стал сильнее прижимать к груди, пока я не прекратила вырываться. А потом усадил в машину, в которой уже находились мои сестры, и забрался следом вместе с остальными отродьями сатаны. Все это время его взгляд оставался прикованным ко мне.

Воцарилась оглушительная тишина. Я в последний раз посмотрела на свой дом, а потом широкие двери захлопнулись, и всё погрузилось в темноту.

Я изо всех сил пыталась сдержать крик, но неожиданно почувствовала, как Мэй взяла меня за руку. Я немного успокоилась и поэтому закрыла глаза и начала тихо молиться. Я обратилась к своей вере и поклялась Господу, что не сойбюсь с пути, а потом, стоя на четвереньках, начала раскачиваться взад и вперед, чувствуя, как Святой Дух наполняет меня своим теплом.

Вскоре эта машина остановилась, широкие двери открылись, и Мэй повела нас наверх, в маленькую комнату, а потом оставила одних, чтобы пойти и раздобыть еду. Но я все равно не смогла бы съесть ни кусочка, потому что от страха у меня так сильно скрутило живот, что я чуть не упала. Пока я осматривалась, Мэдди стояла позади меня, а потом взяла меня за руку и крепко сжала ее. Этот жест сказал о том, что она тоже напугана.

— Как думаешь, мы будем здесь в безопасности? — практически шепотом спросила Мэдди.

Я, а следом за мной и Мэдди, подошла к окну и посмотрела на безбожников, которые убили моих братьев. Они пили и смеялись во дворе и от их страшных черных одеяний и греховного поведения у меня по спине пробежали мурашки.

— Ну, так что ты думаешь, Лили? — повторила свой вопрос сестра.

Я повернулась к Мэдди, обняла ее и сказала:

— Нет, Мэдди. Навряд ли мы будем здесь в безопасности. На самом деле я думаю, что Мэй смогла ввергнуть нас в пучину ада.

Месяц спустя...
Церемония Ку-клукс-клана
Остин, Техас

Кай

Что за херня?

Усевшись на корточки в грязи рядом с моими братьями Стиксом и Викингом, я с открытым ртом наблюдал, как кучка тупых реднеков² маршировала в своих зачуханных белых балахонах вглубь леса на территории фермы Джонни Лэндри. Все происходило как в кино: обдолбанные члены клана, подняв горящие факелы вверх и скандируя «Власть белым», обступали огромный деревянный крест, установленный точно в центре поляны. Крест была облит керосином — гребаным одеколоном клановцев.

Парень в красном балахоне и с факелом в руках сделал шаг вперед.

— Это Джонни Лэндри, Великий магистр, — скрипя от злости зубами, прошептал Тэнк, устроившийся неподалеку от нас.

Лэндри высоко поднял факел и заорал:

— Во имя Господа!

Клановцы повторили его движение и прокричали хором:

— Во имя Господа!

— За страну! За расу! За клан! За огненный крест! — проревел Лэндри, и остальные сделали то же самое.

Вслед за этим они одновременно бросили свои факелы в основание креста, и в считанные секунды он вспыхнул как лесной пожар. Символ, который сделал этих мразей знаменитыми, полыхал на самом высоком холме, расположенном на землях Джонни Лэндри.

Их Великого магистра наконец-то выпустили из тюрьмы, и они решили отпраздновать это событие. Только нас забыли пригласить!

Но Палачи явились сами, без приглашения, и укрылись за деревьями с южной стороны холма. Мы хотели знать, собирается ли Лэндри мстить нам. Не так давно Стикс прикончил нескольких парней из клана, потому что эти гребаные ублюдки убили Лоис и стреляли в Мэй, чуть не ухайдокав и ее тоже. После этого Стикс обзавелся шрамом в виде свастики. Именно поэтому нам нужно знать, собирается ли Лэндри нападать на клуб.

Широко раскинув руки крестом, клановцы стали отступать от пламени, а потом остановились и, замерев, продолжили наблюдать за тем, как догорает крест.

— Гребаные ушлепки, — прошипел Тэнк. Я повернулся и увидел, что он, сжав кулаки, смотрит на своих бывших братьев, и на его лице отражается вся та ненависть, которая сжигала его изнутри.

Булл хлопнул Тэнка по спине. После того как тот сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, мы продолжили наблюдать за тем, что происходит.

— Господи Иисусе! — воскликнул Викинг, сидящий рядом со мной. — Кто-нибудь еще вспотел как монахини на огуречной ферме? Не пойму, как эти нацистские колпаки стоят так близко к кресту и не плавятся! — Вик схватился за ворот футболки, но внезапно посмотрел на АК и Флейма и спросил:

— Парни, а у вас случайно не найдется зефира? Можно было бы воспользоваться

ситуацией и забалачить сморсов³. — С этими словами он мечтательно посмотрел вдаль и прошептал про себя. — Бл*дь, я обожаю сморсы...

Флейм, который дышал как бешеный ротвейлер, посмотрел на Викинга и рыкнул.

Вик отпрянул от нашего психо брата и поднял ладони вверх.

— Бл*дь, мужик! Все нормально! Я просто говорю, что это бы хоть как-то скрасило то время, что мы здесь находимся. Ну кто станет сидеть у костра без сморсов?

— Это не гребаный костер, придурок! Это горящий крест клана! — резко ответил АК Вику, после чего тот быстро заткнулся.

Я посмотрел на рыжеволосого шутника и покачал головой, а потом заметил, как рассерженно смотрит на своего брата Стикс и толкнул его локтем, чтобы он успокоился.

— Воины! Мы собрались здесь, чтобы отметить начало новой миссии. Мы должны защитить нашу расу, или она будет уничтожена! — выступая вперед и привлекая к себе внимание, произнес Лэндри. Лица клановцев скрывали капюшоны, но они в волнении переступали с ноги на ногу, слушая, что он им проповедует.

— Грядет война! Поэтому мы должны быть бдительными и полностью сосредоточиться на нашей миссии. Мы соберем армию — силу, которая выступит против тех, кто хочет уничтожить нас. Больше никаких поражений! «Белые рыцари Техаса» станут сильными! Мы будем готовы дать отпор!

Тэнк оглянулся на Стикса, и я видел, что на его лице появилось обеспокоенное выражение.

— Грядет новый враг! Поэтому нам нужно вербовать новых воинов. Давайте защитим нашу расу и сохраним свою «белую» гордость!

— А что насчет старых врагов? — спросил какой-то невысокий задрот. — Палачи убили наших рыцарей, в том числе и моего брата. Они должны заплатить за это кровью!

Лэндри повернулся и направился к говорящему:

— Твой брат был слаб. Он позволил убить себя. Был недостаточно умен, чтобы одержать победу. Он провалил испытание. Они все провалили. Мы должны лучше сражаться.

Глаза Стикса превратились в щели.

— Ленни, бл*дь, умер! Эти долбаные Палачи тоже заслуживают смерть! — орал недомерок.

Лэндри, игнорируя его слова, прошел в центр круга и повернулся так, чтобы каждый клановец его видел.

— Теперь у нас есть новая миссия и для этого нужны новые верные и решительные люди. Мы будем служить более высокой цели! Битве, которая надвигается на нас. Очень скоро все прояснится!

Несколько минут спустя клановцы разошлись и направились к дому Лэндри, чтобы отпраздновать свою миссию. После них на поляне остался лишь догорающий крест.

Когда последний балахон удалился, и мы встали, Стикс повернулся к Тэнку.

— Думаешь, они оставят нас в покое? — знаками показал он, а я озвучил его вопрос.

— Похоже на то, — кивнул головой тот. — Если Лэндри отдает приказ, то любой, кто его нарушит — умрет. Судя по всему, у них назревает что-то крупное. Наверное, готовятся к межрасовой войне, которая, по их мнению, грядет, но все никак не наступит.

«Значит, остается только...» — прожестикнул Стикс, переходя к делам, но я оборвал его, не желая продолжать эту хрень. В клубе меня поджидала именная бутылка «Джека».

— Колумбийцы отгрузят новую партию оружия на следующей неделе. Уличные банды снова под нами после того, как долбанные фанатики Иисуса попытались взять их под свой контроль. Небольшие мотоклубы не переходят нам дорогу. Сенатор Коллинз делает все, чтобы федералы не совали свои гребаные носы в наши дела, и нет никаких признаков того, что назревают разборки с «Дьяблос», — произнес я и подмигнул своему лучшему другу, а закончив речь, отвесил шутливый поклон.

Стикс, недовольный моим поведением, сжал челюсти, но когда я поднял голову, жестами показал:

«Хорошо. Тогда все свободны».

Я хлопнул в ладоши и победоносно улыбнулся.

— Так давайте, бл*дь, вернемся в клуб и нажремся!

Я обнял Стикса за плечи, и мы направились к байкам, торопясь поскорее убраться из этого догорающего ада.

Час спустя мы зарулили на территорию клуба, который уже был набит кисками. Я спрыгнул с байка и повернулся к братьям.

— Ну что, начнем! Сегодня у нас слишком много шлюшек, а у меня всего лишь десять пальцев и один здоровый хер; я не могу удовлетворить всех!

— Мог бы хотя бы попытаться! — прокричал в ответ АК, направляясь в клуб.

Братья взорвались смехом и поспешили внутрь, чтобы разобрать шлюх и пойло.

Флейм, крутя в руке лезвие, направился в гараж, снова превращаясь в бешеного сторожевого пса, на которого он смахивал последние несколько недель.

Я подошел к Стиксу и хлопнул его по спине.

— Ты присоединишься к нам, брат?

Он покачал головой, и его темные волосы упали на лицо.

— С-собираюсь п-прокатиться с М-Мэй.

Я шутливо присвистнул и сказал:

— Черт, мужик, только не снова! Останься с нами, напейся и оторвись по полной. Не нужно сваливать со своей сучкой каждый раз, когда у нас вечеринка.

— О-она все еще учится ж-жизни во внешнем м-мире. Это будет для нее с-слишком, — ответил Стикс, пристально посмотрев на меня, и начал рассказывать о том, что Мэй пока еще мало чего знает о жизни, помимо того, что узнала в общине, и что он потихоньку учит ее всему.

— Понятно, — вздохнул я, когда Стикс полез в карман и вытащил сигарету. Неожиданно на ум пришел вопрос:

— Ты ведь пользуешься гондоном, когда трахаешь Мэй? В последнее время дела в клубе идут не очень и лишние проблемы нам ни к чему.

Стикс замер и уставился на меня. Я понял: никто не может говорить ничего плохого о Мэй, и она никогда не была проблемой. Этот ублюдок с ума сходил по своей сучке. Она была чертовски сексуальна: длинные черные волосы и потрясающие выразительные глаза, на которые молился мой брат. Стикс был одержим ею и готов был умереть за нее. Лично я никогда не стану таким из-за дырки.

Мне сразу вспомнились слова моего старика: «Киски нужно хорошо вылизывать и жестко трахать, а не поклоняться им».

Я поднял руки и отступил.

— Эй, я просто спросил, не будут ли вскоре вокруг моих ног бегать маленькие Стиксы.

Я пока еще не готов стать дядюшкой. А учитывая то, сколько вы трахаетесь, мне нужно было в этом убедиться.

В ответ на мои слова Стикс просто пожал плечами.

— Ты что, не пользуешься защитой, идиот? — прищурившись, спросил я.

— Н-нет. И если она з-залетит, то я б-буду р-рад. Я х-хочу, чтобы м-моя сучка была полностью м-моей. Я х-хочу, чтобы у нее б-были от м-меня д-дети. — сжав челюсти, произнес Стикс.

У меня отвисла челюсть, а потом я откинул голову назад и начал ржать.

— Бл*дь, Стикс! Обрюхатить ее до женитьбы! Сперва ты отхватил себе принцессу из какой-то ненормальной религиозной секты, потом провозгласил ее старухой Президента Палачей, сделав, грубо говоря, самой главной сучкой в этих стенах, а теперь она может залететь от тебя до того, как получит кольцо на палец!

Взгляд Стикса изменился и стал напряженным, но лицо оставалось спокойным. Это только еще больше развеселило меня.

— Мужик, ты заслужил право носить метку дьявола на своей спине. Ты полностью развратил сучку! Если раньше она и не думала попасть в Ад, то теперь ей точно от него не отвертеться!

Стикс, сжав кулаки, бросился вперед, но неожиданно дверь бара открылась и секунду спустя в нее вошла Мэй. Стикс отступил, но перед этим бросил на меня обозленный взгляд, по которому я понял, что заплачу за свои слова позже.

— Здравствуй, Кай, — как благовоспитанная старомодная леди поприветствовала меня Мэй, направляясь к Стиксу. Брат схватил ее за руку, притянул к себе, а потом, зажав в кулак черные волосы, впился в ее губы, не забыв при этом показать мне средний палец за спиной Мэй.

Парень сходил с ума по сучке и до того, как ее похитил Райдер, но с тех пор, как он заполучил ее назад, сделал собственностью, дал свою нашивку и ни на секунду не спускал с нее глаз. Они столько времени проводили за закрытыми дверями, что я был уверен, он трахал ее чаще, чем дышал.

— Ну теперь, когда все стало совсем уж неприлично, я пойду и нажрусь, — ехидно произнес я, когда Стикс застонал и, приподняв Мэй, прижал ее к стене.

Я протиснулся мимо них и направился в бар, где меня окутал сладкий запах кисок и рев Zerpelin. Подняв руки вверх, я прокричал:

— Шлюшки, снимайте трусики и увлажняйте киски. Ваш гребанный Бог секса, наконец-то, прибыл!

Шлюхи начали кружить вокруг меня, хихикая и лапая мой член. Братья же отметили мое появление поднятыми стаканами. Я двинулся напрямик к бару, и проспект вручил мне порцию «Джека» еще до того, как я уселся.

АК и Смайлер приземлились по обе стороны от меня, а потом схватили шлюшек и устроили их на коленях. АК наблюдал за тем, как Викинг обрабатывал двух бл*дей и посмеивался над ним. Смайлер, как всегда сидел с жалким видом.

К нам подошли Тэнк и Красотка, его блондинистая старуха, переживающая за всех и каждого.

— Привет, милый, как дела? — спросила она, целуя меня в щеку.

— Хорошо, но через часик будет лучше, потому что я нажрусь, раскинусь на кровати, и меня будут вылизывать близняшки.

Красотка неодобрительно покачала головой, когда АК в знак солидарности чокнулся со мной выпивкой.

— А как дела у Мэдди и Лилы? Они уже спускались вниз? — поинтересовалась она. Я покачал головой.

— Не-а, но я не прочь, чтобы сиськастая блондинка опустилась на меня. Черт, да я мечтаю, чтобы ее розовые губки сомкнулись вокруг моего члена.

И, черт меня подери, это была правда. От одной мысли о блондинке, стоящей передо мной на коленях, я чуть не кончил в джинсы. Конечно, это маловероятно, потому что упертая библейская психичка не станет отсасывать мой болт, если только он не превратится в позолоченное и благословленное распятие в руках пророка, этаким святой Грааль всех сладких кисок! Я прикусил губу, представив себе ее прекрасное лицо и эти сиськи... м-м-м. Я почти почувствовал на языке ее вкус.

— Кай! — раздраженно вскрикнула Красотка, вырывая меня из фантазии. — Ну неужели нельзя ответить на вопрос, не приплетая свой член! Ты такой придурок!

— Успокойся, сучка. Нет, не спускались. Они закрылись в комнате и наблюдают за нами из окна, думая, что мы — отродья Сатаны, которые только и ждут, чтобы отправить их святыне задницы в Ад.

— Ну, тогда они определенно правы, — засмеялся АК.

Красотка вздохнула и посмотрела в сторону двери, которая вела в комнату Стикса.

— Бедняжки. Только представьте, что вас отрывают от всего, что вы знаете, и приводят сюда? Они, должно быть, очень напуганы.

— Мэй как-то справилась с этим, а ей некому было помочь. Им просто нужно взять себя в руки, — пожав плечами, ответил я.

Красотка, поджав губы, посмотрела мне в глаза.

— Мэй сама решила покинуть гребаную секту. Она хотела уйти. А эти сучки наверху, даже несмотря на издевательства, не хотели никуда уходить. И тут, размахивая пушками, ворвались вы и убили человека, которого они считали Богом, а потом притащили их в логово разврата и бросили в четырех стенах. И вы ожидаете, что они к этому привыкнут? — затянула свою песню Красотка. — Они никогда не примут эту жизнь, потому что сделаны из другого теста. Но что с ними, черт возьми, произойдет, если они уйдут от нас? Куда они направятся? Что они будут делать?

Никто из нас не произнес в ответ ни слова. Если сестры уйдут, то Мэй расстроится, а Стикс ни за что не позволит этому случиться. Поэтому две сучки однозначно остаются здесь. И если это означает, что я хоть изредка, но буду видеть самую сексуальную из всех сучек, то я не против... как и мой двадцатипятисантиметровый член.

Послышалось громкое хихиканье и, когда я посмотрел за спины Тэнка и Красотки, увидел Тифф и Джулс. К нам быстро приближались мои двойняшки, знаменитые лизунишки. Эту сучку все делали вместе, абсолютно все. Ну, а они и между ними я — это равноценно охрененно проведенному времени.

— Кай, детка, — улыбаясь, прощепетала Тифф.

Красотка раздраженно вздохнула и, закатив глаза, хлопнула Тэнка по груди.

— Пора уходить, милый.

Тэнк помахал на прощание рукой, а АК и Смайлер направились играть в бильярд. Протянув руки, я прижал блондинок к груди и застонал, когда рука Джулс сразу же потянулась к моей ширинке и потеряла затвердевший член.

— Готов повеселиться, детка? Мы такие возбужденные! — прошептала Тифф мне в самое ухо.

Схватив руку Тифф, я положил ее поверх ладони Джулс и тоже прошептал:

— А разве эти каменные двадцать пять сантиметров тебе ни о чем не говорят?

Похотливая сучка облизала свои красные губы, а потом стянула меня со стула и потащила наверх. Через десять минут я лежал, раскинувшись на кровати — Тифф скакала на члене, а Джулс объезжала мое лицо.

Жизнь прекрасна!

2 глава

Ли́ла

— Мэдди! Я так больше не могу! Эта... эта музыка! Она — порождение дьявола! Ты слышала эти слова? Они отвратительные, мерзкие и порочные! О, мои бедные уши! Они истекают кровью от этого рева!

Я перевела взгляд на тихую и задумчивую Мэдди, которая, прижав ноги к груди и обняв себя за колени, сидела на кровати, пока я меряла шагами темный паркет.

— Где Мэй? Я немедленно должна с ней поговорить!

Мэдди раздраженно вздохнула и с тоской посмотрела на единственное окно в нашей маленькой комнатке, которую мы покидали в сопровождении Мэй лишь для того, чтобы совершить ежедневные молитвы возле реки. Квартира Стикса находилась над байкерским клубом «Палачи Аида». Не знаю, что это значит, но так они называли место, в котором мы были заперты.

Но я точно знаю, что это был суший ад, в котором мы вынуждены существовать после того, как нас оторвали от дома и от всего, что мы знали: общины, Ордена и Пророка. Мы были предназначены для избранников Божьих. Это был единственный способ заслужить спасение нам, грешным соблазнительницам, рожденным от дьявола. Но нас оторвали от наших людей и бросили в логово зла. Мы не знали, что стало с нашими братьями и сестрами после того, как их обстреляли «Палачи Аида». Они убили Пророка! И все это случилось всего несколько недель назад.

Я ненавижу это место. Ненавижу все: ежедневное пьянство и разврат, которые происходят внизу, в баре, насилие, которому я была свидетелем, оружие, а особенно мужчин. Особенно... его. Главного развратника «Палачей Аида». Мужчину, который при виде меня постоянно ухмылялся и совершенно непристойным образом облизывал губы.

Мужчину, от которого у меня бежали мурашки по коже. Может, он и красив снаружи со своими длинными светлыми волосами и ярко-голубыми глазами, но у него испорченная душа.

Ему нельзя доверять... Никому из них нельзя доверять.

— Она со Стиксом. Она всегда со Стиксом, Ли́ла, — устало произнесла Мэдди, вырывая меня из мыслей об этом сбившимся с пути распутнике.

Я опустила на кровать и раскинулась на черных шелковых простынях.

— Почему она приняла эту жизнь, Мэдди? Почему она может улыбаться, смеяться и вступать в плотские отношения со Стиксом, в то время как мы чувствуем лишь отчаяние? Почему мы день за днем чахнем здесь, запертые в этой клетушке? Мы в Аду, Мэдди... мы в

Аду!

Мэдди медленно перевела взгляд на меня и положила щеку на свое колено.

— Потому что она влюбилась, Лили. Она нашла недостающую часть своей души в Стиксе, — произнесла она, задумчиво глядя на меня.

А потом вздохнула и, послав мне слабую улыбку, добавила:

— Мы все должны молиться Господу, чтобы получить его благословление и найти того, кто будет нас любить и защищать от всего. С детства мы были вынуждены находиться с мужчинами, которых не любили. Разве тебе не хотелось бы любви мужчины, которого бы ты сама выбрала? Мужчины, который хотел бы от тебя большего, чем просто ритуальный сексуальный акт?

У меня отвисла челюсть.

— Нет, не хотелось бы! Как мы спасемся от лап дьявола в месте, которое полно его преданных поклонников! Ты же знаешь Писание, Мэдди. Только через Пророка и Господа нашего мы можем освободиться от первородного греха. Только через избранных, а не любого мужчину, который червем проскользнет между наших ног. Я видела, как они соблазняют женщин. Это отвратительно.

В зеленых глазах Мэдди появилась грусть, и она вздохнула, вновь бросая взгляд на темное небо, которое виднелось через окно нашей «клетки». Мой желудок сжался от страха.

Она потеряла веру.

Белла умерла.

Ну а Мэй жила грешницей.

Я — единственная, кто продолжал следовать праведному пути и единственная, кто может вернуть нас на него.

Внизу раздался выстрел. Мы с Мэдди подпрыгнули и в страхе сжались на кровати. На потолке начал раскачиваться абажур, а из комнаты под нами... из «Преисподней», как они ее называли, раздался хриплый смех.

Я села и стала с силой сжимать простыню в руках, пока не испугалась, что она может порваться. А потом я громко закричала и из моей груди вырвались недели... недели разочарования. Позади меня, вжавшись в стену, всхлипывала Мэдди.

«Ну все», — подумала я, теряя над собой контроль.

Я вскочила, расправила длинное серое платье и потянулась за белым чепцом. Повязав плотную ткань на голову и прикрыв свои длинные светлые волосы, я глубоко вздохнула и направилась к двери.

— Лила! Что ты делаешь? — в панике почти прокричала Мэдди. У нее округлились глаза, когда она поняла, что я настроена решительно.

— Я собираюсь потребовать, чтобы они немедленно прекратили веселиться. Я устала, Мэдди. Я не могу заснуть под этот непрерывный шум и боюсь спускаться вниз, чтобы ни один из грешников ненароком не коснулся меня. То как они смотрят на нас... это непристойно. Как будто мы запретный плод, который они хотя вкусить! Я устала... я так устала. Я больше не могу терпеть. От недостатка сна у меня болит голова. Я не могу есть, потому что от страха за то, что с нами станет в этом месте, у меня постоянно крутит живот. У меня так сжимается грудь, что я не могу дышать. Я слабею и чувствую, что ломаюсь. Я ломаюсь, Мэдди. Разваливаюсь на части, но никто меня не понимает и всем наплевать...

Мэдди отчаянно замотала головой.

— Лила, пожалуйста, давай подождем Мэй. Эти мужчины... они опасные. Ты же видела,

что они сделали с нашей коммуной. Не провоцируй их, Лила.

— Я должна попросить их остановиться. Я должна попытаться! — пронзительно прокричала я. — Мы больше не можем полагаться на Мэй. Она сбилась с пути и позабыла учение Пророка. Она слишком увлеклась Стиксом и не станет ничего слушать. Значит, осталась лишь я. Лишь я могу попросить их о тишине.

Мэдди упала на кровать и начала нервно грызть ноготь на большом пальце. Она снова ушла в себя, как и при любом упоминании о нашей вере. Я видела в глазах Мэдди, что ее преданность нашему Пророку ослабела. То, как она обрадовалась, когда несколько недель назад был убит брат Моисей, только подтверждало, что она подвергла сомнению наше божественное предназначение. Но Орден лишь выполнял волю Господа, когда старейшины с помощью ритуальных актов пытались избавить нас от лукавого.

Я закрыла глаза и сделала еще один глубокий вдох, а потом быстро открыла четыре засова и повернула ручку. Затолкав страх подальше и досчитав до трех, я открыла дверь только для того, чтобы оглушительно завизжать и споткнуться, больно ударившись при этом спиной о стену.

В узком коридоре, прямо напротив двери в нашу комнату, расположился на стуле этот татуированный дикарь, Флейм. Я знала, что он постоянно сидит здесь, потому что шпионила за ним в дверной глазок. Не знаю, то ли он сторожил, чтобы мы не сбежали, то ли просто охранял нас, но этот мужчина очень редко покидал свой пост.

Глубокие черные глаза Флейма были сосредоточены на длинном серебряном лезвии, которое он держал в руке... лезвии, которое резало испещренную многочисленными шрамами внутреннюю сторону предплечья. Он возбужденно дышал и облизывал губы, а из штанов выпирал эрегированный член.

Я всхлипнула, не в силах сдержаться, и Флейм перевел свой встревоженный взгляд на меня. А потом рыкнул, недовольный тем, что его прервали, и я в страхе попятилась назад.

Нож с грохотом упал на пол, а натянутый как струна Флейм вскочил на ноги. Я попыталась слиться с дверью, но неожиданно позади меня раздался скрип половицы, и его внимание переключилось на этот звук.

Флейм медленно выдохнул и сжал руки в кулаки. С предплечья, которое он резал, на пол стекали капельки крови. Я проследила за его взглядом и увидела Мэдди, которая сидела на краю кровати и восхищенно смотрела на Флейма своими зелеными глазами. А потом она спокойно посмотрела на лужицу крови и тяжело сглотнула.

Я начала медленно подниматься, но Флейм заметил мое движение. Его дыхание стало тяжелым, а взгляд диких черных глаз заметался между Мэдди и мной.

— Иди вниз, Лила и делай, что собиралась, — мягко произнесла Мэдди. — Если мы поспим, то ты успокоишься.

— Я не оставлю тебя с ним наедине. Ты что, сошла с ума? Он выглядит так, как будто готов кого-нибудь убить!

Мэдди расслабила плечи и посмотрела в мою сторону.

— Я уверена в том, что Флейм не причинит мне вреда. — Она снова встретилась с ним взглядом и покраснела. — На самом деле, он единственный мужчина, с которым я чувствую себя в безопасности.

Я повернула голову и посмотрела на Флейма, пытаясь увидеть в нем то, что заметила Мэдди. На нем были черные кожаные штаны, черная облегающая футболка и кожаный жилет, такой же, как носили они все. На груди висели ножи и оружие, а все тело этого

бородатого и растрепанного мужчины, покрывали татуировки.

От усталости я пошатнулась, и Мэдди воскликнула:

— Лила. Иди, пока не упала тут в обморок! — сказав это, она вновь уселась на кровать и стала смотреть в окно. Флейм опустил на пол возле дверного проема, взял новый нож и, не отрывая взгляда от Мэдди, снова начал резать свое предплечье.

Внизу раздался еще один громкий выстрел, от которого задрожал висящий в коридоре светильник. Мэдди, погруженная в свои мысли, даже не обратила на него никакого внимания. Флейм был занят собственным кровопусканием, поэтому я могла спуститься вниз и бросить вызов возмутительному поведению этих животных.

Осторожно обойдя Флейма, я спустилась по лестнице в коридор, который вел в клуб. С каждым шагом шум становился все сильнее, а когда громкая музыка сотрясла деревянные стены, я вздрогнула. Никогда в жизни я еще не была так зла и так отчаянно не нуждалась во сне.

Я остановилась возле стальной двери, которая вела в эту обитель зла, и настроилась на то, чтобы сразиться с неверующими. Трясущейся рукой я потянулась к ручке и на мгновение засомневалась. Если бы я осмелилась бросить вызов мужчине в общине, то меня бы жестоко наказали. Выпороли. Изуродовали. Или раскаленным железом поставили бы клеймо в виде распятия. Но там я знала свое место. У нас все было организовано и подчинено порядку, и женщины никогда не оспаривали поступков мужчин. В этом же клубе царили свободные нравы, и все делали то, что хотели, невзирая на чувства других людей, которые находились здесь.

Я всегда была самой покорной из Окаянных, той, что постоянно оставалась в рамках и не переступала границ, в отличие от бедных Беллы и Мэй. Но дни без сна, недостаток еды и страх перед неизвестностью толкали меня сделать то, на что бы я никогда не решилась.

— Кай! Оторви шлюх от члена и двигай, черт возьми, сюда! — перекрывая музыку, прокричал чей-то голос. У меня сжался желудок, так как я знала, что мне предстоит увидеть не самые приятные вещи. Из окна нашей комнаты я уже лицезрела такие сцены, о которых даже не могла и помыслить.

Господи, дай мне сил, чтобы справиться. Дай мне сил, чтобы противостоять всему нечестивому.

Услышав звон стаканов и мужской смех, я открыла глаза, повернула ручку и толкнула дверь.

Густой дым обволакивал помещение, а в воздухе висел запах мужского пота, алкоголя и сексуальных соитий. Преодолевая тошноту, я смело шагнула в это безумие.

И... в страхе замерла.

Комната была забита полуголыми женщинами, которые вливали алкоголь в мужские рты, некоторые из них держали стаканы прямо между своими обнаженными грудями. Как бы мне хотелось, чтобы это было худшим из увиденного. Но вид женщин, принимающих мужчин в рот, или, широко разведя ноги, в свое лоно, или грешащих с другими женщинами, вызывал у меня отвращение.

Все, что они делали, было неправильным и греховным.

Я попыталась найти Стикса и Мэй, но не смогла разглядеть их сквозь густой сигаретный дым.

Прочистив горло, я сделала глубокий вдох и попросила:

— Вы не могли бы уменьшить громкость?

Ни один человек не услышал меня и не посмотрел в мою сторону.

Расправив плечи, я попыталась еще раз:

— Пожалуйста! Кто-нибудь! Не могли бы вы выключить музыку? Я устала и хочу отдохнуть.

Помещение взорвалось смехом и по моему телу поползли мурашки. На мгновение, я подумала, что смеются надо мной, но никто так и не взглянул в мою сторону. Мои мольбы остались незамеченными.

Я думала о том, что делать дальше, когда кто-то подошел ко мне сзади, схватил за руку и сжал ее. Быстро развернувшись, я вырвала ее и встретила взглядом с высокой светловолосой женщиной... женщиной Кая, одной из тех, с которыми он насмеялся надо мной, когда я наблюдала за ним из окна своей «клетки».

Я отошла от нее подальше, но она последовала за мной. Женщина была одета в короткую кожаную юбку, а сквозь прозрачную черную ткань блузки можно было разглядеть ее грудь. Ее зеленые глаза были густо накрашены, а на губах алая помада.

— Не нужно быть такой недотрогой, дорогуша. Здесь не место для стеснительности. Ты такая красивая. Понятно, почему Кай не может отвести от тебя глаз и хочет трахнуть тебя.

У меня пропал дар речи, когда женщина снова подошла ко мне и, прижавшись грудью, попыталась пальцами с ярко-красными ногтями освободить мои волосы из-под чепчика.

Когда она развязала его, я вышла из ступора и, ахнув, начала лихорадочно завязывать обратно. Закончив, я повернулась, чтобы убежать, но из-за дыма не смогла разглядеть дорогу. В панике я неслась сквозь толпу пьяных мужчин и женщин.

Не нужно было спускаться сюда. Это самая что ни на есть настоящая обитель зла.

Мужчины и женщины протягивали руки, пытаясь схватить меня. Они насмеялись надо мной, и это только усиливало мой страх.

Я лихорадочно пыталась найти выход, но неожиданно наткнулась на большую и черную коробку, которая извергала звуки, причинявшие боль моим ушам. Это был источник музыки. Я обвела взглядом комнату, и мое лицо озарила вспышка гнева. А потом я изогнулась, чтобы дотянуться до длинного кабеля и с силой... выдернула его.

В то же мгновение музыка стихла. Я облегченно вздохнула и не смогла сдержать улыбку.

И только после этого поняла, что в помещение стало абсолютно тихо.

Почувствовав десятки взглядов, прожигающих мою спину, я медленно развернулась, так и продолжая сжимать черный кабель в руке. Все бросили свои занятия и замерли, а я перестала дышать, когда из сигаретного дыма начали выходить мужчины — Палачи. По их кожаным жилетам, я поняла, что это были лидеры.

У первого мужчины волосы были короче и темнее, чем у остальных, а на лице было написано любопытство. Он был не таким страшным, но все равно его вид был пугающим. Вторым был огромный мужчина с рыжими волосами и очень длинной бородой такой же цвета. Он похотливо улыбался мне, прикусив нижнюю губу. Следующий мужчина с каштановыми волосами и добрыми глазами, был сухощавым и не таким мускулистым. Последними появились лысый мужчина и, вцепившаяся в его руку улыбающаяся светловолосая женщина. Судя по ее виду, она хотела подойти ко мне, но моя напряженная поза, должно быть, остановила ее. Я видела ее из окна комнаты — с Мэй. Она показалась мне милой, но я здесь не за тем, чтобы заводить дружеские отношения. Я вообще не собиралась надолго оставаться здесь.

Очень скоро за нами придут последователи Ордена, и тогда все встанет на свои места. И мы еще сможем быть спасены.

— А ну, бл*дь с дороги! Что происходит? Кто, черт возьми, выключил Zeppelin? — невнятно прорычал мужской голос со стороны бара.

Толпа расступилась и появилась знакомая фигура мужчины: высокая, мускулистая, с длинными до плеч волосами, с короткой русой бородой на красивом лице и самыми пронзительными голубыми глазами, которые я когда-либо видела.

Это был Кай.

При виде него у меня перехватило дыхание, сжался желудок и заныли бедра.

С плотно сжатыми от гнева губами он продвигался вперед. Встретившись со мной взглядом, Кай немного смягчился и тихо вздохнул.

Опасаясь, что у меня подогнутся колени, я сделала шаг назад и прислонилась к музыкальной коробке.

Кай, одетый в белую облегающую футболку и синие приспущенные джинсы, направился ко мне, на ходу пожевывая тонкую деревянную палочку, которая была зажата между зубами.

Я не могла ни говорить, ни думать, ни дышать. Протянув руку назад, я схватилась за тумбу, чтобы не упасть. Меня окутал запах сигарет, исходящий от Кая. Сердце начало стучать, как сумасшедшее, а по венам заструилась кровь.

При виде моей прикрытой одеждой фигуры, у него раздулись ноздри, и помутнел взгляд.

Он не остановился в трех шагах от меня, как было предписано делать братьям в общине. И не стал держать между нами дистанцию, положенную для мужчины и женщины, которые находятся в общественном месте. Нет, вместо этого Кай подошел так близко, что его грудь прижалась вплотную к моей, а сам он возвысился надо мной.

Я почувствовала его пристальный взгляд и зажмурилась, чтобы не видеть этого ужасного мужчину. Рядом с ним я теряла самообладание. Он был груб и неразборчив в сексуальных связях, но, несмотря на то, что разум предупреждал меня о его греховной и соблазнительной сущности, сердце предавало мою добродетель и отчаянно стремилось оказаться поближе к нему. Это прекрасное лицо и фигура искушало мое тело принять его. Он был моим запретным плодом, от которого нужно держаться подальше.

— Ты, — вздохнул Кай. Когда его губы коснулись моей щеки, я почувствовала сильный запах спиртного. Я попыталась отодвинуть голову, но он обхватил меня рукой за щеку, не давая сдвинуться с места.

— Посмотри на меня, сучка. Я хочу видеть эти проклятые голубые глаза.

Я попыталась сохранять спокойствие, но не смогла сдержать нарастающую во мне панику.

Внезапно я почувствовала ладонь на своей груди и начала всхлипывать. Дрожа, я проклинала себя за то, что спустилась сюда. Я повела себя неподобающим образом и теперь расплачивалась за это. Господь наказывал меня за то, что я добровольно ступила в этот Ад.

— Пожалуйста... дай мне уйти, — с закрытыми глазами умоляла я.

Кай придвинулся ближе, и теперь я чувствовала, как его твердые мышцы прижимаются к моей груди. Я попыталась справиться со страхом, но ничего вышло. Кай провел рукой по моей шее, подбираясь к завязкам на чепце.

— Почему ты прячешь эти золотистые волосы, детка? Они охренительно красивые. И ты сама охренительно красивая сучка, — прохрипел он и потерся небритой щекой о мою. Я

почувствовала, как его руки сняли чепец, а потом он вытащил из пучка на голове шпильки, и мои волосы рассыпались по спине, доставая до самого копчика. Увидев это, Кай издал длинный болезненный стон.

Когда он зарылся руками в мои волосы, у меня на глазах выступили слезы. Кай наклонился, сделал глубокий вдох и потерся бедрами о мой живот.

— Черт, сучка. Я мечтаю довести тебя до оргазма с тех пор, как увидел тебя. Я хочу тебя подо мной и на мне. Хочу, чтобы твоя тугая киска плотно сжимала мой член. Я хочу тебя трахать и слышать, как ты кричишь... вылизывать тебя, пока ты не сможешь больше выносить этого...

Я прерывисто выдохнула, чувствуя боль в груди от его грубых слов.

Теплое дыхание Кая скользило вниз по моей щеке, пока я не почувствовала что-то влажное на губах. Когда я поняла, что это, то распахнула глаза. Это был язык... его язык, которым он пробовал мою кожу на вкус.

Я уперлась руками в широкую грудь Кая, собираясь оттолкнуть его, как воздух прорезал громкий, оглушительный свист.

Кай убрал язык, прижал свой лоб к моему и раздраженно вздохнул. Кто-то протопал к нам по деревянному полу и неожиданно оторвал Кая от моего застывшего тела и швырнул в стену позади меня.

С широко открытыми глазами я наблюдала за тем, как Стикс схватил его за горло и поднял вверх. Но Кай так и не отвел от меня глаз. Когда наши взгляды встретились, он застонал и прикусил губу, а потом обхватил рукой свое естество, которое выпирало из штанов. Зарывав, Стикс замахнулся и ударил Кая по лицу. Я затряслась, желая покинуть это место как можно скорее, чтобы не стать свидетельницей насилия.

Я отвела взгляд от Стикса, тащившего Кая в свой офис, и только тогда заметила, что за мной наблюдал весь клуб, пока их не разогнал мужчина с короткими каштановыми волосами.

По моим щекам потекли слезы.

О чем я думала, когда спускалась сюда? Это место развращало мою душу. Вынуждало меня вести себя неподобающим образом. Женщины не имели права бросать вызов мужчинам, а я действовала бесстыдно и так не похоже на себя.

— Лила? Ты в порядке? Что ты тут делала одна? — Внезапно появилась Мэй и положила руки мне на плечи. Ее голубые глаза были наполнены любовью и сестринской заботой.

— Я-я-я просто очень устала и запуталась. Я хотела остановить эту громкую, непристойную музыку. Мне нужно поспать. Я так устала, Мэй. А потом он... он дотронулся до меня... распустил мои волосы... прижался своим ртом к моей коже... — не переставая качать головой, произнесла я.

Из моих губ вырвался всхлип, и Мэй крепко обняла меня.

— Он распустил мои волосы, сестра. Запятнал мою скромность перед всевидящим оком Господа. Я ввела его в искушение, и он дотронулся до меня. Я ввела в искушение еще одного мужчину, Мэй... Он говорил такие непристойные вещи... говорил о том, что хочет сделать со мной. Он попал под мои чары. Еще один. Пророк Давид предупреждал, что мы — соблазнительные ловушки, и это правда! Он говорил, что хотел меня трахнуть... вкусить меня... — Я вздрогнула от отвращения, не в силах повторить все, что говорил мне Кай.

— Шшш... Лила. Успокойся. Ты не зло, как нам твердили всю жизнь. Ты не

искусительница. Ты красива, а быть красивой — это не грех.

— Ты богохульствуешь, Соломея. Ты пренебрегаешь Писанием и лжешь, — не в силах поверить в ее слова воскликнула я.

Лицо Мэй окаменело. Я никогда не видела ее такой рассерженной.

— Прекрати, Лила. Я не лгу. Я говорю правду, а вот то, во что нам всю жизнь нужно было верить, — ложь, — сказала она, поглаживая мои руки. — Я и сама все еще учусь понимать этот мир. Каждый день — это урок и возможность научиться чему-то новому. Ты должна попробовать это, Лила. И ты и Мэдди — вы обе должны попробовать.

— Я не хочу так жить, Мэй. Я верую в учение Пророка, и ничто не изменит этого. Мы — искусительницы. Вспомни, как вел себя со мной Кай!

— Во-первых, пророк Давид мертв, Лила. Ордена больше нет. И чем быстрее ты это примешь и попытаешься научиться жить заново, тем лучше для нас всех! А во-вторых, Стикс сейчас разговаривает с Каем, и он будет наказан за то, что унизил тебя и прикасался к тебе вопреки твоей воли. Кай постоянно напивается и отвратительно себя ведет. За время моего пребывания здесь, я поняла, что это обычное для него поведение.

Мэй откашлялась и с беспокойством посмотрела на меня.

— Кай был очарован тобой с первого взгляда. Я сама это видела, когда ты вылезла из клетки в общине. И это не потому, что в тебе сидит дьявол и не потому, что ты ведьма, заманивающая его в свои сети, как заставлял нас верить брат Ной. Это потому, что ты светленькая, стройная и красивая, именно тот тип женщины, который нравится Каю. Он напорист и не стыдится делать женщине непристойные предложения. Этот клуб очень похож на нашу общину...

— Каким это образом? — оборвала я ее, опасаясь за свою добродетель.

— У них есть свои собственные правила и убеждения, которые ограждают их от внешнего мира. Кай второй по старшинству в клубе и у него есть определенные привилегии, — вздохнув, ответила Мэй.

— Это как брат Гавриил был вторым после Пророка Давида?

— Да. И поэтому он имеет большое влияние среди Палачей. К тому же, если ты не заметила, Кай симпатичный... — Мэй внимательно посмотрела на меня, и я быстро опустила голову, пытаясь скрыть румянец на своих щеках. Любому, у кого есть глаза, было件нятно, что я это заметила. Когда я вышла из той ужасной клетки, он был первым, кого я увидела. И он был таким... грозным. — Поэтому у Кая нет недостатка в женщинах.

Я потрясла головой, пытаясь выкинуть все эти мысли из головы и натолкнулась на выжидающий взгляд Мэй. Я подумала о Господе и сосредоточилась на своей вере.

— Это неправильно, — выпалила я, и плечи Мэй поникли. — Вести себя так — это неправильно и грешно. Я не одна из его распущенных женщин, Мэй. Со мной нельзя играть и обращаться как с собачонкой! Я должна оставаться чистой. Только братья и последователи Ордена имеют право на соитие со мной, когда мы отдаем Дань Господу. Это единственный способ избавиться от дьявола, который владеет моим телом и душой. Кай, этот варвар, не достоин этого права. Он не верит в Господа! Как меня можно будет спасти после прикосновений приверженца Сатаны? Все, чего я хочу — это быть спасённой... искупить свою вину в глаза Господа нашего...

По моим щекам потекли слезы, и я начала икать. Неожиданно я пошатнулась от слабости. Прекрасные светло-голубые глаза Мэй смягчились, и она придержала меня за руки, а потом поцеловала в макушку.

— Шшш... я знаю, — попыталась успокоить меня Мэй. — Поэтому Стикс и утащил его отсюда. Клянусь, Кай будет наказан за это.

Вырвавшись из захвата Мэй, я посмотрела на дверь, ведущую на улицу. Я знала, что должна сделать.

— Я должна... я должна помолиться. Очиститься от грехов, смыть с себя похоть и грязь, — объявила я.

Мэй потянулась и осторожно сжала мою руку, а я отпрянула от нее.

— Нет, Мэй! Я должна искупить свои грехи! Я собираюсь пойти к реке, чтобы помолиться! Я чувствую себя грязной... Я грязная... Это место... Как ты можешь так жить, Мэй? Я буду молиться и за твою душу, сестра. Я буду молиться, чтобы ты вновь встала на путь истинный.

Не оглядываясь назад, я направилась к двери и вышла на свежий воздух. Мне не хотелось видеть боль на лице Мэй. Я любила ее и хотела, чтобы она тоже была избавлена от лукавого. Мы — Окаянные и попадем в Ад, если не будем спасены. Я все еще верила в то, что наши люди, наш Пророк воскреснет, как Иисус. Так было написано в Писании, и я могу наизусть зачитать это.

Я побежала по зеленой тропинке к маленькой речке, протекавшей за клубом, и упала на колени, прижимая руку к вздымающейся груди. Неожиданно я почувствовала, что в кармане что-то лежит. Я опустила голову и, увидев завязки от чепчика, с облегчением закрыла глаза. Мэй, должно быть, вернула его мне.

Я перевела взгляд на темную, покрытую рябью воду, и сосредоточилась на том, чтобы успокоить биение сердца. Течение реки было сильным, но мне нужно было смыть мерзкие и непристойные прикосновения рук и языка этого мужчины... Мне нужно было смыть с себя его грязь.

Я достала чепец и, скрутив волосы в тугий пучок, повязала его обратно на голову. Сделав это, я мгновенно успокоилась и снова стала правильной и скромной.

Закрыв глаза, я подняла голову к небу и открыла сердце свое Господу.

«Господи Иисусе, забери меня, пожалуйста, из этого проклятого и нечестивого места. Забери меня в свои любящие руки и спаси от зла, живущего во мне. Спаси всех Окаянных, порожденных самим Сатаной...»

3 глава

Кай

— Стикс, отпусти меня, черт возьми!

Волоча мою пьяную задницу за волосы, Стикс зашвырнул меня в офис и снова врезал по губе, в этот раз разбивая ее.

Я отлетел к столу и, опершись правой ладонью о деревянную поверхность, выпрямился. А потом развернулся, чтобы показать Стиксу средний палец. Я чувствовал, как из губы по подбородку и прямо на бороду стекает кровь. Стикс стоял передо мной со скрещенными на груди руками и его мышцы четко прорисовывались сквозь ткань футболки. Этот ублюдок был тяжелее меня, но ниже. Когда дело доходило до драки, мы обычно были на равных. Но я не хотел драться с лучшим другом. Я был настолько пьян, что у меня не было ни шанса на

победу.

— Хватит, черт побери. Ударишь меня еще раз и пожалеешь об этом, — невнятно пробормотал я, стирая с лица кровь тыльной стороной руки.

Стикс самоуверенно ухмыльнулся и сделал шаг вперед. Я приготовился к драке, но вместо этого Стикс поднял деревянный стул и, рыча, бросил его через всю комнату. Я решил не обращать на это внимание и закрыл глаза, пытаюсь унять головокружение. Так и не сумев это сделать, я попятился назад и уселся на край стола.

Услышав приближающийся ко мне топот тяжелых ботинок Стикса, я медленно открыл глаза и прищурился, так как яркий свет люминесцентной лапы под потолком только усилил головную боль, вызванную чрезмерным употреблением виски. Стикс встал прямо передо мной — лицом к лицу, ботинком к ботинку. Я видел, что он пытается что-то сказать, но будучи возбужденным, вот так как сейчас, парень теряет свой гребаный голос. Отсюда и прозвище — «Немой Палач». В такие моменты этот огромный ублюдок мог говорить только со мной, ну и теперь со своей сучкой Мэй. Но прямо сейчас он не мог выражаться словами, отчего я почувствовал себя охрененно виноватым.

Я медленно выдохнул и, сдаваясь, поднял руку вверх.

— Успокойся, бл*дь. Сосредоточься на том, что хочешь сказать. Я все понимаю. Я напортачил, и ты зол на меня... снова. Но сейчас у меня двоится в глазах, так что давай устроим перерыв.

Губы Стикса сжались в тонкую линию. Он потер лоб, а потом начал мерить шагами комнату, кашляя и растирая горло. Я знал, что он старается взять себя в руки, чтобы поговорить, поэтому встал, опустил на стул, и попытался собрать глаза в кучу.

Нет. Ни черта не помогло!

У меня было такое чувство, что быстро это не кончится.

Закрыв глаза, я попытался не думать ни о чем, но не смог выкинуть из головы мысли о сладкой киске этой светловолосой сектантки. О киске, которую я мечтал усадить на себя, чтобы она скакала на моем члене как наездник на лошади. Бл*дь, она была сексуальной: голубые глаза, светлые до задницы волосы, полные сиськи, которые я прижимал к своей груди. Упругие, натуральные сиськи, которые я хотел бы украсить своей спермой, и меж которых хотел бы засаживать свой член до тех пор, пока не сойду со своего гребаного и повернутого на сексе ума. Боже! Даже при мысли об этом мой член становился твердым, как десятифутовый стальной шест.

— К-К-Кай!!!

Сделав резкий вдох, я открыл глаза и увидел Стикса, который стоял прямо передо мной и смотрел так, как будто собирается разодрать мне глотку. Он провел руками по своим темным волосам и неожиданно я осознал, что, думая о блондинке, потирал свой член.

Черт, я был пьян в стельку.

Стикс развернулся и прислонился к стене.

— Стикс, я, — произнес я, подняв руки вверх.

— Я г-говорил т-тебе, б-бл*дь, держаться, от н-нее п-подальше. Я п-приказал, как т-твой През! — прервал меня Стикс, сильно заикаясь практически на каждом слове.

— Я знаю! Ну что я могу сказать? Я нажрался и неожиданно увидел ее в баре. Она стояла и смотрела на меня своими огромными голубыми глазами... а еще эти ее пухлые губки, которые я не могу выкинуть из головы... Черт, Стикс, она моя идеальная женщина! Я ничего не мог с собой поделать. Говорю тебе! Эти сиськи! Задница... Я, бл*дь, хочу ее!

— Х-хочет он! — прорычал Стикс. — Т-ты в-всегда д-думаешь т-только своим ч-членом! — Стикс сжал переносицу, а потом опустил руку и снова посмотрел на меня. — М-Мэдди и Л-Лиля не в-выходят из к-квартиры. М-Мэй, ч-черт в-возьми, с-сходит с ума из-за этого. Ф-Флейм в-ведет с-себя еще б-более с-странно, ч-чем обычно и н-не отходит от их д-двери. М-меньше в-всего м-мне н-нужны п-проблемы и от т-тебя.

Я кивнул и, наклонившись вперед, обхватил голову руками. Стикс ударил кулаком в стену.

— Я н-не м-могу п-потерять М-Мэй. Я уже п-пережил это один р-раз и н-не п-потеряю ее снова. Н-нужно, ч-чтобы эти с-сучки н-наверху успокоились, п-прекратили ш-шарахаться с-собственной т-тени и п-привыкли к ж-жизни в-вдали от этих г-гребаных в-верующих п-придурков.

Чувствуя свою вину перед братом, которому было больно при мысли о том, что он может потерять свою старуху, я собрался что-нибудь сказать, но неожиданно открылась дверь и в офис зашла раздраженная Мэй, одетая в черные джинсы, майку с эмблемой Палачей и кожаный жилет с надписью: «Собственность Стикса».

Помяни дьявола...

Стикс мгновенно оторвался от стены, чтобы подойти к ней, но она выставила перед собой руку и, в ярости направилась ко мне. Черт, у нее в глазах стояли слезы.

Отлично. Нет ничего хуже плачущей сучки, которая пришла по твою задницу.

Остановившись в нескольких шагах от моего стула, Мэй положила руки на бедра и взорвалась:

— Как ты смеешь так обращаться с моей сестрой! — прошипела она. Я услышал, как позади нее в отчаянии простонал Стикс, прикрывая лицо руками. — Она сидит в этой комнате целыми днями... вот уже несколько недель. Не важно, что я рассказываю им с Мэдди о внешнем мире и жизни вне Ордена, они продолжают выходить из нее лишь для того, чтобы помолиться. И Лиля, и Мэдди считают, что зло существует, и оно овладеет ими, как только они переступят порог комнаты. Лиля не верит ни одному моему слову и не хочет отказываться от своей веры. А Мэдди... боже... Мэдди практически не говорит. Она просто сидит и постоянно смотрит в окно. Она полностью закрылась, а Лиле становится хуже с каждым днем, проведенным вдали от общины! — Мэй развернулась к Стиксу и продолжила: — Тебе нужно снова поговорить с Флеймом. Если он не уезжает по делам клуба, то сидит возле квартиры и режет себя. Лиля от этого в шоке. То, что он делает, только тормозит процесс их выздоровления.

Стикс поднял руки и произнес:

— Этот с-сученыш не х-хочет д-делать т-то, ч-что я г-говорю. Он с-сказал, ч-что охраняет их, п-пока р-режет себя. Х-хрен з-знает от к-кого т-только. Н-но т-то, ч-что он с-сидит п-под их д-дверью, с-совсем н-не плохо, п-потому ч-что н-никто н-не з-захочет с-связываться с Ф-Флеймом.

Мэй вздохнула и повернулась ко мне. По ее щекам текли слезы.

Вот черт!

— Пожалуйста, Кай, оставь Лилу в покое. Я знаю, ты думаешь, что она тебе нравится. Да, она невероятно, умопомрачительно красива... но у Лилы очень большие проблемы с психикой. Я хочу, чтобы ей стало лучше. Я хочу, чтобы она оставалась здесь, со мной. Ты понятия не имеешь, как с нами обращались всю жизнь, и почему она так ведет себя. Мужчины с садистскими наклонностями часто брали нас против воли и заставляли делать

отвратительные вещи во имя Господа. Это то, что мы должны были принять, и к чему нам нужно было стремиться. У нас никого не было, кроме нас самих. Мы были заклеены соблазнительницами, и Лида верила, что те мужчины и их действия спасали нас. Она до сих пор верит в это. Верит в то, что должна вернуться к ним, чтобы обрести спасение. Я лишилась веры. А Лида только укрепилась в ней.

Мэй бросила взгляд на Стикса, который тяжело дышал и выглядел так, словно аршин проглотил. Я знал, что ему не нравится слышать о мудаке, который насильствовал его сучку большую часть ее жизни. Мерзавец, естественно, был уже мертв, но его дух до сих пор витал между ними.

Мэй снова развернулась ко мне.

— Кай, с тех пор как Палачи убили Пророка Давида и совершили налет на общину, Лида думает, что она наказана и находится в аду, потому что покинула нашу святую землю, наш райский уголок. Она даже считает, что я, ее сестра, грешу, вступая в связь со Стиксом, атеистом и верит в то, что я добровольно вступаю в ряды адептов дьявола.

Стикс медленно подошел к Мэй со спины, обнял ее руками и прижал к своему телу, а потом начал целовать в шею и что-то ей шептать. Мэй расслабилась и, вцепившись в его руки так, что побелели костяшки пальцев, прошептала в ответ:

— Ты — мой свет, любимый. Ты тот, кого я выбрала. — Стикс закрыл глаза и выдохнул. — Мэй снова посмотрела на меня. — Кай, Лида верит в каждую строчку нашего священного писания. Верит в то, что послания Пророка Давида были абсолютно правдивыми. Нам всю жизнь говорили, что мы — Мэдди, Лида и я — рождены от дьявольского семени. Что мы красивы настолько, что искушаем мужчин и крадем их гребаные души, чтобы потом скормить Сатане. Лида всегда была восприимчивее к этому, чему мы. До того, как она появилась в общине, у нее была другая жизнь. Мы же — Мэдди, моя сестра Белла и я — были «Окаянными» с самого рождения. Лида никогда не говорила об этом, но мы всегда думали, что у нее была семья, которая отказалась от нее после того, как Пророк заклеил ее «Окаянной». И сейчас Лида сделает все, чтобы вернуться... чтобы ее душу можно было спасти. Лида верит в то, что искушает мужчин, потому что она — зло, самое настоящее зло.

Мэй сделала глубокий вдох и продолжила:

— Кай, твое поведение в баре только убедило ее в этом. Она думает, что тебя — через нее — соблазняет дьявол. Она верит в то, что мужчина никогда не полюбит ее саму, пока она не избавится от проклятия и от своей сущности. Я не знаю, как заставить ее и Мэдди захотеть новой жизни. Общины и Ордена больше нет. Я не могу помочь ей... им. Что с ними будет, если они не смогут приспособиться? — Ее огромные глаза сосредоточились на мне. Стикс в это время стирал большим пальцем с ее глаз слезы и раздувал ноздри в стремлении защитить Мэй. — Мне нужна твоя помощь, Кай. Не нужно только все усложнять. Если они оставят меня, я не знаю... я не знаю.

Стикс развернул Мэй, и она заплакала у него на груди. Он сжал челюсти и посмотрел на меня.

Отлично. Ему снова хочется меня убить.

Я провел руками по лицу и вскочил, отчего Мэй удивленно подняла голову.

— Обещаю, что буду держаться подальше от Лилы, — поклялся я.

— Спасибо, — кивнув, ответила Мэй, но на ее лице не отразилось никаких эмоций.

Стикс продолжал смотреть на меня... и я узнал этот «будет как я сказал» взгляд. Он что-то замышлял. Я уже собрался уходить, но Стикс откашлялся и поднял руки за спиной

Мэй, — которая так и стояла, уткнувшись ему в грудь и обняв за талию, — чтобы передать мне свои слова жёстами.

«Иди и найди Лилу. Она либо возле реки, либо в квартире. Это единственные два места, где она может быть. Скажи ей, что извиняешься за то, что чуть не изнасиловал ее сегодня. Понятно?»

Вместо того чтобы ответить, я кивнул, потому что он явно не хотел, чтобы Мэй слышала наш «разговор». Стикс поднял палец, и мне вновь пришлось задержаться. Его губы изогнулись в ухмылке, и он продолжил:

«Я назначаю тебя ответственным за нее. Мэй будет не в курсе. Давай назовем это твоим... искуплением».

Я закатил глаза на его дерьмовую попытку пошутить, хотя и видел, что он, бл*дь, совсем, не шутит.

«Наблюдай за Лилой, охраняй ее и, черт побери, заставь ее как-нибудь привыкнуть к этой жизни. Я не потеряю Мэй. Если эти сучки так и не свыкнутся, я не знаю, что она будет делать. Мы оба в курсе, что жизнь в клубе — это полная противоположность тому, что они знают. То, как мы живем, — полная противоположность христианским заповедям. Но мы должны сделать так, чтобы все получилось».

Стикс вздохнул и, так и не отрывая от меня взгляда, прижался щекой к голове Мэй.

«Помоги этой блондинистой сучке, Кай. Но даже не вздумай ее трогать. Хочешь ты Лилу или нет, но ее киска для тебя под запретом. Это — приказ твоего Преза. Ты ведь мой лучший друг, брат, мой вице-президент и мне сейчас очень нужна твоя помощь. Я просто не знаю, что мне делать».

Я закрыл глаза и опустил голову. Это, бл*дь последнее, что мне нужно. Ку-клукс-клан до сих пор оставался потенциальной проблемой и хрен знает, что еще могло бы произойти. Этот сучёныш Райдер сбежал и где-то бродит. Надеюсь, он гниет в какой-нибудь яме, но кто его знает, не собирается ли он поднять из нее свою уродливую голову. Парень был помешан на Мэй и вполне мог захотеть ее вернуть.

Черт. Ну а мне придется нянчиться.

Я открыл глаза и увидел, что Стикс так и продолжает с отчаянием смотреть на меня. Черт, у моего брата была тяжелая жизнь. Оставаясь немым для всех вокруг, кроме меня и его старика, — самого жестокого сукиного сына на свете — Стикс в двадцать пять лет унаследовал пост Преза крупнейшего криминального клуба байкеров в Штатах. Но все поменялось, когда появилась истекающая кровью Мэй; она изменила его жизнь одним взглядом своих гребаных синих глаз. Я никогда не видел его таким счастливым. А теперь он даже задумался о детях. Черт. Брат заслужил отдых, и он заслужил Мэй. Она была хорошей старухой, достаточно пережившей, чтобы принять наш образ жизни, и достаточно покорной, чтобы не подвергать сомнению поступки своего старика.

Что ж, придется нянчиться со святошей, до которой не могу даже дотронуться, и без сомнения страдать от дикой боли в яйцах. Просто идеально. Может, гребаный Бог все же есть и сейчас надрывает от смеха свою задницу, глядя на одного из грешников, страстно желающего вкусить плоть от плоти его.

«Ты же знаешь, что я помогу, брат», — жёстами ответил ему я, и на лице Стикса мгновенно проступило облегчение. Подойдя к двери, я оглянулся и увидел, что Мэй и Стикс целуются. Да, будет не очень-то весело присматривать за «верующей недотрогой», на которую у меня стоит. Но именно так и поступают братья. Может, мы и не одной крови, но

ближе друг друга у нас никого нет. Палачи были семьей, а мы заботимся о ее членах.

Я прошел в бар и приказал проспекту, который посмотрел в мою сторону:

— Кофе. Огромную, черт возьми, кружку кофе.

Проспект нахмурился, но без вопросов пошел налить мне кофеину. Остальные братья держались от меня подальше, не сомневаясь в том, что Стикс надрал мне задницу и поэтому я зол. Они были не слишком далеки от истины.

— Кай, детка, не хочешь порезвиться? — раздался из коридора мелодичный голос.

Сжав зубы, я повернулся и увидел обнаженную Джулс. Она обхватила ладонями свои силиконовые сиськи, а Тифф обняла ее за талию и начала ласкать ее клитор и бритую киску своими опытными пальчиками. Мой член мгновенно стал твердым, как скала.

— У меня дела, — отрывисто произнес я. — Сегодня вечером вам придется вылизывать друг у друга самим.

— Мы и так всегда это делаем, малыш. Просто гораздо веселее, когда на это смотришь ты, одновременно трахая наши попки, — сказала Тифф, поднося ко рту пальцы и слизывая соки Джулс. Та мгновенно развернулась и, впившись в губы Тифф, стала подталкивать ее в сторону моей комнаты.

Я развернул стул к бару. Проспект, с открытым ртом наблюдавший за этой сценой, тут же выпрямился и медленно поставил передо мной «ведерко» кофе. Я откашлялся и поднял бровь. Парень очнулся и быстро протер барную стойку.

Когда я поднес кружку ко рту, он осторожно спросил:

— Без обид, Кай, но что это за дела, на которые ты променял трах с ними?

Влив в себя горячую жидкость, я со всей злости долбанул пустой кружкой об стол, наблюдая за тем, как она разбивается на мелкие кусочки, а потом хлопнул два раза ладонью по стойке.

— Судя по всему, я должен стать ближе к Богу и первоклассной девственной киске. Аминь и Аллилуйя этому дерьму!

4 глава

Кай

Выйдя в теплый ночной воздух, я потянулся рукой в карман и вытащил сигарету, расположив ее между губами. Я прошел мимо Викинга и какой-то наркоманской шлюхи, которая сосала его член возле гаража, игнорируя уродливую сцену, которая включала мелькание его белой задницы, и зажег свою раковую палочку, сделав долгую приятную затяжку.

Прорубая себе путь через ряды деревьев в задней части территории, я шел по грязной тропинке через густой лес и к звукам реки. Святоши не было в квартире Стикса над клубом, и по словам Стикса, если ее не было там, то она была у реки. Таким образом, несмотря на то, что я был в доску пьян, я играл в бойскаута, проходя через лес.

Только ради Стикса...

Не прошло много времени, прежде чем я услышал шум реки и затаился у обочины в траве, чтобы заметить, где моя дорогая святоша может быть. Спотыкаясь и идя по краю реки, я, пошатываясь, пинал камни в воду, когда услышал странный воющий звук.

Попятывшись назад к линии в тени деревьев, я вытащил свой девятимиллиметровый из заднего кармана джинсов. Чем ближе я подходил, тем громче раздавался пронзительный вой.

Сняв предохранитель, я выскочил из деревьев и тут же замер на месте, когда мой пистолет указал на... Лилу?

Какого. Хрена?

Опустив пистолет и засунув его за пояс своих джинсов, я уставился на лежащую на земле Лилу, издающую какие-то безумные звуки, от которых уши были готовы кровоточить. Резко дернув головой, она внезапно начала кричать, плакать и подбрасывать руки в воздух, раскачиваясь вперед-назад, что-то бормоча. Казалось, будто все согласные перемешались вместе.

Абсолютная гребаная херня.

Я никогда не видел ничего подобного в своей жизни.

Я стоял на месте, как онемевший придурок, с колотящимся сердцем, и наблюдал, как она теряет свой рассудок у реки.

Святое дерьмо, в конце концов она сломалась. Я стал причиной этому.

Стикс надерет мне задницу!

Отступив, я спрятался за густыми кронами деревьев. Назовите меня сумасшедшим, но я хотел быть вне поля зрения этого вуду дерьма. Плюхнувшись на задницу и прислонившись спиной к дереву, я отвел в сторону ветку и просто наблюдал за ней.

Вой и плач продолжался гребаную вечность. В какой-то момент ее действия стали настолько пугающими, что я хотел выпрыгнуть и схватить ее, убежденный, что у нее был гребаный припадок.

Но вой Лилы постепенно начинал стихать, ее руки опустились, и я осознал, что снова задышал. Я даже не заметил, что перестал это делать. Делая долгие и глубокие вдохи, Лиля открыла глаза, и они были красные и опухшие от тяжести ее плача и того количества слез, что она пролила, пока билась и кричала.

Полагаю, что на моем лице выражалось замешательство, пока я наблюдал, как она берет себя в руки, и я был практически уверен, что Викинг снова подсыпал мне галлюциногенные грибы без моего ведома, и меня расперло как хиппи-ублюдка на Вудстоке⁴, но после, казалось, бесконечности, в течение которой я наблюдал, как Лиля перекачивается по траве, я понял, что со мной было все в порядке... а Лиля была настоящей чокнутой.

Как, черт побери, такая горячая сучка может быть такой психически нездоровой?

Подняв голову к небу и проведя руками по лицу в раздражении, я начал подниматься, чтобы сделать то, что мне приказано, но немедленно снова опустился на землю. Мои ноги потеряли почву под собой в сухой грязи, когда Лиля сняла с головы уродливую белую вещь, освободив длинные светлые волосы, и начала расстегивать свое платье со спины.

Кровь сразу же прилила к моему члену, и я зашипел сквозь стиснутые зубы, когда дурацкий серый материал соскользнул на землю, оставив горячую блондиночку, одетую только в белую комбинацию до колен, который была... бл*дь, прозрачной.

Она подняла руку, чтобы запустить пальцы в волосы, и из меня выскользнул стон, когда она повернулась, и сбоку комбинации я мельком увидел ее красный сосок. Лиля вдруг обернулась, осматривая покров деревьев.

Я замер и задержал дыхание, молясь всем сильным мира сего, чтобы она не увидела меня... чтобы не остановила этот медленный стриптиз. Я хочу сказать, бл*, Тифф, Джулс и

шпюхи не стоят и мизинца этой сучки.

Я увидел, как из ее ярко-голубых глаз ушло напряжение, и она вошла в реку. Она шла медленно, пока не оказалась по пояс в воде. Она развела руки в стороны, ее ладони скользили по воде, и откинула голову, улыбнувшись. Я резко втянул воздух — я никогда не видел подобной улыбки в своей жизни. Она была так чертовски прекрасна — была похожа на сирену в реке. Она могла думать, что создана дьяволом, но она была безупречной. Я был чертовски уверен, что если бы дьявол существовал, он не имел бы ничего общего с тем, что я видел. Она была добродетелью, гребаным благословением.

Убрав свои длинные светлые волосы назад, она медленно опустилась в воду. Но я выпрямился, когда она не вынырнула. Пузырьки появились на поверхности, но через некоторое время исчезли, и вода была полностью тихой. Подскочив на ноги, я выскочил из линии деревьев и побежал к краю реки, всматриваясь с темную глубину... Ничего.

Бл*дь! Она пыталась убить себя?

Не долгая думая, я сбросил свой жилет на землю, и как мог быстро побежал к воде, направляясь к последнему месту, где видел Лилу.

— Лила! Лила! — кричал я уже полностью промокший. Я пробирался по воде, но не видел ее, не чувствовал ее, ничего. — Сучка, где ты, черт побери!

Заметив, что в нескольких метрах на поверхности воды снова появляются пузырьки, я занырнул и поплыл в этом направлении. Я открыл глаза под водой, но ни херна не видел. Как раз когда собирался вынырнуть, чтобы подышать, мои пальцы нащупали что-то мягкое... Казалось, что это тонкий кусок материи. Толкнувшись вперед, я обнаружил тело блондиночки внизу и, схватив ее, начал толкать нас на поверхность. Как только мы оказались на воздухе, я втянул большой глоток воздуха и начал откашливаться. Когда я начал сжимать глаза, чтобы избавиться от воды, неистовый крик прорезал воздух, и я посмотрел на Лилу. Она дала мне пощечину, и острые ногти оцарапали мою кожу.

— Бл*дь, сучка! — взревел я и бросил ее задницу в холодную воду.

Лила сплевывала воду и попыталась встать, перемещаясь вокруг меня, чтобы выползти. Подняв руку к своей щеке, я провел по поцарапанной коже... Кровь. Гребаная сучка расцарапала меня до крови.

Повернув голову, я наблюдал как Лила продирается к берегу реки.

— Из-за тебя у меня идет кровь, ты, психосучка! — закричал я, вздрогнув, когда головная боль отдалась громом в моем черепе — мое гребаное похмелье вступало в силу.

Лила ахнула от моих резких слов и поторопилась к своей кучке одежды. Как только я начал выбираться из реки, я услышал ее хныканье, и мое внимание полностью переместилось на нее. Она дрожала и разговаривала сама с собой, бормоча что-то себе под нос. Я не мог слышать, что, но все ее безумие было напоказ.

Шагая по берегу, я приблизился к Лиле, уловив часть сказанных ею слов.

«Дорогой Господь, дай мне силу перенести боль. Помоги мне перенести наказание с достоинством...»

Я вытянул руку, чтобы вытащить ее из того, что звучало как молитва, и заметив мою протянутую руку, она закричала от страха, и ее рука взметнулась вверх, чтобы защитить свое лицо. От этого я остановился и сделал шаг назад.

— Лила! Ради всего святого, я не причиню тебе боль.

Когда Лила на пару сантиметров опустила свою руку, показались ее огромные голубые глаза. Пряди светлых волос прилипли к ее потрясшему лицу, и она моргнула.

— Лила, я...

— Ты... Ты не собираешься наказывать меня за отказ от твоих домогательств? — спросила она напуганным тихим голосом.

Я нахмурился.

— О чем, черт побери, ты говоришь?

Полностью убрав руку с лица, она посмотрела через плечо на меня, в ее больших глазах читалось замешательство, и она сказала:

— Тогда... в комнате, где вы пили, ты хотел, чтобы я присоединилась к тебе, но я оттолкнула тебя... Ты... ты облизал мою кожу и сказал откровенные слова мне на ухо... — она смотрела на меня, призывая меня понять.

— Ты горячая. Я чертовски возбужден. И я в стельку пьян. Раньше я бы повелся на твоё гребаное предложение. Но прямо сейчас, сладкие щечки, я не имею понятия, о чем ты говоришь.

Она полностью повернулась ко мне лицом, казалось, в ней появилась смелость, и объяснила:

— Ты здесь, чтобы наказать меня, потому что я отказала тебе в сексе. Для тебя, как для мужчины, позор, что я отказала, не приняла тебя в свое тело. — Она выпрямилась, закрыла глаза и начала наклоняться, уперев руки в камни, и задрав задницу кверху, сказала: — Пожалуйста, могу я попросить, чтобы ты не делал мне больно?

— Я... — я начал объяснять, что не собираюсь бить ее, но затем посмотрел на нее, посмотрел на то, что передо мной... увидел, что она полностью промокшая... в прозрачной комбинации... я мог увидеть все... и я, бл*дь... я....

Затем она чуть раздвинула ноги, и ее голая киска оказалась на виду, я застонал, мой твердый член наказывал мою развратную задницу.

Бл*дь. Я тонул. Я тонул и это был мой ад.

Голова Лилы резко дернулась, и она открыла глаза. Я прикусил губу, чтобы ничего не сказать. Я собрал всю силу воли, чтобы не прыгнуть вперед, завалить ее на спину и всосать один из этих красных сосков в свой рот через прозрачный материал. Ее живот был плоским и подтянутым, ноги длинными, и... ее киска, Иисус Христос, она была идеальна! Твою мать, ее киска была розовой и полностью побритой, мокрый материал прилип к ее коже, в мельчайших деталях показывая вершину ее бедер.

Клянусь, я был готов кончить в штаны. Как гребаный подросток, который впервые увидел голую киску в «Плейбое».

Лила внезапно заскулила, отвлекая меня от разглядывания. Ее губа дрожала, а глаза были наполнены слезами, когда она, спотыкаясь, отступала, чтобы дотянуться до своего платья, а затем еще раз споткнулась, когда пыталась отодвинуться подальше.

— Лила! Успокойся, черт побери! — я смог проговорить.

Она отвернулась, когда начала поспешно натягивать свое платье. Она вытянула руку, которая почти врезалась в мою грудь.

— Нет... пожалуйста. Мне должно быть стыдно. Я позорная, грешная женщина. Я не хотела соблазнять тебя. Пожалуйста, не бери меня... пожалуйста.

Она бесконтрольно бредила, поэтому я отошел и отвернулся. И черт, это было тяжело сделать. Я мог любоваться телом этой сучки весь гребаный день напролет.

Но со слезами и нытьем женщины? Не-а, не мог вынести даже секунду этого дерьма.

— Вот, я отворачиваюсь, не соблазняюсь, — сказал я. — Скажи мне, когда ты

оденешься, и затем мы с тобой поговорим. — Я не слышал ничего позади себя через несколько минут шелеста одежды, и нахмурился. — Лила? — спросил снова. Все еще ни звука.

С любопытством развернувшись и убирая мокрые пряди волос со своего лица, я увидел, как нижняя часть уродливого гребаного платья Лилы исчезает в лесу.

— Гребаная психосучка! — выругался я, поднимая свой жилет и набрасывая на мокрую рубашку. Я бежал быстро, поэтому быстро нагнал ее. Она могла быть гибкой и быстрой, но не быстрее меня.

Бросая испуганный взгляд за себя, очевидно, услышав мои шаги, она закричала, когда увидела, что я бегу за ней.

— Лила! — закричал я, но она не унималась, отчего я чувствовал себя как в каком-то гребаном дешевом фильме ужасов.

Мне оставался только один выбор: схватить сучку. Если она вернется в клуб, крича и плача, рассказывая Мэй, что предложила мне себя, и я видел ее голой, Стикс точно убьет меня, или оставит мне какие-нибудь шрамы своим немецким ножом. И этого не произойдет. Я был слишком чертовски хорош, чтобы обзавестись уродливыми шрамами.

Лила повернула на грязную дорогу по направлению к клубному дому, когда я вытянул руки, обернул их вокруг ее талии и повалил ее на землю, перемещая нас так, чтобы я принял на себя основной удар от падения.

— НЕТ! — снова закричала Лила и извивалась, чтобы освободиться, упираясь локтями мне в ребра. Я усилил хватку, изо всех сил пытаюсь на обращать внимания на ее полную правую грудь в моей руке, которую я почти обхватил.

Воспользовавшись тем, что она наклонилась в сторону, я перекатил нас, схватив ее за запястья и подняв их над ее головой, затем оседлал ее талию, и моя грудь почти соприкасалась ее.

— Сучка, хватит! — приказал я, пока ее маленькое тело извивалось подо мной. Мои волосы упали вперед, заключив ее мокрое и напуганное лицо в клетку.

Она перестала дергать ногами, дыхание стало тяжелым, а ее грудь поднималась и опускалась с бешеной скоростью. Ее глаза перемещались из стороны в сторону, в поисках освобождения из моей хватки, а щеки были слишком красными от усилий.

В конечном итоге ее большие голубые глаза посмотрели на меня. Затем я почти потерял способность дышать. Глубоко вдохнув, я потряс головой, чтобы прояснить свой затуманенный киской разум и спросил:

— Ты закончила?

Лила поджала губы и медленно кивнула.

Я опустил глаза и увидел, что ее серое платье на месте, а волосы в беспорядке и зачесаны назад под белым — теперь грязным — чепцом. Мой взгляд проследовал к ее груди, ее тонкой шее, красным щекам и бегающим глазам.

Слезы заполнили ее глаза, и она прошептала:

— Пожалуйста... не делай мне больно...

Боль разрывала мою грудь от ее сломленного голоса, но то, что она боялась меня, бесило.

— Почему ты убежала?

Паника исказила ее лицо.

— Пожалуйста...

— Отвечай на мой гребанный вопрос. Почему ты сбежала?

Лила высунула свой влажный розовый язычок и провела по своей нижней губе. Мне казалось, что она провела языком по моему члену. Эта сучка убьет меня.

Она неровно дышала, но умудрилась ответить:

— Я боюсь... Я так сильно всего боюсь... мира... тебя... Я больше не хочу, чтобы меня брали против моей воли... я так боюсь.

Закрыв глаза, я почувствовал боль в груди. Жалость? Я сделал глубокий вдох и снова опустил голову. Ее робкий взгляд голубых глаз встретился с моим, только на мгновение опустившись к моим губам, и снова вернулся назад. Она еще больше покраснела и сжала бедра вместе, пока ее ноги извивались подо мной.

Затем я почувствовал это. Как будто электрический ток прошел через мое тело, мой член хотел оказаться в ней... сильно.

Прежде чем я осознал это, мои пальцы начали ласкать нежную кожу на ее запястьях, упиваясь ее видом, лежащей подо мной. Блондинка святоша... сумасшедшая блондинка святоша, которую я должен исправить и сделать нормальной ради Стикса... Я начал думать, что это невозможная задача. Сучка была повернута на голову почти так же, как и Флейм.

Как, бл*дь, можно достучаться до этого уровня безумия?

Лила медленно наклонила голову к нашим рукам и нахмурилась на движения моего большого пальца. Я воспользовался возможностью склониться и прильнуть своими губами к ее уху.

Боже, она так хорошо пахла, сладкий запах ванили исходил от ее влажной кожи. Из-за этого я хотел облизать ее, запустить руку в ее длинные светлые волосы и зацеловать пухлые губки.

Резкий вдох сказал мне, что она заметила, где находился мой рот, и я мог чувствовать, как бешено бьется ее сердце в груди.

— Кай... — прошептала она, и я стиснул зубы на ее хриплый голос. Черт, она была гребаной соблазнительницей, никогда в своей жизни я не был так возбужден.

Да, я был в аду.

— Я не причиню тебе боли, сучка, ясно? За то, что случилось в том баре, — нет наказания. Ты сказала «нет». Это все, что имеет значения. Нет необходимости сверкать передо мной этой упругой попкой, — ответил я хриплым голосом. Я быстро прочистил горло: — И никто не собирается насиловать тебя, поэтому выбрось этот гребанный страх из своей безумной головы.

Ее дыхание опалило мое ухо.

— Я... не понимаю... что значит... насиловать?

— Что значит «насиловать»? — спросил я, чертовски сконфуженный. — Это когда кто-то принуждает тебя, когда ты говоришь «нет». Когда у тебя нет выбора. Когда ты не хочешь трахаться, но тебя все равно трахают. Бл*дь, сучка, ты должна знать значение этого слова.

Ее глаза стали огромными.

— Этого никогда не происходило со мной...

— Да, в этом культе это было.

— Нет. Это было... не насилие. Старейшины делали то, что было велено Пророком и Богом.

Я закрыл глаза и покачал головой. Сучку насиловали годами, но она понятия не имела.

— Когда-нибудь, Лила, ты поймешь, о чем я говорю, и осознаешь, как хреново звучит

это оправдание.

Она не сказала ни слова в ответ.

Я чуть-чуть отстранился, чтобы мое лицо нависало над ее. Кожа Лилы была загорелой и гладкой, нос маленьким и милым, а эти губы... да, они тоже были нереальными. Иисус, такое чувство, что она была создана только для меня, я никогда в своей жизни не видел такой идеальной сучки. Я даже не думал, что такая женщина существовала, пока Лиля не вылезла из той клетки несколько недель назад, только чтобы начать мучать меня и мой отлично натренированный член.

— Так у меня нет проблем? — спросила она.

— Здесь, у Палачей, если сучка говорит, что не хочет трахаться, это означает, что она не хочет трахаться. Понимаешь?

Две светлые брови сошлись вместе на переносице, розовые губки были поджаты в изумлении. Лиля покачала головой, говоря, что не поняла.

Я вздохнул из-за того, каким сложным становилось это дерьмо с ее опекой. Я выпрямился, освободил ее руки, но продолжал держать ее за талию. Мне нужно, чтобы она выслушала меня, и выслушала внимательно.

— Вот почему я нужен тебе, сладкие щечки. Ты и понятия не имеешь, как жить здесь или быть нормальной вне этого культа с промыванием мозгов, в котором ты жила всю свою жизнь, полагая, что ты зло, потому что ты самая горячая сучка, которая когда-либо ходила по земле.

Лиля ахнула на это, что вызвало у меня ухмылку. Ее лицо было сморщено и обозленно. Даже в этот момент на нем не было и тени уродства.

Черт.

— Что... что такое промывание мозгов? — спросила она застенчиво.

Я ничего не мог поделать и улыбнулся.

Я наклонился, отчего наши носы почти соприкоснулись. Она замерла, а я рассмеялся.

— Мы отложим это обсуждение на попозже. Маленькими шажками, сладкие щечки, маленькими шажками.

Она отрыла рот, чтобы снова заговорить, поэтому я прижал свой указательный палец к ее губам.

— Закрой рот. Тебе нужно выслушать. И затем ты будешь подчиняться, и я не хочу никакой дерзости или любого безумного дерьма про Иисуса в ответ. Поняла? Чем скорее ты начнешь вести себя как хорошая обычная сучка, тем быстрее я начну снова бухать «Джек» и трахать мою очередь из шлюх.

Не последовало никакого ответа, поэтому я продолжил:

— Я объясню тебе все. Ты застряла с нами, с Палачами. С этим сумасшедшим крошка-хиппи-хочет-жениться-на-святоше-последовательнице-Иисуса покончено...

Она попыталась снова заговорить, но сурового кивка и тяжелого взгляда было достаточно, чтобы она замолчала. Она была уступчивой, естественно покорной, я признавал это.

— Твоей общины больше нет, она исчезла, стерта с лица земли. Ты понимаешь это, сладкие щечки? Ничего не осталось. Все женщины, которых освободили, исчезли без следа, земля заброшена. Мы возвращались и проверили. Все мужчины были убиты: последователи-охранники, старейшины... этот гребаный дряхлый ублюдочный Пророк, которому вы все так любили поклоняться. Урод получил пулю прямо промеж глаз, его мозг кормит червей на

земле вашей священной общины.

Лиля вскрикнула как будто от боли, и я увидел, что слезы заполнили ее отстраненный взгляд. Я покачал головой в отвращении. Я понятия не имел, как она могла быть расстроена из-за потери этого морщинистого педофила.

Стикс поделился со мной кое-чем, что происходило в Ордене. Мэй поделилась с ним некоторыми подробностями, и брат почти потерял свой разум, зная, что его сучка страдала от такого обращения всю жизнь. Черт, я — аморальный байкер вне закона, и даже я был шокирован от их уровня садизма.

Чарльз Мэнсон⁵ в свете пророка «педофила» Давида выглядел как долбаная зубная фея.

Трахнутый на бошку, гребаный мудак, помешанный на Иисусе. Лучше быть на стороне Аида в своих грехах. По крайней мере ты знаешь, куда собираешься, когда попадешь к лодочнику. Нет нужды стремиться быть кем-то, кем ты не являешься. А лучшая часть этого? Ты можешь веселиться, как хочешь, когда живешь не по проклятым правилам, но это ощущается так чертовски правильно!

— Итак, вот что произойдет. Ты и я, ну, мы будем проводить много времени вместе. И скажу тебе сейчас, не утруждайся бороться с этим. Ты под моей защитой, и будешь делать то, что я сказал. Понятно?

Лиля мгновенно кивнула головой, и я мог видеть сильный страх в ее глазах, ощущать ее бешеное дыхание.

— Хорошо. Так, во-первых, ты больше не будешь пытаться убить себя. Я не люблю плавать. Это чересчур тяжелое занятие. Я не люблю мокнуть. Это портит мои волосы, — я ухмыльнулся, подмигнул и добавил: — Но я более чем счастлив сделать тебя мокрой другим путем, сахарные титьки.

Лиля покачала головой вперед-назад с решительностью во взгляде.

— Что теперь? — спросил я в раздражении.

— Я... я не пыталась лишиться себя жизни. Я бы никогда не сделала этого. Пророк Давид был очень тверд в том, что касалось уничтожения величайшего творения Господа — нас самих. Это путь в ад. Я буду с Господом в Сионе только, когда он пожелает, и не раньше.

Я закатил глаза, услышав, что имя этого трахнутого на голову ублюдка сорвалось с ее губ, но от ее ответа я был в замешательстве.

— Тогда, что, бл*дь, ты делала, прыгая в воду? Ты была под водой, после того как у тебя был этот проклятый припадок на берегу. Ты выла и плакала, как будто потеряла свой гребаный рассудок, и думаешь, я поверю, что ты не пыталась убить себя?

— Припадок? Что такое припадок? Я не понимаю твоих слов. Ты путаешь меня! Почему я постоянно не могу понять слова, которые ты произносишь?

Я рассмеялся и руками зачесал свои волосы назад.

— Я путаю? Сладкие щечки, с таким же успехом ты можешь быть гребаным пришельцем, который свалился с Марса, из-за того, как ты всегда странно себя ведешь.

— М-марс? Что такое Марс? Что такое пришелец? Я не понимаю! — завизжала она.

Я запрокинул голову назад и застонал, затем снова вперила свой взгляд в нее.

— Припадок — это когда ты перекатываешься по земле, не в состоянии контролировать свое тело. Ты знаешь, когда у тебя не в порядке с головой и идет пена изо рта.

Выражение лица Лилы было пустым. И это заверило меня, что я не зря не пошел работать доктором или учителем, если на то пошло. Казалось, я ни черта не мог объяснить этой сучке.

— Я не безумна. И я не перекатывалась бесконтрольно с пеной у рта. Я разговаривала с Богом.

Я замер, когда ее слова пробрались в мой разум, и я не ничего не мог поделать, и снова рассмеялся.

— Ну, говоря такое безумное дерьмо, что ты разговариваешь так с Богом, не убедит никого, что ты не из «Пролетая над гнездом кукушки». Я видел, как ты перекатываешься по грязи, выкрикивая какую-то херню. Мои глаза не лгут. Слова, что ты кричала, даже не звучали реально.

Голубые глаза Лилы сощурились.

— Я говорила на языке Глоссолалия. Эти слова — священный личный язык между богом и мной, тайный язык, который ты не поймешь. Я наполнялась Святым Духом, чистой любовью Бога. Я перемещалась в место, где отдавала себя Иисусу. То, что ты видел, было воплощением моего поклонения, моей связи с нашим создателем.

Я пялился на нее в изумлении. Наполнялась Святым Духом? Какого. Хрена....

— Я была в реке, чтобы очистить себя от грехов... — ее глаза вперились в меня, — чтобы смыть твое нападение и нежелательное искушение, искушение, что было грехом безнравственности на моей плоти. Для этого мне нужно было погрузить себя в чистые воды, так же как Иисус принял крещение от Иоанна.

Она закрыла глаза, и странное спокойствие отразилось на ее лице.

— И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение.

Да, я все еще, бл*дь, пялился в изумлении.

Лила раздраженно вздохнула, на мгновение потеряв свое спокойствие.

— От Матфея 3:16-17. Это Писание, Кай. Ты можешь не принимать Писания нашего Господа, но я нет. Мое духовное очищение сегодня было тем, что я была призвана сделать высшей силой: прийти к реке и смыть грех.

Пожав плечами, я сказал:

— Ты говорила с Богом и избавляла себя от порока... — я снова посмотрел на Лилу и дернул подбородком. — Как ты назвала это?

— Грех безнравственного искушения, — ответила она выразительно.

Я низко засвистел и покачал головой с ухмылкой, которая прочно укоренилась на моем лице.

— Да, это жуткое дерьмо, сладкие щечки.

Ее брови сошлись вместе.

— Ты порицаешь меня?

Поднявшись, я смотрел как Лила убирает сухие листья со своего уродливого платья, и сказал:

— Учитывая, что я, нахрен, не знаю, что значит порицать, я чертовски уверен, что мы никогда и не узнаем этого, не так ли, сладкие щечки? Я хочу сказать, я удивлен, что аморальный ублюдок-язычник, как я, прожил так долго, и Бог до сих пор не пульнул молнией, чтобы поджарить мой зад.

Оттолкнувшись от земли, Лила, поджав губки, встала передо мной. Она отрывисто сказала:

— Могу я попросить перестать называть меня... сладкие щечки? Меня зовут Лила.

Шокированный ее смелым сопротивлением, я двинулся вперед, приближаясь к ней. Злость немедленно исчезла с выражения лица Лилы, и она замерла. Когда мы оказались лицом к лицу, Лила покорно опустила голову, и я почувствовал себя настоящей задницей. Сучка была абсолютно трахнута на голову и чертовски напугана. Черт, она даже дрожала.

Вытянув руку, я взял ее в свою. Услышав ее вздох, я все равно потянул ее вперед. Я хотел вернуться в свою комнату, чтобы Тифф и Джулс могли обслужить мой член. Нахождение рядом и сверху этой блондинистой святоши подарило мне адский стояк.

— Пойдем, доставим тебя домой прежде, чем Стикс и Мэй надерут мне зад. У меня уже грохочет в голове из-за «Джека». Если добавить к этому писклявый голос Мэй, то все станет только хуже.

Мы быстро пробирались через густые заросли деревьев, и я игнорировал то, что Лила пыталась освободить свою маленькую ручку из моей крепкой хватки, и ее нытье. Я не отпустил ее, не давал ей и шанса снова убежать от меня. Я просто хотел, чтобы она снова была заперта над гаражом, чтобы у меня был перерыв от этой божьей болтовни.

У меня была аллергия на эту болтовню.

Когда мы вышли из линии деревьев к нашей территории, снаружи стояла кучка парней и рассматривала отремонтированный Чоппер Ковбоя — Палача-кочевника. Его лучший друг, брат по кочевому образу жизни и гребаная тень, Хаш, тоже стоял рядом. Ковбой был гребаным пофигистом и всегда шутил. Хаш был полной противоположностью, его глаза оценивали толпу, и он всегда был готов к драке.

Ковбой и Хаш были готовы сделать все что угодно для Стикса. Он позволил им кочевой образ жизни, после того, как Ковбой пережил серьезное дерьмо в их прошлом отделении. Они приезжали к нам так часто, как могли. На самом деле, я думал, что не пройдет много времени, прежде чем их пришьют в нашем материнском отделении здесь в Остине. Казалось, эти южане из Луизианы, нашли свое место среди нас, настоящих грешников здесь, в штате одинокой звезды. И они походили на Викинга и Флейма. У Ковбоя были светлые волосы, он был весь облачен в кожу, с красочными татуировками на теле, черными ковбойскими сапогами с металлическими носами и в кожаной ковбойской шляпе, которая, казалось, была приклеена к его голове. А Хаш был нашим братом из смешанных рас с яркими голубыми глазами, не терпел ни от кого никакой херни и чертовски метко стрелял. Эти братья были настоящими Палачами, законными, и было бы неплохо, чтобы они остались с нами. С таким количеством врагов, которых у нас было больше, чем оружия, нам было нужно столько надежных братьев, сколько мы могли заполучить.

Когда Викинг увидел, как мы с Лилой идем по двору, он засвистел, что привлекло мое внимание. Я поднял руку, попросив этим, чтобы он отстал от меня.

— Бл*дь, не сейчас Вик. Мне нужно позаботиться кое о чем для Стикса, и я не хочу слушать херню из твоего тупого рта, — огрызнулся я.

Вик похлопал АК по плечу.

— О чем ты должен позаботиться? Или о ком? Ты собираешься забить пару палок в блондинистую религиозную сучку?

Заметив, что у Лилы перехватило дыхание от шока, я повернулся к ней лицом и увидел слезы боли и замешательства в ее глазах. Я сделал глубокий вдох. Я собирался убить этого рыжеволосого ублюдка.

Выпустив руку Лилы, я развернулся, чтобы помчаться к Викингу, но Лила внезапно схватила меня руку, удерживая.

— Пожалуйста, не оставляй меня. Я боюсь находиться здесь... с ними. Я не знаю их... Я...

Выдохнув и попытавшись успокоиться, я кивнул и снова взял ее за руку. Я уловил ее тихой вздох облегчения. Мой желудок сжался, и какое-то незнакомое чувство загорелось в моей груди. Мне нравилось, что она, казалось, чувствовала себя в безопасности рядом со мной.

Черт. Мне очень это нравилось.

Но когда мы прошли мимо Вика, я слышал, как он пробормотал АК и Ковбою:

— Черт, она горяча. Я бы многое отдал, чтобы трахнуть этот ротик.

Я вышел из себя.

Вырвав свою руку из хватки Лилы, игнорируя ее испуганный крик, я бросился на Викинга, и уронил его глупую задницу на асфальт. А затем сильно ударил пару раз в его гребаный не фильтрующий базар рот.

Викинг харкнул кровью мне в лицо и дернул ногами, сбросив меня в сторону. Перед тем, как гандон мог нанести ответный удар, я ударил его по яйцам левой ногой, с наслаждением слушая его крик и ругательства, когда он скорчился от боли и катался по земле.

— Трахни себя сам, гандон,— выплюнул я, подпрыгнув на ноги, и немедленно начал искать Лилу. Она стояла между Ковбоем, Хаш и АК. АК держал ее за руку. Я бросился к своим братьям и увидел, что АК широко улыбается ей, а Ковбой наклонил свою шляпу. Хаш что-то пробурчал, и Лила тяжело сглотнула. Она выглядела чертовски испуганной, ее глаза смотрели в землю.

АК заметил мое появление, и мой тяжелый взгляд на его руку на Лиле. Он сразу же выпустил ее, и Лила подняла глаза, в которых мгновенно появилось облегчение, как только они встретились с моими.

— Ты еще не убил его? — спросил АК, кивнув головой в сторону Вика.

Вытерев кровь с костяшек пальцев об джинсы, я оглянулся на Вика, который все еще валялся на земле в позе эмбриона, держась за яйца.

— Нет, не с его гребаной удачей. Этот ублюдок может пережить ядерную катастрофу, Вик и гребаные тараканы... и он, вероятно, бы попытался вставить и им всем тоже.

Услышав, что Лила всхлипывает и обхватила себя руками, я склонил голову в ее сторону.

— Пойдем, сладкие щечки.

— У тебя было полуночное плавание? — спросил Ковбой, когда мы уходили, сплевывая свой жевательный табак на небольшой участок травы рядом со своим Чоппером.

Верхняя губа Хаша приподнялась в изумлении, его одетые в кожу руки были скрещены на груди.

Застонав, я ответил.

— Даже, бл*дь, не спрашивай.

Я видел, как Ковбой, Ак и Хаш смотрели на промокшую Лилу, ее мокрые длинные светлые волосы были беспорядочно заправлены в этот уродливый чепец, который она никогда не снимала, и затем Ковбой посмотрел на меня. Я сжал челюсти, когда он вопросительно приподнял бровь. Я покачал головой, и все они ухмыльнулись.

Любопытные гребаные мудаки!

Вытянув руку, я схватил Лилу за руку, потянув ее вперед, и направился к черному входу

в квартиру над гаражом. Когда мы вошли в коридор, я увидел, что Флейм сидит наверху лестницы. Он посмотрел вниз, его безумные черные глаза сверлили дыры во мне.

Повернув Лилу за плечи, я указал наверх по направлению ее комнаты.

— Поднимайся и запри дверь.

Она безмолвно кивнула головой и поднялась по лестнице, только один раз оглянувшись, когда я позвал ее по имени.

— Лила, я вернусь утром. Будь готова.

Лила схватилась за перила и нервно промямлила:

— Я бы хотела попросить, чтобы меня оставили в покое. Я больше не покину свою комнату. Я не доставлю никаких проблем.

Покачивая головой, я ответил:

— Мы пройдем через это, сладкие щечки. Я научу тебя жить во внешнем мире. — Я указал на свою грудь. — Кай — помнишь? Твой личный гребаный учитель.

Она открыла рот:

— Я...

— У тебя нет выбора. Ты сделаешь это. Теперь поднимайся и ложись спать.

Лила склонила голову на мой приказ, что взбесило меня еще больше. Она обошла Флейма и ринулась внутрь квартиры, хлопнув дверь.

Я провел рукой по лицу, прислонился к стене и застонал. Эта ситуация полная жопа. Я явственно это ощущал. Самое худшее, что я даже не мог прикоснуться к ней, или Стикс отрежет мне руки.

Оттолкнувшись от стены, я услышал, как Флейм точит свои ножи о строп, привязанный к поясу его кожи. Я усмехнулся, он ночевал у дверей сучки-святоши, как послушный пес. Флейм уловил мой смех, и его безумный взгляд вперился в меня, он оскалили зубы, и уверен, я уловил низкий рык.

Его увлечение младшей сестрой Мэй было чертовски удивительным. Я широко улыбнулся и прокричал:

— Повеселись, Шарик. Я вернусь позже, чтобы вывести тебя на прогулку и поссать!

Я направился к выходу, все еще смеясь, когда длинное лезвие пролетело мимо меня и воткнулось в стену рядом с моей головой.

— Какого хера! — я повернулся лицом к Флейму. Ублюдок все еще пялился на меня, пока точил свои ножи, не было ни одной эмоции, кроме психопатической ненависти в его взгляде. Широко открыв дверь, я показал свой средний палец ему через плечо и несколько минут спустя вошел в свою личную комнату.

Тифф и Джулс развалились на простынях, голова Джулс лежала на фальшивых сиськах Тифф. Через секунду я был голым и направился к кровати. Я дернул за руку Тифф. Она села, потирая заспанные глаза, и Джулс пошевелилась рядом с ней. Когда я забрался на кровать, глаза Тифф засветились возбуждением, когда она бросила взгляд на мой возбужденный большой член.

— Черт, малыш. Я никогда не видела тебя таким длинным и твердым. Это все для меня? — Джулс наклонилась вперед и обхватила ртом мой член, обводя языком кончик. Я откинул голову и, черт возьми, пытался наслаждаться тем, как сучка отсасывает мне, но я не мог перестать думать о Лиле, мокрой и голой Лиле под этой просвечивающейся тканью, ее голая киска и огромные сиськи выглядели... чтобы подразнить меня.

Оттолкнув Джулс от моего члена, я схватил Тифф и кинул ее на живот, поднимая ее

задницу в воздухе. Потянувшись в верхний ящик своей тумбочки, я вытащил презерватив, раскатал его в рекордное время и одним толчком вонзился членом в уже истекающую киску Тифф. Когда я ударялся своими бедрами о ее задницу и наша плоть шлепалась друг об друга, я мог почти представить, что это Лила подо мной. От этого мой член увеличился еще больше, и Тифф закричала от удовольствия.

Чувствуя, что кровать прогнулась, я посмотрел в сторону и увидел, что Джулс легла на спину, расположив свою голову между моими ногами, где она начала облизывать и сосать мои яйца.

Я понял, что скоро кончу. Наклонившись грудью вперед, я схватил волосы Тифф в кулак и жестко потянул их. Тифф закричала, и я почувствовал, как ее киска сокращается, она жестко кончала. Джулс, услышав, что ее сучка кричит от удовольствия, взяла мои яйца в рот и провела языком по плоти, пока яростно натирала свой клитор.

Стоны и ахи были громкими, спинка кровати врезалась в стену, скалывая краску. Когда Тифф забросила свою голову назад, крича, когда кончала, я взорвался в ее киске, шлепнув по ее покрытой потом заднице, а Джулс хныкала между моими ногами, удовлетворяя себя пальцем распадаясь от своего собственного оргазма.

Тифф повернула голову, и удовлетворенная улыбка растянулась на ее губах.

— Черт, малыш. Из-за чего бы ты так не обезумел и не возбудился, продолжай делать это! Я не смогу ходить несколько дней... не то чтобы я жаловалась. Ты знаешь, я не могу насытиться ее киской и твоим членом.

Когда вытащил член из ее жаждущей дырки, я закрыл глаза, практически чувствуя, как извивается подо мной Лила, потная от оргазма, и наслаждался теплом ее киски у моего бедра, пока она переводила дыхание.

— Ох, Кай... это было... — выдохнул женский голос.

Открыв глаза, я стянул презерватив, схватил новый и на этот раз поднял Джулс, укладывая ее на спину.

— Раздвинь свои гребаные ноги, сучка.

Глаза Джулс расширились, когда продемонстрировал свой еще твердый, как скала, член.

— Снова? — спросила она, удивленно ахнув.

— Снова. СЕЙЧАС! — зашипел я и ее глаза расширились от моего приказа. — У тебя есть проблемы с этим? Если да, убирайся на хрен, и я найду другую шлюху в баре.

— Никаких... никаких проблем, малыш, — ответила она поспешно, ее глаза сверкали. Ее заводи́ла моя агрессия.

— Тогда раздвинь свои ноги и больше не открывай свой рот — приказал я, когда скользнул внутрь нее и застонал. Когда Тифф внезапно оседлала лицо Джулс и вытянула руку, схватив мои пальцы, чтобы протиснуть их в свою тугую задницу, я закрыл глаза и снова представил Лилу под собой. Как она стонет и царапает мою руку, пока ее задница и киска подняты в воздухе. Я стиснул зубы и увеличил скорость своих толчков.

Чертовски помешанный на блондинке святоше с промытыми мозгами...

Дерьмо!

5 глава

Новый Сион, Техас

Пророк Каин

Прижимая ладонь к мягкой щеке Мэй, я прошептал:

— Я бы подарил тебе весь мир.

Ее рука повторила мое действие, и она наклонилась ближе.

— Беги, Каин. Пожалуйста... Беги...

Я слышал пистолеты на расстоянии, но мои ноги не двигались. Я не мог оставить ее. Я любил ее.

— Беги, пожалуйста... Спасайся... Ради меня, если ты меня любишь, беги... ради меня...

— умоляла Мэй.

Выстрелы становились ближе, и я опустил руку, бросившись в лес и оставив позади свое сердце и шанс на спасение моего народа.

— Как ты себя чувствуешь, брат?

Испуганный голосом, приближающимся сзади, я подпрыгнул. Изгоняя болезненное воспоминание о Мэй из своей головы, я встал на ноги, закончив свою молитву.

Иуда, мой брат-близнец, подошел с широкой улыбкой на лице. Он был одет в традиционную белую тунику и штаны, как и я. Его волосы были такого же цвета и длины, как мои, глаза были карими, как у меня, и телосложение — идентичным.

Убрав длинные волосы с глаз пальцами, я обнял своего близнеца, ища утешение в знакомых объятиях, и вздохнул.

— Я в порядке.

Иуда отстранился и обнял меня за плечи, направляя меня по декорированной тропинке в моем персональном молитвенном саду в задней части моих новых жилых покоев. Хотя, слово «покои» не подходило им. Моим новым жилищем был большой белый дом с колоннами, показной своей внутренней отделкой и огромный по размеру. В нем вмещалось множество спален, гостиных и комнат отдыха, а также огромная кухня — все заполненное дорогой мебелью. Ландшафтные сады за домом, казалось, никогда не заканчивались, и их было слишком много, но этот маленький сад для молитв нравился мне, он был наполнен фонтанами и зеленью. Здесь я мог спрятаться от всего этого безумия.

Я не был уверен, что мог сделать это.

То, чего от меня ожидали.

Черт, я не был уверен, что хотел сделать это.

Я не чувствовал себя пророком. Я чувствовал себя человеком, которому только что вырвали его сердце и бросили перед ним на тарелку. И сейчас у меня была целая толпа людей, которых нужно было вести за собой. Мне было двадцать четыре года, и я должен был вести целую общину.

Я чувствовал себя не в своей тарелке.

Иуда сжал мое плечо, очевидно заметив беспокойство в моем взгляде.

— Настали славные времена, Каин. Не бойся этого. В этом году ты взойдешь на свое законное место среди наших людей. Год, когда ты познакомишься с Избранными как наш Пророк, как голос Господа на Земле... наш искупитель и спаситель. К этому моменту мы готовились всю нашу жизнь. Тебе предназначено быть здесь.

Иуда остановился и развернул меня лицом к себе, когда я промолчал на его слова. Он абсолютно верил в нашу миссию, а я просто не мог разобраться. Он должен вести людей, не

я.

— Я твоя права рука. Я с тобой на каждом шагу и в руководстве, и для поддержки. Ты мой близнец, наша связь больше чем братская или просто кровная. Мы были разделены надвое в утробе матери Господом, который пророчил нам нашу будущую славу в качестве его посланников. Мы будем править и господствовать вместе. Я выполню любой твой приказ. Я буду служить, чтобы удовлетворять тебя, помогать делить бремя твоего призвания, как апостолы помогали Иисусу.

Иуда был как утешение для меня. Всегда успокаивал меня и напоминал, почему мы здесь. Но проведя так много времени с Палачами и так отчаянно любя Мэй, я часто чувствовал, что его усилия безнадежны.

Я кивнул и обхватил его бородатые щеки, пытаюсь убедить его, что я в порядке, хотя и не чувствовал себя так.

— Ты действительно прав, Иуда. Это наша судьба. Я не подведу тебя и наших людей. Я выполню приказ Господа, и знаю, что ты будешь со мной и в хорошие и в трудные времена.

Иуда хлопнул в ладоши и широко ухмыльнулся, пока я медленно выдохнул.

— Благословляю тебя, Каин. Благословляю тебя. — Дружелюбно хлопнув меня по спине, мы начали идти в неторопливом темпе, повернув налево, чтобы следовать по выложенной булыжниками тропинке, которая превращалась в гравийную тропу через акры и акры травы.

Иуда указал жестом на общину.

— Так что ты думаешь о Новом Сионе? — на лице Иуды появилась нервозность, пока он ждал моего ответа. Он так отчаянно искал моего одобрения, полностью веря, что я был его Пророком.

В течение двух недель после смертельного рейда Палачей на старый Орден — в то время как я скрылся в Новых Землях, в доме моего детства в Юте, — Иуда круглосуточно работал с новым советом старейшин, чтобы найти нам новые земли. Новые земли для размещения наших людей, объединения последователей, и защиты Богом избранного народа от зла за пределами наших ворот — дьявольских мужчин, которые убили нашего священного Пророка и перебили наших храбрых и святых людей, пока те отбивались от их нежелательного вторжения — Палачей, мотоциклетного клуба, в котором я жил под новой личностью по просьбе пророка Давида. Иуда и совет постоянно напоминали мне, что они были язычниками, грешниками, и они хотели, чтобы я поклялся, что уничтожу их за всю боль и разрушения, которыми они наделили мой народ.

Я согласился, хотя понятия не имел, как их уничтожить. Я устал от насилия и был поглощен тем, как стать человеком, каким мой народ хотел видеть меня.

Но хуже всего, у Палачей были Окаянные. У них была она... Саломея, женщина, завещанная Богом пророку Давиду, чтобы спасти наших людей и обеспечить себе место в раю с помощью брачного союза. Женщина, которая должна стать моей женой. Женщина, которая по ночам мучила мои сны, но беспорядочно ложилась с ним, со Стиксом. Мужчиной, которого я ненавидел больше всего. Она была моей. Мэй должна быть со мной, на моей стороне.

Очистив разум ото всех мыслей, я встретился с выжидающим взглядом Иуды и улыбнулся.

— Брат, он идеален. Это правда идеально для наших планов, и в качестве убежища для нашего народа и для дела Господнего.

Выражение лица Иуды расслабилось, слезы радости блеснули в его глазах.

— Я растроган слышать такие слова.

— Иуда, нет надобности тебе церемониться со мной. Я твой близнец. Ты единственный человек, которому не нужно искать мое одобрение. Ты нужен мне. Ты все, что у меня есть.

Иуда вздохнул и спросил:

— А твои покои?

— Я не мог о таком и мечтать.

— Это очень радует меня, брат.

Последние две недели я содержался в уединение от всех, кроме Иуды и совета старейшин в Новых Землях, чтобы обеспечить мою защиту, пока создавалась новая община. Новый Сион был бывшей военной базой, проданной нам Избранными, которые жили под прикрытием и вращались в политических кругах. Эта база была идеальной для нового дома Ордена. Она была безопасной, имела массу жилых помещений, бытовых зон, и мы могли быть самодостаточными, используя множество гектаров пахотной земли, но лучше всего, что это было не так далеко от нашей старой общины, от всех наших союзников, но также достаточно далеко, чтобы не вызвать подозрений и испариться с общественного радара.

— Люди из всех зарубежных общин собираются приехать сюда? — спросил я, беспокойство накрыло мое тело от этой мысли.

— Старейшины занимаются организацией этого, пока мы разговариваем. Им не терпится встретить тебя, присоединиться и услышать слова Господа с твоих уст.

Я опустил взгляд, чтобы мой близнец не видел моего страха.

— Я уверен, так и есть. Последнее время было тяжелым для них. Они нуждаются в руководстве и сильном управлении. Им нужна новая цель, новая надежда... Им нужно утешение и понимание, что все убийства наших людей будут отмщены. Нам всем нужно наконец-то объединиться, без страха окружающего мира.

— И ты будешь этой надеждой, ты будешь их гарантом, — убежденно сказал Иуда. Я мог видеть, как возбуждение от нашей мести ярко горело в его глазах. Иуда был полон решимости довести гнев Господа до всех, кто обидел нас... и я был прямо позади него.

— Пророк Каин? Брат Иуда? Мы готовы. Люди начинают свое путешествие издалека и стремятся к будущему восхождению. Это грандиозное время для всех нас! Диаспора собрана, здесь наше объединение!

Повернувшись, я улыбнулся своему совету старейшин, когда они приблизились. Они были выбраны Иудой. У них было право старшинства, верность и самое главное — абсолютная вера в наше дело. И я мог не связываться с большинством из них.

— Братья Лука, Исая, — я поприветствовал более старших по возрасту первыми, из уважения. Затем повернулся к последователю, с которым разговаривал больше всего, и развел руки. — Брат Мика! — Мика обнял меня и сделал шаг назад.

Мика был сыном брата Луки. Они следили за несколькими международными общинами для пророка Давида большую часть своей жизни, но когда Иуда кинул клич общинам объединиться, они первыми ответили, немедленно примчавшись со своей базы. Они были опорой, которая помогала объединить всех вместе.

Община была разделена на четыре части, Новый Сион был самой большой. Все были близко к Сиону, поэтому если одна подвергалась натиску зла снаружи, наша секта держалась, и наши священные солдаты были готовы бороться и защищать свою веру.

— Вы готовы, сэр? — спросил Мика и положил руку на плечо Иуды. Мы трое были

одного возраста, и он вырос в того, кому я мог доверять.

— Я готов к тому, что ждет впереди, — ответил я, но ничего не мог поделать и задыхался от всего оказанного на меня давления. Мика посмотрел на меня со странным выражением, и я запаниковал, что он мог заметить внутреннюю борьбу на моем лице, сильное сомнение, что у меня получится вписаться в эту роль.

— Пожалуйста, дайте мне минуту для личной молитвы. Мне нужно многое подготовить, — сказал я, и увидел, как по его лицу расползается волнение.

Старейшины уважали мои желания и ушли прочь, как и Иуда.

Впитывая затухающий закат, я закалил свои нервы и попытался успокоить себя тем, что я был там, где и должен быть. Это всегда было моей судьбой, моим жизненным путем.

Но голубые газа Мэй вспыхнули в моем разуме, и я опустил голову, ощущая, как страх просачивается в мои кости. У меня не было иного выбора, кроме как сделать это. Я хотел доказать себе, что достоин Господа. Я хотел быть хорошим лидером.

У меня не было выбора.

Сделав глубокий вдох, я опустился на колени в молитве, прося Господа направить меня и наполнить непоколебимой верой, которую я каждый день видел в Иуде и старейшинах.

В течение следующих нескольких месяцев наш народ объединится, и я буду вознесен до живого проводника Господа...

Затем настоящее испытание моей веры действительно начнется.

6 глава

Ли́ла

Я сидела на кровати несколько часов — сон не приходил ко мне. Я ворочалась и ерзала, не в состоянии найти комфорт в этой слишком душной комнате и на слишком мягком постельном белье.

В общине нам были предоставлены только насущные удобства. Нашими кроватями были матрасы на полу, белье ощущалось грубым на нашей коже. Как люди Господа, мы должны были жить так же, как жил Иисус, и отказываться от всех предметов роскоши.

Хотя в этой квартире Стикса было не слишком пышное убранство, она была роскошней всего к чему я, да и все Окаянные, привыкли. Было так сложно приспособиться.

Но я призналась себе, что дорогие простыни и подушки не были причиной отсутствия моего сна. Ох нет, эта честь принадлежала ярко-голубым глазам, голове с длинными светлыми волосами и телосложению, созданному из греха, которые оккупировали все мои мысли.

Я вернусь утром. Будь готова!

Он будет здесь утром, и я должна быть готова.

Готова для чего? Я не знала. Он сказал, что обучит меня знаниям о внешнем мире, но я не хотела это познавать, не хотела выходить за пределы этих стен... особенно с ним! Меня должен спасти мой народ. Я просто знала это. А брататься с грешниками — не то, что я хотела, пока ждала их спасения.

Тем не менее вот она я, чистая после утреннего душа и одетая в свое длинное серое платье, белый чепец, сандалии, сосредоточенно вслушиваюсь к звукам, которые оповестили

бы меня о прибытие Кая.

Нервозность нарастала в моем теле, пока я покорно сидела на краю кровати по правилам приличия. Кай, мужчина, который собирался учить меня знаниям о внешнем мире, всегда пялился на меня, его глаза были полузакрыты, а языком он проводил между губ, пока его зубы грызли маленькую тонкую палку, которая часто торчала из его рта.

Когда я наблюдала за ним из окна своей спальни, я поняла, что, казалось, он всегда носил только черные или белые футболки, свободные темные или синие джинсы, тяжелые черные ботинки с металлом на задней части и показушный кожаный жилет, демонстрирующий, что люди в этом месте были заодно с адом, дьяволом.

Я никогда не видела, чтобы мужчина одевался так небрежно, так странно, но хуже было то, как он вел себя с женщинами, особенно с двумя женщинами... Две блондинки, которых он лапал в открытую, и я даже не посмею упомянуть другие действия. Еще хуже то, что женщины открыто приветствовали действия от него и от друг друга. Я никогда не видела, чтобы две женщины были так... раскованы друг с другом в плотских отношениях. Но, казалось, Кай наслаждалась тем, что они делали с ним. В действительности множество женщин околачивались здесь ночью, особенно в субботу, занимаясь тем же самым.

Учение Пророка Давида всплывало в моей голове, когда я наблюдала за регулярными и греховными актами разврата перед своими глазами. Зло преследует. Зло поймает вас. Зло разрушит вашу душу.

Боже, как все могло дойти до такого? Брат Ной продолжал твердить мне, что я была близка к спасению. Что этим обучением моя душа очищается. Я больше не буду проклята. Но здесь, в этом месте, у меня не было шанса достичь того, чего я хотела, единственного чего я хотела: не быть желанной из-за этого лица, созданного дьяволом.

— Сестра?

Сонный голос Мэдди избавил меня от отчаяния, и я посмотрела на ее кровать, ее зеленые глаза с темными кругами под ними, были уставшими. Мэдди всегда была загадочной, не раскрывая, что было у нее на сердце. За последние несколько недель мы были единственными обитателями этих квартир. Большинство дней мы проводили в тишине, обе потерянные в мыслях, и никто из нас не делился своими сокровенными страхами.

— Почему ты оделась так рано? Едва рассвело, — спросила она.

Нервно вздохнув, я ответила:

— Сегодня меня будут опекать. Мужчине из клуба поручено обучать меня знаниям об окружающем мире.

Реакция моей сестры была мгновенной. Мэдди начала дрожать, а ее глаза стали нечеловечески широкими.

— За...? — она сглотнула. — За мной тоже кто-то придет?

— Я так не думаю, — успокаивала я, когда Мэдди вдохнула еще больше воздуха. Я осознала, что она не дышала в ожидании моего ответа.

Положив руку на грудь, она села, прижав спину к спинке кровати, и сказала:

— Тогда почему тебя будут обучать?

Уставившись на свиль в расшатанной половице, я ответила:

— Из-за моих действий прошлым вечером.

— Я говорила тебе не выходить, Лила!

— Знаю, — прошептала я в смущении. — И теперь я буду наказана.

Подняв простыню до горла, Мэдди спросила:

— А что эти мужчины считают наказанием? — ее глаза начали блестеть, и она добавила: — Они... они возьмут нас, накажут нас как старейшины?

Сердце яростно стучало в моей груди, я ответила:

— Я не знаю.

— Нет, — внезапно сказала Мэдди, покачав головой. — Мэй не допустит этого. Ее Стикс не позволит обращаться с нами таким образом.

Я ахнула от ее доверчивости.

— Мэдди, они — грешники. Они открыто поклоняются дьяволу. Они способны на все.

— Я не думаю, что они боготворят дьявола, Лила. Я не видела никаких церемоний или служб, пока следила из окна. Они просто бунтуют как Сатана против Господа, когда Он приказывал своим ангелам поклониться его величию.

Я сощурила глаза.

— Они охотно поддерживают оккультизм,нося дьявола на своих спинах! Это смертельный грех, безусловно, не такой, как мы несем всю свою жизнь. Я не доверяю им, и я достаточно уверена, что Мэй потеряла свой рассудок и моральный стержень.

Глаза Мэдди пропутешествовали по моему телу, и она сказала:

— Если ты не доверяешь этому мужчине, почему ты так рано готова?

Мой желудок сделал сальто, но я коротко ответила:

— Потому что я сделаю все, чтобы выжить. Я буду выполнять все как положено, пока Господь не пошлет своих апостолов спасти нас.

Мэдди сидела тихо после этого, ее взгляд был направлен на руки, пока она теребила верхнюю часть простыни. Я знала, что она не хотела быть спасенной. Она бы лучше жила в изоляции этой комнаты. Но мысль об освобождении занимала мой разум каждую секунду каждого дня.

С лестницы раздались шаги, и каждая частичка меня окаменела. Он близко. «Дыши. Дыши. Ты можешь быть сильной. Ты можешь находиться рядом с ним», — сказала я себе.

Дверная ручка повернулась, я задержала дыхание в ожидании...

— Сестры?

Я облегченно вздохнула, и мое тело вернулось в норму. Мэй вошла осторожно, одетая в нескромную одежду и, должно быть, с косметикой на лице. Она держала поднос, наполненный едой, и за ней были ее подруги — блондинка и большая, темнокожая женщина в татуировках. Я боялась ее безмерно. Община состояла из людей только моей кожи и расы. Я не встречала кого-то вроде Летти.

Они втроем вошли и закрыли дверь, запирая нас.

— Я подумала, что мы можем нарушить наш пост этим утром, — сказала Мэй с доброй улыбкой.

Я любила свою сестру, ее красивая улыбка спасала меня в темные отрезки моей жизни. Но сейчас я не чувствовала связи с Мэй. Она приняла жизнь, которую я не понимала, любила мужчину, который одним взглядом мог испепелить человека. Он был темным, огромным, молчаливым, загадочным падшим ангелом.

Стикс. Его имя говорило за себя.

Но Мэй была счастлива. Я не могла вспомнить время, когда она была по-настоящему счастлива.

Поставив поднос на стол в углу комнаты, Мэй ободряюще мне улыбнулась. Я опустила голову в знак благодарности, но не была уверена, что в состоянии есть. Казалось, будто

бабочки нашли свой дом в моем животе от одной лишь мысли о том, что я проведу день с Каем.

Блондинка сделала шаг вперед и сказала:

— Ты помнишь меня, дорогуша? Красотка? — Она указала себе на грудь.

Я кивнула и слабо ей улыбнулась.

— Почему... почему... ты Красотка? — спросила тихо Мэдди, шокировав нас всех, что разговаривала с людьми, которых не знала. Она сразу же опустила голову. Мэй подошла к своей младшей сестре, села рядом с ней на кровати и обняла ее.

Хотя Мэдди был двадцать один год, у нее был нрав робкого маленького ребенка. Брат Моисей был суровым воспитателем. Он выполнял свою роль благословенного старейшины пророка Давида с неограниченной властью. Мэдди всегда получала суровые уроки. Из-за них она становилась кроткой и слабой. Когда Белла умерла, а Мэй оставила нас одним в общине, Мэдди была полностью разрушена: едва говорила, едва ела, существовала как душа, плывущая по течению в чистилище.

Красотка сверкнула широкой улыбкой Мэдди, и она засмеялась.

— Сейчас меня зовут Красотка, дорогуша. При рождении дали имя Сюзан-Ли, но кто черт побери, захочет такое имя?

— И ты переименовала себя в Красотку? Я не знала этого, — сказала Мэй с веселым выражением лица. — Предполагаю, я все еще изучаю внешний мир.

Красотка пожала плечами.

— Была королевой драмы всю свою жизнь, моя мама заставляла меня участвовать в этом шоу *Toddlers and Tiaras*⁶. Вы все смотрите на бывшую юношескую мисс Техас. Когда я познакомилась с Тэнком, он дал мне это имя, и я больше никогда не была Сюзан-Ли. Я как раз сбежала с национального конкурса, все еще в короне и ленте, когда он догнал меня на своем Харли, после собрания клана. Я села на заднее сиденье его байка и больше никогда не оглядывалась назад.

Мы все безэмоционально уставились на Красотку. Я понятия не имела, о чем она говорила, ее слова были пустым звуком для меня. Красотка посмотрела на Летти в замешательстве из-за наших пустых реакций, на что Летти просто пожала плечами.

Красотка вытащила стул и объяснила:

— Во внешнем мире, особенно здесь в Техасе, мы устраиваем конкурсы, где оценивают женскую красоту, осанку, талант и прочие забавные вещи. Самые красивые девушки выигрывают.

Шок прошел через все мое тело, и я увидела то же самое выражение ужаса на лицах своих сестер.

— У вас есть соревнования, где оценивают красоту? — спросила я с удивлением. — Но это грех. Это неправильно! Чрезмерная красота может извратить восприимчивость людей. Чрезмерная красота — проклятие, а не благословение.

Красотка указала на меня и сказала:

— Ты исповедуешь неправильную веру, блонди! Эта твоя секта обычный лагерь пыток, приукрашенный разными понтами.

Внезапно в дверь громко постучали, и мой взгляд уперся в закрытый кусок дерева.

— Я, черт побери, сделаю это! — глубокий мужской голос прогремел, и я мгновенно узнала его. — Я отсыпался после пол галлона «Бима» и ночи долгого жесткого траха, когда ты вытащил меня из кровати ради всего этого дерьма, поэтому дай мне гребаную передышку!

Мэй нахмурилась и Летти приоткрыла дверь, и по другую сторону двери стало видно Кая и Стикса, Стикс держал руку на спине Кая, толкая его вперед. Они оба замерли и посмотрели в направлении нас, все наше внимание было приковано к ним.

Кай стряхнул руки Стикса, но Стикс толкнул его вперед.

— Что случилось? — спросила Мэй, на ее лице была написана обеспокоенность, когда она уставилась на Стикса. Взгляд Кая встретился с моим, и его лицо выражало все, что угодно, но только не счастье.

Я мысленно пожала плечами. По крайней мере мы оба чувствовали одно и то же самое.

Стикс сосредоточился на Мэй и начал что-то показывать руками. Я опустила голову, разрушая визуальный контакт с Каем, пока Мэй резко не поднялась на ноги и сказала что-то в ответ.

Стикс сжал челюсти, и Мэй двинулась ко мне.

— Лила? — спросила она, и я с любопытством подняла голову. — Ты хочешь поехать с Каем?

Опустив взгляд снова, я ответила:

— Я сделаю все, что он прикажет мне.

Мэй вздохнула, присела на колени передо мной и положила голову мне на плечо. Громкий кашель раздался с другой стороны комнаты, Мэй повернула голову, и Стикс снова показал что-то жестами.

Мэй опустила взгляд и медленно встала.

— Лила. Просто иди с Каем. Он не причинит тебе вреда.

Я кивнула и встала. Кай повернулся, пробормотал что-то себе под нос, что я не смогла разобрать, и прошел мимо Стикса, сбежав вниз по лестнице. Я последовала за ним, пока мы не оказались в конце лестницы, утренний ветерок сразу же обдул мою кожу.

Кай встал спиной ко мне, а я оставалась молчаливой.

— Ради всего святого! — пробормотал он, затем повернулся ко мне лицом. — Чем ты хочешь заняться?

Мои глаза расширились, и я ответила:

— Я не знаю.

— Чертовски идеально! — сказал он отрывисто, и провел руками по своим запутанным светлым волосам. Затем достал тонкий кусочек кожи из кармана штанов, и с помощью него собрал волосы в низкий хвост.

Хоть и пыталась, я не могла оторвать от него взгляда. С такими длинными волосами, была вероятность, что мужчина мог выглядеть женственно, но не в случае с Каем. Он источал крайнюю жесткость как щит, тем не менее, взглянув на его лицо, ты ничего не мог поделать и был привлечен его красотой.

Протяжно выдохнув, выглядя бледным и уставшим, Кай опустил подбородок и закрыл глаза.

Я оглядела широкий и безлюдный двор.

— Все хорошо, Кай? Кажется, тебе не здоровиться.

Кай открыл глаза и его взгляд мгновенно встретился с моим. Некоторое время он просто пялился на меня. Затем в уголках его глаз образовались морщинки, и его рот растянулся в намеке на ухмылку.

— Просто гребаное похмелье, сладкие щечки. Обычно не вытаскиваю свою задницу из кровати, по крайней мере, раньше полудня.

— Полудня? — я ответила в шоке. — Тогда ты пропускаешь лучшую часть дня. Рассвет — одно из лучших созданий Господа, мое любимое время дня. Нужно просыпаться каждое утро и слушать пение птиц.

Небольшая улыбка соскользнула с губ Кая, и он сказал:

— Да?

— Да, — ответила я со всей серьезностью.

— Понял. Приложить усилие, чтобы посмотреть рассвет и послушать гребаных птиц, — ответил он, затем достал белую палку из кармана и поджег небольшим механизмом, который давал огонь. Кай втянул белую палку, и я наблюдала, как дым выходил из его ноздрей. Затем он наклонил голову в мою сторону.

— Пойдем.

Поднявшись на ноги и следуя за ним, я спросила:

— Куда мы?

— Мы собираемся обучить тебя разному дерьму, — крикнул он через плечо, и мы оказались в передней части двора, стоя перед длинным рядом мотоциклов, на которых ездили все мужчины. Мэй объяснила, что это такое, когда я наблюдала за ними из окна. Для меня они были опасны.

Кай остановился у большого черного с серебристым байка. Отцепив шлем, он сунул его в мои руки, а я непонимающе уставилась на него.

Кай настоял.

— Возьми его, надень. Мы прокатимся.

— Прокатимся? — сказала я, и страх прошел через все мое тело.

— Да, прокатимся, — ответил Кай, и я начала трясти рукой. Он хотел, чтобы я ехала на байке. Нет. Это было опасно. Как я должна сесть на него и сохранить свою скромность? Я должна буду прикасаться к Каю?

— Лила...

— Могу я просить позволения, чтобы мы не использовали эту машину, Кай? — сказала я, перебивая его.

Шокированное и тем не менее все еще веселое выражение промелькнуло на лице Кая, и он приподнял свою светлую бровь.

— Можешь ли ты просить позволения?

Я кивнула с опаской, пытаюсь оценить, могло ли это разозлить его. Но после того как секунду пялился на меня, Кай внезапно начал громко смеяться и положил шлем на заднее сиденье байка. Он снова посмотрел на мое лицо и, казалось, стал смеяться еще громче.

— Бл*дь, просит позволения, — пробормотал он, качая головой.

— Почему ты смеешься надо мной? — спросила я тревожно.

Кай обошел байк, встал передо мной и сказал:

— Первый гребаный урок, сладкие щечки. Здесь в «дьявольском мире», — глумился он, — если мы не хотим делать что-то, ехать на чем-то, тогда мы просто, бл*дь, говорим это.

Нахмурившись, я сказала:

— Я так и сделала.

— Нет, сучка, ты открыла эти долбанные полные губки и заговорила со мной, как королева Англии. С этого момента ты просто говоришь: «Я не хочу, черт побери, ехать на этом, Кай». — Он дернул подбородком и сделал еще одну затяжку из своей белой палки. — Поняла?

Кивнув, я подняла руки и провела пальцами по губам. Кай сощурил глаза, когда посмотрел на меня.

— Полные губы? — сказала я озадаченно. — У меня полные губы?

Сверкнув на меня ослепительной белой улыбкой, Кай облизал свои губы и подошел ближе, слишком близко, чтобы было комфортно. Близость его большого, мускулистого тела нервировала, и его прокуренное дыхание касалось моей щеки.

Обхватив рукой мой подбородок, он провел большим пальцем по моей нижней губе и наклонился, сказав:

— Полные губы, розовые губы. Самые чертовски идеальные губы, которые я когда-либо видел. — Его голос стал более хриплым и низким, чем обычно. — Да, Ли, твои полные губы поистине созданы, чтобы сосать член.

Мое сердце забилось сильнее и внезапно, почувствовав головокружение, я судорожно выдохнула. Его слова были грубыми, но я осознала, что это был его способ самовыражения.

Время остановилось, когда мы с Каем стояли неподвижно, оба глубоко дыша. Казалось, воздух потрескивал вокруг нас, и напряжение сдавливало мою грудь. Вдруг Кай сделал шаг назад и прочистил горло, сделав последний вдох из белой палки, затем бросил ее на землю, ее кончик все еще горел оранжевым пеплом.

Давление в моей груди ослабло, когда Кай попятился.

— Ты заставишь меня залезть в грузовик? Будешь держать меня взаперти?

Кай не дал мне времени ответить, вместо этого достал ключи из кармана и пошел к огромной черной машине с огромными серыми решетками спереди и двойными колесами сзади.

Раздался щелчок и Кай открыл дверь.

— Залезай, — приказал он, но я не двигалась. — Лила, залезай в гребаный грузовик, — приказал Кай.

Я нерешительно шагнула вперед, заглядывая через высокую открытую дверь. У Пророка Давид и старейшин были автомобили, которые они использовали время от времени, но никто из оставшихся членов Ордена не использовал их, особенно мы — Окаянные. Мы были отделены, и нам было отказано в таких возможностях.

Внезапно он обхватил меня за талию, и удивленно закричав, я была поднята на сиденье. Когда я повернулась лицом к Каю, он захлопнул дверь и обошел спереди машины, чтобы сесть рядом со мной.

Кай засунул ключ в отверстие и сказал:

— Ремень безопасности.

Я затихла, не понимая его слов и не желая злить его. Кай посмотрел на меня и повторил:

— Ремень безопасности.

— Что такое ремень безопасности? — тихо спросила я.

Обхватив огромный руль перед собой, Кай выдохнул и наклонил голову.

— Это будет долгий гребаный день, да, сучка?

— Я... — я начала отвечать, но широкое тело внезапно оказалось напротив меня, его грудь прижата к моей груди. Он вытянул руку, чтобы схватить что-то над моей головой. Я не могла дышать. Мои легкие не желали функционировать.

Когда грудь Кая потерлась об мою, моя грудь стала невероятно тяжелой, а я возбужденной и взволнованной. Казалось, что Кай также не двигался, а его дыхание было

затруднено. Прежнее удушающее давление вернулось.

Огромное пространство автомобиля внезапно стало казаться маленькой коробочкой. Все ощущалось слишком маленьким, все, кроме мужчины напротив меня, большого мужчины, который держал черный ремень у меня над головой... большого мужчины, чей взгляд встретился с моим, и, казалось, мог зажечь огнем.

Его губы дернулись, и внезапно я ощутила твердость у своего бедра — его твердость, и начала нервно дрожать.

Кай начал двигаться сначала очень медленно, осторожно касаясь ремнем моей груди, а затем бедер, его руки коснулись моих чувствительных сосков. Ахнув и ощутив покалывание между ног, я начала паниковать.

Лицо Кая возникло перед моим, движение такое же очевидное, как появление солнца на небе. Его нос коснулся кончика моего, он вдохнул мое теплое дыхание. Так близко, от него пахло дымом, да, и опьяняющим запахом прохладной теплой воды, которая напоминала очищенную реку. Небольшое хныканье слетело с моего рта, когда громкий клик раздался в воздухе, отвлекая меня от магнитного притяжения, пульсирующего между нами.

— Ремень безопасности, — прохрипел Кай, и его приоткрытый взгляд опустился к моим губам.

Полные губы, розовые губы. Самые чертовски идеальные губы, которые я когда-либо видел.

— Бл*дь, сучка, — Кай застонал, затем отстранился, оставив меня прижатой к сиденью, мои руки были неподвижны по бокам. — Да, чертовски долгий день.

Закрыв глаза, я восстановила самообладание, сначала расслабив свои напряженные мышцы. Услышав рычание рядом, я повернула голову налево и увидела, что Кай поправляет промежность своих штанов с болезненным выражением на лице.

Вернув руки на руль, он покачал головой и сказал:

— Мы поедем завтракать. Мне нужна еда, чтобы избавиться от гремлины в моей голове и ведро кофе, чтобы бл*дь, проснуться.

Гремлина? Кофе? Я понятия не имела, о чем он говорил, но одна сказанная фраза напугала меня.

— Мы покинем эту территорию? — спросила я, голос выдал мое опасение.

Кай повернул ключ в зажигании, и машина взревела под нами. Я удивленно взвизгнула и попыталась найти что-то, чтобы держаться.

— Что случилось? — взвизгнула я, держась за ручку двери.

Кай снова повеселел.

— Во-первых, успокойся. Грузовик только что завелся. И во-вторых, мы покидаем территорию. Я не готовлю гребаную еду, и почему-то, мне кажется, ты не захочешь, чтобы одна из моих шлюх делала это.

— Я не хочу покидать безопасность этих стен, — сказала я в ответ, изо всех сил стараясь утихомирить бешено колотящееся сердце и игнорировать комментарий об его «шлюхах».

Проигнорировав меня, Кай потянул рычаг сбоку от руля, и автомобиль начал двигаться вперед и ворота открылись.

Кай опустил руку, похлопал меня по колену и сказал:

— Держись, сладкие щечки. Урок номер два, за пределами клетки в защитном пузыре жизнь не стоит на месте. Ты состояла в этом культе, теперь ты запираешь себя здесь. Возьми

жизнь за яйца в какой-то момент и сожми этих засранцев с мастерством шлюхи.

В том месте, где лежала его рука на моем колене, мою кожу покалывало. Непривыкшая к таким реакциям, я молилась Господу дать мне силы пережить сегодняшний день. Дать мне сил противостоять этому грешному мужчине.

— Итак? Ты собираешься заткнуться и схватить эти яйца? — сказал Кай, в его глазах плясали озорные огоньки.

Я кивнула и попыталась выглядеть расслабленной. Я не могла рассказать ему, что мои люди придут за мной, Мэдди и Мэй. Я хранила молчание, готовая наблюдать за тем, что грядет, когда тяжелые металлические ворота открылись, впуская зло внешнего мира.

Когда мы оказались на дороге, я восхищалась большими деревьями, которые окружали небольшую извилистую полосу. Так вот как бы ощущался полет, подумала я, когда машина быстро набрала скорость, и зеленые и коричневые вспышки деревьев мелькали мимо моих несфокусированных глаз.

Мир передо мной менялся так быстро, что мои глаза не могли понять, что видели. Пока я была поглощена божественными творениями, на мгновение забыла, что Кай был вместе со мной в машине, что я была далеко от своих людей. На какой-то отрезок времени я забыла... обо всем.

Откинувшись на сиденье, мои глаза были прикованы к миру снаружи, предвкушая, что я могу увидеть, когда мы минуем эту деревенскую полосу.

— Итак... — сказал Кай, и я повернула голову к нему. Он неловко заерзал, как будто ему было некомфортно в моем присутствии. — Как тебе жизнь снаружи общины?

Мой желудок сжался от его вопроса, и я внутренне сомневалась, сказать или нет правду. Решив не врать, я признала:

— Мне совсем не нравится.

Брови Кая приподнялись, и он спросил:

— Почему?

Я теребила свои руки и призналась:

— Я не знаю этот мир. Все, во что меня учили верить, было неправильным, вы — Палачи, кажется, все принимаете и наслаждаетесь.

— Вот почему ты считаешь нас всех дьяволами? Потому что мы любим пить, убивать и трахаться?

— Да, — ответила я честно, поморщившись на то, как дерзко он говорил о своем образе жизни. Он говорил так обыденно об убийствах, как будто это было обычным явлением.

— Все это относительно, сладкие щечки. Я думаю, что ты пришла из группы довольно больных ублюдков, — сказал он после напряженной минуты тишины.

Возмущенная я спросила:

— В каком смысле?

— Потому что даже для такого грешника, как я, мысль, что один мужчина смог промыть мозги тысячи людей, заставив их поверить, что он посланник Господа, и трахал маленьких детей, кажется чертовски неправильной. Эй, я скажу тебе честно, Ли. Этот Пророк и твой культ просто использовали Господа, чтобы прикрыть педофилию. — Голос Кая становился напряженнее, чем больше он говорил.

— Что такое педофилия?

Шокированный взгляд Кая встретился с моим, затем он снова сфокусировался на дороге.

— Когда люди, взрослые, любят трахать детей.

Я задохнулась, шокированная его обвинением.

— Нет... — прошептала я, и мое сердце забилося сильнее. — Долгом старейшин было соединяться с нами, чтобы избавить нас от нашего первородного греха.

Взгляд Кая потемнел.

— Верно. Как я и говорил, гребаное промывание мозгов.

— Ты не понимаешь. У тебя нет веры. Ты живешь аморально, — ответила я, чувствуя боль в желудке из-за этого разговора.

— Знаешь что? Ты думаешь мы — Палачи, ошибаемся, живя вне закона, который диктует гребаное общество. Мы заслужили бурбон и киску после тяжелого дня, впахивания на клуб, а убиваем мы только, чтобы защитить свое, как когда ваши еб****ые старейшины, которые убили твою сестру, Беллу, похитили Мэй, чтобы силой выдать замуж за ходячий труп, и стреляли в моих парней, когда мы отправились вернуть ее, — добавил Кай, затем посмотрел на меня. — И, сучка, разве ты не гребаная христианка?

— Да, — вскрикнула я. — Я предана нашему Господу и спасителю Иисусу Христу... и моему Пророку.

— Тогда что, бл*дь, случилось с твоим: «не судить гребаного ближнего», «возлюби гребаного ближнего своего» и, черт побери, «люби и прощай грешников» дерьмом? Потому что из твоего рта я слышу только гребаную лицемерную ерунду и неодобрительные проповеди.

Я сидела с открытым ртом, когда он добавил:

— Да, нечего сказать, Ли? Потому что сейчас ты слышишь, как испорчено ты и твоя гребаная вера звучите.

— Моя вера не испорчена! — защищалась я. Я ничего не могла поделать, но подумала, что некоторые замечания Кая могут иметь основания.

Я вздохнула, поерзала на месте и сказала:

— Но...

— Но? — спросил Кай, улыбка угрожала расцвести на его губах.

— Но ты прав. Я не должна осуждать других за свободный дух. Я никогда не думала, что мое видение клуба в этом смысле так ошибочно, — признала я. На этот раз я была награждена широкой, убийственно красивой улыбкой Кая, и она была потрясающей.

Покалывание между моих ног вернулось, и я надеялась, что оно пройдет, прежде чем Кай заметит, что со мной что-то не так... потому что со мной и правда было что-то не так... я была развращена... Каем. Ощущения, которые возникали рядом с ним, было почти невозможно выдержать.

Когда успокоилась, я обдумала слова Кая и сказала:

— Если не брать в расчет прошение и осуждение, ты действительно должен стремиться не грешить, ради своего спасения, Кай.

— Спасения? Ты думаешь, меня можно спасти, сладкие щечки? Ты переживаешь обо мне? — в его голосе сквозила озадаченность.

— Я верю, что каждый может быть спасен. — Я ощущала, что Кай наблюдает за мной. — Например, женщины, с которыми ты делишь связь... — я замолкла, и услышала, что Кай закашлялся, чтобы прикрыть свой смех. — Ты не должен так свободно взаимодействовать с ними. Ты должен сдерживаться ограничиваться и сохранить себя для женщины, на которой захочешь жениться по закону Божьему. Это чистая любовь, Кай. В Писании говорится, что

любовь как эта, не похожа на другие. Эта женщина спасет тебя или, по крайней мере, даст тебе безопасное место, чтобы возвращаться домой.

По выражению лица Кая невозможно было ничего понять, когда он смотрел на меня. Во мне расцвела надежда, что он услышал меня. Что сможет поменять свой грешный путь.

— Ну, Иисус трахал шлюху, не так ли? И это дерьмо похоже сработало для него, да? Я хочу сказать, черт, сучка, у меня длинные волосы, борода, и женщины падают к моим ногам и поклоняются мне. Может, я гребаное второе пришествие?

И после этого я пожалела обо всем, что говорила.

Защищаясь, я выпрямилась на сиденье и прошептала:

— Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь.

— Ох, здорово, еще больше библейского дерьма. Как раз то, в чем нуждается мое гребаное похмелье!

Чувствуя раздражение и открыв рот на его игнорирование письменного слова Господнего, я пробормотала:

— Евангелие от Иоанна 4:8. Это достойно твоего уважения.

— Понял, — сказал Кай весело. — Можешь написать это достойное дерьмо, засунуть в рамку и повесить на моей стене.

Отвернувшись от его дразнящей ухмылки, я бросила взгляд в окно и внезапно заметила, что на дороге были другие автомобили, и мы оставили уединенный переулок, где находился клуб. Среди полей зелени встречались случайные дома, и через несколько минут повсюду появлялись люди — внешний мир жил своей жизнью.

Я была очарована всеми этим: цветами, широким спектром различных людей, их разнообразной одеждой, различными машинами на дороге. Сначала это пугало меня, но я чувствовала себя в безопасности в грузовике и к моей досаде, я чувствовала себя в безопасности с Каем. Я понимала, что он был моим защитником. Я была свидетелем той ночью, когда он ворвался в лагерь и потребовал, чтобы нас с Мэдди забрали вместе с Мэй. И, несмотря на этот незнакомый мир, и то, что я провела с ним совсем мало времени, я инстинктивно знала, что он защитит меня от опасности.

Автомобиль повернул направо, и мы остановились на небольшой площадке с несколькими другими неподвижными автомобилями, небольшим деревянным домом с надписью сверху «Закусочная-избушка у Мод». Мы остановились.

Некоторые люди, проходя мимо, заглядывали в машину, склоняли головы вместе, шепчась друг с другом.

Я повернулась к Каю и призналась:

— Я боюсь выходить. Эти люди так отличаются от меня. — Я провела руками спереди своего серого платья и по белому чепцу. Меня тошнило от нервозности. — Я выгляжу не так, как они. Все буду пялиться на меня, а я ненавижу, когда на меня пялятся. Я не выдержу этого.

Кай придвинулся ближе на длинном сиденье и сказал:

— Ли, никто не скажет тебе ни слова. Ты со мной. В этих краях, ни один ублюдок не скажет нам ни слова, пока не захочет, чтобы ему стало чертовски больно.

В его выражении лица я не увидела ничего, кроме искренности. Тем не менее я не хотела двигаться.

— Могу я попросить позволения, чтобы мы вернулись в лагерь? Я не чувствую себя комфортно, находясь снаружи.

Кай покачал головой и сжал мою руку своей, отчего я ахнула.

— Большого никаких просьб позволения. Настало время схватить эти яйца.

Кай вытянул руку надо мной и открыл дверь.

— Пойдем. — Выпустив мою руку, он выпроводил меня из машины и следовал сзади, шаркая по сиденью, убедившись, что я делаю, как он сказал.

Снаружи автомобиля странные звуки заставили меня подпрыгнуть, и я обнаружила, что пятилась назад, пока не врезалась во что-то твердое. Развернувшись, я поняла, что врезалась в Кая. На его лице снова было веселое выражение, и без слов, он взял меня за руку и начал идти к «Избушке у Мод».

Идя на два шага позади Кая, как и требовалось при ходьбе с мужчиной, я смотрела в землю и пыталась блокировать странные шумы, атакующие мои уши.

Зазвучал колокольчик, когда Кай открыл дверь, и внезапно шум от болтовни людей прекратился. Я ощущала, что люди устали на нас с Каем. Кай не отреагировал на это, для него это было нормой.

Он был красивым, и может, его хороший внешний вид так гипнотизировал людей?

По деревянному полу раздалось цоканье каблуков, и женщина сказала:

— Доброе утро, Кайлер, столик как обычно?

— Доброе утро, дорогая, и да, тот же самый столик, — ответил Кай.

Я подняла голову немного, достаточно, чтобы увидеть пожилую седовласую даму в странном розовом предмете одежды, которая улыбалась Каю.

— Ты не сказал, что у тебя дела сегодня. Я бы передвинула кое-какие сиденья, чтобы обеспечить немного приватности, — зашептала женщина, когда мы проходили мимо столов, за которыми люди пилились на нас, и прошли за разделяющую стену, где стоял один не занятый стол.

— Никаких дел сегодня, Мод. Только еда и ничего больше, — ответил Кай.

— Ох, хорошо. Дай мне минутку, чтобы все здесь подготовить.

Повисла тишина, и я рискнула поднять голову. Женщина смотрела на меня и покачала головой, затем повернулась к Каю.

— Знаешь, за все время, что знаю тебя, а это целая долбаная жизнь, я ни разу не видела тебя здесь с девушкой.

Кай пожал плечам и слегка покраснел, отчего я улыбнулась. Он поймал меня за разглядыванием и сощурил глаза, отчего я опустила свой веселый взгляд.

Женщина, которую Кай назвал Мод, наклонилась, сильный запах от ее духов был удушающим, и сказала тихо:

— Она не жертва секс-трафика? Почему она так странно одета? Такое ощущение, что она из семнадцатого века!

— Клубные дела, дорогуша. Ты знаешь, как это, — сказал Кай резко, его челюсти напряглись.

— Я не против, что ты проворачиваешь здесь клубные дела, и то же самое касалось отца Стикса и твоего отца. Вы, мальчики, всегда приглядывали за мной. Но есть некоторые вещи, которые меня не радуют, — она сделала паузу и добавила: — Выглядит так, будто девочка была вырвана из Юты из этого странного полигамного культа. Хотя у нее чертовски красивое лицо. Она красавица.

Я заметила, что Кай напрягся от слов Мод, но ее упоминания не имели смысла для меня. Хотя «культ» было знакомо, и это беспокоило меня.

— Никакого секс-трафика. Палачи никогда не варились в этом и не будут. Я бы лучше убил этих сучьих мудаков, чем присоединился в их сучьи ряды. И откуда эта сучка не твое дело. Она со мной, и это все, что имеет гребаное значение.

— Хорошо-хорошо, — ответила Мод раздраженно и потерла руку Кая, — я оставлю вас и принесу меню.

— Не надо, все как обычно.

— Поняла!

Странные туфли Мод на высоких каблуках зацокали по полу, когда она уходила.

Кай выпустил мою руку, и я подняла голову.

— Садись, сладкие щечки, — приказал Кай, и я сделала, как он сказал.

Когда я осматривала окружение, я заметила, что мы сидим за небольшим круглым столом, по каждой стороне был стул. Кай сел напротив меня и тут же бросил оценивающий взгляд в толпу. Люди рядом с нашим столом сразу же опустили головы и отвернулись.

На самом деле они выглядели напуганными. Однако маленькая девочка за столом не могла оторвать взгляда от меня, на вид ей было около шести лет, невинная и чистая. Меня замутило, когда я осознала, какой маленькой должно быть выглядела, когда меня отослали прочь и прозвали Окаянной.

Две молодые девушки за столом позади пялились на Кая, и видя мою заинтересованность, Кай обернулся, сверкнув красивой улыбкой в их направлении. Девушки захихикали и покраснели. Кай снова повернулся ко мне и его брови весело подергивались.

— Они давно пялятся на тебя, — сказала я.

— Да, — Кай пожал плечами. — Сучки чертовски возбуждаются от этого лица и тела, потому что я сексуален, сладкие щечки. Такое происходит все время.

Я ахнула от его откровенности. Я не была уверена в значении многих слов, но поняла его тон.

— Ты очень тщеславный.

— Нет, я чертовски честен. Я охренительно горяч и знаю это. Зачем лгать?

Сощутив глаза, я предположила:

— Ты придаешь слишком большую ценность красоте.

Кай фыркнул и указал на мое лицо.

— Сказала самая красивая девушка.

Оскорбленная, я спорила:

— Красота ничего не значит для меня... поверь.

Кай снова пожал плечами.

— Потому что ты красива. Мы оба. Красивые люди всегда говорят это дерьмо о неважности красоты. Но, Лиля, мы оба чертовски потрясающе выглядим. И это не изменить. — Он наклонился вперед и подергал бровями. — Поэтому используй это. Я так и делаю... часто.

Я покачала головой, так как мне нечего было сказать, и Кай победно улыбнулся.

Кай потянул руки над головой, привлекая мое внимание, он размял шею из стороны в сторону, сверкнув еще одной улыбкой и сказал:

— Тебе нравятся блинчики?

— Блинчики? — озадачено спросила я.

— Ты никогда не ела блинчики и бекон?

Я покачала головой.

— Дерьмо, — он вздохнул.

Из-за его реакции я предположила, что бекон и блинчики должны быть действительно особенными.

В этот момент Мод вернулась с двумя чашками и графином чего-то черного, что прекрасно пахло. Когда она поставила чашки на стол, я видела, как Кай смотрел на меня тяжелым взглядом.

Мод наполнила кружку Кая жидкостью, затем повернулась ко мне и сказала:

— Кофе, дорогая?

Я уставилась на Кая, ожидая дальнейших инструкций.

— Эмм...

Брови Мод поползли вниз, и я заметила, как она с подозрением зыркнула на Кая.

— Да, она будет, — ответил Кай. Мои плечи опустились, когда я почувствовала облегчение, Мод быстро наполнила мою чашку и ушла.

— Спасибо, — сказала я. — Я не знаю, что делать. Я никогда не отвечала за себя прежде.

Упершись локтями в стол, Кай покачал головой разочарованно, и сказал:

— Ты также не пила кофе?

— Нет, — что это? — я опустила взгляд на горячую, ароматную жидкость с более чем заметным любопытством. Аромат был заманчивым, даже опьяняющим.

— Это напиток.

Не в состоянии сдержать смех, я хихикнула:

— Я знаю, Кай. Я могу многого не знать о твоём мире, но могу узнать горячий напиток.

Выражение лица Кая изменилось с безразличного, даже скучающего, на какое-то другое... что-то похожее на изумление. Оно было едва различимым, но, тем не менее, присутствовало. Его взгляд смягчился, и затем через мгновение, он улыбнулся мне и положил свою руку на мою. Мой смех прекратился, когда тепло от его прикосновения просочилось через мою кожу до костей. Когда я посмотрела в его голубые глаза, они были сосредоточены на наших руках.

Я должна была отдернуть руку. Было правильно сделать это и грешно не сделать. Но я не хотела, и впервые в жизни, никто не мог приказать мне сделать наоборот. Сегодня я была под командованием Кая, и должна делать то, что он желает.

Кай напрягся. Я осознала его удивление на то, что я позволяю это запретное прикосновение. Мой пульс был таким же быстрым, как трепетание крыльев колибри, и дрожь возбуждения прошла по моему позвоночнику сверху вниз.

Затем взгляд Кая встретился с моим, след от улыбки до сих пор украшал его лицо. Он вытянул свободную руку и медленно и нежно коснулся моих губ, и затем сказал:

— Чертовски хороший вид, сладкие щечки.

— Что... что? — спросила я, когда он убрал руку с моего лица.

— Эта потрясающая гребаная улыбка. Я не видел, чтобы ты улыбалась за все время в лагере.

Моя улыбка исчезла, и я сказала:

— Потому что у меня не было причин для улыбки.

Кай начал гладить тыльную сторону моей кисти.

— Тогда давай найдем причины, Ли. Не оправдывайся за дерьмовую жизнь. В этом нет ничего сложного. Тебе не нравится что-то — найди то, что будет нравиться. Если не

нравится находиться с кем-то рядом — держись, бл*дь, подальше. Хочешь изменить жизнь — так подними свою задницу, сучка, и, бл*дь, измени ее.

Кай длительное время сжимал мою руку.

— Я знаю, что ты не чувствуешь, что принадлежишь к клубной жизни, но ты также не даешь никому помочь тебе в этом. Ты держишь себя в комнате, как в клетке, горюя по тому, что ушло и никогда не вернется. Ты чертовски несчастна, но ты даже не пытаешься все исправить. Никто из братьев не причинит тебе боли, и если ты будешь придерживаться определенных правил, навещающие братья и кочевники не получают и шанса. Ты осуждаешь Мэй, что она нашла в себе смелость оставить что-то, что она считала чертовски испорченным, и ты, бл*дь, убиваешь ее, отказываясь от помощи и даже от ее признания.

— Понимаю, ты считаешь нас грешниками, но мы грешники, которые всегда защитят тебя. Твоя сестра Мэй — старуха Стикса, и это значит, что ты под защитой клуба. И мы не относимся плохо к людям, которых пустили к себе. Поэтому, бл*дь, просто попытайся сгладить ситуацию. Я хочу сказать, бл*дь, я никогда не унываю, люблю свою гребаную жизнь, но смотря на тебя через окно каждый вечер, когда ты такая чертовски несчастная и смотришь на нас, будто мы демоны, мне даже хочется порезать себе вены. И должен сказать тебе, что я чертовски красив, чтобы умереть!

Тупая боль пульсировала в моем животе, как будто я получила резкий удар. Я опустила голову, хотя ничего не могла с собой поделаться и с неохотой улыбнулась на его шутку.

Он был прав. Он был слишком красив, чтобы умереть.

Кай поднял мою голову и вынудил меня посмотреть на него.

— Я не знаю всего, что эти гандоны сделали с тобой, но знаю достаточно, чтобы понимать, что ты не собираешься доверять людям, что ты чертовски запрограммирована бояться всех, кого Пророк Педро сказала тебе избегать, но попытайся, Ли. Просто попытайся.

Слезы наворачивались на моих глазах, когда я размышляла о словах Кая. У меня не было ответа. Я думала, он и не ждал его. С ним все казалось легко.

— Теперь, — сказал Кай, выпуская мою руку, — пробуй гребаный кофе.

Быстро вытерев щеку, я испустила смешок облегчения и обхватила ручку чашки слегка дрожащей рукой.

— Что в нем?

Кай пожал плечами.

— Кофеин.

Я сразу опустила кружку и отпустила ручку.

— Что теперь? — спросил Кай, нахмурившись.

— Я не пью кофеин. Он запрещен. Кофеин меняет твой разум и забирает тебя от Господа. Окаянные уже нечистые, поэтому мы должны есть чистую еду, употребляя только натуральные продукты.

Кай вздохнул и провел рукой по лбу.

— Здесь он не запрещен. Не стоит переживать о Пророке. Если ты сделаешь глоток кофе, не начнется гребаный Апокалипсис. — Кай толкнул чашку в моем направлении и сказал: — Просто попробуй, Ли. Просто, бл*дь, попробуй.

Я уставилась на провинившийся сосуд. Я была поражена своим уровнем смятения. Я никогда не перечила словам или командам Пророка Давида — была истинной верующей. Но в то же самое время слова Кая играли злую шутку с моим сознанием. Я хотела порадовать

его — хотела попытаться и пожить во внешнем мире... по крайней мере, пока я не вернусь в Орден.

Что-то внутри меня хотело довериться ему, порадовать его.

Сжав руки, я дрожала, когда взялась за ручку кружки и поднесла ее к своему рту. Чем ближе я подносила, тем сильнее становился аромат. Я закрыла глаза, убеждая себя попробовать, когда небольшое количество жидкости наполнило мой рот.

Она была горячей, горькой, пряной... и мне понравилось!

Опустив кружку, Кай наклонил голову набок и сказал:

— Понравилось?

Сдерживая смех, я сказала:

— Понравилось. Очень.

На его лице засияла огромная улыбка.

— Горжусь тобой, Ли. Ты взяла жизнь за яйца.

Появилась девушка и поставила на стол тарелки с едой, которую я раньше не видела. Кай поднял свою вилку и указал на большой круглый предмет в тарелке.

— Блинчик.

Я запаниковала по правилам этикета. Мне нельзя было есть с мужчинами в общине — это было запрещено, поэтому я ждала дальнейших инструкций.

Кай уставился на меня и вздохнул, вытянул руку и протянул мне нож и вилку.

— Попробуй, — приказал он.

Я кивнула, подчиняясь, когда он налил липкий коричневый соус сверху еды.

Я нахмурилась, и он сказал:

— Попробуй, Ли. Ешь. Тебе чертовски понравится. Не стоит придерживаться никаких правил, когда ты со мной. — Я решила попробовать небольшой кусочек, чтобы не разозлить его, но мой желудок стянуло в узел.

Я попробовала.

И мне понравилось.

Мне правда по-настоящему понравилось.

7 глава

Ли́ла

— Это... невероятно, — прошептала я, мое лицо было почти прижато к оконному стеклу, пока я любовалась видами. Огромные здания гордо стояли рядом друг с другом, некоторые были странных форм, а другие такими высокими, что было тяжело увидеть вершины.

День стал солнечным и ярким, позволив мне разглядеть все в идеальной ясности.

— Центр Остина, сладкие щечки. Это все взорвет твой гребаный разум. Хорошая музыка, хорошая атмосфера.

— Я... я никогда не думала, что такие места существуют. Мы слышали истории, конечно, но мое воображение не могло и мечтать о подобном зрелище.

Люди всех рас, форм и размеров заполняли оживленные улицы. Кто-то был одет грешно, кто-то в одежде, которую я не могла понять. Многие держали в руках аппараты, о

которых Мэй рассказывала мне и назвала их «сотовые телефоны».

— Ну? Что думаешь? — спросил Кай. — Ты видишь себя в такой жизни?

Размашисто покачав головой, я ответила:

— Нет. Совсем нет. Слишком много всего. Я буду бояться всего на свете: повести себя как-то не так, незнакомых людей, проходящих мимо. — Сделав вдох, чувствуя истощение от перевозбуждения, я сказала: — Если бы мне пришлось жить за пределами общины...

— Что и происходит сейчас, — вставил Кай.

— Ладно, хорошо, — ответила я. — Я бы предпочла жить где-то в тихом месте, подальше от людей, которые пялятся на меня и оказывают непристойные знаки внимания. Я бы хотела жить без страха греха, без лишнего шума, без особых волнений. — Когда бросила взгляд в окно, добавила: — Я бы хотела жить свободной от боли.

Кай ничего не ответил, но его костяшки пальцев выдали его эмоции, когда побелели от того, как напряженно он сжимал руль.

Чем больше мы ездили по городу, тем больше я уставала. Кай показывал на разные здания и объяснял, что это такое: музеи, в которых размещались древние артефакты со всего мира, кинотеатры, где люди встречали и смотрели «фильмы». Конечно, я никогда не смотрела кинофильмы. Кай объяснил, что такое телевидение.

Я осознала, что не могла отнести себя ни к чему здесь.

Все это ощущалось таким... таким... большим для меня. Чрезмерным.

После нескольких часов захватывающего, меняющего жизнь опыта, я повернулась к Каю.

— Могу я попросить, чтобы мы вернулись на вашу территорию? Я устала и мне кажется, что это перебор, и на сегодня я больше не смогу ни с чем справиться.

Кай кивнул, явно в курсе моего отчаяния, когда я глубже опустила в кресло сиденья. Он нажал кнопку на руле, и внезапно музыка взревела в автомобиле. Все пространство, казалось, ожило от быстрых, тяжелых битов. Я прислонила голову к двери, когда громкий шум пропитал воздух, которым я дышала.

В ярких огнях город сиял как светлячок, и потемневшее беззвездное небо сигнализировало о наводнении улиц отталкивающими персонажами. Я решила, что это место определенно не для меня.

Я предпочитала спокойную территорию лагеря. Освещенное луной небо, где повсюду были звезды, не подверженные влиянию искусственного освещения, которым хвалился мегаполис. Я предпочитала спокойствие — суматохе, зеленое — бетону, тишину — шуму.

Когда я вздохнула от напряжения, мы остановились на красный свет, означающий, что автомобиль должен стоять, и вдруг огромное белое здание оказалось в поле зрения. От одного взгляда у меня перехватило дыхание.

Это была конструкция из нетронутого белого камня; возвышающееся здание располагалось на высокой лестнице, демонстрируя свою красоту жителям города. Арочные цветные окна сияли в темноте, отбрасывая радугу на белокаменное окружение. Свет на высокой черепичной крыше освещал идеально отточенный шедевр. Широкие деревянные двери находились спереди в центре. Но самой великолепной деталью здания была статуя Иисуса Христа спереди — распятие, образ безмятежно поэтичный в своем искусстве.

— Пожалуйста, ты можешь остановить автомобиль, — попросила я, прижав ладони к стеклу.

— Что? — Кай выглядел удивленным и нахмурился, когда я повернулась посмотреть на

него.

— Пожалуйста! — умоляла я. — Остановись на мгновение.

Делая, как я и сказала, Кай остановился на обочине. Затем я только и делала, что пялилась.

— Что это за место? — спросила я в благоговении.

Кай наклонился вперед, его рука коснулась моей, и он ответил:

— Церковь.

— Церковь?

— Да, знаешь, где народ, как ты, молится и поет, и вся эта глупая херня.

Шок прошел через меня как удар тока.

— Люди Бога? — спросила я, наблюдая, как женщина с ребенком в руках, проходила через деревянные двери.

— Да, поклонники Иисуса, библейские фрики, народ, как ты, — ответил он, очевидно раздражаясь.

Глядя на красивое лицо Кая, я сказала:

— Не понимаю. Это церковь Христа? Люди приходят сюда молиться?

Кай медленно кивнул, как будто я была не в себе.

— Да, чего ты не понимаешь, сладкие щечки? Церковь. Бог. Никакого гребаного веселья.

— Не то чтобы я не понимаю смысл моления, Кай. Я о том, что церковь существует за пределами большого забора... снаружи Ордена. Вот, что ты хочешь мне сказать?

— Ну, теперь не понимаю я, — сказал он, перемещая взгляд с меня на церковь и снова на меня.

Борясь с паникой, я сказала:

— Пророк Давид сказал, что мы последние люди на Земле, которые верят в Бога, что все снаружи коварные грешники, которые отказались от Господа и его проповеди. Вот почему мы были отделены от внешнего мира, — чтобы защитить наши убеждения от тех, кто живет ради того, чтобы уничтожить нас.

Лицо Кая исказилось в гневе.

— Ложь, по стране существует миллион церквей. Религиозные люди везде, разных типов вер. Пророк Давид лгал, сидя на своем морщинистом рыхлом зад.

— Но как... я.... — я остановилась, не зная, как защитить писание моего покойного Пророка, когда я видела очевидность его неправды своими собственными глазами.

Кай заправил мне за ухо прядь, которая вылезла из моего чепца. Я повернула свое лицо к его руке, не осознавая, что слезы скользят по моим щекам. Его нежный жест и прикосновение удивили меня.

Он вытер слезы своим большим пальцем и сказал:

— Лила, я знаю, ты не хочешь в это верить, но не так уж много из сказанного этим гавнюком правда.

— Нет... — я снова пыталась спорить, но сочувствие во взгляде Кая остановило меня. Мне внезапно стало жарко, и боль ударила ножом в грудь. Я подняла руку, потеряв грудину, но не ощутила облегчения.

— Лила? — спросил Кай обеспокоенно, и я неуютно заерзала на сиденье, пока тревога удерживала свою хватку на мне.

— Я не могу дышать, — сказала я пронзительно. — Я чувствую, что не могу дышать!

— Черт, — зашипел Кай и нажал на кнопку со своей стороны двери. Окно рядом со мной резко начало опускаться, и волна холодного вечернего воздуха немедленно меня успокоила.

Я прижала голову к оконной раме в дверце и закрыла глаза... и вот тогда я услышала это — блаженный звук музыки Господа, доносящийся из церкви. Полностью отключив эмоции, я перестала чувствовать отчаяние и стала наслаждаться песнопениями.

— Красиво, — тихо сказала я.

— Религиозные песнопения, — ответил Кай, — религиозная музыка, хор — все это чертовски популярно в этой части города.

— Поклонение Господу через песню, — сказала я и улыбнулась. Было спокойно, мой первый кусочек умиротворения, после того как меня вырвали из защиты общины. Мэй, Белла, Мэдди и я часто слушали других последователей, поющих Пророку на богослужении. Мы вчетвером пели в уединении наших покоев, желая находиться снаружи с остальным народом.

Я не была уверена, как долго мы сидели в грузовике, но я прослушала каждое слово каждой песни, пока все не затихло, и группа людей начала выходить из церкви, а кто-то последний вышел и закрыл дверь на замок.

Я наблюдала, как счастливый мужчина, уходя, напевал песню, и Кай прочистил горло.

— Ты готова уезжать? У нас был долгий день.

Я молча кивнула, и Кай выехал на уже тихую дорогу. Дорогая обратно казалось дольше. Огни от больших сияющих зданий постепенно тускнели, и дорога освещалась сиянием природы. Мы с Каем не разговаривали, и он не включал свою музыку. Я была благодарна; это испортило бы великолепные лирические слова восхваления, которые все еще раздавались в моей голове.

В моей голове был туман, когда я пыталась понять, почему пророк Давид проповедовал ложное послание. Я задавалась вопросом, был ли он не осведомлен об этих вероисповеданиях за забором, или что еще хуже — церковь была уловкой, чтобы заманить заблудшие души в свои двери, только со злым намерением внутри — нанести вред невинным.

Ни одно из этих объяснений мне не подходило. И музыка, которой я наслаждалась, была одним из самых чистых и впечатляющих событий в моей жизни.

Прежде чем я поняла, мы погрузились в темноту старой сельской дороги, и через тридцать минут огороженный бетоном лагерь Палачей показался в поле видимости.

Кай вытащил маленький черный брелок из кармана и нажал на кнопку, ворота начали открываться. Когда мы проехали через них, во дворе было тихо и безлюдно.

Кай выключил двигатель и вылез из своей двери. Как только я взялась за ручку на своей двери, она внезапно открылась, и Кай вытянул руку.

Он смотрел на меня с осторожностью, почти с беспокойством. Приняв его руку, я выпрыгнула из машины, ощущая усталость в каждой клеточке своего тела.

Кай повел меня к задней части здания, к двери в мои покои. Когда мы остановились, я посмотрела ему в глаза, и он спросил:

— С тобой все будет хорошо, сладкие щечки? Сегодня у тебя было много новых впечатлений.

Опустив взгляд, я глубоко вздохнула и снова посмотрела на него снизу вверх.

— Спасибо тебе, — сказала я тихо. Казалось, Кай опешил. — Спасибо, что показал мне столько удивительного сегодня. Я знаю, не так ты хотел тратить свое время, но это многое

значит для меня. Церковь была... — Я остановилась, чтобы подобрать слова для справедливого описания. Она взывала ко мне, пробуждала что-то дремлющее в моей душе.

Кай беспокойно двигался на месте и опустил голову. Открыв дверь, он стоял, наблюдая, как я прохожу, не сказав ни слова, но когда я прошла мимо, то спросила:

— Мы сделаем это снова, ну, завтра?

Я ощущала, как мои щеки загорелись от красноты, смущенная просить у этого мужчины больше. Но сегодня впервые я чувствовала... впервые чувствовала... хоть что-нибудь за долгое время.

Ошеломляюще красивая улыбка осветила его лицо и мои колени подогнулись.

Кай наклонил голову и спросил:

— Это просьба? Или я настолько чертовски сексуален, что ты не можешь дождаться, когда проведешь еще больше времени со мной?

Его последующее подмигивание сказало мне, что он дразнился, поэтому я вернула улыбку, искренне сдерживая смех, и заметила, как он занервничал слегка.

— Да, верю, что так и есть.

Кай сощурил глаза, ища что-то в моем взгляде. Затем он пропустил руки сквозь волосы и сказал:

— Я вернусь за тобой утром.

Волнение наполнило мои вены, и я кивнула головой в благодарность.

— Я буду готова.

Уходя, я подскакивала на лестнице. Когда проходила мимо спящего Флейма, он открыл глаза, и его тело напряглось. Увидев, что это я, он расслабился, и я быстро прошмыгнула в свою комнату. Я никогда не боялась мужчин так, как боялась Флейма. Если бы я была Мэдди, я бы не смогла спокойно спать из-за его странной привязанности ко мне.

— Лила! — закричал голос с дивана, и Мэй встала на ноги, Мэдди следовала за ней.

— Ты вернулась, — сказали они обе, очевидно с облегчением.

— Да, я вернулась, сестры.

Мэй посмотрела на меня и спросила нерешительно:

— Все хорошо? Вас долго не было.

Подойдя к краю кровати, я села и начала снимать свой чепец, так как теперь я была только в присутствии женщин. Освободив длинные волосы от больших шпилек, что закалывали светлую копну волос назад, я потерла голову и ответила просто:

— Да.

Мэй нахмурилась и встала на колени передо мной, оценивая выражение моего лица.

— Ты уверена? Кай не пытался сделать что-то... неподобающее?

Опустив взгляд, я покачала головой.

— Нет. Он был хорошим.

— Где... где вы были? — спросила Мэдди, в ее больших зеленых глазах была нервозность, но также и интерес.

По какой-то причине я хотела сохранить детали для себя. И именно в этот момент я осознала, что сегодняшний день на самом деле значил для меня.

— Мы видели город. Ели еду. Это был довольно странный, но хороший день, думаю.

— Хороший день? — спросила Мэй с удивлением. — У тебя был хороший день с Каем?

Ободряюще улыбнувшись Мэй, я кивнула головой.

— Да, сестра. Он был терпеливым и делился множеством информации, но пару раз

немного грубым.

— А что сейчас? — спросила она в чистейшем удивлении, Мэдди также слушала напряженно с открытым ртом.

— Ну, мы снова уедем завтра, и он покажет мне больше внешнего мира.

Мэй откинулась на спину и с недоверием спросила:

— Ты правда согласна с этим? Правда хочешь провести больше времени в компании Кая?

— Да, — ответила я, и увидела, что радость отразилась на лице Мэй, и кое-что сказанное Каем всплыло в моей голове.

Ты осуждаешь Мэй, что она нашла в себе смелость оставить что-то, что она считала чертовски испорченным, и ты, бл*дь, убиваешь ее, отказываясь от помощи и даже от ее признания.

Наклонившись и взяв руку Мэй в свою, я заметила, как ее брови сошлись вместе в замешательстве на открытое выражение моей привязанности.

— Я не говорила тебе это, сестра, но ты должна знать, что я люблю тебя. — Я посмотрела также и на Мэдди. — И тебя тоже, Мэдди. — Я снова сосредоточилась на Мэй. — Очень сильно. Знаю, что не восприняла этот переезд легко. И понимаю, что ты просто хотела спасти меня... спасти нас от жизни, которую ты считаешь неправильной.

Беспредельно голубые глаза Мэй наполнились влагой, когда я добавила:

— Ты должна знать, что я искренне ценю все, что ты пыталась для меня сделать.

По лицу Мэй обильно текли слезы. Она резко прижала меня к своей груди.

— Спасибо, — прошептала она в мои волосы. — Для меня настолько особенно услышать это. — Минуту спустя она отпустила меня и снова спросила: — Сейчас ты уверена, что хочешь поехать завтра... снова... с Каем?

— Да, я уверена, — сказала я, смеясь над тем, как она произнесла имя Кая.

Я была абсолютно уверена, что хотела поехать завтра с Каем.

8 глава

Кай

Солнце сияло через окно, когда я открыл один глаз и поморщился. Бл*дь, моя голова убийственно болела... снова.

Какого хрена произошло прошлой ночью?

Снова закрыв глаза, я пытался ухватиться за воспоминания сквозь туман, вызванный «Джек Дэниелсом».

Когда я вошел в бар, мой член болел настолько, что я думал, могу потерять сознание. Причина этому — блондинка святоша. Одна блондинка святоша, из-за обаятельной улыбки которой, — искренней улыбки, — у меня перехватывало дыхание в легких, и я почти падал на задницу.

Сучка убила меня вчера. Своим лицом, тем, как смотрела на меня из-под этих длинных ресниц, своим невинным взглядом олененка. Своим выражением лица, когда впервые оказалась в центре Остина. Когда морщила нос, споря о попытке попробовать кофе. И этим взглядом гребаного чистейшего счастья, когда увидела церковь, и слезами в глазах, когда

услышала пением хором Евангелия.

Бл*дь, я хотел ее. Больше чем когда-нибудь хотел какую-нибудь сучку. Она и не подозревала, что делала со мной весь день, но минута за минутой, она пробиралась мне под кожу, и мою грудь разрывало от безумного желания защитить ее. Черт, она даже не осознавала, что с ней плохо обращались всю жизнь. И когда мы стояли у входа в квартиру Стикса, и она попросила меня снова взять ее с собой... я оцепенел.

И согласился. Тупой дурак, которым я и был, согласился. И мне запретили прикасаться к ней, но она манила меня, как мотылька пламя. Я не мог держаться от нее подальше. Мне потребовались все силы, чтобы не обхватить ее щеки и не поцеловать, чтобы узнать ее вкус.

Когда я зашел в бар, Стикс, Тэнк, Ковбой и Хаш сидели за столом. Стикс заметил мое приближение и немедленно встал.

«Тебя не было весь день», — показал он.

— Ага, — сказал я.

Его темные брови сошлись вместе.

«Где ты был?»

— С Лилой.

«Все время?» — показал он с подозрением на лице.

— Да, все время. Возил ее на завтрак, катал по городу, затем вернул обратно, — объяснил я, увидев удивленный взгляд на лице брата.

Он наклонил голову.

«Она в порядке? И не выходила из себя из-за тебя?»

Я пожал плечами.

— Поначалу ей не очень нравилось, затем она пересилила себя и чертовски справилась. Вообще-то, охренеть как меня удивила.

Стикс протяжно выдохнул, затем закрыл глаза.

«Спасибо, брат», — показал он, затем открыл глаза.

— Никаких проблем, — ответил я, — завтра повторим.

Спокойно выражение лица Стикса ожесточилось.

«Зачем?»

Я ответил, стиснув челюсть:

— Потому что она попросила.

Стикс сердито посмотрел на меня и показал:

«Не облажайся с ней, брат. Она не одна из твоих шлюх».

Ступив ближе к своему лучшему другу, я сказал:

— През, ты, бл*дь, запряг меня в это дерьмо, и я делаю его. Она хочет, чтобы я снова вывез ее завтра. И я согласился из-за тебя. Чтобы ты не потерял Мэй. Потому что я прикрываю твою спину.

«И это единственная причина, почему ты застрял с ней? Потому что я знаю, что ты сексуально озабочен из-за этой сучки», — показал он.

Я приподнял бровь, не желая лгать единственному человеку, которому полностью доверял, и Стикс покачал головой от раздражения. Наконец, ухмыльнувшись, он обхватил мое плечо рукой. Мы подошли к бару, напились, и затем прибыла бригада шлюх. Музыка стала громче, появилось еще больше братьев, и началась настоящая вечеринка.

Ввалившись в свою комнаты, чертовски пьяный, я заметил, что Тифф и Джулс ждут меня на кровати... только они не были похожи на Тифф и Джулс. На них не было их обычных

коротких юбок и просвечивающихся топов. Они обе были одеты в короткие, знакомого серого цвета платья, их длинные загорелые ноги были выставлены напоказ, но на обеих были головные уборы, по типу того, какой носила Ли́ла, их светлые волосы были в пучке... как у Ли́лы.

Бл*дь, от одного взгляда на эти ужасные штуки на голове мой член затвердел как скала. Меня возбуждал самый худший модный стиль на Земле.

Тифф заулыбалась, когда я вошел, играя с длинной завязкой от головного убора, накручивая ее на палец.

— Кай, малыш, — промямлила она, — мы тебя ждали.

— Да? — спросил я, закрывая дверь и сбрасывая свой жилет и сапоги.

Джу́лс прыгнула с кровати и встала перед моей покачивающейся задницей, наклонила голову и сказала:

— Да, малыш. Мы ходили в церковь, но нас выгнали, потому что мы были плохими девочками.

Я не хотел возбуждаться от их игры, но все было тщетно. Я был слишком растерян из-за нахождения с Ли́лой целый день, из-за ее полных губ, которые крали мое дыхание с каждым шагом.

Джу́лс вытянула руку и схватилась за край моей футболки, стащив ее над головой. Если прищуриться, то сучка могла почти сойти за Ли́лу, одурочив мой разум, что именно она была здесь, со мной, чертовски влажная и готовая для моего члена.

— Где вы взяли эту одежду? — пробурчал я, потянув за завязку.

Тифф присоединилась к Джу́лс и сказала, расстегивая джинсы:

— В секс-шопе. Удивительно, как много мужчин возбуждается от вида святош. Жаждают девственную киску, к которой знают, никогда не прикоснутся.

Меня не удивило, что подобное было популярно. Я пропал из-за этой непорочной киски. Я был одним из этих больных на голову извращенцев, кого заводила такая одежда. Я дрочил каждую ночь на фантазию о Ли́ле, выкрикивающей мое имя, пока ее свободное платье обернуто вокруг талии, а эта побритая гребаная киска на моем лице и в моем рту.

Схватив завязку с головного убора Тифф, я дернул ее вперед и обрушил свои губы на ее, буквально рана ее своей силой, оттолкнув только чтобы положить ладонь ей на голову и заставить ее опуститься на колени.

— Соси мой член, Ли́ла, — приказал я, зашипев, когда ее теплый рот обхватил меня, а кончик моего члена ударился о заднюю стенку ее горла.

Я выстрелил быстрее, чем когда-либо, кончая как гребаный фонтан, когда представлял Ли́лу на коленях, прося ее проглотить мою сперму...

Воспоминания после этого не были отчетливыми, но я знал, что трахнул этих «Ли́ла-заменителей» в каждую дырку, пока не перестал возбуждаться.

Может, я и трахал Тифф и Джу́лс, но в моей голове была Ли́ла. Вся Ли́ла. И эти сучки знали это — манипулирующие п**ды.

Проведя рукой вниз по животу, я обхватил свой твердый член и поглаживал себя вверх и вниз, игнорируя двух спящих рядом сучек. Никогда прежде сучка так не пробиралась мне под кожу. Я никогда не представлял кого-то другого вместо этих шлюх.

Ощущая как легкая рука накрыла мою, я увидел, что Джу́лс открыла свои покрасневшие красные глаза, а гребаный чепчик все еще был на ее голове. Ее рука оттолкнула мою, а рот опустился прямо на мои яйца.

«Лиля... Лиля...» — думал я про себя, наблюдая, как ее чепец поднимался и опускался.

Отдавшись своей больной фантазии, я закрыл глаза, в то время как Джульс ублажала меня, пока я громко не зарычал, кончив на свой живот так сильно, что почти потерял сознание.

«Дерьмо», — подумал я, затаив дыхание.

Из-за этой сучки у меня появился сраный фетиш одежды святош.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

***

Четыре недели спустя...

«Мы уезжаем завтра. Кай, ты ведешь дела с чеченцами в Хьюстоне. Тэнк, Булл, Смайлер, АК, Флейм вы можете остаться здесь и приглядывать за лагерем. Хаш и Ковбой я отправляю вас в Сан-Антонио. Сэндмен — президент Сан-Антонио, заключает левое соглашение с Итальянцами, какое-то отмывание денег. Когда вы были кочевниками, вы имели дело с Марчелло. Вы должны показаться там, чтобы поддержать наших техасских братьев».

Я перевел все, что показал Стикс, и братья закивали.

Стикс прокашлялся, и я посмотрел на его руки.

«Я уеду на три дня. По личным делам. В случае каких-либо проблем Кай — действующий През». — Как только я перевел, то встретился взглядом со Стиксом, который также смотрел на меня, не объясняя куда, черт побери, собирался.

«Мы закончили?» — показал Стикс.

Братья сказали:

— Да.

Стикс ударил молотком. Все свалили, а я остался.

Стикс ожидал этого. Мой лучший друг остался сидеть, ожидая, что я заговорю.

— Куда ты направляешь, не сообщая мне?

— З-за т-тер-р-риторию, — заикался он, пожав плечами.

Я приподнял бровь.

— Мэй едет?

Он кивнул.

— Кто-нибудь еще?

Он покачал головой.

Я улыбнулся.

— Поезжай. Увози свою сучку. Я возьму на себя управление.

— П-по р-рукам, — сказал Стикс и встал. — У-уюду з-завтра. В-вернусь ч-через н-несколько д-дней.

Стикс ушел, я прошел по коридору, поднялся по лестнице к его квартире и постучался в дверь Лилы.

Для Палачей последние несколько недель прошли без осложнений. Сделки шли как по маслу, с клубными финансами все было отлично. Гараж и другие наши законные предприятия приносили прибыль.

Но моя жизнь? Гребаный день сурка.

Обучать Лилу жизни снаружи, но все время желать ее киску.

Напиваться до усрачки каждую ночь, потому что я проводил каждый гребаный день, желая ее киску.

Трахать задницы Тифф и Джулс каждую ночь, притворяясь, что это Лила, потому что я проводил целый гребаный день, желая ее киску! Слушать гребаные жалобы Тифф и Джулс каждый день, потому что я притворялся, что трахаю Лилу!

Я собирался отделаться от шлюх. Они больше и в подметке негодились блондинистой святоше.

Положительные стороны? Лила определенно привыкала к байкерской жизни, адаптируясь к жизни вдали от тихих гребаных педофилов садистов, религиозных уродов.

Я показал ей каждую часть Остина. Но она не покидала грузовик. Отказывалась ехать на моем байке. Безоговорочно отвергла любое изменение гардероба. Не снимала гребаный чепчик... о котором я, бл*дь, начал мечтать.

Я больной ублюдок.

Но у нее был прогресс. Она больше не раскачивалась как психованная в углу и не цитировала Писание двадцать четыре часа семь дней в неделю. Не запиралась в своей спальне, крича на любого, кто подходил к ее двери.

Она постепенно пробовала все новое со мной... только со мной.

Только, бл*дь, со мной. Я, мать вашу, зависел от сучки.

Мгновение спустя Лила открыла дверь, улыбаясь мне. И да, как всегда, я затаил свое чертово дыхание.

— Здравствуй, Кай, — поприветствовала она, выходя из дверей, чтобы последовать за мной вниз по лестнице.

— Сладкие щечки, — сказал я, обретя голос.

— Чем будем заниматься сегодня?

Я остановился как вкопанный и уставился на нее, когда Лила врезалась прямо мне в грудь. Когда я поймал ее за руку, ее дыхание участилось. Голубые глаза Лилы встретились с моими, и я клянусь, весь гребаный мир остановился.

Она облизала языком губы, ее взгляд опустился к моим губам и сразу же я стал болезненно твердым. Я знал, что пришло время решить это дерьмо снова.

— Уезжаю завтра. Поэтому сегодня здесь.

— Как долго тебя не будет? — спросила Лила, и я хотел улыбнуться, уловив разочарование в ее голосе.

— Несколько дней, может, больше. В зависимости от того, как все пройдет.

Все будет быстро, просто обычный подкуп федералов и сбор банка с уличных шаек, распространяющих наши стволы.

— Хорошо, — сказала она тихо, и на этот раз ничего не остановило мою ухмылку.

Взяв ее за руку, я повел ее вниз по лестнице к клубному дому.

— Пойдем. Мне нужна еда. Хорошая возможность показать тебе кухню.

Лила послушно последовала, держа голову опущенной в случае, если мимо пройдут другие братья. На нашем пути не встретилось братьев, но я выругался себе под нос, когда гребаные Тифф и Джулс, хихикая, появились из-за угла: загорелые, с выставленными напоказ ногами и сиськами.

Их взгляды немедленно вперились в нас с Лилой, а гребаные лица погрустнели. Ревнивые шлюхи. Джулс пустилась вперед в своем узком красном платье и провела ногтями

по моей груди. Рука Лилы сжала мою. Затем она пыталась вырвать свою.

Не получится.

— Кай, малыш. Хочешь пойти с нами? — Палец Джулс продвигался на юг, пока она не обхватила мой обтянутый джинсами член рукой.

Сбросив ее руку, я сказал:

— Проваливай, Джулс. Иди трахни Вика, раз так отчаянно нуждаешься в члене.

Джулс сощурила глаза и отступила.

— Ах... слишком занят со своим маленьким питомцем, Кай? Бросаешь нас ради девственной киски... снова?

Лила вдохнула, и я сделал шаг вперед, негодуя из-за шлюхи. Тифф оттащила Джулс, видя мое яростное выражение лица.

— Давай, Джулс, пойдем, — сказала она, одергивая Джулс.

Рука Лилы начала расслабляться в моей.

Тупые бл*дские шлюхи. Сучки приносят только гребаные проблемы. Тогда я и решил вышвырнуть их задницы, перед тем как отправлюсь в поездку. В любом случае они уже были потрепаны.

Я ворвался через двери кухни. Хаш и Ковбой сидели за столом. Они подняли свои бутылки пива «Бад» в знак приветствия, увидев Лилу.

— Лила, — сказал Ковбой, постучав по своей ковбойской шляпе. — Очень приятно видеть тебя, дорогуша.

Лила склонила голову и покраснела. Она, вероятно, не могла говорить, когда они находились здесь, и так как только что столкнулась с сучками близняшками. Но я работал в гараже весь день и был готов сожрать корову, поэтому мне нужно было, чтобы это дерьмо закончилось прямо сейчас.

Повернувшись к Лиле, я сказал:

— Ладно, сладкие щечки, это кухня. — Я огляделся вокруг, уперев руки в бедра, и просто указывал на предметы. — Стол. Стулья. Посуда. Раковина... эм-м-м — Ее взгляд следовал каждому моему движению. Наклонившись, я открыл ящик и вытащил какой-то круглый плоский предмет с ручкой. Я поднял его в воздухе и уставился на долбаную хрень.

— А это, — сказал я, снова уставившись на предмет. — Этим можно стукнуть того, кто готовит твой стейк недостаточно быстро.

Бросив железное, что бы это ни было, на стол, я повернулся и увидел, что Хаш и Ковбой уставились на меня, будто я тупой, затем поймал взгляд Лилы, ее губа дрожала, и прежде чем я понял, она, бл*дь, начала смеяться.

— Черт, Кай! Ты вообще готовил хоть когда-нибудь в своей жизни? — спросил Ковбой.

— Никогда, поэтому заткнись, бл*дь! — огрызнулся я. Затем я снова поднял тяжелую железную штуку. — И что это за хрень?

Маленькая рука обернулась вокруг моей на ручке этой хренотени, и я опустил взгляд, увидев, что Лила улыбается мне.

— Чугунная сковородка.

— Ты знаешь всю эту херню? Готовка и все такое?

Она кивнула с восторгом.

— Я очень хорошо готовлю.

— Да?

Она снова рассмеялась.

— Да. Обязанность женщины — готовить еду. Меня с детства обучали удовлетворять любые мужские потребности.

— Черт. Идеальная гребаная сучка, — я услышал, как пробормотал Хаш себе под нос. Он снова сел на свой стул, наблюдая за Лилой, ожидая увидеть, что она будет делать дальше. Лила услышала комментарий Хаша, и поняв его внимание, снова опустила голову.

Хаш поднял руку, увидев мой сердитый взгляд.

— Никаких посягательств, просто сказал, что она хорошая сучка, поэтому, бл*дь, утихомирься, брат.

Пораженный прикосновением к своей руке, я опустил взгляд и увидел, что Лила прижимает сковородку к груди.

— У вас есть свежие ингредиенты?

— Эм... — Я повернулся к Хаш и Ковбою. Ковбой указал на холодильник.

Лила захлопала ресницами, и я понял, что она нервничала. Я зажал ее подбородок между своими большим и указательным пальцем, вынуждая ее посмотреть на меня.

Переведя дыхание, она спросила:

— Могу я приготовить для тебя?

— Ты хочешь готовить для меня? — спросил я удивленно.

Она кивнула.

— Да, очень сильно. Я наслаждаюсь готовкой. Мой лучший навык.

Она покраснела, и я не мог понять почему.

— Значит, бд*дь, занимайся ею, сладкие щечки, — сказал я, обожая этот взгляд на ее красивом лице.

Она нервно посмотрела в сторону Хаш и Ковбоя, которые наблюдали за нами, как будто мы были каким-то долбаным реалити-шоу.

— Вы... вы хотите есть? Я... я привыкла готовить для множества людей. Я не знаю рецептов маленьких порций.

Хаш и Ковбой украдкой посмотрели на меня, и я дернул подбородком, показывая им остаться. Это был первый раз, когда она заговорила с кем-то, кроме меня. Для нее будет полезным привыкать к моим братьям.

Ковбой улыбнулся с благодарностью.

— Конечно, дорогуша, я люблю покушать.

Хаш наклонил свое пиво в знак благодарности.

Лила поставила сковородку на стальную столешницу и принялась упорно работать. Хаш бросил мне бутылку пиво, и я присоединился к братьям за столом. Они пытались разговаривать со мной, но я не слышал их, наблюдая за лицом Лилы. Она любила это дерьмо. Впервые она не теребила руки, не натягивала свой чепец или проводила языком по губам.

Час спустя мы сидели со стейком, картофелем, подливкой — и всем остальным, — а Лила сидела с пустой тарелкой.

— Где твоя еда? — спросил я.

Голова Лилы дернулась.

— Я не могу есть с вами.

Хаш и Ковбой перестали набивать свои рты и уставились на нее. Она снова опустила глаза.

— Почему ты не можешь есть, дорогуша? В этом нет смысла, когда ты провела все это

время за готовкой, — сказал Ковбой.

— Женщины не едят с мужчинами. Я поем позже, в одиночестве. Мэй приготовит еду для нас с Мэдди. Тем временем, я должна убедиться, что у вас есть все, что нужно.

— Ты ела в закусочной со мной пару недель назад, — сказал я, сконфуженно.

— Нет, я пробовала. Я боялась, что буду наказана, если не послушаюсь. Мне не положено присоединяться к тебе.

Грохот моих столовых приборов отразился эхом по кухне, и Лила заерзала на месте и закрыла глаза, бормоча молитву.

— Лила? — сказал я натянуто, мой голос был острым, как лезвие.

Она вздрогнула, и я почти вышел из себя. Я ненавидел, когда она делала это.

— Лила!

Лила медленно повернула голову, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Наполни свою тарелку.

— Но...

— Лила! Наполни свою гребаную тарелку!

Лила немедленно соскользнула с места и взяла немного гребаный еды. Крошечное долбаное количество, но, по крайней мере, хоть что-то. Когда она села, ее взгляд был сфокусирован на тарелке. Руки сцеплены вместе, и голова склонена, она пробормотала молитву себе под нос и быстро начала есть.

Я чувствовал себя последним дерьмом, наблюдая за тем, какой маленькой она была, но каждый раз, когда я думал, что справился с тем, откуда она появилась и с этим морщинистым мудаком Пророком, она делала что-то, из-за чего я бесился, выходил из себя и чертовски пугал ее.

Мне казалось, что мы не двигались вперед. Этот культ, самое настоящее промывание мозгов — утягивали ее обратно.

Тишина за столом была оглушительной. Ковбой прочистил горло и сказал:

— Лила, это чертовски невероятно. Твоей миленькой заднице лучше скоро снова что-нибудь приготовить.

Лила дернула голову вверх, как будто была шокирована.

— Да, женщина, лучший стейк, который я когда-либо пробовал, — добавил Хаш.

Слезы скапливались в глазах Лилы, а ее нижняя губа начала дрожать.

— Сладкие щечки? — Лила наконец подняла взгляд на меня, а я поднял вилку с нанизанной едой. — Ты хочешь снова готовить для Хаш и Ковбоя?

— Да, — прошептала она.

— Хорошо, но ты, бл*дь, будешь есть с нами тоже, — сказал я, и увидел, как слеза все-таки скатилась по ее щеке.

— Спасибо, — сказала она так быстро, что я чуть не пропустил это. Мой желудок сжался, и я хотел поднять ее тощую задницу и отнести в свою кровать.

И не для секса. Гребаный шок. Я просто хотел, чтобы она чувствовала, будто чего-то стоит. Я имею в виду, бл*дь, она была бесценна, — ослепительна, чертовски мила и умела готовить как Паула Дин (прим.перев.знаменитая шеф-повар, телеведущая, владелец ресторана, кулинарный писатель.)

Хаш встал со своего места и направился к холодильнику, вытаскивая «Бад». Он открыл крышку, затем поставил его перед Лилой. Лила уставилась на бутылку в очевидном замешательстве.

— Пиво, — сказал Хаш. — Чертовски идеально со стейком.

Она посмотрела на меня, и я сказал:

— Хватай за яйца, Ли. Хватай жизнь за яйца.

Она робко улыбнулась, медленно подняла бутылку к губам, попробовала пиво, выплюнула, рассмеялась над этим и почти разбила мое блудное сердце.

Она попыталась.

Возненавидела это.

Но, черт побери, схватила жизнь за яйца.

***

Лиля вытерла последнюю столешницу «Лизолом», затем повернулась ко мне. Она была очень тихая весь вечер, но отвечала Хаш и Ковбою, когда они обращались к ней, слушала и смеялась над тем, что они говорили. Это было одно из самых нормальных времяпровождений с тех пор, как я начал учить ее жизни во внешнем мире.

— Пойдешь на боковую? — спросил я, понимая, что уже поздно.

— Могу я сначала отправиться к реке, помолиться? — спросила она с надеждой. Я кивнул, следуя к выходу, а Лиля шла за мной.

К реке, чтобы, бл*дь, помолиться. Так было каждый вечер. Она ходила туда каждый вечер, падала на землю, говоря на непонятных языках, и каждый вечер я наблюдал за ней с берега, когда она входила в воду — полностью одетая, и когда она выходила, то была спокойней, счастливее... становилась очищенной, как она сама говорила. Вера была всем для этой сучки. И ничего не могло изменить это.

Мы пошли к реке в тишине. Я сел, прислонившись спиной к скале, и вытащил сигарету. Я указал на участок грязи, на котором она всегда молилась:

— Иди, сладкие щечки. Я подожду здесь.

Обычно Лиля сразу направлялась туда, но сегодня колебалась. Подняв сигарету, я посмотрел на нее, приподняв брови.

— Могу я сесть? — спросила Лиля и указала на место рядом со мной.

Я кивнул. Подобрал платье сзади, она села рядом со мной, ее ванильный аромат пробрался через дым и достиг моих ноздрей.

Какого черта она всегда пахла ванилью?

— Все хорошо, Ли? — спросил я, когда она просто сидела и наблюдала за потоком реки, поднимая голову только, чтобы взглянуть на звезды.

— Ты позволил мне есть с вами, — прошептала она тоненьким голоском.

Затянувшись сигаретой, чтобы остановить ком, нарастающий в горле, я медленно выдохнул, пытаясь сдержать себя в руках.

— Ты готовишь — ты сидишь с нами и ешь с нами. Все просто.

— Но ты позволил мне есть с тобой, — подчеркнула она, и я увидел, что еще больше слез стекало по ее щеке. Она смотрела на меня так, будто не видела прежде. Как будто я был кем-то особенным, а не мужчиной, которого заставили следить за ней. — Кай... — продолжила она. — Ни один мужчина не делал этого прежде.

Когда моя хватка на сигарете усилилась, я стряхнул гребаную хрень и бросил на землю.

— Ли, ты больше не в том месте. Ты можешь делать все, что, бл*дь, хочешь.

Ее внимание опустилось к ногам.

— Вы хвалили мою еду. Вы... вы поблагодарили меня за готовку.

— Иисус, Лила...

Ее рука накрыла мою на траве, и наши взгляды вперились друг в друга, чувствуя гребаное электричество, которое почти гудело между нами.

— Сегодня, я почувствовала себя равной, благодаря тебе, Кай. Как будто я была достойной женщиной.

— Лила... — сказал я раздраженно. — Что эти ублюдки сделали с тобой? Как, черт побери, они сделали тебя Окаянной? Потому что тяжело принять все это самоуничижительное дерьмо.

Лила уставилась на траву и сказала:

— У меня была семья... много лет назад...

Мои брови взлетели вверх.

— Да?

Она кивнула, но больше ничего не сказала:

— Тогда расскажи мне, — подтолкнул я, и обеспокоенный взгляд Лилы встретился с моим.

Опустив плечи, она сказала, но ее едва было слышно:

— Все случилось, когда мне было шесть...

9 глава

Восемнадцать лет назад

Община ордена

Неизвестное местоположение

Лила

— Ребенок, иди поиграй с Микой в дальней комнате. Мне нужно кое-что обсудить с братом Лукой.

Я кивнула, беспрекословно повинувшись отцу, и прошмыгнула в коридор, теребя длинную голубую юбку по дороге. На улице было жарко, но поскольку я была ребенком, я носила голубое длинное платье, обозначающее чистоту и скромность женщины. Я любила свои платья. Чувствовала себя в них красивой.

Напевая приятную мелодию про себя, я отвлеклась. Как только я собиралась пройти уборную слева, дверь отворилась. Я мгновенно перестала напевать, мгновенно перестала теребить юбку платья и опустила голову в покорном послушании.

Я услышала знакомый глухой звук шагов по деревянному полу и, держа глаза опущенными, увидела, как черные потертые ботинки остановились передо мной. Я в панике выдохнула, и мои руки начали дрожать. Я ощущала, как сердце дико билось в груди, и прикусила язык. Пророк Давид проповедовал, что девушка не должна проявлять радости, она должна быть сдержана от греховного поведения, чтобы все время показывать дисциплинированность от всех удовольствий. Я сразу поняла, что подвела Пророка тем, что танцевала, напевала и наслаждалась днем. Но хуже всего, меня поймали.

Заметив поднятую руку краем глаза, я приготовилась к удару, которые часто следовали.

Но этого не произошло. Вместо этого рука нежно сняла с моей головы белый чепец, освободила мои светлые локоны и провела по длинным волосам, лаская меня. Затем палец с грубой кожей провел по моим губам.

— Рапунцель, Рапунцель, Рапунцель, — певуче проговорил глубокий голос, пока рука неоднократно погладила меня по волосам, лицу снова и снова, и снова. — Такая красивая и такая юная. — Глубокий голос был напряженным, звуча почти... болезненно?

Конечно же, я мгновенно узнала голос брата Луки. Он был одним из старейшин Ордена. Одним из самых доверенных последователей пророка Давида. Он возглавлял общину, в которой мы проживали.

Позже мой отец начал работать с братом Лукой, что казалось мне большим успехом. Мой отец был писателем и художником, одним из самых восхитительных рассказчиков, и сейчас он помогал пророку Давиду записывать его откровения Господа, чтобы все люди Пророка могли читать их и следовать за ним. Вместе мой отец и пророк Давид написали книгу, посвященную святому делу Ордена, нашу собственную Библию, которая содержала окончательное, неискаженное и безошибочное слово Божье.

Было настоящей честью записывать наиболее святые слова Господа. Мой отец настоял, раз эта честь была дарована ему, все его сыновья и дочери должны быть живым примером для всех людей в общине. Мы были идеальными последователи пророка Давида. Поэтому мы никогда не должны были пойти по нечистому или греховному пути.

Каждый день я стремилась быть дочерью, которой мой отец гордился бы.

Брат Лука убрал пальцы от моих волос и внезапно присел передо мной на корточки. Теми же самыми пальцами он медленно провел по моей щеке и остановился под подбородком. На краткое мгновение мой взгляд встретился с его, который пылал чем-то, что я не могла расшифровать. Я немедленно опустила глаза. Брат Лука созерцал меня, как мой брат Пётр смотрел на шоколадные угощения.

— Подними свои хорошенькие голубые глазки, моя маленькая Рапунцель.

Брат Лука все равно называл меня «маленькая Рапунцель». Я понятия не имела, кем или чем была Рапунцель, но каждый раз, когда он говорил это, казалось, это его возбуждало. Его голос понижался на тон, и он начинал тяжело дышать. С братом Лукой я чувствовала себя очень-очень тревожно. Мой желудок всегда сжимался, когда он находился рядом, но предполагала, это потому что он был таким особенным человеком. В моих глазах Господь признавал его Апостолом.

— Делай, как я говорю, моя маленькая Рапунцель. Подними головку, чтобы я смог рассмотреть твое красивое личико, эти сверкающие глазки.

Я не была уверена, была ли это проверка, поэтому держала голову опущенной, демонстрируя свою кротость, как должна каждая девочка по отношению к старейшине Ордена.

Брат Лука наклонился, и я ощущала, как его горячее дыхание омыло мои волосы. Задержав собственное дыхание, я медленно подняла голову. Длинная борода брата Луки щекотала мою щеку, когда он улыбался. Его улыбка была такой широкой, что я могла видеть все его зубы. Затем он вздохнул.

— Ах, вот и она. Такая молоденькая красавица с золотистыми волосами. — Он наклонил голову набок. — Расскажи мне, дитя, сколько тебе лет?

— Ш-шесть, сэр. Мне шесть.

Его карие глаза запылали, он высунул язык и облизал губы.

— Ты почти достигла магического возраста, мое дитя. Магического возраста, где мы все сможем поделиться твоей красотой. В день, когда Господь примет тебя в свои объятия, теплые объятия его вечной любви. Самые славные дни.

Мои брови озадаченно сошлись вместе.

— Магический день, сэр? Я не знаю об этом, — прошептала я.

Брат Лука улыбнулся мне, он расположил руки на моих предплечьях, его большие пальцы гладили мою грудь вверх-вниз. Мне не нравилось это ощущение, и я вздрагивала с каждым поглаживанием, крепко зажмуривая глаза в ответ.

Брат Лука приблизил губы к моему уху:

— Да, дитя. День, когда ты полностью отдашь себя Господу. Пророк Давид назовет точный день в ближайшее время посредством откровения Господа, но осталось совсем недолго... И надеюсь, что я буду тем братом, который приведет тебя к небесной любви Бога. Я часто думаю об этом... Ты такая красивая.

— Брат Лука!

Распахнув глаза, я повернула голову, чтобы посмотреть позади себя. В конце коридора стоял мой отец со злым взглядом на лице.

— Брат Исая, — резко ответил брат Лука и встал. Он снова возвышался надо мной и продолжал смотреть на меня сверху вниз так, будто пытался выйти из транса. Красный румянец раздражения разлился по его щекам, и он запрокинул голову к небу.

Брат Лука зашевелил губами, когда посылал молитву Господу. Я уловила конец его молитвы и задержала дыхание, когда слышала свое имя.

— Я благодарен тебе, что ты вытащил меня из приманки этого ребенка. Я был соблазнен ее красивым лицом. Ее врожденное соблазнение сияет изнутри в больших голубых глазах...

Брат Лука наконец опустил голову и потер глаза. Глубоко вздохнув, он бросил краткий взгляд на моего отца, затем снова посмотрел на меня.

— Твоя красота исключительна, дитя. Это вызывает подозрения. Ты соблазнительница, моя маленькая Рапунцель... точно соблазнительница.

— Брат Лука, оставьте мою дочь в покое. — Голос моего отца был жестким, неуступчивым. Это был его злой голос, тот, который он использовал на моих братьях и сестрах, даже на многих моих матерях. Я ощущала глубокий страх за отца, потому что он разговаривал в таком тоне с одним из наших лидеров.

— Расслабься, брат Исая. Мы с Рапунцель просто укрепили наше знакомство. Давай, пойдем и поговорим о важных делах. У пророка Давида есть множество предложений для нашей книги, а также для нашей детской литературы. Сегодня он получил новое откровение, то, что приведет наш народ гораздо ближе к святой господней любви.

Мое внимание перемещалось между моим отцом и братом Лукой. Мой отец еще не ответил брату Луке, и они сердито смотрели друг на друга в тишине. В конце концов, брат Лука пошел вперед, проходя мимо отца.

Нервно, мой папа подошел ко мне и опустился на колени. Он прижал теплые руки к моим щекам и, казалось, его взгляд смягчился из-за печали.

— Дочь, — прошептал он, — тебе нужно пойти в дальнюю комнату с маленьким Микой. Не выходи, пока я не скажу тебе, поняла?

— Я поняла, отец, — ответила я, все еще чувствуя страх в желудке.

Отец вздохнул.

— Ты слишком красива, дочь. Мое сердце переживает, что в тебе есть дьявол. Что ты Ока... Апп! Я не могу заставить себя произнести это слово. Не хочу признавать, что ты можешь быть одной из них.

Я шокировано вздохнула.

Одной из них?

Резко мой отец встал.

— Твое испытание будет остаться чистой. Я молюсь Господу, чтобы он не оставил тебя. Позволил нам всем помолиться, что ты не станешь падшей сестрой.

Я сглотнула страх. Падшей. Я знала это слово: так говорили о женщинах, что вели дело с дьяволом.

— Иди к Мике. Сейчас же.

Опустив голову в покорном послушании, я помчалась по деревянному коридору, каждый шаг был в такт с моим глухо бьющимся сердцем. Я ворвалась в комнату в конце коридора. Мика, мой друг, сидел в середине комнаты с одной из своих раскрасок.

Он повернулся ко мне и улыбнулся.

— Здравствуй, сестра.

Я направилась к Мике и села рядом с ним, сразу же взглянув, что он раскрашивает.

И шокировано ахнула.

Мика посмотрел на меня и нахмурился.

— Что ты раскрашиваешь, Мика? — спросила я, проверив, чтобы комната была закрыта. Картинка была греховной. Грубой. Запретной.

Мика положил руку на мое плечо.

— Успокойся, сестра. Я сейчас посещаю Божественную Школу. Ученики пророка просвещают меня в новое писание Ордена. О нашем новом долге, в качестве людей Господа. Как принять Божью любовь.

Наклонившись, я изучала черное-белое очертание сцены в книжке Мики. Молодой парень трогал девочку... в запретном месте. Они оба улыбались. Рот молодой девочки был широко открыт, а глаза крепко зажмурены.

Я подпрыгнула, когда рука Мики начала медленно поднимать мою длинную юбку, и отшвырнула его руку.

— Что ты делаешь? — сказала я в страхе, отрывая взгляд от книги.

Мика сжал губы в тонкую линию.

— Нас обучают в школе, как мы должны прикасаться к другим... как мы должны начать трогать девочек. Господь хочет, чтобы мы были ближе к нему, разделяя любовь... посредством наших тел. Посредством прикосновений к запретным частям тела. Должно ощущаться довольно хорошо. Пророк Давид приказал нам делать это.

Мика внезапно запрыгнул на меня и прижал меня к полу руками, оседлав мою талию, из-за прохладного сквозняка было очевидно, что мое платье было поднято до бедер, обнажая мой стыд. Мике было девять лет, и он был сильнее меня. Я пыталась бороться с ним, но потерпела неудачу. Внезапно его рот обрушился на мои губы, и его язык погрузился в мой рот: это было мокро и грязно. Я возненавидела это ощущение. Я быстро повернула голову, и слезы потекли из моих глаз.

— Мика, пожалуйста! — прошептала я. — Что ты делаешь? Ты меня пугаешь.

— Расслабься, сестра, я видел, как мой отец делал это с множеством женщин, и после нового откровения Пророка, с молодыми девушками. Казалось, они наслаждались этим,

некоторые были не старше тебя. От этого мы становимся ближе к Господу. Ты видела картинки в моей раскраске. Пророк Давид хочет, чтобы мы были ближе друг к другу, ибо близость приводит к единству с Господом. А ты такая красивая... соблазнительная. Я хочу прикоснуться к тебе, как мальчик к девочке на картинке. В моем животе и ниже странное ощущение, когда я вижу тебя. Я не могу перестать смотреть на тебя. Думаю о тебе все время, даже во сне. Все мальчишки в школе говорят о тебе.

— Мика!

Громкой, злой голос раздался от двери. В одно мгновение мы с Микой замерли. Тяжелые шаги раздались по комнате и рядом с нами остановились мой отец и брат Лука.

Брат Лука поднял Мику за шиворот туники и начал кричать на него. Он ударил его по лицу. Мика затих, всхлипывая про себя.

— Ты наглый ребенок! Она еще не была одобрена Пророком для того, чтобы разделить любовь Господа! Ты понимаешь, что это означает? Ты будешь наказан! Я должен сообщить о тебе помощнику Пророка. Это воля Господа! Глупый-глупый мальчишка! Ты должен тренировать самоконтроль!

Поправив длинную юбку платья и не обращая внимания, как брат Лука отчитывает Мику, я поднялась на дрожащих ногах. Я побежала искать утешения у отца. Но когда подошла, он вытянул руку с холодным выражением на лице.

Я остановилась как вкопанная.

— О-отец?

Он просто пялился на меня. И пялился. И пялился. Страх накрыл меня. Это был ужас или я видела... отвращение?

— Я говорил тебе, что чувствовал, что в ней живет Сатана, Исайя. Она искушение для всех нас. Ее внешность... греховна. Голубые глаза, длинные светлые волосы. Скажи мне, она искушает даже тебя? — голос брата Луки был тихим... нет, обличительным.

Мой отец опустил голову, и слеза скатилась по его щеке.

— Да. Она искушает и меня. Я... я согрешил с ней, брат Лука... я делал разные вещи... в моменты слабости. Я... — мой отец разразился слезами.

Я нахмурилась. Какие вещи? Мой отец всегда был добр ко мне и моим братьям и сестрам. Я была его любимицей. Он часто приходил ко мне в комнату и спал на моей кровати, всегда обнимал меня и показывал свою любовь. Но почему это было неправильно?

— У Пророка Давида строгие правила для таких женщин, как она, Исайя. Его совет должен быть соблюден. За час она соблазнила меня и моего сына ступить на путь зла, взять ее плотски без объявления Пророком, что пришло время сделать это. Мы определенно все должны быть наказаны из-за... нее, если бы не вмешался здравый смысл. Она создание дьявола. Я чувствую, что он живет в ее плоти. Ты знаешь, у меня есть проницательная способность замечать, когда и где творится зло.

Плечи моего отца напряглись.

— Но...

Брат Лука многозначительно посмотрел на моего отца, прерывая его, когда произнес пугающие слова:

— В искушении никто не говорит: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью; похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть.

Мой отец медленно опустил голову и резко выдохнул:

— Иаков 1:13-18.

Шагнув вперед, я потянула подол длинной белой туники моего отца.

— Отец, что я сделала не так? Почему ты произнес такое писание?

От него не последовало никакого объятия, никакого утешения, когда он отбросил мою руку. Было больно, и я сразу же прижала руку к груди.

Наклонившись, он посмотрел мне прямо в глаза, когда начертил крест на моем лбу, его лицо было красным, пока он плакал и говорил:

— Я изгоняю тебя, Сатана! Твое искушение не должно расцвести здесь, в Раю Господнем на Земле. Я согрешил достаточно из-за тебя! Я отрекаюсь от тебя как от своей дочери. Ты не моя плоть и кровь. Отродье Вельзевула, ты, живое воплощение греха!

Мои глаза расширились, дыхание замедлилось, и я начала неконтролируемо дрожать, услышав слова отца.

Я... рождена дьяволом?

Господь... пожалуйста... пожалуйста... помоги мне!

***

— Иди туда и не смей выходить!

Я смиренно кивнула головой, отошла от брата Луки, дрожа, и отправилась на небольшую кровать в свою комнату.

Мой отец и брат Лука притащили меня домой без слов объяснений и бросили в этой комнате. Я была напугана. Они обращались со мной, будто я была грешница, но я не понимала, что сделала.

Плюхнувшись на кровать, я натянула длинную юбку на колени и зарыдала.

Я не знала, как долго находилась в своей комнате, пялясь в потолок. Я слышала, как двери открывались и закрывались, слышала низкий тембр мужских голосов, говоривших в гостиной, и женский плач в соседней комнате. Через толстые стены я не могла отчетливо слышать, что они говорили.

Прошло еще больше времени, голоса утихли, и дом погрузился в тишину. Наступила ночь, опустилась тьма, и моя комната освещалась только светом луны: узкие маленькие лучи проникали через небольшое окно в северной стене.

Я лежала на кровати, истощенная и озадаченная, когда ручка моей двери начала поворачиваться. Задержав дыхание, раздумывая, кто пришел, я выдохнула от облегчения, когда это оказалась моя сестра Фиби.

— Сестра? — прошептала она и на цыпочках подошла к моей кровати. Я мгновенно села и улыбнулась. Я любила свою сестру, она была старше меня на несколько лет, но была лучшей подругой. У нас были разные матери — у моего отца было много жен, — но мы разделяли тот же набожный характер.

Когда взгляд Фиби встретился с моим, она замерла. Тревога появилась на ее хорошеньком личике, и она заправила за ухо прядь рыжих волос. Она была одета в длинную белую ночнушку, а ее волосы были распущены. Только ночью нам позволяли освобождать наши волосы из чепцов.

— Фиби? Что случилось? — спросила я, страх снова скрутил мой живот.

Фиби посмотрела в сторону двери, прежде чем подошла ближе.

— Отец... — она остановилась, затем сделала глубокий вдох. — Отец сказал, что ты

больше мне не сестра.

Ощущая, будто мне в сердце вонзили нож, я в шоке отползла подальше на кровати.

Фиби наблюдала за моей реакцией, и ее глаза наполнили слезы.

— Сестра... — сказала она, болезненно выдохнув.

— П-почему? Ч-что я сделала? — спросила я, слезы каскадом текли по моим щекам.

Фиби осторожно села на край моей кровати и изучала мое лицо. Я видела, как ее пытливые голубые глаза искали что-то и внезапно взгляд облегчение смягчил ее черты лица.

— Я не вижу этого.

Я нахмурилась.

— Не видишь... что?

— Дьявола в тебе.

Я накрыла рот рукой, чтобы скрыть всхлип, и покачала головой. Рука легла на мой живот и, подняв голову, я увидела, что сестра смотрит на меня с грустью.

— Я не дьявол, Фиби. Ты должна верить мне!

Потянув меня за руку, Фиби обняла меня, раскачивая вперед-назад.

— Это твоя красота, сестра. Ты искушение, как Ева была для Адама. Так же как Ева ты можешь приворожить мужчину, они не в силах находиться вдали от твоего соблазна. Старейшины... и отец... — я всхлипнула, услышав эти слова, — они верят, что как и на Еву, на тебя оказывает влияние дьявол, или даже... — Фиби затихла.

Я посмотрела на ее печальное лицо и тяжело сглотнула.

— Даже что? — спросила я нервно.

Фиби обняла меня крепче.

— Этот дьявол внутри тебя. Он контролирует тебя... ты становишься его пешкой, искушая людей грешить против Бога и его плоти.

Я качала головой туда-сюда.

— Нет, нет, нет... Фиби!

Рука Фиби сжала мою мокрую щеку:

— Ты должна быть сильной и покорной, сестра. Ты должна пройти любой суд или испытание, что встретятся на твоём пути. Если дьявол в твоей плоти, ты должна бороться. Если мужчины падают у твоих ног, не поддавайся их очарованию. — Рука Фиби ужесточилась вокруг моего лица, ее взгляд сосредоточился на моем. — Они заберут тебя. Несколько часов назад я подслушала, как отец разговаривал с братом Лукой. Очень влиятельный мужчина приедет забрать тебя рано утром. Он увезет тебя от семьи, чтобы проверить твою веру. Он один из ближайших друзей Пророка Давида.

— Нет! — закричала я и сжала запястье Фиби.

Фиби прижалась к моей голове в поцелуе.

— Не паникуй. Это испытание от Господа. Неважно сколько времени оно займет, или через что тебе придется пройти, ты должна одержать победу. Господь победит дьявола в тебе, если ты покажешь свою преданность. Ты будешь спасена. Господь спасет твою душу.

— Я не хочу уезжать. Не хочу покидать тебя... Мне очень страшно, — выдохнула я сломленным голосом. Страх держал меня в своей хватке, и я больше не могла дышать.

— Ты пройдешь через это. Твоя вера в Господа преодолет зло.

— Я буду скучать по тебе, Фиби.

Фиби начала плакать.

— Мы снова встретимся, сестра. Оставайся сильной, а если сойдешь с праведного пути,

то думай обо мне и найдешь свою дорогу домой. — Фиби немного отвела мою голову в сторону, на ее лице была написана решительность. — Обещай мне это сейчас. Неважно, что произойдет, ты найдешь свой путь в Орден, к нашему пророку, домой.

— Обещаю, — поклялась я, дрожащим голосом.

Мы с Фиби легли и уснули.

На рассвете мужчина с длинной бородой и одетый в черное вошел ко мне в комнату и без слов вырвал меня из объятий моей сестры. Я не боролась, даже не запротестовала.

Ни один из членов моей семьи ни пришел попрощаться со мной.

Я понимала: меня сторонились.

Пугающий мужчина схватил меня за руки, завязал повязку на мои глаза, закрывая меня от мира, и после резкого укола в мою руку, весь мир накренился в сторону, и я снова погрузилась в темноту.

***

— Просыпайся!

Постепенно я приходила в себя, пока кто-то толкал мою руку. Мое зрение медленно прояснялось. Ладонь схватила меня за руку и поставила в вертикальное положение. Меня тошнило, и я пыталась прояснить голову.

— Пойдем. Я отведу тебя в твои новые покои. — Подняв голову, размытым взглядом я увидела бородатого мужчину одетого во все черное. При дальнейшем наблюдении я поняла, что он не был слишком стар, но его взгляд был суров. Он посмотрел на меня, будто я была воплощением зла.

Он увез меня куда-то... Я осмотрелась и мое сердце начало яростно биться, когда я не узнавала ничего. Комната была вся белая. Воздух был плотным, горячим. Я не могла дышать. И боже, было так душно, из-за этого мне было слишком жарко в своем длинном платье.

— Г-где я, сэр? Где моя семья? — спросила я нервно, пытаюсь успокоиться.

Мужчина провел пальцем по моей щеке и усмехнулся.

— Ты в общине Пророка. Сейчас ты под пристальным контролем посланника Господа, ты, Сатанинская шлюха. Дьявольская оболочка не победит. Я уверен.

Все, что я могла делать, это беспокойно сглатывать слюну.

— Пойдем.

Он потянул меня с маленькой жесткой кровати и потащил по комнате на улицу огромного поселения, большой деревни, окруженной густыми деревьями и гектарами зеленых пастбищ. Люди слонялись вокруг, сосредоточенные на своих делах, но останавливались посмотреть на меня, когда я проходила. Женщины были одеты так же скромно, как и я, а мужчины были в знакомых туниках.

Когда я проходила, многие люди читали Священное Писание, прося спасти мою душу. Другие сплевывали на землю, под мои босые ноги, желая мне сгореть в аду.

— Язычница! Шлюха! Искусительница! — кричали многие.

Я опустила голову, и горячие слезы текли по моим щекам.

Мужчина, за которым я шла, игнорировал их всех, продолжая вести меня по обширной области в направлении небольшого скопления домов. Когда он потянул меня сильнее, я споткнулась о камень, всхлипнув, когда мою ногу пронзил укол боли. От мужчины не последовало сочувствия.

— Я сказал пошли! — выплюнул мужчина, и я заплакала, позволяя слезам течь по моему отцу, матери, сестрам, моей Фиби и.... по моей дьявольской душе.

Но признаюсь, я не чувствовала зла. Не чувствовала, что во мне живет Сатана. Но должно быть, так и есть. Исходя из того, как со мной все обращались.

Господь... Господь наказывает меня. Отказывается как от своей дочери.

Войдя в узкий коридор, мужчина кивнул трем другим мужчинам, сидевшим вокруг стола. Они все были одеты в черное, а на ногах громоздкие черные ботинки. Они все были больше и пугающе, чем мужчины снаружи, каким-то образом отличаясь от них. Когда они увидели меня, их глаза осветил интерес. Они сразу же напугали меня, поэтому я опустила голову, демонстрируя покорность.

Мне нужно было доказать им, что все это было ошибкой. Что я была хорошей девочкой и принимала любовь Господа. Я не была дочерью Сатаны. Я должна пройти их испытания, как и сказала Фиби...

Как Иисус в пустыне.

Когда мы подошли к огромной деревянной двери, мужчина толкнул ее и затащил меня внутрь. Три темноволосые девушки сразу же встали с маленьких кроваток и упали на пол, их руки были перед собой, а лбы прислонены к холодному камню.

— Приветствуем, брат Ной, — сказали они в унисон.

Мужчину звали брат Ной.

— Поднимайтесь! Немедленно! — громко закричал брат Ной, из-за чего я вздрогнула и съежилась.

Все три девушки встали на ноги, и я была немедленно сражена их красотой. У всех у них были черные волосы, большие глаза и полные розовые губы. Одна была старше меня, одна казалась моего возраста, а еще одна младше. У младшей, были самые большие зеленые глаза, которые я когда-либо видела.

— Иезавель, Саломея, Магдалена, это Далила, — провозгласил брат Ной.

Я оглянулась.

Кто такая Далила?

Три брjunета присели и поприветствовали меня.

— Добро пожаловать, сестра Далила.

Все глаза были устремлены на меня.

— Простите, брат Ной, это какая-то ошибка. Меня зовут...

От сильного толчка я споткнулась, войдя в комнату, и старшая девочка подхватила меня, прежде чем я упала. От этого действия я не смогла продолжить говорить. Ее рука сразу же обернулась вокруг меня. Я уставилась на наши сплетенные руки и мгновенно ощутила комфорт в ее присутствии — первое чувство безопасности за последние дни.

Брат Ной двинулся к двери, оставляя меня с темноволосыми девушками, но прежде посмотрел на меня и заявил:

— Теперь ты не права. Ты больше не достойна носить свое прежнее имя. Твоя тетка была чистой женщиной, заслуженной женой Исаака, женщиной божьего расположения.

Я громко сглотнула, и девочка рядом со мной крепко сжала мою руку.

Когда я смотрела на брата Ноя, он холодно улыбнулся, его карие глаза запылили, когда он произнес:

— С этого дня тебя будут звать Далила. Ты сатанистка, рожденная дьяволом и падшей сестрой. Ты Далила — Окаянная.

***

Кай

— Вот как я стала сестрой для Мэдди и Мэй. В этот день я начала свое обучение под божественным опекуном брата Ноя. В этот день я научилась послушанию и признала, что значу меньше остальных.

Ощущая невероятную боль в груди, как будто удав захватил мое гребаное сердце и легкие, душа меня, я перевернул руку и схватил руку Лилы. Дернув ее за руку, я не смог сдержаться и притянул ее ближе к себе. Игнорируя ее шокированное выражение, когда она врезалась в меня, я обнял ее за шею. Наши головы были в миллиметрах друг от друга. Когда я провел большим пальцем по ее щеке, Лила закатила глаза от моего прикосновения, и ее теплое дыхание начало учащаться.

— Слушай меня, женщина, и слушай внимательно. Ты не уступаешь мне или любому ублюдку, просто потому что какие-то трахнутые на башку педофилы заперли тебя в клетке этого культа. Просто потому что твой старик касался тебя, его друг касался тебя, затем глупый гребаный ребенок совершил ошибку и потерял разум. Ты стоишь чертовски больше, Ли, чем любой брат или шлюха здесь. Ты ешь со мной, гуляешь рядом со мной, не на пол гребаных метра позади и никогда не позволяешь себе сделать иначе. Ты не окайнная сучка в этом клубе. Ты поняла, сладкие щечки?

Голубые глаза Лилы расширились, пока я говорил.

— Да, — ответила она. Я должен был отстраниться, но не мог. Вместо этого приблизил свои губы, услышав, как она резко задержала дыхание, а затем резко зажмурила глаза.

Она была не готова. Она была такой чертовски хрупкой. Такой хрупкой, что я хотел просто защищать ее, никогда не выпуская из виду.

Бл*дь, она абсолютно очаровала меня. Я ел, спал и дышал ради этой очень красивой, но при этом очень сломленной сучки.

Отодвинувшись от ее губ, я пробежался губами по ее щеке, нижней губой медленно провел по ее мягкой коже. Лила потеряла контроль над своим дыханием, ее кожа была горячей под моим прикосновением. Когда с ее рта соскользнул стон, я оставил дорожку поцелуев на ее подбородке, мои губы были в миллиметрах от ее.

— Бл*дь, Лила, — прохрипел я, тяжело дыша, весь мой контроль испарился.

Лила распахнула глаза и замерла. Она провела языком по губам, и я двинулся вперед, чтобы попробовать их, но Лила отстранилась, отчего моя рука упала с ее затылка.

— Мне нужно... нужно помолиться, — Лила встала на ноги, запинаясь, опустилась на насыпь на колени, широко разведя руки, и пять минут спустя запрокинула голову назад. Она была полностью поглощена, бормоча эту херню, «разговаривая с Богом».

Закурив еще одну сигарету, я прислонился к скале и смотрел, все еще ощущая ее ванильный вкус на своих губах.

10 глава

Новый Сион, Техас

Пророк Каин

Тысячи моих людей были здесь, когда я шел по проходу к церемониальному алтарю. Мужчины, женщины и дети преклонялись к полу, когда я проходил, благословляя мое имя и говоря на иных языках, когда Святой Дух наполнял их любовью. Я задержал дыхание, отчаянно пытаясь не показывать свою нервозность.

Иуда шел рядом со мной, хваля преданность народа. Он клал руку им на головы, и старейшины делали то же самое.

Я подошел к сцене, где стояли три привлекательные молодые женщины. Они склонили головы при виде меня. Положив руку на их макушки, я благословил каждую.

— Поднимитесь, — распорядился я. Они немедленно сделали так, как я хотел. Рыжеволосая женщина сделала шаг вперед и указала на кафедру и микрофон.

Я увидел, как Иуда кивнул ей в знак одобрения и выдавил улыбку. Иуда говорил мне, что заинтересован в женщине. Я предположил, что это она.

— Твое имя, сестра? — спросил я и ее глаза расширились от удивления. Меня по-прежнему поражало, как люди реагировали на меня. Они восхваляли меня, боготворили, а я чувствовал себя совершенно недостойным всего этого. Самозванцем.

— Фиби, сэр, — ответила она со слабой дрожью в голосе.

— Спасибо, сестра Фиби, — сказал я, улыбнувшись.

Когда ее щеки покраснели, она украдкой бросила взгляд на Иуду. Кивком подбородка он показал, что она все сделала хорошо. Сестра Фиби засветилась от радости.

Медленно повернувшись, я столкнулся лицом к лицу со своими прихожанами и почти потерял почву под ногами. Море глаз, смотревших на меня, поражало — ряды моих последователей, казалось, простирались на мили. Серьезность, огромное значение моего призыва к этому народу внезапно осенили меня и, сделав глубокий вдох, я подошел к микрофону, чтобы сделать то, чему был обучен. С каждым шагом мои ноги дрожали, дыхание становилось рваным, и поток неуверенности пробежал по моим венам.

Думая о своей речи, которую помог мне составить совет, я успокоил нервы и взял судьбу в свои руки, разыгрывая роль, которую должен был исполнить.

— Мой народ, мое сердце наполнено особой радостью, когда я смотрю на вас этим вечером. Мы все собрались здесь сегодня, чтобы отметить наше новое начало, наше зарождение здесь... в новом доме... нашей земле обетованной... Новый Сион!

Люди начали кивать и улыбаться. Приученные сидеть, пока Пророк не призывал к празднованию, они спокойно ждали, пока я договорю.

— Последние несколько месяцев в Ордене были очень сложными. Наша вера проходила испытание и растянулась до самого края нашего коллективного здравомыслия. Было потеряно множество жизней. Наш священный первый Пророк был убит во время исполнения своего долга, чтобы привнести нам новые Божьи откровения, — мужчины и женщины открыто плакали: шмыганье и плач приветствовали мои слова. Как ни странно, это поведение привносило ощущение власти, и я испытывал чувство признания, которое раньше никогда не оседало во мне. Эти люди были потеряны. Нуждались в моей помощи. Подпитываемый адреналином, я продолжил:

— Но не плачьте. Не горюйте по нашему падшему лидеру. Он был первым вестником, посланным нам Богом, чтобы наставить нас на путь праведный. Сейчас он с Господом,

находится в раю, и это по-настоящему благословенное место для него. Место, в котором мы все когда-нибудь окажемся.

Тихий плач прекратился, и я посмотрел на Иуду и старейшин. Их выражения лиц уверили меня, что я все делал правильно. Множество мыслей всплыли в моей голове, когда мои руки дрожали от волнения. Может, это мое предназначение? Прямо здесь у алтаря, одетым в церемониальный халат и проповедуя слова Господа.

Я поймал взгляд женщины передо мной. Женщина, которая смотрела на меня, будто я ответ на ее молитвы. От этого я почувствовал себя сильнее... по-другому. Живым.

— Мы были атакованы агентами дьяволами, посланниками Сатаны на земле. Но как и для всех божьих пророков: Моисея, Ноя и Авраама — эти испытания и невзгоды заверили Господа в нашей непоколебимой преданности. Эти проблемы на земле будут вознаграждены на небесах.

Мои люди стали беспокойными: некоторые запрокидывали свои головы в молитвах, а другие держали руки в воздухе, соглашаясь с проповедью.

Я чувствовал себя сраженным наповал, когда понял, что был причиной их восхищения.

Я сделал это с ними.

Мои слова... они имели силу... значимость...

Я улыбнулся и внезапно ощутил прилив мощной силы, которая, казалось, устранила любую оставшуюся нервозность. Я наполнился уверенностью в наше дело, мое сердце билось так, будто я переродился.

Я сделал это с ними... Я! Они преклонялись передо мной!

Поток холодного воздуха на моем лице ощущался как очищение от реки. Как будто я был крещен.

Переродившийся.

Я был перерожден, а мои люди были свидетелями этого акта. Этого назначения Богом.

Райдер, мужчина, который был потерян, уязвлен и отвергнут любимой женщиной, был сожжен братьями, которыми он дорожил, а Каин, мужчину, которого с рождения готовили для определенной цели, выступил вперед.

Моргнув и чувствуя себя помолодевшим, я проповедовал:

— Сегодня, я восхожу как ваш проповедник, как Божий сосуд для его благочестивых последователей. И он говорит со мной, направляет меня и показывает действия, которые мы должны предпринять.

В общине повисла тишина, и я ждал идеального момента, чтобы продолжить. Мягкий порыв ветра закачал деревья, и я улыбнулся. Это каким-то образом ощущалось... правильным. Предопределенным судьбой. Предсказанным.

— Наш Бог призвал нас объединиться, объединиться против зла, против тех, кто пытался сломить нашу веру, против тех, кто развращает непогрешимое и идеальное слово нашего Создателя.

Мои люди наклонились вперед, впитывая мое каждое слово. Когда я посмотрел направо, Иуда и Старейшины делали то же самое. Они были у меня как на ладони.

— Дьяволы разгуливают среди нас, и я знаю это не понаслышке. Я жил с ними, ходил рядом с ними и был свидетелем их грешных дел. Это нельзя терпеть и необходимо остановить. Мы, избранный народ Нового Сиона, отправимся в крестовый поход, чтобы отомстить тем, кто обидел нас и убил наших Братьев. Отметим эту ночь как историю среди нашего народа. Я называю ее сегодня *Bellum Sanctum*... Священная война против Ада и тех,

кто защищает его, всех, кто распространяет безнравственность и порочность как чуму.

На это раз мои люди не могли сдержаться и поднялись на ноги, молясь Богу, показывая свое согласие.

Я наблюдал за этой сценой, и огонь бежал по моим венам. Адреналин проходил через мое тело, и я ощущал, что моя душа сливается с божественной. Каждая клеточка моего тела вибрировала неукротимой силой, мой разум охватывал новые знания доставленные духовно от самого всевышнего. Я чувствовал себя всемогущим и всезнающим, настоящим Богом среди людей.

Я был... Богом! Я стал Мессией.

Когда я посмотрел на своих людей, мои глаза расширились от ликования. Они хвалили меня, кричали и восторгались своей преданностью. Мои люди объединились. Нас не остановить. Мои люди подпитывались гневом мести Господней, армия чистых душ, жаждущих моей команды.

Подняв руки вверх, я указал на свой народ, чтобы успокоить. Тишина обрушилась на толпу, пока мое сердце гремело в груди.

— Мы посвящаем все свое время крестовому походу. Мужчины станут опытными солдатами, свирепыми воинами против греха. Женщины будут осуществлять свой долг как сестры, божественные дочери и делиться божьей любовью лучшим способом, который знают. Они облегчат бремя, с которым столкнуться мужчины, будут ухаживать за ними и исполнять прихоти. Мы должны одержать победу как одно целое. Мы будем невидимыми в своем походе, будем бить без предупреждения, когда Бог даст знак, что настало время. Мы станем чумой для зла, чумой чистого света, которая разрушит тьму греха и преступлений по всему драгоценному человечеству Бога. Подобно тому, как Господь выдал сполна досаждающим египтянам, освободив свой народ, мы победим в этой войне! — я повысил голос, и все члены общины затряслись и упали на землю в молитве.

Широко распахнув рук, я проревел:

— Я ПРОРОК КАИН! Я верный путь! Я свет! Я ваш новый вождь. Мои братья, мои сестры, присоединяйтесь ко мне в поисках Бога, чтобы наконец избавить мир от злобных демонов, от плана царства теней ввергнуть этот мир в живой дышащий ад. Подниметесь со мной. Боритесь со мной. Я ваша дверь в рай... Я ключ к вашему спасению!

Люди потеряли контроль, переполненные эмоциями. Святой дух заполучил их сердца и поднял на небесные высоты. Я наблюдал и радовался, что они верили в каждое слово, произнесенное мной.

Все, что я мог делать, — это продолжать смотреть на восторженную толпу.

Господь и правда говорил через меня? Был ли я посредником? Был ли я словом... Был ли я по-настоящему Пророком?

Это могло быть правдой?

Рука легла на мое плечо и сжала. Я повернулся и увидел рядом Иуду. Он открыл рот, слезы бежали по его щекам. Затем он покачал головой, когда задыхался, не в силах говорить от переполнявших эмоций. Я прижал свой лоб к его и положил ладони ему на щеки. Мой близнец действительно верил, что я был Пророком, и мы наслаждались этим моментом. Я знал, что этот день изменит все. Мы оба всю жизнь ждали этого дня, но было слишком сложно принять реальность всего этого.

— Брат... — прохрипел Иуда и схватил меня крепче. — Ты спасешь всех нас. — Его взгляд встретился с моим, и он поцеловал мою щеку. — Ты спасешь всех нас.

Обнимая своего брата, я поднял голову к небу, закрыл глаза и помолился: Боже, пожалуйста, дай мне сил пройти через все это. Я сделаю все, что ты прикажешь мне. Я подчиняюсь тебе...

11 глава

Ли́ла

Ковбой и Хаш прикатали на своих мотоциклах. Свет от их байков отбросил сияние на двор. Припарковавшись возле гаража, они поспешили и присоединились к барбекю. Они улыбались, прокладывая свой путь к толпе, обнимали женщин и пожимали руки мужчинам. Они тоже уезжали, занимались делами клуба во внешнем мире. Это была поездка отдельная от Кая, но как говорит Кай, это «клубные дела», следовательно, мне никогда не узнать, чем они занимались.

Часть меня не хотела знать. Я начала доверять этим двум мужчинам и, конечно же, Каю. Это было мое чудо, и я не хотела портить его, узнав их реальные занятия.

В ночи раздался звук пронзительного смеха, и мое внимание перешло к двум скудно одетым блондинкам: Тифф и Джулс. Когда они покинули двор, направившись к бару, Джулс посмотрела на меня и насмешливо помахала.

— Почему она тебе помахала? — спросила Мэдди, внезапно встав возле меня.

Покачивая головой в замешательстве, я ответила:

— Не знаю. Я даже не знакома с ней.

— Она обычно с Каем, разве нет? — сказала Мэдди, и мой желудок перевернулся от мысли, как он привык щупать женщин, прикасаясь к ним в неподобающих местах. Из-за этого меня затошнило, и я осознала, что не могу перенести мысль о Кае с кем-то еще.

Пытаясь избавиться от ощущения тошноты, я взглянула на Ковбоя, который закинул руку на плечо Хаш и повел его к скамейке, где они сели и открыли пиво.

— Что ты думаешь, они делали в своей поездке? Что-то плохое? — спросила Мэдди и указала на Хаш и Ковбоя.

— Понятия не имею, — ответила я. — Но Хаш и Ковбой хорошие мужчины. Они всегда любезны со мной.

— Они... Хаш и Ковбой любезны с тобой, потому что хотят плотских утех? Ты искушаешь их? — спросила Мэдди.

Мой желудок перевернулся от этой мысли.

Я бросила свой взгляд на них, они сидели на скамейке и тихо беседовали, и сказала:

— Отчаянно надеюсь, что нет. Они кажутся искренними. Я буду опустошена, если узнаю, что соблазняю их. — Я не знала, что это было, но честно говоря, не считала, что они рассматривали меня таким образом. Я предпочитала верить, что им нравилось болтать со мной. Со мной, а не с моей внешностью.

— Разве... — Мэдди опустила голову и с тоской посмотрела на выход из нашей комнаты. — Разве возможно, чтобы мы нравились мужчинам... или они хотели нас, не из-за нашей красоты?

Отвечая на нехарактерный для Мэдди вопрос, я сказала:

— Я не знаю, сестра. Похоже, Мэй так думает. — Я увидела, что ее зеленые глаза

смягчились от облегчения... радости, возможно? И добавила: — Есть какая-то причина для твоего вопроса?

Мэдди вздохнула и потерла татуированное запястье. Эти татуировки делали нам в детстве: Откровение 21:8 — метка наших людей.

— Нет причины, просто я... просто когда-нибудь... ну, приятно думать, что определенный... мужчина, сильный мужчина, который будет меня защищать, и которому я буду доверять, сможет помочь мне узнать, что такое любовь. Каково это, чувствовать себя в безопасности... с ним, из-за него и может... может...

— Что, сестра? — спросила, придвигаясь ближе, чтобы взять ее за руку.

Она яростно моргала округлившимися глазами, пытаясь сморгнуть слезы. Затем прошептала:

— Может, рядом со мной он тоже будет чувствовать себя в безопасности.

У меня не было слов. Вместо этого я сжала ее руку, поддерживая ее. Я отчаянно желала этого будущего для моей сломленной, искалеченной Мэдди... и мужчины, который будет проявлять к ней уважение.

— Лила?

— Да?

— Ты чувствуешь себя так рядом с Каем? То, как вы смотрите друг на друга... Это... Это... — она улыбнулась. — Прекрасно.

— Прекрасно? — повторила я. Из-за слов Мэдди у меня перехватило дыхание.

— С того момента, как начал помогать тебе, он изменился. Из своего окна я пристально наблюдаю за людьми, сестра. Знаю, что я как тень, не прикладываю никаких усилий, а просто слежу за миром снаружи, прячась здесь, как напуганный ребенок. Но я еще не готова выйти за пределы комнаты. И до этого дня я буду наблюдать и изучать, как вести себя вне строгих правил Ордена. И, сестра, я очень пристально слежу за Каем.

Я сглотнула, ожидая больше информации. Мое сердце отбивало тяжелый ритм в предвкушении.

— Когда мы впервые оказались здесь он был счастлив, казалось, наслаждался женщинами и своей жизнью, но улыбка не касалась его глаз.

— Продолжай, — поощряла я, наклонившись ближе.

Мэдди провела руками по концам своих длинных черных волос и продолжила:

— Но теперь, когда он улыбается тебе... улыбаются и его глаза.

— Да?

Губы Мэдди изогнулись в счастливой улыбке.

— Он больше не смотрит на других женщин, хотя они смотрят на него с похотью. Он смотрит только на тебя. Видит только тебя. Улыбается только тебе... Думаю, что для него, ты самая яркая звезда на небе, затмеваешь всех, кто был до этого.

Мое сердце было готов взорваться от теплоты этих слов. Мягкая ладонь Мэдди внезапно легла на мою, и этот простой жест утешения от моей сестры почти довел меня до слез.

— Это прекрасно, — подтвердила она искренне.

— Но, Мэдди, ведь он не нашей веры. Это может быть неправильным... высказать чувства ему в ответ, хотеть его, разве не так? — спросила я, впервые обнажив свои чувства.

Мэдди потянула меня за руку и обняла своими худыми руками. Комфорт моей обычно отдаленной сестры распалил мое сердце и впервые, я позволила себе чувствовать по-настоящему, и знала, что для меня Кай тоже был самой яркой звездой.

Мэдди нежно провела по моим волосам и сказала:

— Я думаю, что любовь — есть любовь, не имеют значение недостатки человека или вера, которой он выбрал отдать свое сердце. Мы все падшие в каком-то смысле, Лила, никто не идеален, и ради того, чтобы почувствовать чью-то безграничную любовь, все это не имеет никакого значения.

Я закрыла глаза, чувствуя себя настолько наполненной надеждой, что излучала ее каждой своей порой. Прижавшись в поцелуе к макушке Мэдди, я начала говорить, когда вдалеке внезапно вспыхнул свет, освещая комнату, прерывая меня на полуслове, и знакомый рев двигателя заполнил ночной воздух. Мое сердце инстинктивно забилось сильнее, и возбуждение потекло по венам.

Он вернулся.

С пристальным вниманием я наблюдала через окно, когда байки показались ближе, и ворота начали открываться. Один за другим байки оказывались в поле зрения, и я узнала Кая впереди: его светлые волосы были завязаны кожаной резинкой, а широкое тело обтянуто грязной из-за дороги белой футболкой. За ним последовали мужчины: Викинг, АК, Смайлер Тэнк и Булл.

Кай снял свой шлем, провел рукой по взлохмаченным волосам, и люди столпились вокруг него, приветствуя его дома. Отойдя от окна, я побежала в ванную и надела свой чепец. Завязав его, я разгладила платье и направилась к двери.

— Куда ты? — спросила Мэдди, отходя от кровати и вставая возле меня.

— Я должна встретить Кая из его путешествия, — я потянулась к дверной ручке, но Мэдди взяла меня за руку.

— Лила, ты знаешь, что мы должны оставаться подальше от первого этажа, когда там люди. Эти правила придуманы братьями для защиты, иначе ты подвергнешь себя опасности. Мы обе видели, что происходит с женщинами, которых не сопровождают кто-то из Палачей. Они обращаются с ними как с мусором. — Ее голос задрожал. Она боялась за меня.

Подойдя к ее небольшой фигуре и положив руки ей на плечи, я сказала:

— Я мгновенно окажусь с Каем. Он защитит меня. Я доверяю ему.

Мэдди сверкнула облегченной, робкой улыбкой и направилась к кровати, заняв свое обычное место у окна, изучая мир снаружи, учась выживать.

Выйдя за дверь, я ощутила прилив облегчения из-за того, что Флейм покинул свой пост, и я закрыла дверь, обеспечив Мэдди безопасность. Мое сердце ускорило ритм, когда я шла по коридору к личной комнате Кая. Я не собиралась и никогда не рискну выйти во двор. Он был все еще слишком пугающим для меня, слишком открытым для жизни, поэтому я планировала дождаться его в его личных покоях, за дверью.

Я открыла дверь в коридор, позволяя ногам нести меня по направлению к его комнате, затем слышала, как дверь в коридор захлопнулась за мной.

Громкое угрожающее шипение заполнило коридор. Я замерла на месте и мурашки поползли по моей спине.

Кто-то был здесь.

— Ну, привет, красавица, — произнес женский голос, и я мгновенно узнала, кому он принадлежал.

Я не могла собраться с силами и повернуться, чтобы убежать, и просто стояла на месте.

Две пары шагов, цокая каблуками, приближались ко мне, и с каждым шагом во рту у меня все больше пересыхало. Запах сильного парфюма, смешанный с ликером, доносился из-

за моего плеча, и кто-то провел пальцем по моему затылку.

Зажмуриив глаза, я пыталась побороть панику, но потерпела полную неудачу. Влажные, мягкие губы обхватили ракушку моего уха, когда другая начала гладить мое горло сбоку.

— Почему он так сильно хочет тебя? Что в тебе такого особенного? — спросил другой женский голос, и меня почти вырвало от страха.

Внезапно пальцы сжались на моей шее, и я закричала, когда острые ногти вонзились в мою кожу.

— Пожалуйста! Не делайте мне больно...

— Почему он променял нас на тебя? Твоя киска девственна, а мы сделаем что угодно. Что его так привлекло?

— Он не... Он не хочет меня... — шептала я почти неслышно.

Рука ослабила хватку на моей шее, но на лишь мгновение, затем сжала еще крепче, чем до этого.

— Может, нам просто нужно самим проверить, — произнес голос.

Чья-то рука дернула меня за плечо, поворачивая на месте, и практически вывихнула его. Тифф и Джулс показались передо мной, их лица были злыми, а взгляд расфокусированный и остекленелый. Они были одурманены, очень-очень одурманены чем-то. От этого мой страх только укрепился.

Джулс крепко схватила меня за щеку и силой потащила в комнату Кая, Тифф открыла дверь и закрыла ее, когда мы прошли.

Я умудрилась вырваться из хватки Джулс и попятилась к двери, но Тифф вытянула руку и ударила меня по губам, отчего я упала на кровать, пока две женщины надвигались ближе.

Темные пятна заплесали перед глазами, и я пыталась сосредоточиться.

— Мы собираемся попробовать тебя, Лиля. Мы покажем тебе, как хорошо провести время. Покажем Каю, что он может иметь всех нас.

— Мы покажем тебе, почему Кай привык приходить к нам. Прежде чем появилась ты и все испортила. Ты будешь наслаждаться этим, детка. Ты так сильно кончишь.

— Нет! — закричала я, дрожа от страха, когда Тифф встала на колени у моей головы, а Джулс у ног. Затуманенные глаза Джулс были сощурены, и медленно она осмотрела меня снизу вверх

— Меня тошнит от этой гребаной уродливой одежды. — Она наклонилась и начала стягивать мое длинное платье, когда Тифф схватила мои руки за запястья и держала их над головой. Я кричала, в моем рту был вкус крови от удара Тифф, когда воздух ударил по моим ногам, и Джулс и Тифф засмеялись, будто наслаждались моей болью.

— Я умоляю вас, пожалуйста. Не делайте этого! — шептала я, но Джулс продолжала поднимать мое платье, пока оно не собралась в складку на талии. Пальцами она обхватила мое белье и сорвала, бросив на пол.

— М-м-м, Тифф, посмотри на эту хорошенькую киску, — произнесла Джулс, и ее палец оказался на моем колене, а затем медленно поднимался выше. Я пыталась дернуть ногой, чтобы сбросить ее руку, но Тифф крепче сжала мои запястья и усилила хватку на щеках с такой силой, что там наверняка останутся синяки.

Я хныкала и кричала, но им было все равно. И затем палец Джулс достиг вершины моих бедер, и я закричала в панике, когда кончиком она провела по соединению моих интимных частей; мои ноги напряглись, а слезы полились по щекам. Палец Джулс безжалостно ласкал меня, кружа по интимным частям, пока она переместила губы к моему лицу.

— Ты такая влажная, детка, — пробормотала Джулс в мое ухо, увеличивая скорость движения пальца. — Ты влажная для меня? Тебе нравится, как я ласкаю эту хорошенькую киску? — Я уставилась в потолок, мой разум оцепенел. — Ты такая красивая. Такая красивая, малышка... — Я ненавидела ощущение от ее прикосновений, как она потирала мой бутон.

Внезапно лицо Тифф оказалось в поле зрения надо мной. Она подняла руку и сняла чепец с моей головы, мои светлые волосы рассыпались по простыне. Затем она вытянула руку и расстегнула верх моего платья, раздвигая полы в сторону и выставляя напоказ мою грудь.

В глазах Тифф пылал огонь, когда она осматривала мое тело, проводя пальцем по моей щеке и по передней части горла.

— Нет! — закричала я, но Тифф проигнорировала мои желания и наклонилась, прижавшись к моей груди, ее рука обхватила мою грудь, а пальцы сжались вокруг соска. Я закричала от ощущения обжигающей боли.

— Посмотри сюда, детка. Ты чертовски красива. Это тело... черт! Не удивительно, что Кай не может держать свой член в штанах.

— Пожалуйста, — прошептала я, слезы жгли мои глаза. — Пожалуйста, отпустите меня.

Рука Тифф замерла на моей груди. Она отстранилась, и я позволила себе выдохнуть от облегчения. Но когда я расслабилась, она подняла руку и ударила меня по лицу с такой силой, что пронзительный рев зазвенел в моих ушах. Очередная порция медного вкуса крови заполнила мой рот и все замедлилось.

Я наклонила свою тяжелую голову, чтобы посмотреть на нее. Тифф поймала мой расфокусированный взгляд и наклонилась вперед, пока мы не оказались нос к носу.

— Мы трахнем тебя, детка. Мы узнаем, почему Кай отказался от нас ради тебя.

Боль пронзила мою нижнюю часть, когда Джулс стала слишком грубой. Я напряглась из-за осквернения своего тела и закричала от страха.

Это снова случилось! Как и говорил пророк Давид. Я снова соблазняла. Тифф и Джулс были ведомы безумным сатанинским желанием поглотить меня, обладать мной... преподать мне урок из-за того, что я обладала этим проклятым телом и за то, что отняла у них человека, который им так дорог.

Меня наказывали. Я всегда получала наказание!

Боже! Я потеряла бдительность из-за возвращения Кая. Позволила грешному желанию увидеть его завладеть моей восприимчивостью.

Дьявол будет танцевать.

Рука Тифф переместилась на мою грудь и продолжала сжимать ее, пока я уставилась в потолок пустым взглядом. Я должна отгородиться от этого. Должна отгородиться от этого всего.

Вспоминая об общине и часах обучения с братом Ноем, я вернулась назад к своему старому механизму защиты и выключилась, мысленно отстраняясь от этого ужасного места, пока....

— КАКОГО. ХРЕНА?

Услышав оглушительный скрип из дверного проема, я увидела мужчину в дверях... и мое сердце воспарило надеждой.

— Кай, — захныкала я в знак благодарности и облегчения.

На его загорелом суровом лице был написан ужас, когда его голубые глаза осматривали

происходящее. Затем его выражение помрачнело до убийственной ярости.

Позади меня Тифф замерла над ушибленной, оголенной плотью, затем отстранилась, оставляя мое обнаженное тело выставленным напоказ. Пальцы Джулс оставили мою плоть между ног, и она переместилась по матрасу, чтобы присоединиться к Тифф. Я пыталась двигаться, но замерла на месте. Каждая часть меня кричала в боли и страхе, отчего я не могла реагировать. Когда Кай опустил взгляд на меня, я увидела, что тот же страх отражался в его взгляде. Он боялся не за себя, а за меня.

За Каем дверь снова открылась. В комнату ворвались Хаш и Ковбой.

— Дерьмо! — выплюнул Ковбой, когда увидел меня на кровати, пока горькие слезы стекали по моему носу. — Дерьмо! Лила!

Кай внезапно ударил кулаком в стену, и это было единственное предупреждение, прежде чем он бросился вперед как животное с бешеной яростью во взгляде. Он вытащил длинный нож из своего жилета. Тифф и Джулс начали кричать и в страхе держаться друг за друга. Шокированная этим внезапным действием, я вскарабкалась по кровати, свернувшись в клубок у спинки.

— Бл*дь! — выплюнул Хаш и рванул к Каю, удерживая его руками за талию и останавливая на полпути. Кай пытался вырваться из его хватки и прорваться к Тифф и Джулс.

— Ковбой, уведи их на хрен отсюда. Держи их в баре! — приказал Хаш. Ковбой пробежал мимо разъяренного Кая и, схватив Тифф и Джулс за руки, выволок их из комнаты.

— Кай, успокойся нахрен! — сказал Хаш, пытаясь утихомирить Кая. Он выпустил его руку, и Кай повернулся и оттолкнул Хаш к стене спальни.

— Они напали на нее! — заревел он, крепко сжимая футболку Хаш в кулаках. — Эти гребаные шлюхи напали на мою сучку!

Всего этого было чересчур. Мне было плохо, больно, и больше того, я была в ужасе от гнева Кая.

Опустив голову на руки, я закричала. Я кричала, пока мое горло не заболело. Я кричала, пока больше уже не могла кричать. Я отвернула голову к стене, накрыв уши руками и заскулила. Каждая часть меня болела, в моем разуме крутились изображения, как Тифф и Джулс удерживали меня.

Господь! Пожалуйста, спаси меня! Пожалуйста, позволь мне забыть то, что я только что пережила, умоляю.

— Бл*дь, Кай, — я слышала голос Хаш, — она сходит с ума. Твоя сучка сходит с ума. Сделай что-нибудь.

Несколько секунд спустя рука прикоснулась к моему плечу. Я была вне себя от страха. Кай сел на колени рядом со мной, его лицо исказилось.

Заметив очевидную злость на красивом лице Кая, еще больше слез потекло из моих глаз. Кем был этот Кай? Он пугал меня. Тифф и Джулс напали на меня... касались меня... толкались...

Кай опустил голову рядом с моими голыми ногами и вздохнул.

— Я не причиню тебе боль, детка. Это я, Кай. Ты можешь мне доверять. Пожалуйста...

Я не верила ему. Он таил злобу на Тифф и Джулс. Он причинит им боль из-за меня. Я покачала головой, когда он потянулся ко мне, и пыталась слиться со стеной.

— Ли! Это, бл*дь я — Кай! Вернись ко мне. — Его голос звучал для меня как лезвие бритвы. Когда я увидела его глаза, то в них было только опустошение. — Мне нужно обнять

тебя, детка. Убедиться своими собственными руками и гребаными глазами, что ты в порядке

Когда его руки потянулись вперед, я инстинктивно попятилась назад. Лицо Кая поникло, и он сказал:

— Ли, пожалуйста. Я не собираюсь больше просить. И я не причиню тебе боль. — Кай посмотрел на Хаш, который тихо покинул комнату, а затем произнес тихим голосом: — Я так чертовски скучал по тебе, детка. Скучал. Я — Кай! И я приехал, а эти шлюхи... Я буду прикасаться к тебе, детка. И больше не буду спрашивать.

Опустив голову, я попыталась расслабиться. Затем Кай взобрался на кровать, просунув свои сильные руки под мои ноги и спину. Осторожно он поднял меня к своей потной груди.

Кай раскачивал меня из стороны в сторону и сказал:

— Мне так жаль, детка. Я... не осознавал, что они вытворят подобное. Я понимал, что они взбешены, но преследовать тебя... Они гребаные ревнивые сучки. Бесятся, что я бросил их никчемные задницы пару дней назад. Они не восприняли это хорошо.

Моя нижняя губа дрожала. В комнате все были шокированы. Кай пробормотал что-то себе под нос и затем накрыл меня моим рваным и окровавленным платьем.

Кай погладил меня по волосам и сказал с болью в голосе:

— Черт, Ли.

Я не могла говорить. Мой желудок завязался в узел, а постоянная дрожь ощущалась невыносимой.

Кай сделал глубокий вдох и сказал:

— Они прикоснулись к тебе? Я пришел слишком, бл*дь, поздно?

Когда я умудрилась кивнуть головой, соглашаясь с ним, ярость Кая была ощутима. Затем он резко встал и направился в уборную. Несколько секунд спустя он вышел оттуда с мокрой белой мочалкой. Сев на край кровати, Кай начал очищать мои повреждения в самой деликатной манере.

Вкус кровь уже казался обычным в моем рту.

Выражение лица Кая было непоколебимым. С каждым новым найденным повреждением, он все больше напрягался. Когда прижал мочалку к моей раненой щеке, я вздрогнула. Кай спросил напряженно:

— Ли, какого хрена ты делал здесь сегодня вечером? Я говорил тебе о правилах. Говорил никогда не ходить здесь без меня. Это опасно.

Кай принуждал меня ответить своим суровым взглядом. Помогая себе руками сесть чуть выше на кровати, я собрала с мыслями и, чувствуя себя довольно глупо, сказала:

— Я... я искала тебя.

Кай свел брови вместе и внезапно его выражение лица смягчилось.

Он прикоснулся пальцами к моему лбу и убрал мои волосы.

— Ты искала меня?

— Да, — прошептала я, фокусируя взгляд на постельном белье. — Я видела, что ты вернулся домой, и хотела поприветствовать тебя. Я видела, как ты въехал во двор, и почувствовала... почувствовала ошеломляющее волнение, что увижу тебя снова.

— Да? — прохрипел Кай, и мой взгляд вперился в его. — Детка... — я наблюдала, как он сделал глубокий вдох, затем поднял мою голову, прижавшись в поцелуе к коже на затылке.

Мое дыхание было рваным, а сердце затрепетало в груди.

— Тем не менее, сладкие щечки, ты не должна быть здесь одна. Для сучки не безопасно.

— Извини, — сказала я и начала плакать. — Тифф и Джулс последовали за мной в твою комнату и напали. Они сказали, что хотят выяснить, почему ты предпочел меня им, почему оставил их ради меня... затем они трогали меня, сняли мою одежду и продолжали говорить, что я красивая, когда прикасались ко мне против моей воли...

Температура в комнате упала на пятьдесят градусов, когда лицо Кая стало холодным.

— Что сделали эти ублюдошные шлюхи? — проревел он сквозь стиснутые зубы.

— Кай, — я забеспокоилась, когда увидела, что отблеск ярости вернулся и ярко загорелся в его глазах.

Но Кая было невозможно успокоить или приручить.

— Я, бл*дь, убью их! — Спрыгнув с кровати, он помчался к двери и выбежал в коридор.

Сжимая простыню, я встала с кровати, пытаюсь дышать сквозь боль на лице. Я обернула простынь вокруг себя, прикрывая обнаженную кожу, и быстро шмыгнула в бар за Каем.

Заметив, как он помчался по коридору и распахнул дверь, я увеличила свой темп и вошла как раз вовремя, когда Кай сметал на своем пути отдыхающих мужчин и столы. Я следовала по пути его разрушения. Тифф и Джулс находились под усиленной охраной Ковбоя и Хаш.

— Вы ублюдошные шлюхи! — закричал Кай невероятно громко, привлекая внимание всех в гостиной. Их испуганные глаза были направлены на закипающего и рвущегося к ним Кая, и они попытались отступить в явном испуге.

— Я собираюсь убить вас! — угрожал Кай. Внезапно АК схватил его сзади, удержав, пока он не добрался до них.

— Отпусти меня, нахрен, брат! — ревел он на АК, когда Смайлер прыгнул рядом с Каем, помогая АК сдерживать его.

— Успокойся, брат. Какого хрена эти близняшки-лизуньи тебе сделали? Укусили тебя за член или что-то подобное? — спросил Викинг, смотря между Каем и женщинами.

Кай замер, а затем взорвался:

— Что они сделали?! Эти прошмандовки напали на Лилу! Прижали ее к кровати и лапали своими пальцами ее титьки и совали их в ее киску, пока она кричала!

В комнате повисла тишина, когда все Палачи замерли, понимая серьезность ситуации.

Кай попытался освободить хватку АК и Смайлера, закричав:

— Я убью вас обеих, уродливые гребаные шлюхи! УБЬЮ ВАС!

Тифф был перепугана агрессией Кая, ее нижняя губа дрожала, но лицо Джулс исказилось от горечи. Она подняла подбородок, защищаясь:

— Она, бл*дь, заслужила это! — сказала она резким голосом. У меня перехватило дыхание от ее слов. — Мы ублажали твой член годами, и ты никогда не говорил о том, что сделаешь кого-то из нас или обеих своими старухами. Ни единого гребаного раза, хотя ты использовал наши киски все время, везде, когда угодно! Но затем появилась она, черт, появились все три сектантские сучки, и у каждого чертового брата теперь отвисает челюсть каждый раз, когда они проходят мимо, как будто вы все под гребаными чарами. А ты... — Она дернула подбородком в сторону Кая, — ты повторял имя блондинистой сучки, пока врезался мне в задницу, каждый гребаный раз желая, чтобы я была ею! Она как будто гребаная ведьма вуду или что-то подобное, сделала тебе слепым и своей гребаной марионеткой!

Мне внезапно поплохело от ее слов. «Она как будто гребаная ведьма вуду или что-то подобное... своей гребаной марионеткой». Я не хотела представлять Кая с двумя этими

женщинами, как он берет их самыми соблазнительными способами. В действительности, если быть полностью честной, я не хотела думать о нем ни с какой другой женщиной, кроме меня, и точка. Но я понимала, что ни один мужчина не мог по-настоящему полюбить Окаянную. Ни у одной из Окаянных не могло быть чистой любви. Пророк Давид убедился, что я поняла это еще с детства. Я запоминала Писание, на случай, если забуду свою роль в этой жизни.

Кай улыбнулся саркастичной и невеселой улыбкой. Джулс настороженно наблюдала за ним, когда он прошипел:

— Потому что вы чертовски грязные потасканные шлюхи! Лила чистая и не будет трахать мужчину просто ради того, чтобы трахнуть Палача, получить деньги на кокс, или что вы там еще вдыхаете носом или втираете в свои мерзкие десны. Вы хороши для траха, потому что у вас нет границ, но вы не подходите ни для чего другого, тупые, грязные шлюхи.

Джулс побледнела, а Тифф, которая теперь плакала, прижала Джулс к груди. Но Кай не мог остановиться. Он был в ярости.

— Вы — дешевый трах и ничего больше. Я терпел вас из-за ваших всегда готовых кисок, но вы тронули Лилу, и это сломало меня. Я хочу сделать вам больно. Я хочу, чтобы вы, бл*дь, ощутили боль Ли, когда вы прижали ее к кровати, ударили по красивому лицу и разорвали гребаную одежду, пока ВАШИ МЕРЗКИЕ ПАЛЬЦЫ ТЕРЛИ ЕЕ ЩЕЛЬ!

— Брат, остынь, — сказал АК, пытаясь сдерживать Кая, в моих ушах еще звенело из-за громкой речи Кая. — И, бл*дь, поговори с нами. Что нахрен произошло?

Но Кай не слушал АК. Ситуация выходила из-под контроля, а я не хотела еще больше насилия. Я больше не хотела, чтобы насилие было связано с моим именем.

Это было мое проклятье. Сводя мужчин с ума из-за похоти, дьявол играл в игру своими пешками ради своего больного развлечения. И Кай стал очередной жертвой, поступаясь всем, что знал, и людьми вокруг ради моего спасения.

Поэтому найдя в себе смелость, я решила войти в бар, чтобы остановить безумие, моя нога ступила на скрипучую половицу. На звук старого дерева под моими ногами море глаз посмотрели в мою сторону. Все братья напряглись, когда заметили меня.

Я не видела свое изувеченное лицо, но предполагала, что оно было в плохом состоянии. Я могла ощущать это. Братья никогда не видели меня без чепца, мои светлые волосы были выставлены напоказ, моя соблазнительность играла в полную силу. И я была завернута в простыню.

Я блудница.

АК потряс Кая, прошептав что-то ему на ухо. В конце концов Кай перевел свое внимание от двух дрожащих женщин, почти впечатанных в стену, и сфокусировался на мне.

— Лила! Какого хрена, детка, — сказал он раздраженно, вытягивая руки из хватки АК и Смайлера. Теперь у них не было выбора, кроме как отпустить его. Кай направился ко мне, сгреб в объятия, не оставив время на протесты.

Он прижал губы к моему лбу, и в его крепкой хватке я чувствовала себя в безопасности.

Хватка Кая была почти болезненной, когда он схватил меня за ноги. Кто-то сзади прокашлялся, и когда я посмотрела в сторону, Летти шла с Буллом, Тэнком и Красоткой не далеко позади. Должно быть, они находились в дальней части комнаты.

— Позволь мне позаботиться о них, ВП, — сказала она с сильным акцентом. Татуированное лицо Булла сияло гордостью, когда он стоял рядом с женой, его огромные руки были скрещены на груди. — Ты больше никогда не увидишь их. Они не посмеют

вернуться. И спасибо, бл*дь, за это, потому что меня тошнит от их никчемных кисок, которые постоянно охотятся на мужчин. Я уже заскучала и разборка с ними сделает мой день. Они облажались, прикоснувшись к Лиле. Они, бл*дь, больше не подойдут к ней снова.

Кай замер на мгновение, но в конце концов уступил.

— Сделай это чертовски медленно, Летти. Заставь тварей страдать. — Повернувшись на пятках, Кай вышел из комнаты со мной на руках и отнес меня обратно к себе. Он сел на край кровати, держа меня в своих объятиях, и сказал: — Мы приведем тебя в порядок. Затем я на хрен увезу тебя отсюда.

— Куда мы поедem? — прошептала я удивленно, все еще не оправившись от насилия. Всего этого было так много. Я не могла вытерпеть это. Я хотела бежать из этого места. Все, что я могла видеть, как Тифф и Джулс удерживают меня.

Соблазняю... я всегда соблазняю людей...

— Подальше отсюда на пару дней. У клуба нет важных дел до следующей недели. АК, Тэнк и Булл смогут справиться со всем до нашего возвращения. Ты не можешь оставаться здесь, пока я чувствую себя так, что могу убить кого-нибудь. И я больше не хочу, чтобы ты смотрела на меня, будто я могу сделать тебе больно.

— Больше никакого насилия, — умоляла я. — Если я могу попросить тебя об этом.

Кай вздохнул раздраженно.

— Ли, такова моя жизнь, и я такой мужчина, но да, если мы уедем, я не пролью больше крови... сегодня. Но такова жизнь здесь, детка. Ты привыкнешь ко всему.

Я чувствовала только облегчение. И также не хотела находиться на этой территории сейчас. Всего этого было чересчур много. Мое проклятье не уменьшилось. Оно набирало обороты.

— Хорошо, — согласилась я.

Кай встал и осторожно опустил меня на ноги.

— Мне нужно обо всем договориться. Прими душ. Я возьму тебе одежду. Мы уедем через тридцать минут.

— Хорошо, — сказала я, но когда Кай отвернулся, я спросила: — Кай? — он остановился и посмотрел на меня. — Могу.. могу я попросить тебя пощадить Тифф и Джулс? Не думаю, что их страдания правильны. Позволь Господу наказать их за грехи.

Кай опустил руку на дверную ручку и, не оглядываясь назад, сказал:

— Ни единого гребаного шанса. Эти шлюхи плохо обращались с тобой из-за ревности. Они обе могут гнить в преисподней, мне все равно. Прямо сейчас я их судья, присяжные и палач. Они поимели не того брата. Они умрут, и это случится очень медленно.

Я покачала головой, не соглашаясь с ним и ощущая страх в желудке.

— Нет, пожалуйста. Я не хочу крови на твоих руках из-за меня!

Кай остался непоколебимым.

— В любом случае на моих руках уже чертова куча крови, сладкие щечки. Они, бл*дь, умрут. Конец истории. Ни один человек не смеет войти к Палачам и провернуть подобное дерьмо с моей женщиной!

На этом он закрыл дверь, блокируя пути к выходу.

Я приняла душ, просто пытаюсь все забыть.

И через тридцать минут мы были в его грузовике, и он вез нас куда-то.

Кай

Красотка согласилась остаться с Мэдди. После того как Флейм услышал, что произошло с Ли, и почему я увозил ее, я знал, что брат не уснет, пока не защитит молодую сучку. Прямо сейчас Мэдди была самой защищенной женщиной на гребаной планете.

Мы поехали в деревню, на мое ранчо. Я не возил туда никого прежде. Никто даже не знал, что я владею им, кроме Стикса, конечно. Для этого была хорошая причина. Причина, о которой Лила узнает примерно через сорок гребаных минут.

Лила молчала большую часть пути, прижав голову к окну с пассажирской стороны. Я не мог оторвать от нее взгляда, ее лицо все было в синяках и она надела еще одно длинное уродливое платье. Ее чепчик крепко держался на волосах, и я не знал, как все исправить.

На нее напали из-за меня. Я не был уверен, что смогу найти искупление в ее глазах. Меня сводило с ума то, что я не знал, о чем она думала.

Переключая с одной радиостанции на другую, я остановил свой выбор на Judas Priest и спросил:

— С тобой все хорошо, Ли?

— Да, спасибо, — ответила она, не поворачивая головы.

Крепче сжав руками руль, я стиснул зубы, нажав на газ, чтобы довезти нас до ранчо как можно быстрее.

Тридцать минут спустя я увидел знак High Ranch и свернул на грязную дорогу. Лила смотрела вперед и ерзала на сиденье, ее глаза осматривали деревянные сарай, окруженный полями, и конюшни слева от дома.

Я любил это место.

В коттедже горел свет, и я остановил грузовик рядом со старым побитым Chevy.

Лила повернулась ко мне.

— Это твой коттедж?

Я открыл рот, чтобы ответить, когда передняя дверь открылась и Элисия ступила на крыльцо. Ее светлые вьющиеся волосы были заплетены в косу, она как всегда была одета в джинсы и клетчатую рубашку. Я выпрыгнул из грузовика и побежал к крыльцу, увидев, как ее лицо засветилось при виде меня.

Обняв ее рукой за плечи, я притянул ее к груди и поцеловал в макушку.

— Как дела, Сия?

Крепко обняв меня за талию, она ответила:

— Хорошо. Бонни родила жеребенка прошлой ночью, поэтому я хочу спать.

Отстранившись, Сия продолжила говорить, но замолкла и нахмурилась на что-то, что увидела через мое плечо.

— Эм... Кай? — Сия указала позади меня и подняла бровь в замешательстве.

Развернувшись, я увидел Лилу, освещенную светом из коттеджа. Ее выражение лица было пустым, но она во все глаза смотрела на Сию. Она, вероятно, боялась, что я привез ее к очередной странной женщине.

Я махнул рукой, сигнализируя Лиле подойти, но ее голова опустилась, и она не двигалась. Я мог видеть страх, написанный на ее лице. Вздохнув, я повернулся к Сие, которая смотрела на меня чертовски странным взглядом, подошел к Лиле и прислонился к

двери.

— Лила, малышка, выходи. Мне нужно представить тебя кое-кому.

— Это твоя жена? — спросила Лила нервно. — Или еще одна из твоих женщин?

Я почти проигнорировал это, но вместо этого рассмеялся.

— Нет, сладкие щечки. Это не моя гребаная жена. Теперь выходи, — я подмигнул. —

Вытаскивай свою блондинистую задницу из машины.

Взяв меня за руку, Лила нервно попятилась, и мне пришлось тащить ее к Сие, чей взгляд был прикован к нашим переплетенным рукам.

Когда мы ступили на крыльцо, я положил руки на плечи Лиле, ощущая, как она напряжена. Наклонившись, я прошептал ей на ухо:

— Лила, познакомься с моей младшей сестрой, Элисией.

Лила резко вдохнула и сказала:

— Сестрой? — Она посмотрела на меня в замешательстве. — Ты не упоминал, что у тебя есть сестра.

— Не так много людей знают. Теперь знаешь ты, — ответил я.

Шагнув вперед, Элисия вытянула руку.

— Приятно познакомиться, Лила.

Лила уставилась на протянутую руку Сии, и робко подняла свою, вложив в руку Сии, очевидно не зная, что делать.

Сия улыбнулась и слегка пожала ее руку, рискнув бросить на меня свой непонимающий взгляд.

Я покачал головой, говоря ей не начинать расспросы прямо сейчас.

— Мне тоже приятно познакомиться, — тихо ответила Лила, одергивая свою руку и уставившись на ладонь, будто Сия только что ее обожгла.

— Почему бы нам всем не войти внутрь? — спросила Сия и направилась к двери.

— Иди с Сией. Я возьму сумки, — приказал я, и нервничая, Лила присоединилась к Сие.

Я не говорил сестре по поводу Лилы, понятия не имел, как рассказать

Я взял сумки и прошел через дверь, увидев, что Лила сидит у открытого огня, перебирая руками. Она улыбнулась от облегчения, когда увидела меня. Я взглянул на нее и вздохнул. На ее лице стали появляться яркие синяки.

Опустив сумки, я подошел к Лиле и присел на корточки, чтобы осмотреть ее лицо, провел пальцем по щеке.

— Как ты себя чувствуешь?

— Устала, но все хорошо, — сказала Лила, уткнувшись в мою руку. Мои гребаные легкие сжались, когда она это сделала.

Подняв вторую руку, я провел большим пальцем по ее щеке, ее большие голубые глаза вперились в мои, губы слегка приоткрылись на мое прикосновение.

Позади меня раздалось покашливание, и Лила подпрыгнула, разрывая контакт. Сия наблюдала за нами с выражением сомнения на лице. Она спросила:

— Хочешь горячее какао, Лила?

Лила нахмурилась и посмотрела на меня.

— Не знаю, что это. Кай, могу я попробовать?

— Как насчет того, что ты посидишь у огня, а мой старший брат поможет мне с напитками? — предложила с энтузиазмом Сия.

Лиля кивнула и откинулась на кушетке, ее взгляд был прикован к огню.

Сия схватила меня за руку и потащила на кухню, затем развернулась ко мне лицом.

— Какого хрена происходит, Кай? — прошипела она зло. — Потому что я внезапно получаю известие, что ты приедешь на несколько дней, и ты появляешься с какой-то цыпочкой, которая выглядит так, будто принадлежит прошлому веку где-то в Пенсильвании, и спрашивает у тебя разрешения попить, и при этом не знает, что такое гребаное какао! — Ее карие глаза расширились, а рука взлетела ко рту, когда кровь отлила от ее лица. — О нет, она не стала жертвой торговли людьми или чего-то подобного? Вот почему она здесь?

Я застонал.

— Почему, бл*дь, все продолжают спрашивать это у меня!

Обхватив запястье Сии рукой, я оторвал ее руку ото рта и сказал:

— Это клубные дела, Сия. Ты знаешь правила. Но эта сучка не имеет отношения к торговле людьми. — Я оглянулся и убедился, что Лиля не подошла ближе, и наклонился, чтобы сказать: — Мы спасли ее из одного секс-культа два месяца назад, и она не так уж хорошо приспособилась к жизни во внешнем мире.

Глаза Сии вытаращились из орбит.

— Дерьмо! А синяки на ее лице?

Давай отпор волне гнева на Тифф и Джулс, я сказал:

— На нее напали в клубе. Две сучки, которых я трахал, приревновали, и, бл*дь, напали на нее. Обращались с ней как с гребаной свободной киской.

— А это не так? — спросила Сия, рассматривая меня пристально.

— Нет, бл*дь, это не так, — сказал я, даже для меня мой голос звучал убийственно. — Ты видела ее, она чертовски красива, идеальна, она не такая как эти шлюхи. Даже, бл*дь, не близко.

— Так твои шлюхи наконец укусили тебя за задницу? И бедной сучке пришлось страдать из-за этого?

Ярость заволокла мой взор.

— Не напоминай, бл*дь, Сия. Мне потребовались все силы, чтобы не разорвать этих шлюх в клочья. Они прижали ее к кровати и, бл*дь, касались ее, и били ее. Я ни разу не ударил женщину в своей жизни, но почти сделал это сегодня. Я не мог слышать, что на нее напали из-за меня.

— А шлюхи?

— Они мертвы к этому моменту. Связались не с той сучкой.

Сия медленно кивнула, зная клубные правила, затем медленно прислонилась к деревянной столешнице.

— Я не могу... не могу в это поверить.

Присоединившись к ней у столешницы, я сказал:

— Да, знаю. Достаточно, бл*дь, неестественно, ага? Я хочу сказать, гребаный культ! Моя сучка была атакована ревнивыми клубными письками!

Сия полуфыркнула-полурассмеялась.

— Да, это безумие. Но это не то, что я считаю невероятным, старший братец.

Нахмутив брови, я спросил:

— Что?

Она пихнула меня локтем.

— Не могу поверить, что заносчивый Кайлер Уиллис, двадцати семи лет отроду,

влюбился!

Каждая часть меня замерла и челюсть отвисла.

— Да пошла ты, Сия, — удалось мне прохрипеть. Но мое сердце тарабанило в груди, а ладони вспотели.

Бл*дь, у меня лихорадка или подобное дерьмо?

Сия начала смеяться надо мной. Я проверил лоб рукой. Она потянула мою руку и закатила глаза.

— Кай, — сказала она, — ты не болен.

— Нет? Так почему я чувствую себя так, будто упаду замертво?

Она снова рассмеялась, что на самом деле начало меня бесить, и сказала:

— Потому что ты никогда не хотел старуху. Наш поп был не очень любезен к маме. Ты видел это дерьмо и поклялся никогда не заводить женщину... Затем ты увидел то, что случилось со мной. — Ее голос дрогнул на этом.

Укол боли прошел сквозь мое сердце из-за того, через что прошла моя сестра.

— Си...

Она подняла руку, не желая, чтобы я затевал разговор о прошлом, и добавила:

— Но судьба явно не согласна. — Она встала передо мной и положила руки на мои бородатые щеки. — Ты провел годы, трахая все, что движется, но я никогда не видела, как ты заботишься о женщине. Я никогда не видела, чтобы ты смотрел на женщину так, как смотришь на нее, и я не обвиняю тебя, кстати говоря. Эта девушка чертовски красива, Кай, убийственно красива.

— Знаю. Она невероятная, — сказал я, мои глаза уставились на стену, как будто я мог видеть Лилу через панельную обшивку, свернувшуюся на кушетке рядом с огнем. — Но, Сия, она трахнута на бошку. Я понятия не имею, как избавить ее от прошлого. Она практически замужем за Иисусом, и не захочет грешника вроде меня.

— Она приехала сюда с тобой, не так ли?

— Да, но что делать с остальным?

Сия склонила голову к дверному косяку, и я проследил ее взгляд.

— Девушка, которая сидит в платье монашки, избитая, и которая не знает, что такое рукопожатие, приехала с тобой на ранчо в глубинке, позволила тебе обнимать себя и сидит в той комнате, ожидая твоего возвращения с напитком, которого она не знает, но она пытается, потому что ты сказал ей.

— Что ты сказала?

Сия подошла к холодильнику, достала коробку молока двухпроцентной жирности, налила его в кастрюлю и поставила кипятить.

— Несмотря на то, что я не знаю Лилу, я женщина. Последний раз, когда я так доверилась мужчине, я была безумно в него влюблена.

— Да, сладкая, и посмотри к чему это привело, — сказал я резко, ненавидя любое упоминание об этом садистском ублюдке.

— Но ты не такой парень. Ты не причинишь ей боли.

Я хотел поспорить, но Сия была права. Лила была единственно сучкой, как и сказала Сия, о которой я заботился.

Это говорило громче слов.

Сия улыбнулась на мое отсутствие ответа и начала наполнять наши кружки. Протянув мне две кружки, она сказала:

— И ты привез ее познакомиться со мной. Вот как я поняла, что ты любишь ее и безоговорочно ей доверяешь. Никто не знает обо мне из-за мужчины, который все еще хочет моей смерти. Но ей больно, и ты без колебаний привез ее сюда. Это сказало мне о твоих чувствах к ней, даже если ты никогда не признаешься в этом.

Сестра направилась в гостиную и оставила меня одного. Я наблюдал, как она под села к Лиле и начала болтать, все время улыбаясь. Лила покраснела от нервозности, небольшие благодарные улыбки появлялись на ее губах в ответ.

Чувствуя, будто меня ударили в солнечное сплетение, я потерял гребаное дыхание.

Гребаная Сия... черт бы тебя побрал...

***

— Ты готова идти спать? — спросил я Лилу, когда она зевнула в четвертый раз за последние пять минут. Сия болтала с ней весь вечер. Лила не отвечала много, но я понял, что ей комфортно с моей сестрой. Они были похожи: обе молоды и с ужасным прошлым.

Обе были красивыми блондинками, использованными мужчинами.

Лила моргнула и кивнула. Повернувшись к моей сестре, она сказала:

— Спасибо за гостеприимство, Элисия. Было приятно с тобой познакомиться.

Сия подпрыгнула и обняла Лилу за шею, на что она напряглась; ее голубые глаза в панике уставились в мои. Но через несколько секунд она расслабилась и неловко обняла Сию в ответ.

— Тоже рада познакомиться с тобой, девочка. Позависаем вместе побольше завтра.

Лила встала возле меня, и я наклонился чмокнуть Сию в щеку.

— Спасибо, — прошептал в ее ухо, и она отстранилась с понимающим взглядом в глазах.

Взяв Лилу за руку, я повел ее вверх по лестнице и во вторую спальню. Закрыв дверь и наблюдая, как Лила осматривала спальню — деревянные стены, огромный стеклянный люк, паркетные полы, а также большую ванную сбоку. И в середине огромная кровать, каждый сантиметр которой был покрыт любимым пледом Сии.

— Красиво, — сказала Лила и повернулась ко мне, улыбаясь. — Где ты будешь спать?

Я прошел вглубь комнаты, снял жилет и бросил его на красное кресло в углу.

— Здесь.

— Что? — ахнула Лила.

Я развернулся.

— Только одна гостевая комната в доме, сладкие щечки.

— Это аморально.

— Ну, я не собираюсь спать на гребаном деревянном полу, поэтому буду спать здесь.

Лила открыла и закрыла рот, и я снял футболку через голову, тоже кинув на кресло. Взгляд Лилы сосредоточился на моей груди и торсе, когда я направился в ванную, помыться.

Когда я вышел, Лила сидела на краю кровати, пожевывая губу. Я опустил перед ней колени, и ее глаза расширились, когда я взял ее за руку.

— Лила, я займу одну половину кровати. Ты другую. Я не прикоснусь к тебе, если ты не захочешь. Хорошо?

Она затихла на мгновение, затем неохотно кивнула головой.

Я обхватил рукой ее щеку и сказал:

— Я не могу выбросить из головы то, что сделали эти шлюхи. Одна лишь мысль о том, как ты лежишь на кровати, пока их пальцы в твоей киске, сводит с ума. Из-за этого я становлюсь гребаным собственником, и сказать по правде, не знаю, что с этим делать.

— Кай... — сказала Лила приглушенным тоном и погладила мои волосы. — Ты снова спас меня. Кажется, ты всегда спасаешь меня. — Она сделала глубокий вдох и сказала: — Если мы должны разделить кровать, тогда так тому и быть.

Я не смог сдержать ухмылки.

— Ты взволнована мыслью спать со мной в одной кровати, сладкие щечки? Большинство сучек незамедлительно использовали бы шанс заполучить это отточенное тело!

Ее губы растянулись в робкой улыбке, и она призналась:

— Предполагаю, это не самое ужасное... Если ты будешь держать дистанцию. Я буду чувствовать себя в безопасности, зная, что ты рядом.

Рассмеявшись, я встал:

— Иди готовься ко сну, Лила.

Пока она была в ванной, я раздумывал снимать ли кожаные штаны. Нужно хорошо подумать, учитывая мой твердый как гранит член. Она уже нервничала из-за того, что придется спать со мной и мой двадцатипятисантиметровый стояк ничего не улучшит.

Лежа на кровати, закинув руки за голову и смотря в потолок, я услышал, как открылась дверь ванной. Я бросил взгляд на Лилу, которая топталась в двери.

Черт бы меня.

Побрал.

Ее волосы были распущены и струились прямо до задницы. И она сменила свое серое уродливое платье на какую-то старомодную ночнушку с длинными рукавами, но она выглядела настолько хорошо, что с таким же успехом могла быть в кожаных стрингах, туфлях на шпильках и с наклейками-кисточками на сосках.

И это не способствовало упадку моего стояка.

Заправив волосы за ухо, она снова зашла в ванную, затем вышла с небольшим тазиком в руках, и начала идти к моей стороне кровати. Я не мог дышать от удивления, как чертовски ошеломительно она выглядела.

Лила поставила таз на пол и встала на колени. Я свесил ноги с кровати, в полном недоумении. Какого хрена она собиралась делать?

— Лила?

Она подняла голову и спросила:

— Могу я омыть твои ступни?

Я нахмурился.

— Ты хочешь омыть мои ступни?

Ее голубые глаза стали шире, и она кивнула.

— Да.

Не зная почему, но видя, что она правда этого хотела, я сказал:

— Давай, сладкие щечки.

Лила наклонила голову, как будто я только что подарил ей целый мир, подняла мою левую ногу и опустила ее в теплую воду. Длинные платиновые волосы Лилы коснулись пола, настолько они были длинными. Они были густыми, и я умирал от желания схватить их.

Опустив руки в воду, Лила начала омыwać ею мои ноги, массируя кожу, что ощущалось невероятно приятно. Она издала низкий гул, пока делала это, я не мог оторвать взгляда от

нее. Через пару минут я понял, что она напевала мелодию песни.

Она была счастлива.

Знакомая боль от того, что произошло ранее, заколола в моей груди, и я вспомнил слова Сии: «Не могу поверить, что заносчивый Кайлер Уиллис, двадцати семи лет отроду, влюбился!»

Лила подняла мою правую ногу и тоже опустила ступню в таз. По моему телу поползли гребаные мурашки. Я любил секс, любил гребаные киски. Любил лизать их, вбиваться в них, трахать их пальцами, пока моя рука не покроется влагой, но самым горячим зрелищем в моей жизни было: как Лила сидела на полу, напевая мелодию, покрытая одеждой с головы до ног, пока мыла мои ступни.

Трахаться было легко. Но тут была та самая близость между двумя людьми, которая разрушала сердце, и было невозможно видеть кого-то другого, кроме сучки передо мной, которая отдавала все то, в чем я не думал, что нуждался.

Подняв мои ноги из таза, Лила поставила их на сухое полотенце, которое принесла из ванной, затем сделал то, что я, бл*дь, так и не понял.

Схватив кончики своих волос, она начала сушить мои ноги. Я наблюдал внимательно и ни хрена не понимал, когда она вытирала мои ноги. Затем я был в гребаном замешательстве, после того как мои ноги были высушены, Лила наклонила голову, начала молиться и целовать мои ступни.

Я не мог двигаться. Не мог дышать.

Какого хрена со мной происходило?

Запустив пальцы в волосы Лилы, я застонал. Ощущение было таким приятным, как я и думал.

Лила подняла голову, и я увидел каждую часть ее лица в синяках. Бл*дь, эта сучка может быть порезана, побрита налысо, и все еще будет самой лучшей женщиной, которую я видел. Все самое лучшее исходило волнами от нее.

Отказываясь убирать руку с ее волос, я спросил:

— Детка, почему ты вообще решила омыть мне ступни.

Покраснев, Лила потянулась за спину и вытянула керамическую банку с каким-то маслом в ней. Она открыла крышку, и я был поражен запахом ванили. Должно быть, вот что она втирала в свою кожу. Погрузив пальцы в масло, она стала втирать его в мои ноги.

— Однажды Иисус пришел в дом фарисея Симона (прим.ред. фарисеи — религиозно-общественное течение в Иудее) потрапезничать, — тихо объясняла Лила, пока я проводил пальцами по ее волосам. — Когда женщина, живущая грешной жизнью, услышала, что он там, она пришла к тому дому с сосудом с смирной. Когда увидела Иисуса, она была так поражена, что начала плакать. Ее слезы капали на его ступни, и она вытирала их своими длинными волосами. Затем грешница целовала его ступни и смазала его кожу смирной. Фарисей критиковал Иисуса и сказал, что если бы он на самом деле был пророком, он бы не позволил грешнице прикоснуться к себе грешными руками. Иисус преподавал Фарисею урок о ростовщике, который одолжил денег двум мужчинам — одному меньше, другому больше. Ростовщик простил их обоих и избавил от долгов перед ним.

Лила перестала втирать ваниль в мои ступни и подняла голову.

— Кто любил ростовщика больше?

Пожав плечами, я ответил:

— Тот, у кого долг был больше. — На лице Лилы засияла чертовски красивая улыбка.

— Правильно. Поэтому Иисус сказал, что у грешницы было много грехов, но за прощение этих грехов, она будет любить его больше.

Лиля улыбнулась и сказала:

— Я люблю эту часть Писания.

— Да, почему? — спросил я, мои руки все еще были в ее волосах.

Лиля закрыла глаза и сделала глубокий вдох, затем открыла их и сказала:

— Потому что я — Окаянная. Я грешница, очень грешная женщина, но однажды мои грехи будут прощены.

Мои руки все еще были в ее волосах, и мне нужно было успокоиться, чтобы не сойти с ума.

— Вот почему ты омыла мои ступни, детка?

Лиля встала с колен и увидев расческу на столике рядом с кроватью, сказала:

— Могу я расчесать твои длинные волосы?

Бл*дь. Эта сучка убьет меня. Это была самая медленная, самая болезненная прелюдия.

— Да, делай со мной все, что хочешь, Ли.

Она потянулась к расческе и трясущимися руками начала проводить ею по моим волосам. Инстинктивно я обхватил руками ее тонкую талию, и Лиля замерла в шоке. Наши взгляды встретились, и я не отпускал ее. Казалось, Лиля почувствовала это и продолжала расчесывать мои волосы, ее руки были гребаным золотом на моей голове.

Процесс расчесывания внезапно остановился, и она сказала:

— Я омыла твои ноги, чтобы получить твое прощение.

Подняв руку, я взял ее за руку и потянул вместе с расческой из моих волос, встречаясь с ее взглядом.

— С какого хрена тебе нужно мое прощение?

— Потому что мое проклятье соблазнительницы приманило этих женщин сегодня, и тебе пришлось убить их. На твоих руках кровь. Я молю о твоём прощении.

Забрав расческу из ее рук, я бросил ее по комнате и поднял Лилу с пола, положил на кровать и навалился сверху.

— Кай! — выдохнула она в панике, и мои руки обхватили ее лицо.

— Давай-ка проясним это, детка. Я не достоин того, чтобы прощать тебя. Я грешник, и я люблю это. Такова моя жизнь. Смерть тянется за Палачами. Эти шлюхи заслужили смерть, прикоснувшись к тебе. Я даже не думал о последствиях. Вот как убийство больных, ревнивых мразей воспринимается мной.

Лиля сглотнула, и наклонившись ближе, я сказал:

— Но ты... Ради тебя я убью любую мразь в мире, если ты окажешься под угрозой. Эти сучки умерли, потому что прикоснулись к тебе, Ли. Я защищаю тебя. Ты должна быть в безопасности.

Трясущаяся рука обхватила мою щеку, и Лиля сказала:

— Я чувствую себя в безопасности с тобой.

Я опустил взгляд на Лилу, ее волосы разметались по подушке как гребаный нимб.

— Детка, — прохрипел я, — прямо сейчас ты выглядишь как гребаный ангел. Я не вижу признаков коварной, грешной женщины.

Лиля опустила руку.

— Это маскировка. Дьявол красив, в конце концов.

— Тогда я, бл*дь, хочу дьявола Ли. Я хочу тебя.

Между нами повисла тишина, и Лила потупила взгляд. Но когда она снова подняла голову, я увидел в нем голод. Внезапно она провела пальцем по моей груди, и я зашипел.

Бл*дь!

Лила смотрела на меня долгое время, прежде чем облизала губы языком, опустив взгляд к моим губам. Мой член затвердел, и ее взгляд вперился в мой, ее щеки стали пунцовыми.

Лила поерзала в моих руках и наклонилась, ее рука обвила мою шею.

— Я бы хотела... поцеловать тебя сейчас.

Удивленный, я приподнял брови, и Лила усилила свою хватку.

— Я... прежде я никогда не целовалась, только когда была ребенком и тогда меня заставили. И у меня дома... когда я участвовала в Дане Господней, губы брата Ноя не встречались с моими. Он беспокоился, что я украду его душу, потому что моя душа была темной и нечистой.

Я сжал руки в кулаки и боролся с тем, чтобы не потерять контроль из-за этого бредового утверждения. Моей сучке было двадцать четыре, и ее никогда не целовали из-за какого-то бредового оправдания, в которое она верила. Если бы я мог выкопать этого бородатого ублюдка, чтобы убить его снова, я бы сделал это... неоднократно.

— Я наблюдала, что Стикс и Мэй делают это часто. — Ее ресницы затрепетали, и она снова посмотрела на меня. — Это кажется... приятным... интимным.

Убрав прядь волос с ее лица, я расположил руку с боку ее головы и притянул ее ближе, ее дыхание стало тяжелым.

— Кай... — сказала она в панике.

— Никаких разговоров, детка, — прошептал я, когда мои губы оказались близко к ее. — Сейчас я поцелую тебя, и покажу тебя, как это чертовски приятно. Да?

Я уловил резкий вдох Лилы, когда мои губы коснулись ее. Ее полные губы были напряжены и сначала не двигались, но когда я провел кончиком языка между ними, она застонала, и ее руки сжали в кулаки мои волосы. Когда Лила инстинктивно открыла свой рот, мой поцелуй стал жестче, а язык играл с ее, наше желание становилось все более отчаянным. Она была на вкус сладкой как мед, погруженный в ваниль.

Бл*дь, ее запах и вкус кожи сводили меня с ума.

Я разорвал поцелуй, задыхаясь, когда мой член запульсировал, а Лила медленно открыла глаза. Я замер в ожидании, что она скажет, затем она провела языком по нижней губе, когда уставилась на мои губы и прошептала:

— Не знаю... это было...

Я улыбнулся, потому что она не могла сформулировать предложения, и внезапно занервничала.

— Что, детка?

— Тебе... тебе понравилось? Я делала это правильно?

Наклонившись, я прижал свой лоб к ее.

— Ты бы не смогла облажаться, не с такими идеальными полными губами.

Я провел губами по ее щеке, и Лила запустила руки в мои волосы, снова притягивая меня к своему рту. В это раз она была более уверенной, ее губы касались моих, ее грудь касалась моей груди.

Но когда ее язык скользнул в мой рот и встретился с моим, я отстранился.

— Лила, — прохрипел я, сжав челюсти. — Если мы не собираемся трахнуться, то мне нужно, чтобы ты остановилась.

Ли́ла убрала руки из моих волос, как будто они были огнем, и я опустил голову к ее груди, пытаясь взять себя в руки. Ее ванильный запах ни хрена не помогал.

— Извини, Кай. Я...

Перекатившись на бок, рядом с ней, я сказал:

— Даже, бл*дь, не смей, женщина. Не извиняйся. Это было чертовски восхитительно.

Потянувшись через напряженное тело Ли́лы, я выключил лампу, которая стояла на столике, вернулся на свое место и обнял Ли́лу, притянув к своей груди.

— Кай! Что...

— Может, ты еще не хочешь трахаться со мной, но позволила мне прикоснуться к тебе, поцеловать тебя, и я не собираюсь переставать прикасаться к тебе, целовать тебя. Понятно?

— Хорошо, — сказала Ли́ла, пораженно вздохнув. Я вдохнул запах ее волос, мой нос уткнулся в ее длинные пряди, и я обнимал ее рукой за талию, целуя обнаженные участки ее шеи.

Рука Ли́лы легла поверх моей, и я почувствовал, как ее тело расслабилось.

Я закрыл глаза, мне было комфортно, как никогда в жизни, когда очередной раз аромат ванили заполнил мои ноздри.

— Ты всегда пахнешь ванилью.

— Тебе нравится? — спросила она нервно.

— Я, бл*дь, обожаю это. — Пальцы Ли́лы начали вырисовывать узоры на тыльной стороне моей ладони. — Почему ты всегда пахнешь ванилью?

Рука Ли́лы замерла, и я понял, что задал неправильный вопрос.

— Мы... мы всегда распускали волосы и мазались ванильным маслом. Окаянные должны быть чистыми. Мы должны были быть как можно чище, когда нас брали старейшины. Это рутина — привычка, которую я не могу разрушить. Я всегда стремлюсь быть как можно чище.

Да. Я бы хотел никогда не спрашивать.

Притягивая Ли́лу ближе к груди, я прижался в еще одном поцелуе к ее голове и сказал

— Спи, детка.

Тишина заполнила комнату, пока она не сказала:

— Спасибо, Кай... за все...

Бл*дь.

***

Ли́ла

Восходящее солнце разрушало темноту комнаты, и мне пришлось моргнуть несколько раз, чтобы сориентироваться. Деревянные стены, паркетный пол... сильные руки вокруг моей талии.

Ранчо Кая.

Мое сердце парило в объятиях Кая, и я осторожно повернулась, чтобы посмотреть на его лицо.

Он был таким красивым.

Я так резко поменяла отношение к этому человеку. Мои чувства стали сильнее, что я почти не могла сдерживаться. Он стал центром моего мира.

Полностью изменил мою жизнь.

Впервые в жизни, когда я была с Каем, я не чувствовала себя Далилой, Окаянной, просто Лилой... обычной девушкой, которую наконец поцеловал парень.

Видя, что комната меняет темно-синий цвет ночи на оранжевое сияние рассвета, я выскользнула из-под его руки, прижавшись в легком поцелуе к его приоткрытым губам, ощущая бабочек в своем животе, и вышла за дверь, вниз по лестнице на крыльцо коттеджа. Я села не деревянное кресло-качалку и вздохнула в блаженной атмосфере.

Утренний воздух был свежим, птицы пели на деревьях, и солнце поднималось на востоке. На улице было прекрасно. Я могла бы сидеть так часами, просто наблюдая творение Господа в лучшем виде.

— Доброе утро, Лила! — прокричала Элисия через поле, и я увидела, что она идет ко мне из конюшни, в джинсах и клетчатой рубашке. Я подпрыгнула с кресла, смущенная тем, что не одета. Я не думала, что кто-то уже проснулся, и была пристыжена, что выглядела так неопрятно.

Элисия запрыгнула на крыльцо и бросила кучу веревок, которые держала.

— Черт, девочка, садись. — Элисия показала жестом, и я сделала так, как она сказала, снова усевшись на кресло-качалку.

Она села рядом со мной.

— Не ожидала увидеть тебя так рано.

— Я всегда поднимаюсь на рассвете. Так было все мою жизнь и сложно разрушить эту привычку. К тому же я люблю наблюдать за рассветом и слушать пение птиц. Всегда чувствую себя лучше от этого.

Элисия улыбнулась.

— Со мной то же самое, девочка. Но пару дней назад у нас родился жеребенок, поэтому мне приходится подниматься и ночью.

Я наблюдала за Элисией и задумалась, почему Кай не упоминал, что у него есть сестра. Должно быть, она моего возраста, двадцать четыре, возможно, моложе, и она живет здесь одна? Элисия заметила, что я пялюсь на нее и опустила голову от смущения.

— Тебе интересно, почему он держит меня втайне, — сказала Элисия.

Покачивая головой, я промямлила:

— Я... я...

Элисия махнула рукой.

— Все в порядке, Лила. Я думала то же самое о тебе.

Элисия вздохнула и сфокусировалась на рассвете, как и я.

— Кое-что случилось со мной годы назад, когда мне было семнадцать, из-за чего я в опасности. Я живу здесь с тех пор.

— Мне жаль, слышать это, — сказала я искренне. Я могла сказать по ее хорошенькому личику, что чтобы ни случилось, это все еще беспокоило ее.

— Спасибо, — тихо ответила Элисия.

— Почему ты не присоединилась к клубу? — спросила я

Элисия посмотрела на меня и сказала:

— У нас с Каем разное воспитание. Я в какой-то степени обособленна от этой жизни. Черт, никто не знает обо мне, кроме Стикса.

— Расскажи мне, пожалуйста... — попросила я, отчаянно желая узнать о прошлом Кая, и Сия снова посмотрела на рассвет.

— Моя мать порвала с нашим отцом, когда узнала, что беременна мной. Никто из других братьев не знал. Она устала от измен, от неверности нашего отца с бесконечной чередой клубных шлюх, поэтому в один день встала и ушла. Но мой отец обнаружил ее уход и не позволил ей забрать сына. Он сказал, что Каю необходимо находиться в клубе. Что ему нужно есть, спать и дышать жизнью Палачей.

— Моя мать уехала из города, недалеко отсюда и через девять месяцев появилась я. Мой отец разрешил маме оставить меня, но подальше от клуба. Казалось, что у Палачей всегда была с кем-то война, и он хотел, чтобы мы находились в безопасности. Это означало, что никто не знал о нашем существовании. Конечно же, Кай знал, и приезжал каждый раз, когда отец был в поездках, но время шло, и я все меньше и меньше видела старшего брата. Он все сильнее и сильнее погружался в дела клуба. Яблоко от яблони.

Элисия опустила голову, я задержала дыхание, зная, что то, что она скажет дальше, будет тяжело слышать.

— В любом случае, моя мать устала, что не могла видеть своего сына, и однажды, когда я еще была ребенком, оставила меня с подругой, чтобы разобраться с моим отцом. Но старый тюремный враг и соперник моего отца из другой шайки ждал снаружи, и когда моя мама подошла к воротам, он выстрелил. Пуля попала в нее, и она мгновенно умерла.

— Мужчина был «Дьяблос», байкерский клуб-соперник, и, казалось, что еще несколько лет байкерские клубы были в состоянии войны. Меня увезли подальше от клуба с тетей, и Кай навещал меня, став братом, о котором я всегда мечтала.

Элисия подвинулась вперед и прижала пальцы к вискам.

— Кое-что случилось со мной в прошлом. Я была в отношениях с парнем... извини, но я не могу об этом говорить.

— Пожалуйста, не извиняйся, — ответила я. — Я понимаю, каково это.

Элисия улыбнулась мне благодарно и сказала:

— В любом случае, Кай и Стикс помогли мне выбраться, не вмешивая Палачей. Но я была в плохой ситуации и плохие люди все еще искали меня... все еще ищут.

Мои глаза расширились, и я резко вдохнула. Элисия заметила и указала на ранчо.

— Кай купил мне это ранчо, где меня никто не найдет, и я живу здесь с тех пор.

— А ваш отец? — спросила я.

Элисия пожала плечами.

— Он и старый През, отец Стикса, были убиты в прошлом году в еще одной войне с Дьябло. После их смертей, и смертей Преза и ВП «Дьяблос», воцарилось перемирие среди новых составов клубов. — Элисия откинулась в своем кресле и начала раскачиваться. — Остались только я и Кай. У него есть клуб, у меня это место, где я выращиваю лошадей и управляю ранчо в одиночестве.

Я раскачивалась на месте, оправляясь от того, что сказала Элисия. Бедный Кай, бедная Элисия, пережили столько потерь.

— Мой отец, отец Кая, не был хорошим мужчиной, Лила, — внезапно сказала Элисия, бросив взгляд внутрь коттеджа, полагая, проверяя, что Кая нет поблизости.

К счастью, все было тихо, и она добавила:

— Он привил Каю жизнь вне закона и наполнил его голову глупыми «идеалами». Самый большой, что женщину нужно рассматривать только как дырку для траханья.

Я ахнула от грубости и Элисия поморщилась в согласии.

— Звучит хреново, не так ли? Но он был Большим Папашей Уиллисом. Киски должны

быть вылизаны и жестко оттраханы, никакого поклонения. Я боюсь говорить это, но Кай жил точно такой же жизнью. Я думала, что он все еще живет этой жизнью.... — Элисия наклонилась и коснулась моей руки, мои глаза вперились в ее. — Пока вчера он не привез тебя, и я увидела, как он тобой заморожен.

Мой желудок перевернулся из-за того, что сказала Элисия.

— Ты другая для него. И я так чертовски рада.

— Да?

— Да, дорогуша. Кай привык говорить, что нужно «жить на всю катушку», но я знаю, что больше он не будет поддерживать это. Живя вне закона, без хорошей женщины рядом, ты становишься пресытившимся, злым и в конце концов несчастным или мертвым. Я никогда не хотела подобного для своего брата. Но я переживала, что он никогда не осядет. — Элисия выпустила мою руку и снова начал раскачиваться. — Сегодня первое утро, когда я проснулась и не ощутила чувство страха от мыслей, в порядке ли он. — Она улыбнулась мне. — Потому что я знала, что у него есть ты.

По моему телу разлилось тепло, и я почувствовала, как краснею.

— А кто есть у тебя? — спросила я неуверенно.

Улыбка исчезла с губ Элисии.

— Еще никого, и, может, не будет какое-то время, но однажды я надеюсь найти мужчину, который будет любить меня и защищать. С которым я буду чувствовать себя в безопасности. — Когда Элисия сказала каждое из этих слов: любить, защищать, чувствовать себя в безопасности, я сразу же подумала о Кае.

Я нашла это с Каем. Я испытывала то, что было идеалом для Элисии.

— До этого момента у меня есть мое ранчо, хороший вибратор и много батареек, — пошутила она. Я улыбнулась, но понятия не имела, о чем она говорит. Однако я увидела в ее нежном взгляде, как она желала любви.

По полу коттеджа внезапно раздались шаги, и через секунду Кай ворвался через дверь, без футболки, только в кожаных штанах.

Его лицо было напряжено, когда он осматривал крыльцо, затем его взгляд расслабился, заметив меня.

— Детка, вот ты где. — Он выдохнул облегченно. Я почувствовала себя такой живой, просто услышав это выражение от него, и мое сердце ускорило бег.

— Я пошла встретить рассвет и послушать пение птиц, — сказала я, и он покачал головой, усмехнувшись, сгреб меня в объятия, прижавшись в собственническом поцелуе к моим губам, и усадил меня на колени. Я застыла в шоке от этого смелого жеста, но Кай не почувствовал, либо же проигнорировал это.

Его руки сразу же оказались в моих волосах, и он прижался губами к моей шее. Мне пришлось сжать бедра вместе, когда ощущение от его прикосновения послало приятное покалывание к моему лону. Должно быть, Кай ощутил мою реакцию, его ноздри расширились от потребности, и наши взгляды встретились — магнитное притяжение между нами было очевидным.

Раздалось покашливание, и мы оба посмотрели на Элисию.

— Приятно видеть подобную сцену, большой братик, но помни, что я твоя сестра, и это для меня чересчур!

Кай насмешливо отдал честь, и моя голова упала на его грудь. Я ничего не могла поделать, но вспомнила, какая у него была жизнь; воспитание в вере, что любить женщину

— неправильно. У него было украдено детство, а жизнь наполнена насилием и войной. Я осознала, что в этом отношении мы не так уж отличались. Этим утром я почувствовала себя еще ближе к нему, открыв эти аспекты его жизни, и когда он обнимал меня, не отпуская.

Без задней мысли, я вытянула руку и взяла его руку в свою. Я почувствовала, что Кай был шокирован моим жестом, но все же он просто обернул свои пальцы вокруг моих.

Я подумала, что могла бы привыкнуть к этому. Я могла бы очень сильно привыкнуть к этому.

Ощущение ограниченности времени наполнило меня неловкостью, и учение Пророка Давида пыталось прорваться на поверхность. Но в этот день я отказывалась подчиняться той части меня, что обладала стойкой верой.

Я просто хотела, чтобы меня обнимали и лелеяли впервые в жизни.

— Так, какие планы на следующие несколько дней? — спросила Элисия.

Кай пожал плечами и посмотрел на меня.

— Просто существовать, — сказала я. — Просто существовать.

Кай улыбнулся мне и подмигнул, и я не смогла сдержать ответную улыбку. Я не могла поверить в то, что чувствовала к нему. Тепло. По телу разлилось тепло.

Сия протяжно выдохнула рядом с нами и встала со своего места.

— Я не смогла даже глаз прикрыть в сарае, поэтому пойду вздремну пару часов. — Она направилась в дом, но положила руку на плечо Кая. — Отведи Лилу в сарай посмотреть жеребенка. Он такой милый.

Кай похлопал по руке Сии, и она вошла в дом, закрыв за собой дверь.

— Ты нравишься ей, — сказал Кай, прижимая меня ближе.

— Она нравится мне, — сказала я, поднявшись на ноги. Повернувшись к Каю, который был без футболки, я наклонила голову и спрятала румянец при виде его мускул и соблазнительного торса, и вытянула руку. — Покажешь мне лошадей?

Кай встал на ноги и переплел свои пальцы с моими, ведя меня по крыльцу. Когда мы достигли последней ступеньки, он развернулся и поцеловал меня.

Я простонала ему в рот, когда он удивил меня этим жестом, и ахнула, когда он слишком быстро отстранился. Кай наклонил голову набок, его голубые глаза были прикованы к моим губам, и он провел по ним большим пальцем.

— Чертовски идеальные губы.

Когда он снова потянул меня на ступеньки, мы направились к большому красному сараю и внутри Кай завел меня в стойло. Я посматривала через дверь, и моя рука взлетела ко рту, когда я увидела жеребенка рядом с матерью, мои глаза наполнились слезами.

— Он такой красивый, — прошептала я, вытянув руку, и провела пальцами по коричнево-белой шерстке.

Кай ничего не сказал, просто обнял меня за талию сзади, его подбородок покоился на моем плече. Находясь здесь, на этом ранчо, в этом стойле, мне начало казаться, что вчерашнее нападение было просто дурным сном.

— Тебе хорошо? — спросил Кай, его теплое дыхание опаляло мое лицо.

— Да, — ответила я и улыбнулась, когда жеребенок начал кормиться от матери. Из-за этого действия я задумалась о разговоре, который был у меня с Сией, и положила руки поверх рук Кая.

— Она рассказала мне о вашей матери и отце, — сказала я тихо, ощущая, как Кай напрягся позади меня.

— Да? — прохрипел он, и я обнаружила боль в его голосе.

— Мне жаль, что вы потеряли их обоих таким жестоким способом. И то, что вас с Сией насильно разлучили, — сказала я искренне.

— Детка... — прошептал он, теперь вместо подбородка он упирался лбом в мое плечо. Я крепко держала его руки и очень хотела кое-что сказать.

Я повернулась лицом к Каю, моя спина упиралась в дверь стойла, и Кай встретился взглядом с моим.

— Ты хороший мужчина, Кай. Очень хороший. Твоя мать гордилась бы тобой, тем, как ты заботаешься о Сие.

Кай отвел взгляд, но затем с гулом рассмеялся.

— Я точно такой же, как мой старик, Ли. Мама бы перевернулась в могиле, увидев, как я на него похож.

— Нет... — спорила я, моя рука обхватила щеку Кая, но он перебил меня.

— Я шлюха, Ли. Трахаюсь направо и налево. Я оттрахал столько кисок, что бл*дь, которую я поимел, может стоять передо мной лицом, а я ее не узнаю. Я ВП МК вне закона и безжалостный ублюдок, как и мой отец. Я не хорош ни для кого. Бл*дь! Я и есть мой старик!

Мое сердце было разбито, когда эти слова соскользнули с его губ. Впервые я видела, чтобы этот красивый и дерзкий мужчина выглядел уязвленным. Кай Уиллис стал более ясен в своих поступках. И я, наконец, могла понять, почему он так вел себя. Он тоже был потерян... Еще один разрушенный обстоятельствами ребенок.

— Но со мной ты не такой, — уверяла я, и Кай замер, его брови поползли вниз.

— Что?

Сделав глубокий вдох, я повторила:

— Со мной ты не такой. Ты заботливый. Любящий. Ты мой учитель, мой защитник. С тобой я в безопасности, Кай, и чувствую себя так.

Кай открыл рот, затем быстро закрыл его. Он пялился в мои глаза, и я видела, как в его глазах сменялось множество эмоций. И затем он прижался своей грудью к моей, его руки обхватили мою шею по бокам.

Он что-то выглядывал на моем лице, я не знала, что. Он закрыл глаза и опустил свой лоб к моему.

— Бл*дь, детка.... Не с тобой... — все, что он сказал, прежде чем прижал свой рот к моему. Его нежный поцелуй сказал мне больше, чем могли слова... он обожал меня.

Я тоже обожала его.

***

Следующие два дня были самыми счастливыми в моей жизни.

— Было приятно познакомиться с тобой, — сказала я Сие, когда она обняла меня на прощание. Мне было грустно из-за того, что я покидала свою новую подругу.

— Скоро увидимся, Лила, — сказала Сия со знающей улыбкой. — Можешь быть уверена в этом.

Сия повернулась к Каю, и он поднял ее, крепко сжимая. Она прошептала что-то ему на ухо, и я расслышала:

— Ты нашел ее, Кай. Ты нашел свою единственную. Защити ее и не облажайся. Помни, что ты не наш отец.

Кай поцеловал ее в щеку, и мы забрались в грузовик, вырулили на грязную дорогу и оставили ранчо позади.

Вскоре мы добрались до клуба, места, где Тифф и Джулс атаковали меня, места, где мои покои ощущались тюрьмой, и места, наполненного грешниками, которые каждый день напоминали мне, что я была Окаянной женщиной.

13 глава

Кай

— Как дела у твоей женщины?

Хаш и Ковбой заняли место рядом со мной на лавочке, и я протянул им по бутылке пива из своей упаковки.

Я пожал плечами и уставился на остальных братьев, которые бухали и тискали шлюх. Для меня было привычно такое поведение. Но, казалось, сейчас мой разум и член думали только об одной сучке.

— Она в синяках и чертовски напугана. Снова не покидает свою комнату.. Мы вернулись к исходной точке. Да, ей чертовски страшно.

Хаш вздохнул, а Ковбой похлопал меня по плечу.

— Она хорошая сучка, Кай. Я провел много времени с этой женщиной.

Я посмотрел на Ковбоя и зарычал, моя верхняя губа была поджата, когда ревность захватила надо мной контроль. Ковбой ухмыльнулся и убрал руку с моей спины.

— Не переживай, брат. Я не собираюсь быть угрозой для твоей девушки.

Я нахмурился, и мой брат просто поерзал от неловкости.

— Кай? — сказал Хаш, но я вытянул руку, затыкая его. Я не хотел слышать ни слова в его защиту.

— Успокойся, Хаш, я не обижу твоего паренька, — сказал я, сделав еще один глоток пива.

Хаш сжал кулаки и ударил меня по руке. Я ухмыльнулся, и он покачал головой.

— Пошел ты, придурок, — выплюнул он. — Я просто подумал, что ты захочешь знать, что твоя сучка только что прошла через заднюю дверь, как будто попала через дверь в Ад.

Я резко повернул голову в направлении выхода, мое сердце ускорилося в груди, когда я заметил, что Лила нервно стоит в двери. Ее светлые длинные волосы были распущены, пряча ее щеки в синяках и порезанные губы, когда она раскачивалась на пятках.

Черт. Она сняла свой чепчик на публике. Это значило что-то существенное? Какое-то достижение для святоши? Я ни хрена не понимал.

Спрыгнув с лавки, я протаскивался через братьев, отбрасывая всех со своего пути, чтобы добраться до своей девочки. Услышав шум, создаваемый моей быстрой ходьбой, Викинг повернулся, и я врезался ему прямо в грудь. Стиснув зубы из-за того, что он перегородил мне движение, я шагнул вправо, затем влево и все это время он повторял мои шаги.

— Мы, бл*дь, танцуем? — спросил он, нахмурившись.

— Отойди! — закричал я, задрал голову через его плечо, чтобы наблюдать за своей сучкой.

Огромная широкая грудь Вика прижалась к моей, из-за чего мне пришлось посмотреть

на его ухмыляющееся уродливое лицо. Он, мать его, оставил небрежный поцелуй на моих губах, отстранился и сказал:

— Пошел ты, красавчик. Ты повел меня на выпускной, я купил платье с оборками, и я, бл*дь, хочу потанцевать, прежде чем отдам свой тугой зад тебе в кузове грузовика.

Вик обнял меня своими огромными руками, поднял с земли и покружил. Вокруг нас раздавались смешки и улюлюканье, но моя злость закипала. Прицелившись, я откинул голову и назад и ударил его в нос, чувствуя прилив удовольствия от звука треснутой кости.

— Кай, какого хрена? — закричал Викинг, когда опустил меня на асфальт. Я игнорировал его скулеж, когда он сгорбился, сжимая свой нос, и направился к Лиле, услышав крик Вика: — Теперь ты не получишь мою девственную киску!

Дыши. Один, два, три, четыре...

Взгляд Лилы перемещался по всему пространству, ее рука тянулась к дверной ручке — она была готова снова сбежать.

Никто не заметил, что она была здесь, пока надрывали задницы от смеха над кровоточащим Викингом.

Когда я был в паре метров от нее, взгляд Лилы встретился с моим, и облегчение в выражении ее лица почти поразило меня.

Подойдя к ней ближе, я убрал ее длинные волосы с лица и обхватил ее щеки.

— Детка, ты в порядке? Ты вышла, чтобы увидеть меня?

Она кивнула и опустила голову. Я поднял ее, положив палец под подбородок.

— Не надо. Не прячься от меня. Покажи мне эти красивые голубые глубины.

Слезы заполнили ее глаза, и нижняя губа задрожала.

— Я... я так смущена. Мое лицо... Я не должна была покидать комнату. Я...

Наклонившись, чтобы остановить ее бессвязную речь, я прижался губами к ее здоровой щеке, услышав ее тихий вздох. Далее я переместился на ее лоб, пробуя на вкус ее сладкий ванильный запах. Перемещая губы по ее лицу, я чувствовал, как она дрожит под моими прикосновениями, и провел языком по невредимой стороне ее губ, задержавшись на мгновение, чтобы вдохнуть ее аромат. Я подавил стон, когда мой член налился кровью. Лила тихо всхлипнула, когда я понял, что прижал ее к двери. Ее руки обхватили мою талию.

— Лила, — прошептал я в ее губы, прижимаясь в долгом, ленивом поцелуе к ее полным губам, прежде чем укусил ее за подбородок, затем переместился к шее и уткнулся в мягкую кожу.

Кто-то разбил бутылку позади меня. Лила подпрыгнула от этого звука, вынуждая меня отстраниться. Ее ресницы трепетали, когда наши взгляды встретились, и я прижался лбом к ее.

— Ты чертовски красива, сладкие щечки. Никакие синяки не испортят этого. Я схожу с ума от тебя, спроси любого здесь, это гребаное чудо. Должно быть, твоя киска какая-то волшебная. Я под твоими гребаными чарами.

Лила вздрогнула и ее рот сжался в тонкую линию, она потупила взор. Бл*дь, я слишком надавил, сказал слишком много и чертовски ее напугал. Снова подняв ее подбородок, я спросил:

— Ты готова принять участие в своем первом пикнике? Проспект готовит барбекю.

— Ты не отойдешь от меня? — Ее голубые глаза расширились, когда она осмотрела людей во дворе. — Тут так много мужчин. Мне не нравится находиться рядом со стольким количеством мужчин. Может, я должна уйти... Оставить тебя в покое.

Стиснув зубы от ее робости, я забросил руку ей на плечо и прижал ближе, инстинкт защитника волнами исходил от моего тела.

— Ты знаешь, что я не отойду от тебя. Никто не посмеет к тебе прикоснуться. И если ты не хочешь разговаривать с ними, просто дай мне знать, и я скажу им отвалить, иначе получат моим кулаком по лицу.

Лила кивнула и посмотрела на меня с благодарностью. Ее маленькая ручка легла на мою грудь. Своей дрожащей ручкой Лила схватилась за край моего жилета, когда начала идти.

Братья внезапно затихли, и все взгляды устремились на Лилу. Моя хватка усилилась, и я ощущал ее теплое дыхание на своем боку, когда она отвернулась, чтобы избежать их тяжелых взглядов.

Выпрямившись и высоко держа голову, я повел нас к лавочке, где сидели Ковбой и Хаш. Смертоносные взгляды метались в любого, кто слишком долго смотрел на нас. Лиле нравились Ковбой и Хаш, ей было комфортно в их присутствии.

Хаш и Ковбой заметили наше приближение и сдвинулись в сторону, чтобы освободить место для моей девочки. Хаш встал.

— Привет, блонди. Что случилось?

Лила повернула голову и покраснела. Я подтолкнул ее к ответу, сжав руку.

— Я... мне захотелось подышать свежим воздухом. Прошло много времени, с тех пор как я осмеливалась выйти.

Ковбой постучал по скамейке и наклонил свою шляпу.

— Усаживай эту хорошенькую задницу, дорогуша.

Лила крепко держалась за меня, все еще напуганная, поэтому я развернулся, поднял ее и сел, держа ее на коленях, игнорируя то, что ее тело напряглось из-за этого. Я повернулся к Ковбою.

— Теперь моя хорошенькая задница рядом с тобой. Так пойдет, дорогуша?

Ковбой рассмеялся и поднял свое пиво, делая глоток.

— Чертовски превосходно!

Лила вздохнула и наклонила голову, чтобы посмотреть на окно своей комнаты. Я поймал ее улыбку, и когда поднял голову, увидел, что Мэдди стоит у окна и улыбается Лиле, ее рука прижата к стеклу, как будто она тоже хочет быть здесь.

Бедная трахнутая на голову сучка.

— Лила?

Лила опустила голову вместе со мной, как только раздался звук ее имени. Мэй с вытаращенными глазами и со слезами на глазах бежала мимо братьев. Должно быть, они со Стиксом только что вернулись из своей поездки.

— Лила! — закричала она и обняла ее за шею. — Ты на улице! Не могу в это поверить!

Лила обняла Мэй в ответ, пока я был занят тем, что плющился под их весом.

Мэй отстранилась, но отказывалась выпускать руку Лилы, крепко держа ее в своей. Мэй пыталась увидеть лицо Лилы, но Лила упорно держала голову опущенной. Я увидел отблеск паники на лице Мэй.

— С тобой все хорошо, сестра?

Лила кратко кивнула.

— Да... Со мной все хорошо.

Мэй присела на корточки, когда Лила вновь не подняла голову.

— Лила, пожалуйста... посмотри на меня. Почему ты не смотришь мне в глаза? Я сделала что-то не так? Ты недовольна тем, что я уезжала?

Я потер спину Лилы, и она повернулась ко мне, ее длинные волосы все еще не позволяли Мэй увидеть лицо. Я смотрел в глаза Лилы и кивком подтолкнул ее показать себя. Мэй нахмурилась позади Ли, бросила на меня хреновый взгляд, прищурил глаза, и поджала полные губы. Честно говоря, мне было похер. Мэй понятия не имела, что происходило между мной и Лилой.

— Посмотри на свою девочку, сладкие щечки, — сказал я и сделал глубокий вдох, признаваясь: — Она узнает рано или поздно.

Лила сделала глубокий вдох и посмотрела на свою сестру.

Мэй ахнула и на ее глаза навернулись слезы.

— Лила... — прошептала она.

Лила высвободила руку и обхватила щеку Мэй.

— Со мной все хорошо, сестра. Это не хуже, чем то, от чего я — мы обе — страдали прежде.

— Кто это сделал? — спросила Мэй, злясь.

— Тифф и Джулс. Они приревновали и разозлились, что я проводила время с Каем. Они хотели присоединиться ко мне... пытались проявить свое внимание ко мне. — Мэй резко вдохнула и отвела взгляд. — Кай... я имею в виду... Летти... наказала их по правилам клуба. Сейчас уже все решено. Мы можем обсудить это позже. Но мы обе знаем, почему они это сделали... — Лила затихла.

Теперь я выпрямил спину.

Я понятия не имел, какого хрена она несла. Что за оправдание она нашла Тифф и Джулс, которые хотели сосать ее титьки и лезть к ней в киску?

Лицо Мэй погрузнело, и она прижалась в поцелуе к ладони Лилы.

— Ты знаешь, что я не верю в это, сестра.

Лила просто пожала плечами.

Мэй отстранилась и встала. Стикс машинально встал за ней и обернул руки вокруг ее груди. Его глаза были прищурены, рот сжат в тонкую линию. Одного взгляда на него хватило, чтобы понять, что он хотел сказать. *Какого хрена произошло в моем клубе, пока меня не было, и какого черта я слышу об этом только сейчас?* Я поднял руку, давая знак, что расскажу ему позже. Он сжал челюсти, и сделала большой глоток «Бима».

Стикс наклонился к Мэй и прошептал той что-то на ухо. Мэй оглянулась на него и отрицательно покачала головой на то, что он говорил. Взгляд Стикса еще больше потяжелел, и он посмотрел на меня, стиснув пальцы.

«Переведи», — показал знаками Стикс. Мэй нервно жевала большой палец, ее взгляд не покидал Лилу.

Стикс выпустил Мэй и повернулся лицом к братьям, затем свистнул, пока все не повернулись. Он посмотрел назад и махнул мне встать рядом, поставив Мэй перед собой.

Наклонившись к уху Лилы, я сказал:

— Вернусь через минуту, сладкие щечки. Сиди рядом с Хаш и Ковбоем, пока я буду переводить речь Преза.

Подняв Лилу, я усадил ее на лавочку, и она робко улыбнулась братьям. Моя грудь была готова взорваться. Постепенно она выходила из своей скорлупы. Я молился, чтобы ничего не случилось, и она не вернулась к прежнему состоянию. Тифф и Джулс, тупые дырки, почти

разрушили все. По крайней мере сейчас они горели в аду. Летти перерезала им глотки и отправила к лодочнику — без десятицентовиков на глазах. Лила не знала этой части информации и никогда не узнает.

— Ты готов? — спросил я Стикса. Он освободил свои руки от Мэй.

«Мы сделаем это быстро», — показал Стикс, и я сказал это вслух. Руки брата были на плечах Мэй, а ладони свободные, когда он показывал: «Я сделал предложение своей женщине. Она сказала «да». Поэтому вы должны знать, что нас ждет свадьба Палачей».

Я переводил, не осознавая смысл слов, слишком занятый Лилой. Но когда вокруг раздались вопли и звуки разбитых бутылок... Я посмотрел в направлении Стикса.

Он уже смотрел на меня, ожидая моей реакции, и пожал плечами, показывая:

«Всегда была только сучка с волчьими глазами за тем забором. Теперь я сделаю все законно».

Я искренне обрадовался и послал счастливую улыбку своему брату, притянув его к груди.

— Еще один повержен, да, ублюдок?

Стикс пихнул меня в живот, затем вопросительно посмотрел на Лилу, которая все еще сидела на скамейке, выглядя почти шокировано, и повернулся ко мне. На моем лице явственно читалось выражение не лезть в это дело, и он пошел к Мэй, оторвав ее от красотки и Летти, которые допрашивали его женщину.

Повернувшись, я посмотрел на Лилу, которая была белой как призрак. Она сидела между Ковбоем и Хаш, а теперь и АК, ее грудь резко поднималась, и она терла грудную клетку. Сев на корточки, я зажал сложенные руки Лилы между своими и дернул головой в сторону братьев, чтобы они проваливались.

Они сделали как я и сказал, и мы с Лилой остались наедине. Она жевала губу, ее взгляд был устремлен в никуда, излучая панику.

— Что происходит в этой голове, сладкие щечки?

Сделав неровный вдох, Лила покачала головой, теперь ее взгляд был сфокусирован на Мэй и Стиксе, которые принимали поздравление от братьев и старух Палачей. Слезы заполнили глаза Лилы. Я опустил взгляд на наши соединенные руки, ее дрожали.

Прижав ее ближе, я спросил:

— Лила, какого хрена происходит? Какого черта ты дрожишь? Поговори со мной, — подтолкнул я тихо, не желая привлекать внимание никого во дворе.

Выпученные голубые глаза Лилы встретились с моими, и она начала раскачивать головой вперед-назад, слезы медленно катились по ее пухлым щекам.

— И третьерожденная Окаянная соблазнительница Ордена присоединится к священным узам брака с провозглашенным пророком Давидом. Ее испорченная дьяволом душа будет очищена, избавлена от греха Евы, так же как у всех падших дочерей Евы. Его священное соитие с женой Пророка будет означать конец дней, триумф света над тьмой, силы Господа над Сатаной.

Рука Лилы сжимала мою с каждым произнесенным словом. Я нахмурился, не понимая, что за херня исходит из ее рта.

— Лила, успокойся, бл*дь, — прошептал я резко, и оглянулся назад, чтобы убедиться, что ее безумие никто больше не услышал. Я сразу же встретился взглядами с Мэй, чей взгляд был направлен на Лилу, страх и разочарование сияли в его глубинах.

Лила начала раскачиваться, снова и снова повторяя эти слова, ее голос становился

громче, приковывая внимание братьев и их сучек.

Мое внимание вернулось к Лиле, я обхватил ее щеки, ее глаза в панике уставились в мои, в голосе сквозил ужас. Ее тело начало дрожать так сильно, что она почти билась в конвульсиях.

Внезапно Мэй оказалась рядом с нами, и Лила подпрыгнула с лавочки, когда Мэй потянулась к ее руке. Бормотание прекратилось, и Мэй шагнула ближе.

— Лила, пожалуйста...

Лила споткнулась, почти шлепнулась на задницу, когда Мэй пыталась дотянуться до нее.

— Нет! — прошептала Лила, двигаясь к центру двора.

— Мэй, оставь ее, бл*дь, в покое! — закричал я, пытаюсь дотянуться до Лилы. Ее дыхание стало странным, и она выглядела очень бледной. Стикс появился рядом со мной, вцепился в мой жилет, удерживая меня, когда я попытался рвануть вперед и остановить наступление Мэй на мою сучку.

Бл*дь, какого хрена с ней не так?

— Лила, пожалуйста, я люблю его! — вскрикнула Мэй, а Лила мотала головой из стороны в сторону, ее колени подгибались как у гребаного олененка, который учился ходить.

Мэй остановилась в полуметре от Лилы, и Лила наконец посмотрела на Мэй, ее губы дрожали.

— Ты не можешь выйти замуж за Стикса. Ты знаешь Писание. Ты обречешь нас всех! Ты знаешь, что должно произойти, чтобы спасти наши испорченные души!

Мэй подошла вперед и вытянула руку в нашем направлении, явно говоря нам не приближаться.

— Сестра, больше нет Ордена. Нет больше Пророка, нет Писания, которое бы контролировало нашу судьбу. Мы свободны, сестра. Мы свободны любить того, кого пожелаем.

— Нет! — закричала Лила. Она обхватила голову руками, как будто не слышала слов Мэй. — Я все еще верю! И наши люди — избранные, сестра. Господь возродит нас. Они вернутся за нами и спасут нас.

Мэй вздохнула и схватилась за переносицу.

— Лила, нашим людям говорили неправду! Все, что они — Пророк Давид, старейшины, последователи — проповедовали, было ложью! Библия предупреждает об этом. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. Евангелие от Матфея, глава 7, стих 15. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Евангелие от Матфея 24:23-24. Нас обманули, сестра. Мы жили во лжи! Ты все еще живешь во лжи!

— Вот что ложь! Посмотри на нас! То, что пророк Давид и старейшины говорили нам, правда! Посмотри на мое лицо. — Лила показала на свое ушибленное лицо и поморщилась, когда прижала палец к своей израненной щеке. — Это сделали женщины, которые не могли отказаться от меня. Я не могу жить так, Мэй. Я хочу быть свободной. Спасенной! Я ищу спасения. Я видела слишком много доказательств, как наше проклятие влияет на людей, что означает правоту нашего Пророка. Я не развращена. Я зло по своей природе, как и ты!

Мэй стиснула челюсти и ответила:

— Ты так сильно доверяешь Писанию, сестра. Ты так сильно веришь словам пророка Давида, что слепа. Открой глаза и увидь ложь, освободись от их контролирующих уз... живи!

Ты свободна!

Ли́ла резко запыхтела от горя и покачала головой. Мэ́й посмотрела на Стикса с болью во взгляде. Повернувшись к Лиле, она сказала:

— И сказал мне Господь: пророки пророчествуют ложное именем Моим; Я не посылал их и не давал им повеления, и не говорил им; они возвещают вам видения ложные и гадания, и пустое и мечты.

Ли́ла замерла, слезы потекли по ее щекам, когда она смотрела на Мэ́й:

— Нет, ты ошибаешься! — прошептала Ли́ла, опустошение было очевидным в ее робком голосе.

— Я никогда не вернусь к этой жизни, Ли́ла. Со Стиксом я обрела настоящую свободу. Со Стиксом у меня есть жизнь!

Ли́ла начала рыдать.

— Ли́ла... — закричала Мэ́й, но Ли́ла вытерла слезы и протянула руки. Странное спокойствие охватило ее.

— Иногда я больше не узнаю в тебе свою сестру.

Мэ́й резко вдохнула, и ее глаза наполнились слезами. Я видел, как злость Лилы немедленно ослабла, когда Мэ́й развернулась и начала бежать к выходу из клуба, Ли́ла быстро последовала за ней.

Стикс отпустил меня и последовал за Мэ́й, но на этот раз я остановил его.

— Остановись. Дай сучкам разобраться самим. Ли́ла не слушает, какими ублюдками были этот пророк Давид и члены Ордена. Мэ́й нужно исправить это. Иногда мне кажется, что у меня получается. Затем что-то случается, и она катается по земле, бормочет херню или просто в открытую сходит с ума. Мы оба знаем, что в какой-то момент это должно было взорваться. Лиле слишком сильно промыли мозги, и только Мэ́й может вытащить ее, неважно, что на первый взгляд кажется, будто они бесят друг друга.

Стикс вздохнул, но хлопнул меня по спине в согласии.

— Мэ́й! Остановись! — кричала Ли́ла, когда бежала за сестрой. Мэ́й развернулась к ней лицом, обе стояли по центру двора, свет из гаража освещал их как прожектор.

— Кто-нибудь достанет машинное масло? Или грязи? Эти сучки будут биться, и я хочу оказаться в переднем ряду! Я кончу только от мысли, как они скользят сиськами друг по другу... или кисками. Бл*дь, позвольте сучкам скреститься!

Мы со Стиксом повернулись к Вику, который нагло стоял с салфетками, торчащими из носа, который я сломал. Стикс зарычал предупреждающе, достал немецкий нож из ботинка и облизнул лезвие. АК потянул Вика за плечи через круг братьев и сучек, уводя его из нашего поля зрения.

— Я убью ублюдка, — выплюнул я, волна ревности окатила меня. Вик не должен так говорить о Лиле.

«Только после меня», — показал Стикс и я усмехнулся.

— Ли́ла, пожалуйста, оставь меня в покое, — сказала Мэ́й подавленно, притягивая все внимание к ним. — Я понятия не имею, что еще с тобой делать. Ты должна жить за пределами веры — это единственный выход для нас. У нас ничего нет, они никогда не давали нам ничего материального. Я делаю все, чтобы тебе было комфортно, так же как Стикс, Кай, Красотка, Летти и другие братья, но сейчас я растеряна.

Мэ́й вытянула руку к своим щекам и вытерла слезы.

— Я думала, что спасаю тебя, забирая из общины, из места, где мы были лишены

нашего детства, и нам неоднократно говорили, что мы — зло. Мы обе смотрели как Белла умирала на холодном полу клетки, и мы обе знаем, что это дело нечистых рук Гавриила, тем не менее ты решительно настроена вернуться в то место. Но я должна сказать это тебе в миллионный раз, сестра. Не осталось ничего и никого, к кому ты можешь вернуться.

Мэй шагнула к неподвижной Лиле и обхватила ее за щеки, сказав:

— Я не твой тюремщик. Я не собираюсь держать тебя здесь против твоей воли. Я люблю тебя больше жизни и просто хочу тебе счастья.

Лила шмыгнула носом, и я понял, что она снова плачет. Ее агрессивное поведение менялось. Мой желудок сжался, когда я ждал ее ответа. Она хочет покинуть нас? Потому что ни за что на свете она никуда не уйдет. Я, бл*дь, этого не позволю. Эта сучка была моей, понимала она это или нет, я должен защищать ее.

Подняв голову, чтобы посмотреть в лицо Мэй, Лила открыла рот, и я перестал дышать.

— Я...

Внезапно из-за ворот загорелись яркие огни, и прозвучал громкий взрыв. Металлические ворота сорвало с петель, пламя и мусор наполнили воздух.

— Все, бл*дь, ложитесь! — закричал кто-то из братьев, и я понял, что Тэнк и Булл приказывали всем прикрыться.

— МЭЙ! — закричал Стикс, не заикаясь.

Я думал только об одном: добраться до Лилы.

По двору разносились крики и мученические стоны. Людям было больно. Бл*дь, может, кто-то был даже мертв. Оттолкнувшись на руках, я увидел, что Лила и Мэй прижались друг к другу на земле, Лила пыталась поднять их обеих на ноги, на ее лице был написан страх. Упавшие ворота блокировали наш путь, тяжелый металл был зажат у двери гаража, держа наших сучек запертым под ним.

Стикс схватил меня за жилет и потянул на ноги, в моих ушах звенело из-за громкого взрыва. Мы оба оглядывали двор, видя кровь и людей, разбросанных по земле как гребаное конфетти. Тэнк, Булл, Ковбой, Ак, Смайлер и Викинг были на ногах, держа свои пистолеты, невредимые за исключением порезов и синяков.

— Кай! — закричала Лила, когда я посмотрела на нее, она держала обмякшую Мэй в своих руках.

— Нет! — заревел Стикс и бросился туда, где они были заключены.

— Передвиньте ворота, сейчас же! — я приказал братьям, и, увидев нас со Стиксом у ворот, они все подбежали и схватили металл. Мы прикладывали все силы, чтобы поднять ворота.

— Кай, — она не двигается! — кричала Лила, и я увидел, как она раскачивает Мэй в своих руках. — Ее голова кровоточит!

— О-н-на д-дыш-шит? — удалось выговорить Стиксу, и шокированный взгляд Лилы вперился в него.

— Лила, детка, она дышит? — мягко подтолкнул я, когда ворота начали отрываться от земли.

Лила наклонилась, и облегчение заполнило ее взгляд.

— Да. Она дышит.

Стикс выдохнул рядом со мной, и я посмотрел на братьев.

— Нам нужно убрать, нахер, это от них. На счет три! — Мы все приподняли ворота, наклоняя их вправо.

— Она двигается! — закричала Ли́ла, и мы замерли. Рука Мэ́й двигалась, и болезненный стон сорвался с ее губ.

— Она без сознания, мужик, — сказал я запыхавшемуся Стиксу. — Должно быть, это отдача от взрыва. — Брат был готов потерять контроль, если он не доберется вскоре до своей сучки.

— Снова! Давайте сдвинем этот кусок дерьма! — закричал я братьям и на счет три нам удалось поднять ворота почти до самого конца с женщин.

Внезапно прозвучал рев двигателя и визг шин, привлекая наше внимание к входу на территорию.

— Ложись! — закричал Хаш. Я посмотрел на одну из дозорных вышек, где Хаш продолжал наблюдать за дорогой, крепко держа в руке АК-47. — Грузовик, мужчина сидит сзади!

— Открывайте огонь! — приказал Булл. — Убейте как можно больше ублюдков!

Хаш прицелил свою винтовку, град пуль полился на мразей.

Одним тяжелым рывком нам удалось наклонить ворота достаточно, чтобы Красотка проползла под ними, чтобы вытащить Мэ́й и Лилу. Смайлер последовал за ней. Брат мог не говорить много, особенно с тех пор как его дорожный брат Райдер оказался крысой, но он был бывшим спецназовцем, как и АК, и мог оказать медицинскую помощь, если это было необходимо.

Громкий свист послышался поверх звука огня Хаш, и я знал, что это был Стикс.

«Отправь братьев на свои позиции! Я хочу, чтобы ублюдки отправились к лодочнику», — показал Стикс, и я выполнил его приказ, братья направились в гараж достать свои винтовки и Узи и занять места.

Через секунду в поле зрения показался грузовик. Несколько мужчин прыгнули в кузов «Форд Ф-150», вытащили винтовки из-под брезента и открыли огонь.

Шторм пуль от Палачей посыпался на их грузовик. Я услышал что-то напоминающее военный клич позади нас, и появился Флейм из здания клуба с М16 в руках. Психоблюдо́к побежал прямо на грузовик, без защиты на своем голом торсе, покрытый своими собственными порезами, только на ногах были джинсы.

Грузовик вильнул, когда он попал в кого-то в кабине разбив лобовое стекло. Затем грузовик занесло на асфальт, когда он пытался увеличить скорость. Услышав женский крик, я повернулся и увидел, что Ли́ла вылезает из-под ворот со Смайлером и Красоткой, который помчался в клубный дом с Мэ́й. Встав на ноги, я побежал к Лиле, когда Тэ́нк закричал:

— Цельтесь в ублюдка на крыше! У них есть снайпер!

Ли́ла замерла, ее внимание сосредоточилась на чем-то за моим плечом. Когда я посмотрел назад, снайпер целился прямо в нее. Как в каком-то хреновом военном фильме, все начало замедляться, когда мразь открыл огонь... прямо в Лилу.

Побежав так быстро, как мог, я запрыгнул на нее, придавливая нас обоих к земле и перекатившись, чтобы спасти ее от удара. Ли́ла схватилась за мой жилет, ее лицо было зарыто у меня в груди, и я крепко держал ее, молясь, чтобы хрен с крыши был убит.

Я услышал, как Флейм громко закричал, и внезапно огонь прекратился.

Я мог слышать только рваное дыхание Лилы, бормотание голосов и звук оружия на заднем плане.

Я не знал, как долго лежал со своей сучкой, слушая, как мое сердцебиение отдавалось в ухе. Затем кто-то закричал:

— Чисто! — Я протяжно выдохнул в облегчении и начал проверять Лилу на ранения, надеясь не выйти из себя из-за ее непрекращающегося хныканья. С ней все было хорошо. Спасибо, бл*дь, или я бы был убийственно зол.

Рядом с моей головой послышался звук шагов.

— Кай! Ты ранен?

Приподнявшись на локтях, пока Лиля все еще сжималась комочком у моего бока, я увидел Ак, Ковбоя и Хаш над собой.

— Не-а.

— Твоя сучка? — спросил Хаш.

— С ней все хорошо.

АК вздохнул, и я уловил, как он осматривает двор. Пока я вставал, Лиля крепче схватилась за меня, и Ковбой предложил мне руку помощи.

Держа Лилу рядом, я спросил:

— Какого хрена это было?

Тэнк, Булл, Викинг, Флейм и остальные братья бросились вперед. Стикс следовал за ними с гребаным убийственным выражением на лице. Конечно, Флейм начал расхаживать туда-сюда, его М16 висел на спине, а в руках был нож.

Тэнк сделал шаг вперед.

— Это был Клан, на случай, если вы не заметили их ублюдошные тату свастики. Эти были более низкого ранга, если я правильно понял. Ублюдки хреново целятся. Если бы это были офицеры, наши тела бы поймали все пули. Это точно. «Белая сила» показывает нам, что это их рук дело.

«Бл*дь», — показал жестами Стикс, когда я повторил это громко вслух. Он оглядел двор — «Какие повреждения?»

— Две клубные шляхи и одна приходящая мертвы. У всех остальных есть поверхностные раны, — отчитался АК. — Я отвезу всех в морг, чтобы как можно скорее возьму парней в морг, чтобы как можно скорее без лишней огласки все сделать. Избавимся от них быстро.

Флейм внезапно вышел вперед и встал перед Стиксом.

— Позволь мне последовать за мразями скинами. Мне нужна кровь. Мне нужно видеть, как их кровь стекает к моим ногам как гребаная река.

Стикс посмотрел на меня, молча спрашивая мое мнение, и я покачал головой. Нацисты хотели, чтобы мы последовали за ними, и, отправившись на их территорию, мы попадем прямо в ловушку. Зачем еще бы они столкнулись с нами лицом к лицу? Нам нужен план. Затем мы позволим психу отправиться. Я знал, что Стикс согласен, по выражению на его лице.

Он покачал головой Флейму, затем показал всем остальным:

«Приведите в порядок это место. Восстановите ворота. Мы будем использовать задний вход с этого момента. В церкви через час. Нам нужно обсудить все. — Он повернулся к Флейму. — Ты сможешь убивать, брат, но нам нужно обождать. Я не собираюсь терять братьев из-за того, что мы все не продумаем».

Флейм поморщился, стиснул зубы, мышцы его лица напряглись. Он шагнул к Стиксу, и я приготовился открывать придурка от нашего Презы.

— Она, бл*дь, кричала! — зашипел Флейм, его глаза были безумно широкими, и он стискивал зубы вместе так сильно, что я боялся, что его челюсть треснет. — Из-за гребаного

взрыва она упала на кровать и кричала! Пули прорывались через окно. И. Она. Бл*дь. Кричала! Я не мог слушать ее крик! Я не мог выдержать его!

Лида напряглась и наклонила голову в сторону.

— Мэдди? Мэдди в порядке?

Флейм зашипел и повернулся к Лиде. Я толкнул ее за себя и посмотрел в глаза психу.

— Она кричала! — взревел он. — Я не мог прикоснуться к ней. Не могу прикоснуться к ней! Она кричала и смотрела на меня. Она. Кричала!

— Флейм, она в порядке?

— Она на полу, прячется. Нет крови. Нет ранений. Ей не больно. — Лида выдохнула от облегчения. Флейм вытащил свой нож и начал резать кожу. Я увидел, что Лида смотрела на него широко открытыми глазами.

— Я должен убить их. Чтобы она перестала кричать.

АК сделал шаг вперед.

— Флейм...

Флейм развернулся и схватил АК за жилет. Брат даже не поморщился. АК и Вик знали Флейма многие годы. Они были единственными ублюдками, кто его понимал.

— Они могли ее убить, за это они умрут! Они могли забрать ее от меня. Они могли забрать ее от меня! И она кричала, но я не мог прикоснуться к ней! — Он выпустил АК, порезал свою руку и зашипел от облегчения, когда кровь закапала на землю. — Мне нужно убивать.

— Скоро, Флейм, — сказал АК. — Скоро.

Флейм зарычал и направился ко входу в квартиру Стикса. Брат должен убедиться, что Мэдди в порядке.

Стикс прочистил горло, сигнализируя мне переводить.

«Через час церковь. Мне нужно проверить Мэй».

Стикс вбежал в клубный дом, и братья начали расходиться, приводя двор в порядок и готовясь к войне.

Развернувшись, я взял Лилу за руку и притянул к себе. Она была в крови и дрожала.

— Ты в порядке, сладкие щечки?

Она собиралась кивнуть, но в последний момент покачала головой и уткнулась лицом мне в грудь, ее плач разрывал меня. Моя грудь сжалась, и я пытался дышать. Прижавшись в поцелуе к ее макушке, я повел ее ко входу в клубный дом.

Войдя внутрь, мы увидели, что там царило безумие. Сучки и шлюхи очищали бар и тех, кто был поражен шальными пулями или взрывом.

— Мы можем увидеть Мэй? — приглушенно спросила Лида мне в жилет.

Я кивнул и повел ее по коридору к личной клубной комнате Стикса, которая располагалась через несколько дверей от моей. Мэй лежала на кровати, Стикс находился рядом, пока Смайлер накладывал швы ей на голову. Стикс заметил мое появление. Затем его взгляд опустился на Лилу которая была прижата ко мне.

— Вот, так сойдет, — сказал Смайлер и отстранился.

Вздых облегчения покинул Мэй, затем она посмотрела на Стикса и проследила его взгляд до Лилы.

Слезы наполнили ее глаза, и она вытянула руку, прошептав:

— Сестра.

Лида отпустила мою талию и бросилась к Мэй, осторожно обнимая ее.

— Извини. Я не должна была так разговаривать с тобой, — сказала Лила тихо. — Когда ты лежала безжизненная в моих руках, я испугалась, что больше никогда не заговорю с тобой, и я не могла дышать от этой мысли.

— Тише, все хорошо. Я в порядке, — Мэй отстранилась и обхватила лицо Лилы в ладонях. — С нами все будет хорошо. Мы найдем способ приобщить тебя к этому странному миру.

Лила кивнула и прошептала:

— Думаю, мне наконец-то нужно признать, что Ордена больше нет. Я просто... просто не знаю, как это сделать...

Мэй кивнула и поморщилась от движения, ответив:

— Да, ты должна. Будет тяжело, но я тоже боролась, сестра. Я тоже пыталась найти свой путь. Мы можем делать это вместе. Обещаю.

Позади меня раздался тихий стук, и в дверь вошла Красотка, ее светлый хвост подпрыгивал с каждым шагом. Стикс, Мэй и Лила посмотрели на нее.

— Я проверила Мэдди. С ней все хорошо. В квартире есть небольшие повреждения от пуль. Я попросила Мэдди спуститься, как ты и просила Мэй, но она отказалась. Она сказала, что хочет побыть одна в комнате. Флейм снаружи. Она в безопасности.

Мэй опустила голову и Стикс поднялся на ноги, посмотрев на меня.

«Я хочу побыть наедине с Мэй. Приведи Лилу в порядок, и никто не должен тревожить меня до церкви».

— Сладкие щечки? — спросил я, и Лила повернулась ко мне. — Пойдем приведем тебя в порядок, и ты отдохнешь.

Она кивнула и повернулась к Мэй.

— Я по-настоящему рада за вас со Стиксом, рада вашей помолвке. Я вижу, что ты счастлива с ним. Я была неправа, что попрекала тебя нашей верой.

Мэй поцеловала Лилу в щеку и затем протянула руку Стиксу, который молча наблюдал, стоя сбоку кровати. Он взял ее за руку и лег рядом с ней, поцеловав ее лицо и притягивая Мэй в объятия.

Все вышли из комнаты, но я заметил, что Лила наблюдала за парочкой через щелку в двери со странным взглядом на лице. Зависть? Ревность? Я не знал. Взяв ее за руку, я притянул ее к себе, и она опустила голову в смущении.

— Пойдем, — приказал я.

Лила нахмурилась.

— Моя комната там, — она указала наверх.

Я потянул ее дальше на себя, пока она не упала на мою грудь.

— Ты не идешь в квартиру. Ты идешь в мою комнату.

Она удивленно запрокинула голову и открыла рот.

— Я...

Я прижал свой лоб к ее, запустил пальцы в ее волосы и заговорил:

— Ты идешь со мной, в мою комнату, где я смогу тебя защитить, где я знаю, ты будешь в безопасности. У тебя нет выбора.

— Хорошо, — прошептала она, и я наконец расслабился. Я взял ее за руку и потянул в свою комнату, которая находилась через пару дверей дальше по коридору, и закрыл нас на замок. На оба замка.

Лила неловко стояла по центру комнаты, опустив голову, уставившись в ноги. Она была

опшеломяющей сучкой... моей блондинкой святошей.

— Иди в душ, Лила, — сказал я, указывая на дверь ванной. — Тебе нужно очиститься, смыть всю грязь и кровь со своей кожи.

— Хорошо, спасибо, — сказала Лила и направилась в ванную, слегка улыбнувшись мне через плечо, прежде чем закрылась там. Расположив руки на затылке, я протяжно выдохнул и плюхнулся на кровать.

Когда я думал о том, как Лила была зажата под воротами, затем о том, как нацик целился ей в голову и что было бы, не прыгни я вовремя, и она получила бы пулю, меня тянуло блевать.

Я улегся на спину, уставился в потолок и крепко зажмурил глаза, когда услышал звук включившейся воды. Мой старик всегда говорил мне оттрахать как можно больше киск, никогда не выбирать одну. Трахать шлюх, обрюхатить парочку детьми, чтобы продолжить имя Уиллисов, но никогда не давать им патч, никогда не давать свое имя.

Но когда я думал о сучке в душе, мой желудок скручивался в узел. Находясь рядом с ней, я не хотел трахать других шлюх. Черт, да даже когда ее не было! Я хотел только одну киску... ее, даже если сучка была сумасшедшей. Она расшевелила во мне что-то, о существовании чего я не знал, заставила меня задуматься о патче собственности и моих клубных цветах на ее спине.

На этих мыслях я распахнул глаза, и понял одно. Я, бл*дь, любил эту сучку. Я был влюблен в сумасшедшую блондинку святошу, которая принимала душ в моей ванной прямо сейчас... голая.

Бл*дь, кровь прилила к моему члену, и я почти кончил, представляя, как трахаю ее. Я никогда не добивался сучки, всегда щелкал пальцами и шлюхи бежали ко мне. Даже забыть мою хорошую внешность, просто членство в клубе обеспечивало мне трах. Черт, я мог быть самым уродливым ублюдком на планете, и шлюхи все равно сосали бы мой член. Но Лила была чем-то большим, она не попадала под очарование моей улыбки, не прыгала в мою койку и не раздвигала ноги, не была впечатлена клубом. Дерьмо, все было полностью противоположным. Может, поэтому она была другой.

Сев, я начал снимать свой жилет, футболку и джинсы, и натянул боксеры. Обычно я не носил нижнее белье, но не хотел пугать Лилу своим голым видом и стояком. Мне тоже нужно было принять душ, смыть зловония гребаных нацистов со своей кожи. Когда посмотрел на часы на стене, я понял, что Лила была в душе чертовски долго. Прошло двадцать минут, вода все еще текла, но я не слышал ни звука от нее.

Подойдя к двери, я прижался ухом к дереву, но не услышал ничего, кроме звука воды. Постучавшись, я спросил:

— Лила, ты в порядке?

Ответа не последовало, и мое сердце ускорило ход.

— Лила? Скажи что-нибудь?

Снова ни хрена, поэтому я подергал дверную ручку — закрыто.

— Лила, скажи что-нибудь, или я войду, — предупредил я.

С другой стороны по-прежнему не было никаких звуков, я отодвинулся, затем используя свою силу, ударил плечом по двери, треснув дерево, когда дверь распахнулась.

Пар от душа наполнил комнату, и я едва мог видеть свои руки перед собой.

— Лила? Где ты, черт побери?

Я уловил шмыганье носом в душевой и последовал на звук, через открытую дверцу

душевой можно было кое-что разглядеть, и я увидел, что голая Лиля свернулась на полу, обхватив руками ноги.

— Лила! — закричал я и бросился через открытую дверь душа, выключил воду и опустился на колени. Лила была вся промокшая. Я пробежался по ней взглядом, не заметив ранений или крови.

— Лила! Поговори со мной! — приказал я.

— Я не могу подняться, — прошептала она, ее голова все еще была опущена.

Я сделал шаг вперед и осмотрел ее ноги — ничего.

— Почему ты не можешь встать?

Лила подняла голову и взглянула прямо на меня. Она была бледной, вокруг ее глаз были красные круги от слез, и ее мокрые длиной до талии волосы были заправлены за уши.

— Я... я начала мыться, но продолжала думать о том, что произошло, об оружие. Мэй... Ордена больше нет... обо всем и упала на пол. Теперь я не могу подняться.

— Малышка... — я затих и провел пальцем по ее щеке. Мой желудок сжался, когда я посмотрел на нее. Сильнейшее желание ее защитить переполняло меня. Мои внутренности почти разрывались надвое от потребности обнять ее, прижать ее ближе, чтобы она перестала дрожать и бояться.

— Я... я не могу двигаться,— выдохнула она и опустила голову. — И я веду себя непристойно... Я обнажена... Я грешна, слаба...

Не обращая внимания на ее ненависть к себе, я поднял ее на руки и понес из ванной, моя сучка все еще была в позе эмбриона. Ее нос уткнулся в мою шею, она подняла левую руку и положила мне на щеку. Я опустил взгляд, шокированный ее жестом, когда ее пальцы начали очерчивать мои губы.

Я хладнокровно убил больше людей, чем мог сосчитать. Я сталкивался со смертью, был подстрелен, меня резали... но я никогда не боялся так, как в этот момент, когда смотрел на самую потрясающую сучку из всех существующих, и боялся, что мог потерять ее, боялся, что все еще мог потерять ее.

Сев на кровать с ней на руках, я потянул одеяло за конец и обернул его вокруг ее влажной кожи.

— Тебе холодно? — спросил я, мой голос звучал слишком низко.

Она покачала головой, ее руки все еще были на моем лице, взгляд вперился в мой.

— Ты спас меня, — прошептала она, и мой желудок сделал сальто. — Ты прыгнул перед пулей из-за меня.

— Да, — прохрипел я, смотря на ее лицо; слезы скопились в уголках глаз.

— Ты спас меня... Спас мою жизнь.

Напрягаясь из-за слишком большой эмоциональности между нами, я прижал ее крепче, ощущая ее обнаженную кожу на своих руках.

— Ни в коем случае ты не умрешь, сладкие щечки.

Лила переместила пальцы с моих губ на подбородок.

— Почему я так важна для тебя, что ты спасаешь меня? Я бремя, навязанное тебе.

Сжав ее пальцы, я поднес их к своим губам и поцеловал, моя грудь разрывалась от признания:

— Потому что я чертовски сильно люблю тебя, Ли... Я, бл*дь, схожу по тебе с ума. Ты не бремя.

Лила резко вдохнула, и ее глаза расширились.

— Кай... почему?

Я рассмеялся.

— Чертовски глупый вопрос, сладкие щечки, — ответил я. — Как спросить меня о невозможном. Просто я люблю. Я люблю тебя, безумная святоша

Лила смотрела на меня долгое время, прежде чем облизала губы и пустила взгляд к моим губам. Мой член затвердел, когда наши взгляды встретились, ее щеки стало ярко-пунцовыми.

— Очень, бл*дь, люблю тебя, — добавил я.

Лила потянулась и со слезящимися глазами прижала свои губы к моим. Мои пальцы обхватили ее длинные пряди, и я углубил поцелуй, мой язык встретился с ее.

Моя левая рука оставила ее волосы и медленно спускалась по ее обнаженной руке и под одеяло, чтобы обхватить ее за заднюю часть бедра.

Наши рты сталкивались с еще большим напором, и мой член становился тверже, настолько, что было больно. Лила отстранилась, ее глаза были полузакрыты, опьяненная от нашего поцелуя. Мы оба тяжело дышали, и я пытался успокоиться, но с ее напряженным тельцем, извивающимся на моих коленях, все шло не так, как я планировал.

— Кай... — простонала она, и я потерялся своей щекой об ее.

Ее голос почти развязал мне руки, не говоря уже, что я ощущал, как ее киска становится влажной над моими боксерам.

— Что, детка? Скажи мне, что, черт побери, тебе нужно?

Наклонив голову, она вперила своими голубыми глазами в мои и сказала:

— Это неправильно, грешно и показывает меня развратницей. Но я хочу почувствовать тебя... всего тебя. Я хочу почувствовать наше соединение. Я хочу, чтобы ты показал мне, каково это — быть соединенной с тобой... каждым возможным способом.

И вот тогда мое дыхание остановилось.

14 глава

Лила

Глаза Кая расширились, и я ощутила, как его твердость пульсирует у моего обнаженного бедра через тонкий материал его нижнего белья, когда я вслух проговорила запретные слова. Старейшины и пророк Давид объявили бы меня блудницей, но прямо сейчас я была рада этому титулу.

Кай уставился на меня, но я не могла расшифровать выражение его лица. Все его черты были резкими и напряженными, его губы, которые так хотелось поцеловать, были поджаты, пряди длинных золотистых волос — в беспорядке. Рука Кая переместилась на мое лицо, но нежное прикосновение было едва ощутимым.

Я инстинктивно уткнулась щекой в его теплую ладонь, пока ожидала его ответа, дрейфуя на блаженной волне его привязанности ко мне. Прижавшись головой к обнаженной коже его груди, я нервно коснулась губами его плеча, над разноцветными татуировками, загипнотизированная тем, как он дрожал и дергался под моим ртом.

Кай провел рукой по моим волосам и сделал долгий, рваный вдох.

— Лила... — прошипел он мягко, его кулак сжал мои мокрые волосы. Я рискнула взглянуть на его лицо, увидев, что его голова наклонена набок, глаза крепко зажмурены, а

зубы сжимали нижнюю губу.

Мои руки дрожали от чудовищности того, что я делала; я нашла край одеяла, не отрывая взгляд от Кая, и бросила материал на пол, мое обнаженное тело было выставлено на обозрение.

Услышав, что одеяло упало, Кай опустил взгляд, его голубые глаза открылись и вспыхнули безошибочной страстью, разглядывая мою наготу.

Я провела рукой по его длинным светлым волосам и устремила взгляд на его выпяченные руки — мышцы были напряжены и очерчены. Осторожно подняв свои ноги с его коленей, мне удалось встать на дрожащих ногах, спиной к Каю.

Перебросив длинные волосы через левое плечо, отчего мокрые пряди коснулись моей левой груди, я сделала решительный вдох и медленно повернулась, удерживая взгляд устремленным в пол, почтительная и кроткая, какой и должна быть женщина перед мужчиной.

До этого дня я никогда не была полностью обнажена перед мужчиной, кроме брата Ноя, и мне потребовалась вся сила, чтобы не прикрыться и убежать. Мои разум и сердце боролись за защиту моей добродетели. Писание проносилось в моем сознании, чтобы уберечь от сексуальной безнравственности. Любой другой грех, совершенный человеком, находится вне его тела, но человек, который грешит сексуально, грешит против своего тела.

Пророк Давид учил, что соитие с кем-то вне Ордена, то же самое, что лечь в постель к Сатане. Для Окаянной соединиться с кем-то, кто не являлся благословленным, выбранным слугой Господа, избранным старейшиной, было непростительно, и наказывалось адским пламенем. Мой разум твердил мне сохранить веру, что это было испытание от Господа, что Кай был моим искушением, и я должна продержаться ради спасения своего народа. Но мое сердце говорило, что я должна быть с ним, что Мэй была права, и Ордена и моего Пророка больше нет.

Кай, с другой стороны, снова и снова доказывал, что он может быть сильным и защитить меня, начиная с убийства брата Ноя, человека, от которого, как он думал, миру лучше всего избавиться — Кай не знал, что брат Ной был необходим для моего спасения. Когда я думала о высоком, привлекательном мужчине позади себя, мое лоно возбуждалось и приходилось сжимать бедра от желания. Он защищал меня, избегал других женщин, чтобы остаться со мной. Ненасытная необходимость соединиться с ним вела меня в этот самый момент. Это было странно и против всех моих идеалов, но я хотела его... Я собиралась сдаться.

Ощущая провокационное покалывание в позвоночнике, я развернулась и ахнула, увидев, что рука Кая протянута, а палец завис в воздухе.

— Бл*дь, Лила... — прошипел он и потер свою промежность, пока влюбленными глазами осматривал меня от макушки до пальцев ног. Я слегка покачивалась на пятках под его пристальным разглядыванием, пока его взгляд снова не нашел мой.

Он вытянул руку, и я приняла ее. Кай притянул меня к своей груди, плоть к плоти, безумно колотящееся сердце напротив безумно колотящегося сердца. Запустив пальцы в копну моих волос, Кай дернул мою голову вперед, болезненный стон вырвался из глубины его горла, и его губы атаковали мои, язык скользнул мне в рот. Он держал меня за талию крепкой хваткой, затем провел по моей спине, массируя плоть, в то время как долгий стон выскользнул из его занятых губ.

Кай прервал поцелуй, губами и зубами он посасывал и покусывал мою шею, мои глаза

закатались, когда бабочки запорхали в животе, а в груди и лоне появилось невыносимое давление.

Горячий рот Кая переместился на мою грудь, и я ощущала, как его палец спускался к моему возбуждению. Я резко вскрикнула, когда кончик пальца прошелся по моему входу, кружа и потирая что-то, посылая молнии удовольствия по моему телу.

— Кай! — закричала я, и мой взгляд нашел его. — Я не могу... Что это? Такое ощущение... такое ощущение....

— Чертовски идеальное, детка. Ты такая влажная... Мне нужно трахнуть тебя... Мне нужно почувствовать тебя вокруг моего члена.

Отстранившись, я опустила голову, подчиняясь, и двинулась к кровати. Когда я забралась на матрас, Кай отскочил от края и наблюдал за мной как ястреб, когда толкнул свои пальцы под пояс нижнего белья и начал стягивать его, освобождая свое огромное, эрегированное достоинство.

Я тяжело сглотнула, когда взглянула на голого и очень даже готового Кая похотливым взглядом. Он был так красив, что перехватывало дыхание, и он смотрел на меня взглядом, от которого мое сердце парило к небесам.

В этот момент ничего в нем не казалось грешным или испорченным. Соединение с ним не казалось аморальным или неправильным. Брат Ной никогда не смотрел на меня так, в его взгляде не было любви или чувственности, он смотрел на меня грубо и агрессивно. Но Кай... я видела все в нем. Желание соединиться с ним взывало ко мне так же сильно, как моя вера.

Он хотел меня так, как не хотел ни один мужчина... безоговорочно. И я заслужила почувствовать это, даже если на краткое мгновение, заслужила то, что было между Мэй и Стиксом.

Кай двинулся вперед, его тело было гибким и очерченным. Я ждала его лежа на спине, с закрытыми глазами и задержав дыхание, в предвкушении момента, когда он коснется моей кожи. Я не могла вытерпеть ожидания, сильное неведомое желание избавляло меня от моих страхов.

— Лила, — прорычал он, и я напряглась. Рука Кая опустилась на мою грудь, и кончиками пальцев он провел между грудей, как будто касался перышком. Я не смогла сдержаться и открыла глаза. Мне нужно было видеть его... наблюдать за ним.

Наклонившись вперед, Кай оставил поцелуй на моей щеке. Я вдохнула... Запах сигарет, масла и кожи. Для меня это был запах комфорта.

Кай расцеловывал мое лицо, пока его губы не коснулись нежно моих. Прижавшись к моему телу, его пальцы двинулись на север, убирая волосы с моего лица, и он отстранился, разрывая поцелуй и фиксируя внимание на мне.

Воздух между нами потрескивал. Мои бедра покачивались из-за усиливающегося ощущения между моих ног, спина изогнулась, стон сорвался с губ.

Кай навис надо мной и вонзил зубы в мою нижнюю губу, его лицо было в миллиметрах от моего, теплое дыхание опаляло мои щеки из-за чего я чувствовала его доминирование надо мной.

— Я буду обращаться с тобой очень хорошо, покажу тебе каково это быть с мужчиной. Нет, не просто с мужчиной, покажу тебе каково это — быть со мной, — подчеркнул он.

Раздвигая мои ноги и устраивая свое тело между них, он толкнулся бедрами к моим. Я ахнула от этого неизведанного ощущения.

Кай провел рукой к моей талии, а затем обхватил мои груди, покусывая и облизывая плоть, прежде чем втянул один из сосков в рот, посылая импульсы к моему лону. Застонав, я сжала его волосы, когда во мне усилилось желание.

Кай устроил руки на вершине моих бедер, и мои глаза расширились, когда я ощутила его длинную, твердую плоть на своей коже.

— Бл*дь, Лиля, эти сиськи чертовски идеальны: упругие и чертовски огромные... идеальные. Я мечтал о них... На вкус они лучше, чем я себе представлял.

Застонав, Кай начал перемещаться ниже, его язык пробовал каждый сантиметр моей влажной кожи на своем пути: туловище, живот и нижнюю часть бедер. Шокированная тем, что он намеревался сделать, я оторвала спину от матраса, а его рука легла на мою грудь, удерживая меня, прямо так, как он хотел.

— Кай, пожалуйста, что ты делаешь? — молила я, находясь под воздействием желания.

Он немного приподнял голову, достаточно, чтобы встретиться со мной взглядом, и спросил:

— Ты когда-нибудь кончала, детка?

Мое сердце забилось быстрее, когда палец Кая коснулся щели моего лона. Я была мокрой и разгоряченной, и по моей коже бежали мурашки.

— Я не понимаю, о чем ты... — удалось мне сказать, хотя мой голос дрожал, когда я закончила.

— Когда мразь из культа трахал тебя, тебе когда-нибудь это нравилось?

Слезы начали покалывать мои глаза, и я покачала головой, тщетно пытаюсь не сломаться.

Ноздри Кая раздулись, и он проложил дорожку поцелуев от внешней части моего бедра к внутренней, но, видя мое очевидное смятение, остановился.

Опираясь на свои сильные руки, Кай поднялся по моему телу и его лицо зависло над моим.

— Детка, послушай меня и послушай внимательно.

Я всхлипнула и подарила ему свое внимание.

Его голос смягчился, и он заправил волосы мне за ухо своими пальцами, пока его светлые волосы щекотали кожу моей груди.

— Я не такой, как они. Да, я шлюха. Это не секрет. Я трахнул огромное количество дырок. Но я никогда не делал одного. Я никогда не заботился о сучках, как о тебе. Я никогда не ждал так долго ни одну киску, как твою. Я бы убил за тебя, детка. Если кто-то попробует забрать тебя у меня, я разорву их ублюдочные глотки. Ты принадлежишь мне, и прямо сейчас, в этой кровати, я сделаю кое-что в самый первый раз. Мы оба.

Я задержала дыхание, боясь выдохнуть, чтобы не разрушить момент, и не зная, что он откроет.

— Я займусь с тобой любовью, Лиля. Я сделаю тебя своей, заклею тебя. Потому что для меня больше нет никого другого... никто не смог сделать со мной этого, кроме тебя.

— Кай... — выдохнула я, и на этот раз приветствовала слезы, текущие по моим щекам. Они показывали Кая, что я тоже хотела этого всего с ним.

Кай вздохнул и целовал соленую жидкость на каждой щеке. Прижав свой лоб к моему, он рвано выдохнул и прошептал:

— Я, бл*дь, люблю тебя, Лиля. То, что между нами, больше чем просто трах. Ты понимаешь, да?

В этот момент моя сдержанность испарилась. Обхватив руками его лицо, я прижала губы к его и призналась:

— Я так сильно люблю тебя, очень-очень сильно. С тобой я чувствую себя в безопасности... Когда я с тобой, я не боюсь. Ты и не догадываешься, какие особенные эти чувства для меня.

Ослепительная улыбка украсила его красивое лицо, и он начал опускаться по моему телу, прижавшись к моему лону, пока его тяжелое дыхание опаляло мою плоть.

— Я сделаю так, что тебе будет хорошо. О'кей, сладкие щечки?

Я с опаской кивнула. Внезапно Кай провел языком по щели моего лона, и мои бедра поднялись с кровати.

— Кай! — закричала я, слишком потрясенная внезапным ощущением.

Но Кай не остановился, он неумолимо скользил языком по моей плоти, его сильные руки держали мои бедра, и стоны удовольствия от его рта отдавались вибрацией по моему телу, отчего я изогнула спину и сжала простынь в кулаки.

— Кай, что-то происходит! — запаниковала я, чувствуя, как теряю контроль, но Кай не остановился. Он задвигал языком еще усерднее и внезапно его палец закружил по моему входу и одним быстрым движением наполнил меня.

Интенсивное ощущение накрыло мое тело. Я зажмурила глаза, когда на меня накатила волна удовольствия... настолько сильного, что я не смогла сдержать крик, который нарастал в моем горле, и испустила его в пространство комнаты.

Я задыхалась, пока изо всех сил пыталась восстановить здравый смысл. Я едва заметила, как Кай перемещался выше по моему телу. Держа руку на груди, я открыла глаза и увидела, что он наблюдал за мной с желанием во взгляде его голубых глаз.

— Кай... что это было? — спросила я.

Наклонив голову вперед, он уткнулся в выемку моей шеи, его пальцы потирали и щипали мою грудь.

— Кое-что важное, детка. — Он поднял голову и медленно облизал губы. — Мне нужно трахнуть тебя, Ли. Прямо сейчас.

Мое дыхание перехватило в горле, и я почувствовала, как влажность прилила к моему лону от этой мысли.

— Я тоже желаю этого.

Застонав в предвкушении, Кай потянулся мимо меня к ящику тумбочки. Он достал небольшой квадратик фольги, и я наблюдала, как он разорвал фольгу надвое и начал раскатывать что-то по своему стволу.

Расположив свои руки на его мощных бедрах, я провела ими вверх и вниз, нуждаясь успокоить нервы, и наслаждаясь тем, как его упругие мышцы дергались под моими ладонями. Кай выдохнул и нагнулся вперед, уставившись на меня так, что я испытывала неловкость под его взглядом. Обхватив меня за талию, он перекатил нас так, что я оказалась сверху, оседлав его мышцы и татуированную талию. Потрясенная и чувствуя себя выставленной напоказ, я наклонилась и обхватила Кая за шею, прижавшись своей грудью к его. Гул его колотящегося сердца отдавался в моих ушах, и я вцепилась в него крепче, по моим венам прошло облегчение, когда он обнял меня.

Поерзав, я проследила очертание толстой веревки связанной в петлю на его груди, проводя по его плечу своим ртом. Затем переместила рот к его уху и прошептала:

— Возьми меня.

Зарывав, Кай развернул нас, и я оказалась на спине, и с нежностью, которую я не ожидала, он провел рукой вниз по моей груди, слегка приподняв ее, пока его мужское достоинство не расположилось у моего входа. Ни один из нас не разрывал зрительного контакта, он толкнулся в меня так медленно, что я ощущала каждую его частицу во мне.

Против моей воли, я вонзила кончики пальцев в широкую спину Кая, но казалось, что это действие возбудило его, и он потерял контроль, толкнувшись сильнее и полностью наполняя меня.

— Бл*дь!

— Кай!

Мы закричали в унисон, и Кай замер, его горячее дыхание опаляло мою щеку, когда он уткнулся головой в местечко между моей шеей и плечом.

— Ты... ты в порядке? — сказал Кай, учащенно дыша.

— Да, — ответила я тихо, мечтая, чтобы он начал двигаться. — Пожалуйста... возьми меня.

Кай начал двигать бедра медленными ритмичными движениями, и я провела руками по его волосам, схватив пряди. Он провел губами по моей шее, затем по подбородку и оказался у рта. Его поцелуй был мягким и нежным сначала, но когда его толчки усилились, вынуждая стоны срываться с моего рта, поцелуй стал более яростным, его язык сражался с моим. Я полностью подчинилась, позволяя ему брать то, что он хотел.

Отрываясь от моего рта, Кай посмотрел мне в глаза, и невиданные эмоции сверкали в глубине его глаз... такие красивые, что я почти расплакалась. Я даже и не представляла, что соединение тел может быть таким: интимным, чувственным и наполненным таким количеством любви, которое я не считала возможным.

Наша плоть стала влажной и горячей. Казалось, что-то переключилось в Кая, когда он дергал бедрами и толкался в меня быстрее и жестче. Моя голова кружилась от невероятного ощущения.

— Возьми мои руки, — приказал Кай, и я немедленно подчинилась. Переплетая свои пальцы с его, он поднял наши соединенные руки над моей головой и вперился взглядом в мой.

Ни слова не было произнесено, они и не были нужны. Все, что нужно было произнести, передавалось через небольшое напряжение в наших глазах, тяжелое дыхание наших ртов, стоны, тихие вскрики удовольствия, срывающиеся с наших губ.

Это было занятие любовью. Не ритуал и не Дань Господня. Это было настоящим. Прекрасным... изменением душ.

Пальцы Кая стали неумолимыми. Он обхватил обе мои руки одной своей, а его свободная рука опустилась ниже. Расположив ее у моего лона, его пальцы перекатывали и дразнили мой бутон.

— Черт, детка, мне нужно освободиться, — прохрипел Кай.

— Да, да! — закричала я, когда между моих ног нарастало давление.

Казалось, ствол Кая начал разбухать, и он ударил по местечку во мне, отчего я потеряла все рациональные мысли. Кай потирался грудью об мою, вбиваясь своими бедрами с огромной силой. Мое дыхание застряло в горле, когда удовольствие достигло своего пика. Я закричала, мои внутренности сжались, лоно пульсировало. Наклонив голову, Кай зарывал, освобождаясь и погружаясь в меня долгими жесткими толчками.

Наше дыхание замедлялось, когда мы мягко опускались с вершины удовольствия. Кай

выпустил мои руки, его ствол дернулся во мне, вынуждая меня застонать, когда ощущение стало чересчур напряженным для моей чувствительной плоти.

Кай оставлял поцелуи на моей ушибленной щеке, осторожно, чтобы не причинить мне боль, и я обняла его за шею. Он потерся носом об мою щеку и прижал свой лоб к моему. Кай закрыл глаза и успокоил дыхание.

— Я люблю тебя, Ли. Так чертовски сильно люблю тебя, — признался он. Я могла слышать неверие и шок в его голосе. Мое сердце увеличилось, и я начала думать о жизни с ним. Жизнь, которая была далека от всего, чему меня учили, но была настоящей, а моя душа была привязана к его... соединенная, объединенная с его.

Это было священным.

Это могло быть....

— Ты в порядке, малышка?

Я робко кивнула, и Кай медленно вышел из моего лона. Ощущение пустоты мгновенно поселилось в моей груди, но вернувшись из ванной, Кай снова лег ко мне на кровать, сгребая в объятия.

Я чувствовала себя в безопасности. Я быстро осознала, что могла бы провести вечность в его объятиях, прямо здесь, прямо сейчас.

— Никогда не думал, что буду чувствовать что-то подобное к сучке, Ли. Но ты сделала это. Ты пробралась мне под кожу и изменила меня, — наконец сказал Кай.

— Да? — я ощутила его кивок на своей макушке. — Как?

Ловкие пальцы начали расчесывать мои волосы, успокаивая меня, убаюкивая и расслабляя.

— Детка, в то мгновение, когда ты вылезла из той клетки кучу недель назад, я был потерян. Сошел с ума от твоего чертовски красивого лица, твоего убийственного тела, глаз, губ... Дерьмо, я помню, как видел тебя рядом с Мэй, напуганную, и был поражен, как будто гребаной молнией.

Я замерла на его словах.

«Я сошел с ума... от твоего чертовски красивого лица... поражен как будто гребаной молнией».

— П-правда? — переспросила я, молясь всем святым, чтобы он продолжил.

— Да, Ли. Я фантазировал о тебе в моей постели, на заднем сиденье моего байка. Представлял, какой чертовски великолепной ты будешь, объезжая мой член, с моим патчем на жилете. Каждый брат в этом клубе, за исключением Стикса и, возможно, Флейма, хочет тебя. Ты самая сексуальная сучка, которую я видел. Ты очаровала все члены этого МК, включая мой... особенно мой. С тобой я будто под каким-то заклинанием, чего не было ни с одной другой сучкой.

Мое сердце пропустило удар, и глубокая паника поселилась в груди. Мне казалось, что я не могла дышать... Я не могла дышать!

Руки начали дрожать, а ладони вспотели. Я молилась, чтобы Кай не заметил ничего плохого. Он схватил меня крепче, и я замерла.

— Ли, я хочу знать, если...

— Кай! Тащи свою гребаную задницу в церковь сейчас же! Стикс уже готов перерезать тебе горло! — кто-то закричал в коридоре и громко забарабанил в дверь.

— Дерьмо! — закричал Кай и спрыгнул с кровати, быстро натягивая штаны и футболку. Потянувшись к жилету на полу, он пригладил свои нечесанные волосы рукой и направился ко

мне, лежащей на кровати. Он улыбнулся, его зубы кусали нижнюю губу, когда он смотрел на меня.

Поставив колено на матрас, Кай наклонился и обрушил свой рот на мой. Я ощущала свой вкус на его губах, и слезы заполнили мои глаза, когда я позволила себе наслаждаться его прикосновением, мягкостью его рта.

Разорвав поцелуй, Кай вздохнул и схватил меня за подбородок, вынуждая встретиться с ним взглядом.

— Бл*дь, Ли, какого черта ты делаешь со мной? — спросил он и направился к двери, бросив на меня один взгляд. Он покачал головой и пробормотал: — Околдован этой киской, на сто процентов околдован киской. — На этом он покинул комнату, забирая мое сердце и все надежды с собой.

Это случилось снова... только в это раз я потеряла свое сердце.

Я захомотала Кая. Своими соблазнительными действиями я заманила в ловушку мужчину, который не хотел отдавать свое сердце. Я заставила его поверить в то, что он любит меня... но все это фикция. Он меня не любит.

Он под моими чарами.

Боже! Все, сказанное Пророком Давидом, правда. Я была блудницей, замаскированным дьяволом. Я прелюбодействовала среди чужаков. Мое наказание было ложной любовью.

Болезненный плач вырвался из моего горла. Я отбросила одеяло со своего обнаженного тела и подпрыгнула на ноги. Бросившись в ванную, чтобы взять свое оставленное платье и чепец, я посмотрела на свое отражение в зеркале и замерла. Мое лицо пылало, волосы были в беспорядке, а мое тело было мокрым от пота в тех местах, где мы соединялись.

Теперь слезы текли по моим щекам. Я ненавидела это! Ненавидела то, что была рождена Сатаной. Я ненавидела взгляды, ненавидела этого мужчину, в которого так сильно влюбилась, и который был очарован не моим сердцем и душой... а мной! Этим соблазнительным видом, дерзкой сексуальностью, что источал каждый сантиметр моего тела.

Мои колени дрожали, я быстро одевалась, скрутив волосы в неряшливый пучок и надела чепец. Я расхаживала туда-сюда по ванной, мое сердце разрывалось, разбиваясь вдребезги.

Кай не любил меня по-настоящему. Он был под моими чарами. Он сам сказал это, своими губами. Все это было иллюзией. Я разрушила свою добродетель, свою чистоту из-за мужчины, который попал под мое соблазнение. Я украла его свободу... Я грешница, не он. Я испорчена, а не мужчины клуба.

«Что ты делаешь со мной? Я сошел с ума... от твоего чертовски красивого лица... поражен, как будто гребаной молнией».

Слова Кая крутились в моей голове. «Что ты делаешь со мной?» Это из-за моего лица. Он влюблен в мое лицо, а не в женщину внутри. Он смог полюбить только лицо.

Я не могу дышать... не могу дышать!

Схватившись за грудь, я сфокусировалась на том, чтобы вдохнуть воздух в легкие, но комната была такой душной. Я была нечистой. Мне нужно было очиститься, помолиться. Мне нужно было покаяться, искать прощения у Господа, попытаться и вернуть свою душу из дьявольской хватки.

Подойдя к закрытой двери, я прижала ухо к дереву, пытаясь услышать любые звуки. Тишина. Осторожно повернув дверную ручку, я открыла дверь немного, только чтоб проверить, что коридор пуст. Через вентиляционное отверстие из зала доносились голоса, но

собрала свою храбрость, я вошла в коридор, закрыв за собой дверь, и на цыпочках направилась к выходу. Мне нужно было добраться до реки. Я не знала, что еще делать.

Потянувшись к двери, я надавила на ручку и мгновенно почувствовала себя лучше, когда ночной воздух поцеловал мою разгоряченную кожу.

Оглядевшись вокруг, я никого не увидела. Звуки стука доносились со стороны передних ворот, но я пробежала по двору незамеченная и быстро достигла покрова деревьев.

С каждым шагом Писание срывалось с моих губ, подтверждая мой позор. Я стыдилась своего блуда, прелюбодеяния... я была блудницей.

— Священное писание 5:3-20: Ибо с губ чужой женщины каплет мёд, и её уста мягче масла, но в конце она горькая, как полынь, острая, как обоюдоострый меч. Её ноги спускаются к смерти. Её шаги твёрдо держатся Шеола.

Ветка ударила меня по лицу, порезав кожу. Твердая, сухая земля ранила подошвы моих ног, но я продолжала бежать к реке. Вода очистит меня от греха и грязи. Чистая вода заберет все нечистое.

Вывавшись на поляну, я побежала к берегу реки, развязывая узелки своего чепчика, и сразу же распуская волосы. Мое зрение было расплывчатым от слез, и вслепую я нащупала замок платья.

Я была настолько поглощена мыслями об очищении, что не слышала шелеста деревьев позади себя. Я не смогла услышать звук шести пар ботинок, хрустящих по упавшим веткам листьев. Не смогла услышать, как шесть мужчин с оружием вышли на поляну и окружили меня.

— Рапунцель, Рапунцель, спусти свои волосы, чтобы я мог забраться по золотой лестнице.

Мои руки замерли на молнии, когда я слышала мужские голоса.

Медленно повернувшись, я подавила крик, когда столкнулась с шестью мужчинами в белых жилетах и джинсах. Мужчина спереди сделал шаг вперед — старик с пузом, неаккуратной рыжей бородой и лицом, покрытым шрамами от оспы.

— Нужна помощь с этой застежкой, дорогуша. Я буду счастлив помочь.

Я отшатнулась, сердце застряло в горле. Я осматривала линию деревьев, в поисках спасения, но мужчины стояли близко ко мне, их большие пушки указывали вниз, но они крепко держали руки на них, готовые прицелиться в любой момент.

— Черт побери! Они сказали, что ты чертовски горячая сучка, но не упомянули, что я буду перевозить первосортную цыпу. Ты чертовски невероятна, Рапунцель. — Мужчина положил руку на свое достоинство и облизал губы. В мое горло подступала тошнота. — Когда мы крепко свяжем тебя, я, наверное, даже тебя попробую.

— М-м... мои друзья скоро будут здесь, — я пыталась угрожать, но мужчина спереди просто улыбнулся, а остальные мужчины рассмеялись в унисон.

— Сейчас мы оба знаем, что это неправда. Не так ли, дорогуша?

— Они будут здесь. Точно.

Мужчина рассмеялся, и я сцепила вместе дрожащие руки.

— Ни один ублюдок из Палачей не придет, сладкая. Мы устроили небольшую диверсию, чтобы эти мрази собрали церковь или как бы, бл*дь, они ее не называли. И они будут там чертовски долго. Мы пришли за тобой, девочка, хотели сделать все тихо и незаметно, но когда увидели, как ты бежишь сюда, ну, ты просто все упростила нам.

Я дышала через ноздри, когда он сказал:

— Поэтому я расскажу тебе, что произойдет.

Я выпучила глаза на его движения. Нос ужалила смесь запаха тела, алкоголя и табака. Он вытянул ко мне руку и провел по волосам. Я зажмурила глаза, и меня парализовал страх.

— Чертова красавица, дорогуша. Чистая арийка: светлые волосы и голубе глаза. Идеальная гитлеровская сучка. Ожившая мечта братьев клана. Черт, если бы мне не заплатили кучу наличных, чтобы доставить тебя целой и невредимой этим уродцам, я бы забрал тебя к себе на ферму, и показал бы тебе, каково это быть оттраханной чистой расой.

Когда он опустил мои волосы, паника подпитывала мои ноги, и я бросилась в лес.

— Поймать ее! — закричал главарь, и я услышала скрежет ног за собой.

Я бежала быстрее, молясь успеть к клубному дому, чтобы просить о помощи, чтобы добраться до Кая, но как только я достигла леса, сильные руки схватили меня за плечи и толкнули на землю. Моя спина ударилась о твердую грязь с глухим стуком, от удара весь воздух покинул легкие. Мои руки были поцарапаны ветками и листьями, а все тело болело. Я боролась и пыталась освободиться, как Кай однажды сказал мне делать, но большой мужчина надо мной поднял руку и ударил меня по лицу. Мое зрение размылось, и казалось, мир накренился в сторону.

— Усыпи ее! — приказал слабый голос и внезапно мои руки и ноги налились свинцом. Лист, который несла река, бросился мне в глаза, его пропускали камни и скалы. По какой-то странной причине я не могла оторвать взгляда. Он выглядел таким простым, свободным, и его путешествие было в никуда.

— Получилось, Джеп? — сказал низкий голос. Мужчина надо мной фыркнул в ответе, когда лист продолжал плыть на юг.

Грубые руки обхватили мои щеки, и он поднял мою голову. Что-то положили мне на рот, успокаивая меня, но я была слишком ошеломлена, чтобы бороться. Запах был сильным, чем больше я вдыхала, тем больше хотела спать.

— Она в отключке? — кто-то спросил слева, и я наклонила голову на звук. Пара ботинок была рядом с моей головой, но я видела только листок на реке, который мирно дрейфовал по изгибу и с глаз долой.

Я так и не узнала судьбу этого листа, потому что мир вокруг стал черным. Когда глубокая паника наполнила мое тело, последнее изображение всплыло в моем разуме, принося мне невероятно чувство покоя: Кай. Его красивое лицо. Сияние голубых глаз, роскошная улыбка, длинные светлые волосы в беспорядке. И его взгляд, когда он смотрел на меня с неподдельным обожанием. Когда я проваливалась в бездну, лицо моего Кая защищало меня.

Он всегда держал меня в безопасности.

У него всегда будет мое сердце... даже если у меня не будет его.

15 глава

Кай

— Я говорю, что мы загружаем все, что у нас есть, и штурмуем эту ублюдочную ферму. Ударим блицкригом по этим нацистским задницам! — выплюнул Викинг и ударил кулаком по столу, чтобы подчеркнуть свои слова.

Тэнк покачал головой.

— Это не тот же самый клан, с которым мы имели дело пару месяцев назад, Вик. Джон Лэндри на свободе. Он организатор, гребаный гений. Он будет нас ждать. — Тэнк отвел взгляд от Викинга и сфокусировался на Стиксе. — Он пришел сегодня, выбил передние ворота, покалечил шлюх и проходящих, и как ни странно, ни одного из братьев. Если он хотел, чтобы мы отправились к Аиду, у него не вышло, но ему нет равных с оружием. Мы все еще живы, живем и дышим — так было спланировано.

Стикс помрачнел.

«Ублюдок вырубил мою женщину, я сходил с ума, думая, что все еще хуже. Только из-за этого он встретит лодочника... медленно, после того как я вырежу гребаное ПА на его груди и подарю ему постоянную улыбку». — Я передал слова Стикса Тэнку, но мой разум был в другом месте... в моей комнате с Лилой, мой член глубоко в ее киске, пока я наблюдаю ее великолепное лицо под собой — глаза закрыты, рот слегка приоткрыт, когда она стонет мое имя своим поддразнивающим, нежным голосом.

Кай... Я люблю тебя... Кай... Кай...

— Кай! — кто-то закричал, отрывая меня от грез.

Я посмотрел в сторону откуда доносился голос и увидел, что Булл смотрит на меня своим полностью зататуированным лицом в стиле Маори, его накачанные руки скрещены на груди. Он дернул головой в направлении Стикса. Когда я посмотрел на своего лучшего друга, он, бл*дь, убивал меня своими глазами. Они все подозревали, и мой желудок сделал сальто. Он отрежет мой член, если узнает, что я трахнул Лилу.

Тэнк прокашлялся и сказал:

— Как и я говорил, что-то глобальное планируется. Самодельное взрывное устройство у ворот было отвлечением.

Стикс щелкнул пальцами, и я следил за его руками.

«Вы занимались этим, когда были в одном братстве. Что они будут делать? И какого хрена хотят от нас? Я думал, что Лэндри не будет мстить за то, что мы убили его парней пару месяцев назад?»

Тэнк покачал головой.

— Не думаю. Эти придурки были второстепенными, солдатами низшего уровня. Лэндри похер, что мы отправили их к Аиду. Ублюдок, вероятно, думает, что мы сделали за него его работу. Как говорят мои информаторы, он чистит Клан. Избавляется от всех головорезов и вербует настоящих солдат.

— Настоящих солдат? — спросил Смайлер.

Тэнк кивнул.

— Так и есть, как и Гитлер, он использует своих головорезов коричневорубашеников, чтобы добраться до главы Ку-Клукс-Клана, убирая всех на своем пути, а теперь он чистит их, хладнокровно убивая, как Гитлер, и он добивается высшего ордена, чернорубашечника.

Мы смотрели на него, будто он был тупой. В школе я никогда не уделял особого внимания европейской истории, был слишком занят, ведомый своим членом, и изучал жизнь Палачей.

— Дивизия СС «Мёртвая голова» — смертники — настоящие садистски ублюдки, которые хотели видеть только белый, арийский мир. И так же как те, у кого не было проблем с тем, чтобы мучить и убивать евреев и любых других, они бы не хотели повтора Второй мировой войны, эти солдаты сделают все, что пожелает Лэндри. Лэндри их фюрер. Мы

говорим о настоящей угрозе клубу, Стикс. Новый клан Лэндри хочет поиметь нас, если они еще не начали.

Вокруг стола воцарилась тишина, когда слова Тэнка повисли в воздухе.

Больше угроз. Чертовски великолепно.

— Тогда к чему эти гребаные спектакли? К чему взрывчатка? Зачем отвлечение? — спросил я, наклонившись вперед и смотря, как Тэнк провел рукой по своему шраму. Лэндри приказал оставить этот шрам, когда Тэнк потерял веру в рейх и свалил от них нахер.

— Грядет что-то масштабное. Они хотят разозлить нас. Чтобы мы последовали за ними. Похоже, они готовятся к войне.

Ножки стула закрипели по деревянному полу, и стул ударился об стену. Флейм встал, на его руках были новые порезы.

— Значит, мы двинем в гребаную войну. Мне похер на этих убийц евреев. Я, бл*дь, убью их своими руками. Пусть попробуют нагнуть Палачей. Они поимели мой клуб... моих братьев... мою Мэдд...

Флейм осекся, прервав свой поток слов, прежде чем сказал еще больше, его безумные черные глаза расширились. Его зататуированная пламенем шея напряглась, и лицо стало пунцово-красным, прежде чем он чертовски громко закричал, потянулся в свой ботинок, вытащил нож и бросил его в стену.

Вик и АК поднялись и встали рядом с Флеймом, который тяжело дышал, поддерживая его. Ковбой и Хаш последовали за ними, пятеро из них закипали от желания крови нацистов.

Теперь это чертов психоквинтет?

Стикс встал и ударил кулаком по столу, все глаза устремились на нашего Президента. Он посмотрел на меня, и я ждал, пока он начнет показывать.

«Вижу, вы все готовы к битве. Я с вами, братья. Мы отомстим нацистам, но прямо сейчас я согласен с Тэнком, поэтому мы подождем. Посмотрим, что гребные skins предпримут. Выудим информацию, не будем торопиться, а затем со временем сотрем их в порошок».

Тэнк, Булл и Смайлер кивнули, соглашаясь, и худший, самый трахнутый на голову бойзбенд в мире сел на задницы

«Тэнк, что с твоим информатором? Почему он отказался от Клана? Думаешь, он играет с нами? Скармливает нам херню?» — показал Стикс, адресуя Тэнку.

Тэнк покачал головой.

— Нет, он ушел от них, През. Брат встретил сучку, захотел ее, а она не была гребаной арийкой. Если Лэндри узнает, что один из его офицеров сходит с ума по латиноамериканке, принцессе картеля, парень сдохнет. Он сделает что угодно, чтобы убить этих ублюдков... что угодно. У нас есть отличный источник информации, пока он скрывает свое дерьмо.

— Принцесса картеля? — спросил АК.

Тэнк пожал плечами.

— Не знаю деталей. Брат не особо делится, но да, она принцесса картеля или что-то подобное. Гребаный нацист и иммигрантка из Мексики. Сказочное дерьмо, ага? — сказал он с сарказмом.

Стикс откинулся на своем стуле и вздохнул, подняв глаза к потолку. Мы с братьями наблюдали за ним, ожидая инструкций. Наконец, он выпрямился и положил руки на стол.

«Тэнк, свяжись со своим братом-скином и узнай, почему мы остались без передних ворот и с тремя трупами. Мы подождем, все обдумаем и затем выманит этих ублюдков. Да?»

— Да, — поддержал я вместе с остальными братьями, вставая из-за стола один за другим.

«Сегодня мы защитим лагерь. Отведите своих сучке в клуб. Мы ляжем на дно, пока не узнаем, чего ждать. АК, Ковбой, Вик и Хаш ваша смена первая. Флейм». — Стикс остановился, и Флейм покачал головой. Стикс показал: — «Ты приглядываешь за Мэдди». — Стикс расслабился и устался на дверь. У брата все зудело от желания вернуться и встать за дверь квартиры Стикса.

Стикс ударил молотком по столу, и братья вышли. Тэнк приложил телефон к уху, чтобы связаться с информатором. Я подскочил со своего стула, так быстро, как это возможно, и повернулся к двери, но Стикс схватился за мой жилет сзади и отшвырнул меня к стене.

— Какого хрена! — закричал я.

Стикс был чертовски взбешен, его взгляд обезумел.

— Я с-сказал т-тебе д-держаться п-подальше от ее к-к-киски! Т-ты с-сделал ее с-своей г-гребаной ш-шлюхой!

Шлюхой? Ярость наполнила меня, я ударил Стикса в грудь, отбрасывая его к столу. Через секунду я был на нем, вцепившись в край его жилета.

— Брат или нет, лучший друг или нет... През или, бл*дь, нет, ты никогда не заговоришь о Лиле так снова, или я вырежу твое гребаное сердце!

Стикс устался на меня, и я приготовился к драке, но затем на его лице расплзалась самодовольная улыбка, и я попятился, изумленный.

— Какого хрена ты улыбаешься, и какого хрена это было, мудак! — огрызнулся я.

Стикс поднялся и встал прямо передо мной.

— Т-ты, б-бл*дь, л-любишь, с-с-сучку.

— Заткнись, бл*дь, Стикс, — ответил я, в груди было все стянуто как в киске девственницы.

Стикс рассмеялся.

— Д-дерьмо. Т-так и есть. Н-никогда не д-думал, что увижу этот г-гребаный день.

Отойдя, я прислонился спиной к стене, скрестив руки на груди. Я посмотрел на Стикса, который пялился на меня, будто я был долбаным фриком.

— Хорошо, я люблю сучку-святошу. Ты счастлив? Не могу выкинуть ее из головы. Не вижу никого, кроме нее. — Я рассмеялся в неверии и провел рукой по бороде. — У нее промыты мозги, не сомневаюсь, она любит Иисуса больше меня. Время от времени падает на землю, причитая какое-то религиозное дерьмо, с которым я не могу справиться. Она одевается и говорит так, будто сошла с гребаного Мэйфлауэра⁷. Но эта сучка сверкает так чертовски ярко, что я не могу потушить ее. Она пробралась мне кожу, През. Я схожу с ума, если не нахожусь рядом с ней. И теперь, оказавшись в ней, я пропал.

Стикс приподнял брови, и его улыбка увяла.

— Он-на л-любит тебя?

— Да, — выдохнул я и провел рукой по волосам, смеясь. — Да, бл*дь, да. Черт... она любит меня.

Стикс кивнул и положил руку на мое плечо. Я встретился с ним взглядом.

— Как, черт побери, это произошло? Я люблю ее, Стикс. Он, бл*дь, владеет мной. Мой старик в гробу бы перевернулся.

— М-Мэй тоже владеет мной, б-брат. К ч-черту то, ч-что с-сказали бы наши от-тцы или с-сделали. Я бы не отказался от М-Мэй.

Наклонив голову, я вздохнул и сказал:

— Не так уж забавно влюбиться в сучку, настолько отдаленную от этой жизни. Какой она будет старухой? Мы испорчены, Стикс. Она ищет спасения. Она не найдет его с Палачами.

— К-как и М-мэй. Л-лучше с н-нами, ч-чем с-с этим к-культом. Он-на с-справится.

— Мэй отличается от Лилы. Она сбежала. Ли́ла хотела остаться. Мэй пыталась научиться этой жизни, хотела тебя. Ли́ла боится своей гребаной тени. У Мэй больше нет веры, Стикс. Ли́ все еще живет этим дерьмом, рассказывая писание как пастор.

— Е-ей н-нужно в-время. Она п-поймет н-нас в к-конце к-концов, — заверил он и ударил меня по руке. — Ид-ди к н-ней. Н-нам н-нужно б-быть н-начеку.

— Да, — ответил я и оттолкнулся от стены.

Стикс внезапно повернулся.

— Н-не ис-с-пользуй ее, — предупредил он.

Я сжал челюсти.

— Пошел ты, Стикс.

Он ухмыльнулся снова и сказал:

— Околдован киской! — затем, бл*дь ушел.

Если бы так сильно не хотел трахнуть свою сучку, я бы догнал подонка, чтобы ударить его по дерзкому рту. Когда я вошел в бар повсюду были братья и сучки.

Залечь на дно, да легко.

Практически побежав к своей комнате, я прошел через дверь.

— Детка, я вернулся. Время снова раздеться!

Закрыв дверь, я повернулся к Лиле, но ее там не было. Постельное белье, на котором мы занимались любовью, было на своем месте, но ее нигде не было видно.

— Ли? Ты ванной? — крикнул я в закрытую дверь.

Нет ответа. Я нахмурился, и напряжение началось скапливаться у меня в груди, когда я подошел к ванной и распахнул дверь.

Ничего.

Одежды Лилы больше не было на полу — ее платья и гребаного чепчика.

Мэй. Должно быть, она с Мэй и Мэдди.

Закрыв дверь, я побежал по коридору к комнате Стикса, затарабанив в дверь. Изнутри я слышал ворчание и стоны, затем Стикс выругался и пошел к двери.

Дверь распахнулась, и Стикс застегивал свою ширинку.

— Ч-что? — прорычал он, по выражению лица было видно, что он зол.

— Ли́ла здесь? — спросил я.

Стикс нахмурился и покачал головой.

— Она не в моей комнате. Я вернулся, и ее не было в кровати, а одежда исчезла. Я подумал, что она с Мэй. — Хмурость Стикса превратилась в беспокойство, и внезапно Мэй оказалась у двери, обернутая в одеяло, ее волосы были в беспорядке, а лицо покраснелось.

— Что не так? Где Ли́ла? — спросила Мэй, паникуя.

Проведя руками по лицу, я поднял взгляд и посмотрел на коридор.

— Мэдди?

Мэй нервно кивнула и схватила Стикса за руку.

— Иди туда, Кай, мы оденемся и тоже придем.

Я не мешкал ни секунды и поднялся по дальней лестнице. Пробежав через

металлическую дверь, я начал подниматься по круглой лестнице и заметил, что Флейм сидел наверху. Услышав мое приближение, он спрыгнул со стула, готовый ударить своими клинками.

— Успокойся, нахер, это я, — сказал я, перепрыгивая через две ступеньки за раз. Когда достиг вершины, я сказал: — Лила с Мэдди?

Флейм уставился на дверь, будто мог видеть через нее.

— Не то чтобы я знал.

Развернувшись, я забарабанил в дверь.

— Мэдди! Это Кай. Открывай.

Флейм встал позади меня, практически соприкоснувшись с моей спиной.

— Флейм, пошел нахрен. У меня нет времени на твоё безумие.

— Я никуда не отойду, ублюдок. Должен убедиться, что ты не пугаешь сучку. — Флейм повертел свой нож у моего лица. — Она закричит — я сделаю так, что закричишь ты.

Стиснув зубы, я хотел схватить Флейма, но мое внимание привлекли шаги на лестнице.

— Флейм! Пожалуйста, отойди! — закричала Мэй, вбежав по лестнице в своём обычном топе и черных джинсах; Стикс следовал за ней.

— Мэдди не открывает, а я собираюсь убить этого мудака, если он не отвалит! — зашипел я, не отрывая взгляда от разъяренного Флейма.

— Флейм! Мне нужно попасть к Мэдди и Лиле. Пожалуйста, дай мне пройти! — закричала Мэй.

Псих заворчал в ответ и отступил, его спина ударилась об стену.

Мэй повернула ручку и зашла внутрь. Мэдди стояла посреди комнаты и робко смотрела в сторону дверного проема.

— Мэдди! Лила здесь? — спросила Мэй. Мэдди покачала головой, ее зеленые глаза расширились, когда она уставилась на группу собравшихся в коридоре.

Мэй посмотрела на нас, побледнев.

— Стикс? — прошептала она со страхом на лице.

— Сестра? — прошептала Мэдди со своего места за Мэй, одетая как Лила в уродливое серое платье.

Мэй посмотрела на Мэдди.

— Да?

Мэдди сглотнула, а в ее глазах стояли слезы.

— Где Лила? С ней что-то случилось? — дыхание Мэдди перехватило, она попятилась назад. — Они вернулись за нами? Пророк Давид воскрес и пришел за нами, чтобы спасти? — ее голос становился громче, и она заплакала. — Они забрали Лилу? Схватили ее?

Мэй рванула вперед и обняла дрожащую Мэдди.

— Нет! Они не вернулись. Они умерли, сестра.

Мэдди отстранилась и замотала головой.

— Нет! Пророк Давид говорил, что воскреснет, если его убьют. Его должны были воскресить, чтобы получить возмездие с тех, кто обидел его! Он вернулся, Мэй! Я знаю это, и он забрал Лилу! Мэй, они убьют ее! Они сделают пример из ее побега!

Сейчас Мэдди почти кричала, и Флейм терял контроль позади нас, расхаживая туда-сюда, постоянно бормоча проклятия себе под нос. Я тоже терял контроль, слыша дерьмо, вылетающее изо рта Мэдди. Этот культ практически свел с ума сучек.

Мэй повернула голову к нам, когда пыталась успокоить Мэдди.

— Река. Еще она может быть у реки.

Я побежал вниз по лестнице, прежде чем Мэй закончила предложение. Стикс последовал за мной. Я выбежал на улицу и побежал по двору. АК, Викинг, Ковбой и Хаш вытащили свои Узи.

— Бл*дь! Мы почти пристрелили вас! — закричал АК, но мы со Стиксом не остановились. — Куда вы? — закричал он, но я был слишком занят, прорываясь через линию деревьев, мое сердце ускоряло темп с каждым шагом.

Какого хрена она пошла к реке, после того как на нас напали? Вдруг что-то плохое произошло? Я практически споткнулся, когда запаниковал от мысли, что это могло произойти из-за нашего занятия любовью.

— Дерьмо!

Теперь я мог слышать, как за мной бежало несколько пар шагов, когда я пробирался через деревья, игнорируя низкие ветки, которые хлестали и царапали лицо. Я продолжал пробираться к реке по грязной тропинке, пытаюсь ускориться, когда услышал всплеск воды вдалеке.

— Лила! — закричал я, пробираясь к берегу через толщу деревьев. Но там было пусто. Я подбежал к краю, пытаюсь заглянуть под воду, но течение было сильным.

— Бл*дь! — зарычал я, обхватив голову руками. Стикс схватил меня за руку и потянул. Я встретился с его озадаченным взглядом. — Она, бл*дь, приходила сюда помолиться, чтобы очиститься или подобное дерьмо.

Выражение лица Стикса стало суровым, он выпустил меня и начал искать в воде. Я пробежал почти двадцать пять ярдов и узнал склон, на котором Лила складывала одежду. Опустив взгляд на землю, я исследовал каждый миллиметр... и мое гребаное сердце ухнуло в желудок, когда я увидел белый кусок материала под камнем.

Наклонившись, я потянул материал из-под камня и поднял его — чепчик Лилы.

— Нет! — закричал я, наклонив голову в ярости и сжимая материал в своей руке.

АК, Вик, Ковбой и Хаш появились с Узи в руках, осматривая пространство. Мои колени подогнулись, и прежде чем я понял, я упал на землю, моя голова оказалась между ног.

Стикс сел на корточки рядом со мной и положил руку мне на плечо. Я поднял взгляд и протянул ее головной убор, прохрипев:

— Он, бл*дь, была здесь, През. Была здесь. — Я сжал материал в руке и посмотрел на реку. — Что если она утонула?

На месте моего сердца зияла огромная дыра. Мне казалось, что я не могу дышать. Лила, моя Лила, моя гребаная блондинка святоша.... моя старуха, нахер, пропала.

— Кай! — кто-то закричал, и я увидел, как Стикс поднял голову в этом направлении. Но я мог только смотреть на гребаную реку и думать о своей сучке.

Лила... детка...

Знакомый свист привлек мое внимание. Я посмотрел налево и увидел, что АК присел у другой грязной дорожки, ведущей к малонаселенной глуши.

Подпрыгнув, я побежал к месту, где они собрались. АК поднял голову и указал на грязь.

— Следы. Много.

Сделав рваный вдох, АК встал, прищулив глаза.

— Здесь были люди, Кай, около пяти или шести мужчин, судя по размеру ботинок.

— Откуда ты все это узнал? — спросил Хаш.

— Спецназ, шесть боевых заданий, — ответил АК. — Похоже они были недостаточно

умны, чтобы замести следы. — Он присел на корточки и наклонил голову. — Бл*дь!

— Что? — взревел я.

АК посмотрел на меня.

— Две пары отпечатков более глубокие. — Он встал, придерживаясь края тропы, и прошел около десяти ярдов к деревьям. Он кивнул сам себе и сказал: — Они несли что-то, что придавало им больше веса. — АК встретился со мной взглядом и вздохнул. — Что-то, что весило около пятидесяти килограммов.

— Лила, — прошептал я. — Ублюдки забрали ее.

Злой рев расколол тишину берега. Повернувшись, я увидел, что Стикс был в ярости, его мышцы и рот напряжены. Снова фокусируясь на АК, я пытался держаться и спросил:

— Видишь что-нибудь еще?

АК нахмурился, когда изучал следы, затем его выражение изменилось, и он резко поднял голову.

— Военные ботинки. Какие-то серьезные тяжелые военные ботинки. И курево. — АК поднял недокуренную сигарету и покачал головой. — Все еще чуть теплая, но достаточно холодная, чтобы сказать мне, что кто бы это ни был, он давно ушел с Лилой.

— Кто, бл*дь, будет носить сапоги вроде этих здесь? — спросил Ковбой.

— Н-н-нацики, — раздался голос сбоку. Мы все в шоке посмотрели на Стикса, — он снова заговорил. Вот насколько брат был зол. Его страх говорить был поглощен чистой яростью.

— Он прав. Все эти мрази носят их, — сказал Вик, и я закрыл глаза.

— Отвлечение, — сказала я, сейчас все обретало смысл.

Все взгляды устремились на меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Бл*дь! — закричал Вик.

— Тэнк. Мне нужно поговорить с Тэнком, — сказал я, и побежал через лес. Как только я добрался до двора, Тэнк, Булл и Смайлер уже бежали к нам, их лица были суровыми.

— Тэнк! — крикнул я. — Эти ублюдочные нацики забрали мою сучку.

Тэнк побледнел и запрокинул голову назад.

— Бл*дь!

Все братья начали собираться во дворе, все сердито смотрели на Тэнка, ожидая информатора. Моя кожа была в огне от необходимости преследовать их и вернуть свою женщину назад в свои объятия, где она и должна быть, но я понятия не имел, с чего начать. И что Клан хотел от нее? Откуда, черт побери они узнали, что она была здесь?

— Мой источник, Таннер, слышал, как Лэндри приказал последнему из своих головорезов двигаться против нас, чтобы отвлечь нас взрывом, затем забрать красивую сучку....

Тэнк не решался смотреть на Стикса, который встал рядом со мной, и его глаз дергался. Стикс указал подбородком на Тэнка, сигнализируя ему продолжать.

Тэнк вздохнул.

— Забрать старуху Стикса. Им сказали, что они узнают ее, так как она выглядит как гребаная супермодель. Мэй была целью. Они не знали большего.

В моем разуме мчалось множество мыслей, а адреналин накачивал вены. Бл*дь, должно быть, вот как Флейм чувствует себя все время. Я хотел убивать, замочить каждого ублюдка, кто использовал мою женщину.

Стикс замер рядом со мной, но я знал, что он был на грани потери контроля, готовый идти по следу нациков.

— Что они хотели от нее? Что Лэндри хотел от нее?

Тэнк покачал головой.

— Таннер не знает. Он уверен, что она не в Клане. Похоже, это было похищение ради денег. Запрос из внешнего мира. Кто-то хотел ее и без сомнения заплатил кучу денег Клану, чтобы они сделали грязную работу. Кто бы это ни был, они не хотели, чтобы мы знали, что это они.

Я шагнул вперед, быстро теряя остатки терпения.

— Нам нужно имя, расположение, какая-то информация. Мы не оставим это просто так, мне не сложно напасть на Клан Кисок с огнеметом в руках и арсеналом полуавтоматики, чтобы разбомбить гребаное место.

Тэнк провел рукой по шраму, опустив взгляд на землю, пока все обдумывал. Я не отрывал взгляда от брата, обдумывая оригинальные способы разрезания нацистских плотов. В конце концов Тэнк поднял голову и посмотрел на Стикса.

— Таннер достанет нам эту информацию, и он ходячий мертвец. Мы должны обеспечить ему защиту. Черт, нам придется спрятать его здесь. Они линчуют его, если узнают, что он отказался от них, а зная Лэндри, он узнает. Я не собираюсь потерять лучшего друга, не сделав все возможное, чтобы защитить его задницу.

— Он водит? — спросил Булл.

— Летает как пуля, — немедленно ответил Тэнк. — Сильный ублюдок, а также гребаный гений. Может взломать что угодно, получить информацию о ком угодно в любое время. У брата есть навыки... которые мы можем использовать. У нас больше врагов, чем мы можем сосчитать. Таннер может быть гребаной золотой жилой.

— Какого хрена кто-то подобный в Клане? — спросил Смайлер, вопрос, который я уверен, крутился у всех.

Тэнк прищурился, когда смотрел на каждого брата.

— Его старик привел его в «Белую силу», потому что ненавидел всех вокруг. Он укоренился в техасском клане, не зная ничего другого. Не уверен, в какой бы они оказались жопе, если бы он ушел. Он их золотой ребенок.

— Кто его старик, Гитлер? — Вик попытался пошутить, но Тэнк стиснул челюсти и покачал головой.

— Его семейная история не доступна обществу и ему именно так и нравится.

Стикс перестал быть статуей и шагнул вперед, показав:

«В первую очередь ты Палач, а во вторую друг этой расистской крысы, поэтому тебе лучше поделиться. И, брат, это не просьба».

Впервые я видел, чтобы Тэнк разозлился на Стикса, но зная, что Стикс не потерпит херни, он ответил:

— Иногда, ты гребаный придурок, Стикс. Хренов придурок! Я поклялся, что никогда не расскажу!!! Парень сделал многое для меня, когда я хотел выбраться из Клана, и если бы не он, я был бы у гребаного лодочника и горел в аду, — прошипел Тэнк.

Стикс остался стоять, скрестив руки на груди, на его лице было суровое, выжидательное выражение.

Никто в клубе не шутит с Немым Палачом.

— Бл*дь! Хорошо. Его старик... губернатор Айерс, — выплюнул Тэнк холодно.

— Губернатор Айерс — нацист? — спросил я натянуто, глаза Стикса расширились. Парень контролировал весь Техас. И мы платили ему тонны зелени каждый год, чтобы он закрывал глаза на наши дела. Черт, мы собирались войной на «Белую силу», а копы и федералы внезапно стали нападать на нас с каждого угла.

— Гребаный Великий магистр Ку-клукс-клана в Техасе, — сказал Тэнк. — Парень — один из лидеров всей Америки.

— Бл*дь! — выплюнул Вик, и плечи Тэнка поникли.

— Что? — спросил я Тэнка.

— Это не все.

«Тогда, бл*дь, говори!» — показал Стикс, его терпение уходило, и клянусь, Тэнк на самом деле пытался отправить своего Преза к лодочнику. Булл положил руку на плечо Тэнка, прикрывая его, пока Стикс ухмылялся, дразня брата предпринять какие-то шаги.

Какой-то ублюдок хотел похитить Мэй. Стикс не хотел, чтобы им играли сейчас... также как и я. Я был со Стиксом во всем. Ублюдки этого клана похитили мою сучку.

— Младший брат губернатора Айерса — Джон Лэндри... Лэндри — дядя Таннера. Настоящее семейное дело.

Братья разразились недоверчивыми тирадами и приступами ругани, но устав от этого дерьма, я протолкнулся мимо Стикса и встал лицом к Тэнку.

— Достаточно этой хрени! Притащи этого нацистского брата сюда... сейчас же! Мы получим нужную информацию, затем ударим по ублюдкам. Мы вернем Лилу, защитим Мэй и Мэддс, затем разберемся с последствиями. У нас больше связей, чем когда-нибудь будет у этого ублюдка. Палачи не просто общенациональные, мы, бл*дь, интернациональные. У нас столько связей, о которых магистр может только мечтать. Мрази должны бояться нас. Мы гребаные Палачи!

Братья вокруг меня метались из стороны в сторону, бормоча согласие, сжав кулаки — они все были злы и были со мной.

Я посмотрел через плечо на Стикса.

— През? Ты в игре?

Глаза Стикса пылали огнем, и он кивнул. Я обошел каждого брата, все закивали в согласии. Флейм стоял сзади, брат только что вошел во двор. Он уже расхаживал туда-сюда, желая мести, каждая мышца в его теле напряглась от ярости. Кровожадная улыбка на его лице — на его деснах можно было прочесть «БОЛЬ» — сказала мне все, что я хотел знать. Но затем я заметил кого-то за Флеймом, кого-то с черными волосами и волчьими глазами... крошечная сучка, чье сердце было разбито.

— Мэй, — сказал я раздраженно. — Ты не можешь быть здесь. Ты знаешь это. Клубные правила.

Услышав, что я произнес имя Мэй, Стикс пробрался через братьев, чтобы обнять свою сучку. В ее огромных глазах стояли слезы, когда она смотрела на него.

— Кто-то забрал Лилу? — спросила она с опустошением в голосе.

Я чувствовал, как мое сердце надломилось вместе с ее, прямо посередине. Дерьмо. Вот почему старух отсылали подальше. Им не нужно было ничего знать до определенного момента.

Стикс кивнул своей старухе с опаской, и я смотрел, как он показывает:

«Мы вернем ее, и мы убьем мразей, ответственных за ее похищение. Детка, я клянусь, мы вернем твою сестру».

Мэй с трудом сглотнула, увидев, что ее мужчина так зол. Она отвела взгляд. Затем встретила со мной взглядами. Еще больше слез скатились по ее щекам, и она вытянула руку, жестом показывая мне взять ее.

Стикс хмуро наблюдал за этим и резко дернул подбородком, чтобы я подошел ближе. Прочистив горло от огромного кома, я медленно двинулся вперед и взял дрожащую руку Мэй, облизав губы, когда нервно встретился с ней взглядами. Все братья затихли... даже Флейм.

«Кай, соберись, бл*дь», — сказал я сам себе. — «Соберись ради своей женщины. Ты вернешь ее. С ней не случится ничего плохого».

— Кай? — сказала тихо Мэй, пока я ждал, что она разорвет меня на куски. — Верни ее нам. Мне, Мэди... себе... — она затихла, и я подумал, что она впала в ступор или подобное дерьмо. Мэй предупреждала меня держаться подальше от Лилы больше раз, чем я мог сосчитать, но сейчас она давала мне благословение?

Какого...

Чертовски грустная улыбка тронула губы Мэй.

— Ты любишь ее.

Это был не вопрос, и мы знали, что это гребаная правда. Да, я променял киски клубных шлюх на эту женщину. Черт, она владела мной, пробралась мне под кожу... женщина получила больше, чем просто мой член.

— Да, бл*дь, так и есть, — прохрипел я. — Больше чем свою гребаную жизнь. Эта сучка для меня все. Все на гребаном свете.

Мэй сжала мою руку, и с дрожью выдохнула в облегчении.

— Она тоже тебя любит.

В моей груди было так стянуто, что я не мог сделать гребаный вдох. Она любила меня. Любила меня. Она любила меня.

— Ты спасал ее, Кай. День за днем, ты спасал ее, я видела это. Сначала мне это не нравилось, я думала, что в итоге ты ее обидишь, но это не так. В действительности ты совершил невозможное. — Внезапно у нее перехватило дыхание, и, найдя силу где-то внутри, она продолжила: — Лиле необходимо, чтобы ты снова спас ее, Кайлер. Ты должен спасти ее жизнь... Мы все должны. — Мэй опустила взгляд и прошептала: — Умоляю тебя спасти ее.

Потянувшись, я прижался в поцелуе к тыльной стороне ладони Мэй и сказал:

— Обещаю тебе, сладкая. Я спасу свою женщину... или, бл*дь, умру, попытаюсь.

16 глава

Лила

— Просыпайся, просыпайся, блондиночка!

Я проснулась, дернувшись. Сильный запах аммиака наполнил мои ноздри, вынуждая меня сесть и избежать гнилостного зловония.

Каждая частичка моего тела болела. В моей голове гудело, я пыталась открыть глаза, но была не в состоянии двигать руками и ногами, так как они были связаны веревкой.

Я распахнула глаза, и мое сердце забилось быстрее, когда сильный мужчина с реки сел

рядом со мной, дерзко улыбаясь.

Мужчина с сальными, лохматыми каштановыми волосами потянулся вперед и провел своей сухой губой рукой по моей ноге. Слезы защипали мои глаза.

Внезапно в задней части жестяной коробки раздался громкий стук, и я осознала, что была в фургоне.

— Готовьтесь. Покупатели будут в два.

Покупатели?

Нахмурившись, я вернула свое внимание на мужчину передо мной. Мужчина, который ласкал мою ногу, тяжело задышал и разорвал прикосновение. Я медленно выдохнула, чувствуя облегчение, когда он подал сигнал своим людям выйти из фургона.

Двери открылись и сразу же закрылись, оставляя меня в ловушке темного автомобиля. Я усиленно пыталась придумать, что делать. Кто эти мужчины? Чего они хотят от меня? Какова будет моя судьба?

Зажмурив глаза, я пыталась подавить рыдание, поднимающееся по моему горлу, но попытка оказалась неудачной, когда всхлип сорвался с моих губ, и из моих глаз водопадом полились слезы. Они собирались убить меня? Или... взять меня против воли?

Передо мной промелькнуло лицо Кая, и сорвался еще один всхлип. Он будет меня искать? А Мэй и Мэдди будут бояться? Кто-нибудь из Палачей знает, где искать? Они знают личности моих похитителей?

Ведь они не знают... Я потерялась для них. Они не знают, что я пошла к реке помолиться. Кай... Кай решит, что я сбежала....

Внезапно с громким лязгом металла двери фургона открылись, и мужчина с каштановыми волосами, который трогал мою ногу, вытянул свою сильную руку и обхватил веревку на моих ногах.

Я пыталась отстраниться, но было некуда. Сильно потянув, мужчина потащил мои ноги вперед, затем агрессивно вытолкнул меня из фургона, выбрасывая через двери. Я ударилась о гравий с глухим стуком, оцарапав щеку.

— Вот, красивая сучка, найденная на территории Палачей, — кратко сказал мой похититель. Услышав звук шагов у своей головы, я подняла голову, и увидела, что меня окружили несколько мужчин, но со своего положения я не могла видеть, кто это.

Ощувив руку на своих волосах, я напряглась.

— Это не она! — кто-то сказал сердито. — Вы должны были забрать женщину с черными волосами, женщину Стикса, Президента!

Страх помчался по моим венам.

Мэй? Похитители должны были забрать Мэй.

— В нашей инструкции было сказано забрать самую горячую сучку из лагеря. Мы все согласились, что это она. Сучка сама плыла к нам в руки. Спустилась к реке, бормоча религиозное дерьмо, буквально ожидая, что мы покажемся.

Сильные пальцы схватили мое предплечье, и меня потянули на ноги. Болезненно завопив, я зажмурила крепко глаза, когда агония прострелила мою руку. Я неуверенно покачнулась, когда боролась за равновесие на связанных ногах.

Тишина охватила меня, за исключением гула сов и стрекота сверчков. В тишине мое тяжелое дыхание было похоже на ураган. Я смело открыла глаза, и весь воздух из моих легких покинул меня, оставив пустой, пораженной... в полном шоке.

Пять людей смотрели на меня. Пять мужчин, одетых в белые туники, с длинными

волосами и бородами разных цветов. Пять лиц, которые я узнала, их личности отпечатались в моем мозгу. Но двое из них были на одно лицо... я была в замешательстве.

Я опустила взгляд и дрожащим голосом поприветствовала:

— Отец, брат Лука, брат Мика, брат... — я затихла, не зная, что сказать в приветствии другим мужчинам.

Кто-то положил палец мне под подбородок и приподнял лицо. Я встретила с карими глазами брата Каина. Но его взгляд был резче, чем когда я последний раз видела его несколько месяцев назад. Его линия рта казалась более суровой. Казалось, он сам изменился.

— Б-брат... Каин, — прошептала я.

Брат Каин покачал головой и обнажил зубы.

— Я брат Иуда, шлюха. — Он указал позади себя на другого мужчину, другого брата Каина. — Это твой новый Пророк, мой близнец... пророк Каин.

Резко выдохнув, мои глаза расширились. Пророк Каин вошел на свое место? Пророк Каин... выжил? Мы все верили, что он...

Пророк Каин сделал шаг вперед, прервав мои мысли. Его черты лица казались менее резкими, чем у его близнеца, но меня было не одурачить. Мэй рассказывала мне про Каина, мужчину, которого она знала, как Райдера.

Пророк Каин положил руку на плечо брата Иуды и тот отступил. Пророк повернулся ко мне и спросил:

— Ты помнишь меня, сестра?

Я опустила взгляд и ответила:

— Да, мой господин. Хотя и я встречала вас только единожды, я помню.

— Ты Окаянная? Ты Далила? Я прав? — вздрогнув на это имя, я неохотно кивнула.

— Да, мой господин. Я соблазнительница, грешница.

— Вы знаете эту женщину, братья? — пророк Каин спросил мужчин позади себя.

Мурашки поползли по моему позвоночнику, и внезапно меня затошнило в ожидании ответа.

— Да, Господин, — ответил кто-то. Раздался кашель, когда говорящий прочистил горло. — Прежде она была моей дочерью, пока не соблазнила брата Луку и Мику, и пророк Давид провозгласил ее Окаянной. Дьявол лег с ее матерью в постель. Мы не узнали этого, пока ей не исполнилось шесть. Она олицетворяет грех.

— Шлюха Рапунцель, — злобно сказал брат Лука.

— Братья, успокойтесь, — сказал пророк Каин, казалось, его раздражали тоны братьев, прежде он повернулся и протянул мне руку. — Пойдем, сестра. Тебе лучше вернуться с нами, чтобы воссоединиться со своими новыми людьми в нашем новом доме.

Не в состоянии спрятать свое удивление, я подняла голову и встретила взглядом с братьями. Я спросила:

— Наши люди? Они выжили? У нас все еще есть община? Мне сказали, что все погибли.

Брат Иуда шагнул вперед и схватил меня за длинные светлые волосы. Я отказывалась громко кричать. Меня наказывали. Я обращалась не по очереди к старейшине и меня наказывали.

— Слушай меня, шлюха! Наши люди выжили, и мы сильнее, чем были. Господь привел тебя обратно к нам и забрал от нечистых людей, с которыми ты жила во грехе. Твоя душа может быть спасена только Богом и избранными людьми. Мы, твои люди, крепко сплочены и в крестовом походе во имя Бога.

Пророк Каин сделал шаг вперед и убрал руку Иуды с моих волос.

— Иуда! Успокойся!

Брат Иуда отпустил меня, и мой скальп запульсировал. Я бросила благодарный взгляд на Пророка Каина.

— Мои извинения, сэр, — пробормотала я, и внезапно на меня нахлынули эмоции.

Наши люди выжили. Они могут избавить меня от моего зла и спасти. Наконец, я смогу избавиться от порожденного дьяволом греха... Но я могла думать только о Кае — его красивом лице, улыбке, длинных светлых волосах, в которых я запутывалась пальцами, его мягкой бороде, пронзительных голубых глазах... улыбке... красивой улыбке, которая была только для меня. Боже, Кай! Я хотела его...

— Где Саломея?

Я снова встретила взглядами с пророком Каином.

— Отвечай мне, сестра. Где Саломея? Она все еще в лагере? А Магдалена? Она там? Тоже в плену у этих грешников?

Я долго смотрела на него, не желая говорить. Секунды шли, но мой рот не открылся. Внезапно меня ударили по лицу, удар был ослепляющим. Я видела только звезды.

— Говори с Пророком Господнем, шлюха! — Я подняла голову, увидев, что брат Мика смотрит на меня со злостью. Он так сильно изменился. Маленького мальчика, которого я называла своим другом, больше нет. Его место занял суровый злобный мужчина.

Но я не буду говорить. Мэй и Мэдди... Я должна защитить своих сестер.

В глазах Пророка Каина загорелся огонь, когда он посмотрел на Мику, а затем повернулся лицом к брату Иуде.

— Мы отвезем ее в Сион и повторно попробуем вернуть Саломею и Магдалену. Откровение должно быть выполнено! — затем пророк Каин повернулся к другим братьям. — Не бейте ее снова. Она будет сотрудничать, если не будет избита.

Брат Лука кивнул, затем шагнул ко мне и взял меня за связанные запястья, потянув вперед. Мой отец встал с другой стороны от меня, и мое сердце заныло от боли. Он был моим отцом, он отрекся от меня. Прямо сейчас он смотрел на меня так, будто видел дьявола перед собой.

Я ничего не значила для него. Я ничего не значила для него. Он действительно отрекся от меня, и глубокое чувство отвержения заполнило мои внутренности.

— Эй! Что насчет наших денег! — позади нас закричал мужской голос, когда мой отец и брат Лука начали тащить меня в густой лес, мои все еще связанные ноги волочились по земле.

Я наблюдала, как брат Иуда сделал к ним шаг вперед и подал какой-то сигнал брату Мике. Брат Мика потянулся к своей тунике и вытащил оружие, открыв огонь по шести мужчинам, похитившим меня, их тела разрывали пули, и кровь сочилась на землю — они были мертвы.

Я закричала, когда мужчины один за другим падали на землю. Брат Лука накрыл мой рот рукой.

— Тише, шлюха Рапунцель! Эти мужчины грешники и заслужили смерти! Это была Божья воля.

Пророк Каин стоял рядом с нами с пустым выражением на лице, но я уловила легкий прищур глаз, который показывал мне, что казнь этих мужчин, возможно, беспокоила его. Братья Иуда и Мика присоединись к нам.

— Сообщи Лэндри, что мужчины обезврежены, и он получит плату через час, — брат Иуда сказал брату Мике.

Брат Мика кивнул и побежал в лес, но остановился, оглянулся на нас и спросил:

— Мой господин, с вашего разрешения я бы хотел быть старейшиной, назначенным на Окаянную Далилу. Хотел бы продолжить дело брата Ноя.

Нет, нет, нет!

Мой взгляд метнулся к пророку Каину, который с прищуром наблюдал за мной. Он ждал ответа, как будто обдумывал его в своей голове. Взглядом я умоляла его сказать нет, но брат Иуда встал рядом с ним.

— Брат. Она Окаянная. Откровение пророка Давида говорило, что ей нужен старейшина, который направит ее на путь спасения. Барт Мика старейшина. Ты должен позволить ему взять на себя эту роль.

Мой отец, брат Люк и брат Мика смотрели на меня с любопытством, и я видела, что брат Иуда был обеспокоен задержкой ответа пророка Каина.

Иуда прошипел что-то на ухо Пророку и тот посмотрел на меня, затем опустил взгляд. В конце концов он махнул рукой брату Мике.

— Согласен, Мика. Ей необходимо очищение. Ты станешь ее наставником.

Брат Мика вздохнул с благодарностью. Когда он посмотрел на меня, то улыбнулся.

— Спасибо, господин. Я посвящу все свое время ее спасению.

Мои ноги подогнулись, а голова закружилась. Нет! Брат Мика продолжит начатое братом Ноем. Брат Мика будет моим наставником. Он может силой взять меня для Дани Господней... Нет, нет! Я не могла... Я не хотела, чтобы он ко мне прикасался.

Страх овладел мной, и я попыталась бежать, но отец и брат Лука крепко держали меня.

— Нет! Пожалуйста! — умоляла я.

Внезапно передо мной возник пророк Каин.

— Достаточно! — приказал он, затем сделал глубокий вдох, из-за чего мой крик застрял в горле. — Сейчас ты возвращаешься к своему народу, Далила. Ты не хочешь, чтобы твоя душа была спасена? Это единственный способ. Ты не понимаешь этого?

Когда я смотрела на Пророка Каина, то видела искренность и веру в его глазах.

— Пророк Каин, не потворствуйте ей. Ее внутренний дьявол пытается вас соблазнить, — сказал мой отец, и мне казалось, будто меня ударили ножом в спину. Пророк Каин поднял руку, чтобы остановить его протест.

— Ну, так что? — давил пророк Каин. — Ты хочешь продолжить жить с испорченной душой или хочешь присоединиться к Господу? Освободиться от своего греха, статуса искусительницы и быть свободной?

Выдохнув, я кивнула. Потому что на самом деле хотела этого. Я хотела сделать что угодно, чтобы освободить свою душу. Я хотела, чтобы мужчины хотели меня, а не мою внешность. Мое сердце распирало, когда я думала о своем самом большом желании... чтобы Кай любил меня, не светлые волосы, глаза и мой рот... Я хотела, чтобы он желал меня без чарующего заклинания, под которым он был.

— Да, — прошептала я пророку Каину. — Я желаю, чтобы моя порожденная Сатаной душа была спасена.

Порок Каин кивнул, триумф плескался в его карих глазах.

— Значит, ты должна вести себя как женщина. Ты должна быть покорной, кроткой и послушной. И ты должна соблюдать наставления брата Мики и стремиться избавиться от

***

Ничего подобного я и не представляла. Люди и здания были разбросаны повсюду. Высокие сооружения, фермы и дома были повсюду. В поле зрения.

Община Пророка Давида была маленькой деревней, Новый Сион был огромным городом.

Если старейшины и ученики пророка Давида были гвардией, то тысячи людей, которые бдели на границах Нового Сиона, были армией.

Стало очевидно, что место, в котором я выросла, было в прошлом. Очень организованный и очень богатый Новый Сион возвысил моих людей.

Пророк Каин готовил избранных Богом к апокалипсису.

Когда брат Лука и мой отец пронесли меня через линию деревьев к общине, место загудело. Люди, высокие и низкие, толстые и худые, молодые и старые, стояли и смотрели на меня, разинув рты, прищулив глаза, пока меня тащили.

Шепотки из их ртов уносил ветер и доносил до моих ушей.

— Смотрите! Окаянная! Я слышал истории, но не видел ни одну во плоти.

Матери сдерживали своих сыновей подростков.

— Не смотри ей в глаза, сын. Она соблазнит тебя. Она отдаст твою душу Сатане, после того как соблазнит тебя своим взглядом.

Старые члены общины сердито смотрели на меня, протягивая руки к небу, чтобы спасти мою душу. Все это время пророк Каин шел рядом со мной, гордясь своей поимкой, благословляя своих последователей, улыбаясь, когда они прислуживали и бросались к его ногам. Они молились Богу, распростершись на земле.

Вспомнив свой старый дом, меня наполнило чувство пустоты. Я была в замешательстве. Вот чего я всегда хотела: быть со своими людьми и спастись от врожденного проклятия соблазнительницы. Я хотела жить в общине, подальше от грешного мира, подальше от жителей Сатаны, оккупировавших землю. И я хотела жить под твердой рукой пророка Господня. Я хотела быть спасенной, к тому времени как настанет конец дней, чтобы Бог принял меня в свои объятия, и жить под его боком на Небесах.

Но я проходила мимо своих людей, — которые смотрели на меня с отвращением или даже презренным страхом, — и чувствовала себя чужаком, иноземкой на этой священной земле. Я осознала, что во внешнем мире меня никогда ни к чему не принуждали. Никто не хотел меня изменить, они хотели, чтобы я была счастлива: Кай, Мэй, Стикс, АК, Ковбой, Хаш и даже Викинг. Они хотели, чтобы я чувствовала себя там как дома. Все это время я думала, что они пытались испортить меня. Сейчас часть меня подвергала сомнению мои ранее незыблемые убеждения.

Я никогда не чувствовала себя настолько одинокой как сейчас. Никогда не была в таком замешательстве. Я хотела вернуться к своему народу и Пророку, но сейчас, находясь здесь, я желала оказаться в объятиях моего Кая. И это была печальная правда. Я думала об этом разрушительно красивом, готовым защищать, но тем не менее грешном мужчине, как о своем собственном. Он взял кусок моей испорченной души... моего сердца... и сделала себя частью меня. Он был в каждой моей клеточке, моем сознании. Он просто был частью меня.

Опечалившись, я опустила голову, но не могла избавиться от этих мыслей и не желала

больше видеть неодобрительные взгляды своих людей, поэтому уставилась на длинную, зеленую траву под своими ногами, пока эта зеленая трава не превратилась в серый булыжник, пока этот булыжник не превратился в деревянный пол моих новых покоев.

Брат Лука и отец неожиданно остановились в скудно обставленной комнатухе и бросили меня на кровать. Я ударилась о матрас и попыталась сесть, показывая свое почтение старейшинам.

Подняв свой тяжелый взгляд, я увидела, что отец и брат Лука смотрели на меня. Они стояли бок о бок, оба значительно постарели. У обоих седые волосы, морщины на лицах, которых не было, когда я была ребенком. Они оба набрали вес. В глазах отца был легкий молочный оттенок, затмившую бывшую там прежде синеву.

Брат Лука покачал головой и положил руку на плечо моего отца.

— Ну, Исайя, мы не могли оказаться более правы. Эта... эта блудница несомненно Окаянная. Огромные глаза, роскошный рот. Она чересчур соблазнительна. В действительности, я борюсь с желанием соединиться с ней, пока мы говорим.

Испуганный крик сорвался с моих губ, и я отползла подальше на кровати.

Брат Лука покачал головой и выругался.

— Я должен уйти, пока не поддался, — все, что он сказал, прежде чем вышел за дверь и закрыл ее за собой.

Мой отец все еще пялился на меня, и я не могла ничего поделать, но думала обо всех тех разгах, когда он пробирался ко мне в кровать, когда я еще была ребенком, обнимал меня и гладил мою кожу. Не могла не думать о том, как он усаживал меня к себе на колени, запирая всех моих братьев и сестер в другой комнате, и водил руками по моим волосам. И я не могла не думать о том времени, когда он сказал мне мыться с ним в ванне, где брал мои руки и...

Я взглянула на отца, и волна гнева охватила меня. Он приподнял брови, очевидно, заметив смену выражения, когда я прошептала:

— Какой отец заставит свою шестилетнюю дочь трогать его... интимные части? Какой отец будет распутно гладить свою дочь?

Отец выпучил свои глаза и вся краска отлила от его лица.

— Как ты смеешь? — прошипел он, но я покачала головой, молясь, чтобы слезы, скопившиеся в уголках моих глаз, не полились по щекам.

— Как. Ты. Смеешь! — я повторила его слова с силой в голосе, которую не ожидала. — Ты превратил чистые отношения в грязные. То, что ты делал со мной, было неправильным и нечистым!

Зарывав от ярости, мой отец наклонился вперед и ударил меня по щеке, мой рот мгновенно наполнился кровью. Я смотрела ему в глаза, когда он говорил:

— Ты — настоящее зло, Вельзевул! Ты соблазнила меня, вошла в мои сны и заставила меня думать только о тебе, о том, чтобы взять тебя так, как мужчина должен брать женщину.

Раздраженная, я сжала связанные руки в кулаки.

— Нет, отец, я не соблазняла тебя. Ты ошибаешься. Ты заставил меня думать, что именно так каждый отец обращается со своим ребенком. Но я узнала, что это не так! Это грешно... аморально!

Лицо моего отца вспыхнуло красным и, выходя из комнаты, он объявил:

— Я с нетерпением жду, когда Мика начнет изгнание злых сил из тебя. Этот демон, зло, живущее в тебе, должно быть изгнано из твоей души раз и навсегда. В противном случае ты перейдешь к следующей жизни, где Бог осудит тебя, так же как твою мать, которая спала с

Сатаной, чтобы создать тебя!

На это раз кровь отлила от моего лица, и я начала яростно дрожать.

— Моя... моя мать? — спросила я, и увидела выражение триумфа на лице отца.

Когда он ухватился за дверную ручку, его глаза вспыхнули.

— Твою мать осудили и признали виновной в колдовстве и связи с Темным Лордом.

Она приветствовала Сатану в своей постели, и, соединившись с ним, они создали тебя. Она была признана виновной в ереси и заплатила справедливую цену. Теперь она вечно горит в аду.

Он открыл дверь и оглянулся.

— Ты покинула общину один раз, Далила, но снова не сможешь сбежать. Новый Сион — это крепость, которая защищает наш народ от злодеев внешнего мира. Ты Окаянная, ты принадлежишь этому месту и нам ради собственного спасения. Не пройдет много времени, прежде чем Господь вернется за всеми нами. Порок Каин раскрыл это нам, и когда Бог это сделает, тебе лучше молиться, чтобы брат Мика успел очистить твою испорченную сущность.

Когда дверь захлопнулась, я затряслась от страха. Веревки жгли мою кожу, крепко удерживая запястья и ноги. Оглядев комнату, я не увидела ничего знакомого. Эти покои были симпатичнее, чем те, в которых мы выросли с Беллой, Мэй и Мэдди. Стены были сероватого оттенка, здесь также были длинные шторы на широких высоких окнах и деревянные полы под моими ногами. Я чувствовала себя пленницей в золотой клетке.

Свернувшись на белом покрывале, я позволила себе разрыдаться. Я была расстроена, потеряна. Я хотела оказаться с Мэдди и Мэй. Хотела говорить с ними, смеяться, но прежде всего... я хотела к Каю. Я проклинала себя за то, что побежала к реке после нашего занятия любовью, после того как он провозгласил свою любовь ко мне. Проклинала себя за то, что не боролась со своими захватчиками. Что не закричала, не предупредила Палачей. Но даже сейчас, когда я лежала на этой незнакомой кровати, в этой незнакомой комнате в новой и незнакомой общине, мое сердце будто протыкали кинжалы. Я любила Кая... и эта любовь была чистой, неприкрытой, но его любовь была уловкой, заклинанием, следствием того, кем я была... всегда буду?

Как бы ни было трудно для меня признать, я знала, что нахожусь среди своих людей... своих спасителей... в месте, в котором должна быть. Несмотря на то, что мое сердце разбивалось все больше с каждой секундой, я должна быть здесь, в Новом Сионе... должна спастись от своего греха. Только так я узнаю, сможет ли Кай действительно полюбить потерянную девушку за фасадом моей внешности.

17 глава

Кай

Стоя у входа на территорию, я вытащил сигарету и сделал длинную, приятную затяжку, наблюдая за задними воротами как гребаный ястреб.

Засунув руку в карман, проверил время на телефоне. Прошло четыре часа, четыре гребаных часа с тех пор, как эти сраные ублюдки забрали мою женщину, и мы понятия не имели куда. Нацистский дружок Тэнка должен был появиться в любое время с

разведданными, и как только мы получим все, что нам нужно, я разорву глотки ублюдков, вырву их конечности от отпетых мразей. Может, я и выгляжу как красивый ублюдок, но я красивый ублюдок с нулевым угрызением совести и явным отсутствием сраной морали.

Рядом со мной раздался кашель, и я увидел Стикса. Он вытащил сигарету, прикурил и смотрел за воротами со мной.

— С-с тобой в-все в п-порядке? — спросил он, выдувая дым и делая еще одну долгую затяжку.

— Мне станет лучше, когда дезертир Клана появится здесь и расскажет, где моя сучка.

Стикс кивнул, и мы прислушивались к тихой дороге, посредине глухомани Остина, где не было ни души. Я снова проверил телефон, прошло только пять минут.

Бл*дь.

Я не мог успокоиться, не мог справиться с этим дерьмом. Что если эти ублюдки насилуют мою сучку? Что если они трахают ее снова и снова, наслаждаясь криками, возбуждаясь от ее страха... Или, что если они убивают ее? Что если они хотели отправить сообщение Палачам, отправить одну из наших сучек к лодочнику, чтобы взбесить нас?

Они хотели войны? Контролируемую нами территорию? Они планировали продавать оружие? Наркотики?

— Т-ты с-слишком много д-думаешь, б-брат, — заикался Стикс. — Не к-кипятись т-так с-сильно.

Проведя рукой по длинным волосам, я бросил сигарету на землю и зажег еще одну раковую палочку.

— Тогда скажи мне, какого хрена думать, брат. Потому что, бл*дь, прямо сейчас я схожу с ума. У них моя женщина, Стикс, моя гребная женщина. Я не любил ни одну женщину в своей жизни, кроме матери и сестры. Я никогда не думал, что у меня будет старуха. Думал, что Тэнк, Булл и ты просто плаксивые сучки, которые сделали неправильный выбор, отказавшись от всех кисок, которые приходят к нам.

Я сделал еще одну затяжку, ощущая, как Стикс наблюдает за мной, и добавил:

— Я трахался как гребаный бог, лизал киски как долбаная сексуальная игрушка, и мог трахаться часами, Стикс, часами. Ты знаешь, что наши старики были мразями, но я был согласен с ними в одном. Киски нужно хорошо лизать и жестко трахать — никогда не поклоняться. Но, бл*дь, мужик, Лила, моя невинная и сумасшедшая блондинка святоша выбила почву у меня из-под ног. Черт, построй мне гребаный храм для этой сучки, и я буду поклоняться ей. Она чертовски околдовала меня, Стикс, и дело не только во внешности. Это просто исходит от нее. — Моя спина ударилась об стену, и я подумал, что моя грудь взорвется от давления в ней.

Стикс прислонился к противоположной стене, и по его выражение лица я видел, что брату было тоже больно за меня, свою женщину и за весь чертов клуб. Эти три сумасшедшие сучки проникли в сердца братьев.

Пялясь на ворота, мое зрение размылось, и я сказал:

— Впервые за мои жалкие двадцать семь лет существования на этой богом забытой земле, я заботился о чем-то кроме клуба, свободы на дороге и моих братьев. Теперь какой-то ублюдок может отобрать это все у меня до того, как у меня и моей старухи появился шанс.

Стикс приподнял бровь.

— С-с-т-таруха?

Мои глаза распахнулись, когда я осознал сказанное. Я посмотрел на Стикса, он будто

мог видеть сквозь меня.

— Да... Бл*дь! — прохрипел я. — Так и есть, Стикс. Я хочу Ли целиком и полностью: в моей кровати, на моем байке, в моем долбаном сердце. Дерьмо, я присоединился к потерянными подкаблучникам! — я пытался пошутить, но страх за Лилу оттеснял любой юмор.

Стикс бросил сигарету на землю и сделал три шага, встав передо мной. Я посмотрел на брата — моего лучшего друга, — и видя опустошение на моем лице, он обнял меня за шею и притянул к себе.

Я, бл*дь, расклеился почти как киска.

Оттолкнув меня, Стикс обхватил мои щеки и отпустил меня, чтобы показать:

«Я, бл*дь, просил тебя присмотреть за Лилой, чтобы ты смог узнать ее больше, чем просто ее внешность. Я видел то, как ты смотрел на сучку и видел, как она смотрела на тебя. Я видел искру, но знал, что ты самая настоящая шлюха, чтобы хотеть ее больше, чем просто для траха. Я не мог позволить тебе сделать это с ней».

— Так какого хрена изменилось?

Он пожал плечами и потер подбородок, прежде чем заговорил:

«Подумал, что если подтолкну вас друг к другу, ты быстро втянешься. И так и случилось, брат, сучка в мгновение ока обвела тебя вокруг пальца, так же как Мэй меня. Но когда ты отказался от сучек, которых привык трахать и твои грязные оргии подошли к концу, я понял, что это было из-за Лилы. И я хотел тебе того же, что есть у нас с Мэй, Кай, ты заслуживаешь быть с хорошей женщиной. В этой жизни, когда рядом с тобой и на заднем сиденье твоего байка хорошая женщина, все меняется, когда настанут плохие времена. Поверь мне, Мэй — моя гребаная линия жизни в этой гребаной яме, которой мы живем. Она все для меня».

Слезы застилали мои глаза, и я схватился за жилет Стикса.

— Мне нужно вернуть ее, През. Не уверен, что буду делать, если потеряю ее. Я изменился, она изменила меня. Я под ее гребаными чарами, и чертовски уверен, что не избавлюсь от них.

Стикс вздохнул и взял мое запястье.

— Я об-бещаю. М-мы в-вернем ее.

Я опустил голову и втянул долгий вдох, когда внезапно на дороге раздался рев Харли.

— Подъезжает! — крикнул смотрящий и начал открывать ворота. Секунду спустя показались три байка: Тэнк, Булл и, как я предположил, наш новый рыцарь, которого мы должны защищать от Ку-клукс-клана.

По крайней мере, он гонял на Фэт Бой⁸, это принесло ему пару очков.

Тэнк прыгнул на землю и пошел к нам вместе с Буллом, а скинхед шел сзади. Парень был крепкого телосложения, но побрит налысо, и на его теле было больше свастики, чем у Гитлера в Рейхстаге.

Когда Таннер Айерс подошел ближе, пялясь на нас со Стиксом, как охотник наблюдает за своей добычей, я понял, что мужик был гребаным гигантом. Как минимум сто восемьдесят пять сантиметров роста и около ста килограммов.

Тэнк встал внизу лестницы, держа рюкзак. У Таннера был точно такой же. Тэнк указал на Таннера.

— През, Кай, это Таннер. — Тэнк повернулся к Таннеру. — Это президент «Палачей» Стикс и его ВП.

Таннер шагнул вперед, все мышцы на его теле и лице были напряжены, он был одет в безрукавку и джинсы. Он был крутым ублюдком. Стикс дернул подбородком в приветствии, и Тэнк посмотрел на Таннера.

— Он немой. Не говорит ни с кем, кроме своей старухи и Кая.

Таннер резко кивнул, жест мужчины, который выполнял приказы всю свою жизнь.

— Немой Палач, — сказал он, указывая на Стикса.

Спустившись с лестницы, я встал лицом к лицу с нациком. Он не дрогнул, когда я вытащил сигарету и расположил ее между губами, поджег, затем выдохнул дым ему в лицо. Схватив сигарету своим большим и указательным пальцем, я сказал:

— Итак, нацик, расскажи мне. У тебя проблема с моим братом, Буллом?

Таннер стиснул челюсти, его голубые глаза вперились в мои, и он стиснул зубы.

— Нет.

Посмотрев через плечо на Булла, я прищурился. Булл был лучшим другом Тэнка, но прямо сейчас он стоял как истукан рядом с этой неонацистской мразью. Его трайбл-татуированные руки были скрещены на груди, а все тело напряжено.

Шагнув к Таннеру так, что носки моих ботинок встретились с его, я сказал:

— Булл — Маори. В его крови нет ничего арийского. Никаких огненных крестов и ничего англо-саксонского не течет в его жилах. Поэтому спрошу снова. Ты уверен, что у тебя не будет проблем с нашим темнокожим племенным братом?

Я уловил, что Тэнк выругался позади Таннера, но Таннер не дрогнул.

— У меня не будет проблем ни с Буллом, ни с другими твоими братьями.

— Правда? Потому что вся эта свастика, флаги братства белой силы, бритоголовость, скрещенные кости и СС наколки говорят обратное.

Таннер опустил рюкзак и развел руками.

— Я был так воспитан. Мы долгое время считали, что не все равны, что не должны смешиваться, и что самое важное — это белая христианская раса, но это больше не так. Мне двадцать восемь, я наследник одного из самых больших кланов Штатов, и оказался одержим одной гребаной латиноамериканской сучкой. Скажем так, я больше не воплощение идеального парнишки из Клана, потому что возбуждаюсь от мексиканской киски.

Казалось, Булл немного расслабился, и Тэнк шагнул вперед, встречая Стикса на ступеньках клуба.

— Я ручаюсь за Тэнка, През. Если он окажется крысой или накосячит, отвечать буду я.

Я посмотрел на Стикса, и брат встретился со мной взглядами.

Кажется, это справедливо, — читалось в его взгляде.

Я пожал плечами. Затем Таннер заговорил:

— Вам выбирать — доверять мне или нет. Со временем вы поймете, что я не крыса. Но я здесь, чтобы рассказать вам о похищенной сучке, и надеюсь, что вы знаете, что за мрази заплатили за ее похищение. Потому что я понятия не имею, что это за умники, и я не видел подобную систему раньше. Защита от штата, похоже на моего старика. Очевидно, у них сделка с Кланом. Я отследил, что тонны денег ушли на разные счета. У этих мразей есть что-то большее, чем защита со стороны правительства штата. Должно быть, они проплатили федералов, возможно, даже в приплатили кому-то в Вашингтоне.

Адреналин мчался по моей крови, когда с его губ соскользнули секретные данные.

— Так это правда, что ты гребаный технически гений или что-то подобное?

Таннер кивнул и поднял свой рюкзак.

— Занимался средствами связи в армии, а затем взял на себя отмывание дел клана. Я мало что не могу подделать, взломать или найти.

Стикс щелкнул пальцами и показал:

«Встреча. Сейчас же. Давай найдем тех, кто забрал твою женщину».

Я проговорил вслух его приказ и направился в церковь, но сначала повернулся к Таннеру и сказал:

— Ты найдешь ублюдков, которые забрали мою сучку, и у нас все будет хорошо.

На лице Таннера появилось облегчение, и он ответил:

— Я уже нашел, откуда ее забрали. Осталось узнать, кто они, и как нам ее вернуть.

***

— Мне удалось взломать электронную почту и личный банковский счет моего дяди Лэндри и обнаружить два совпадающих контакта. Кто-то сделал заказ клану атаковать лагерь и похитить одну из цыпочек, и заплатили им около сто тысяч, — Таннер проинформировал нас, включая ноутбук и показывая кое-какие файлы.

— Сто тысяч? Кто настолько сильно хотел Лилу, и что еще важнее, откуда, бл*дь, они узнали, где она? — спросил Смайлер, наклонившись и уставившись на экран Таннера.

— Инструкции были короткими, но точными: забрать женщину, живущую с Палачами. Ее должны были узнать по невероятно красоте, длинным темным волосам и странным голубым глазам. Мужчины должны были похитить ее невредимой и передать. Похоже, идиоты не могут следовать даже простым приказам.

Я стиснул челюсти, когда услышал это дерьмо, кулак Стикса ударил по столу. Ублюдки хотели Мэй. Не было никакого описания Лилы, и если на то пошло, Мэдди. Целью была Мэй. И они забрали не ту сучку.

— Мне удалось найти место, — сказал Таннер.

Затем Тэнк перебил:

— А мужчины, которые забрали ее? Кто они?

Таннер посмотрел на Тэнка.

— Низкоуровневый расходный материал. Последние коричневорубашечники Лэндри.

— Дерьмо! — выплюнул Тэнк.

— Какого хрена это означает? — спросил Викинг. — Клянусь, если он начнет говорить по-немецки, я начну стрелять.

Тэнк мрачно посмотрел на Вика, а АК ударил его по голове.

— Тэнк? Объясни? — приказал я, озвучивая то, что показывал Стикс.

— Мужчины, забравшие Лилу, уже с Айдом. Лэндри отправил последних отбросов, которых хотел истребить из своего Клана. Сначала они доставляют, затем их утилизируют... стандартный сценарий.

— Но мы получили место дислокации? — спросил я.

Таннер начал печатать на своем ноутбуке, секунду спустя повернул экран ко мне и Стиксу, на карте красной точкой было показано место дислокации.

Наклонившись вперед, я изучал карту.

— В середине гребаной жопы мира, около сорока миль.

Таннер развернул ноутбук к себе и набрал что-то еще. Когда повернул экран, на этот раз карта была военной, показывая огромную базу сразу за красной точкой.

— Военная база, — прошептал АК. — Все еще принадлежит государству? — он спросил Таннера.

Таннер покачал головой.

— Куплена много месяцев назад частником. Из того, что я знаю, это была тайная сделка. Никаких зон для полетов и камер было частью сделки. Кто бы ни купил это место, он не хотел, чтобы его нашли. И похоже, что именно у них ваша девушка.

Я откинулся на стуле и нахмурился, пытаюсь своим уставшим мозгом понять, кто мог отправить нам сообщение от военных. Может, новые торговцы боеприпасами?

Я объявил идею вслух, и Стикс пожал плечами и показал:

«Может быть».

Таннер яростно печатал на ноутбуке, АК направлял его, как вдруг Таннер откинулся на спинку стула, нахмутив брови.

— Я знаю имя, — сказал он.

— Что? — спросил Ковбой.

— У меня есть имя покупателя. Заняло гребаное количество времени, но АК подал мне идею, где искать.

— И? — поторапливал я его, наклонившись вперед.

Вся кровь отлила от лица АК, и он замер.

— Что? Что это за ублюдок? — закричал я, теряя терпение.

Таннер посмотрел на АК и нахмурился.

— Таннер, давай, говори сейчас же!

Таннер посмотрел на экран и прочитал.

— Иуда Давид.

Я уставился на АК и пожал плечами.

— Почему ты ведешь себя так? Кто, бл*дь, этот Иуда Давид?

АК посмотрел на меня и Стикса.

— Это был поручитель, — сказал он, и Таннер осматривал экран.

— Ну? — давил я.

— Поручитель... да. Имя поручителя Каин... Каин Давид.

Весь гребаный воздух покинул мои легкие, и каждый брат застыл.

Каин.

Каин?

УБЛЮДОК КАИН!

— Райдер, — прошипел я, и встретился взглядом со Стиксом. Стикс горел в молчаливой ярости, все вены на его шее напряглись, а глаза расширились от гнева.

Потеряв терпение, Стикс подпрыгнул со стула, поднял его и запустил в стену, раскалывая дерево на куски.

Встав, я ударил кулаком по столу и закричал:

— **КАИН!**

Флейм начал свое сумасшедшее расхаживание туда-сюда, отрывая кожу на ногтях, а я схватился за волосы. Каин сбежал. Гребаная крыса сбежала и теперь у него моя девочка. Все мое тело было напряжено.

Каин был наследником этого испорченного места, а АК убил пророка Давида... Это означает...

— Сейчас он Пророк, — сказал я громко.

— Что? — спросил Викинг.

Я встретился взглядом со Стиксом, который шокировано смотрел на меня.

— Райдер — Каин — был наследником, верно?

Стикс кивнул, и я увидел, как он все понял.

— АК застрелил эту старую мразь Давида в голову, что означает....

— Каин стал бы Пророком, если бы выжил... и Мэй отпустила его. Эта гребаная крыса освободилась, и сейчас он долбаный лидер! — выплюнул АК.

«Все, сели нахрен», — приказал Стикс знаками, и мы сделали как он и сказал.

Я кипел, дергался, сходил с ума. Райдер... Каин... Ордер... Бл*дь!

Слова Мэдди крутились в моей голове.

Пророк Давид говорил, что воскреснет, если его убьют. Его должны были воскресить, чтобы получить возмездие с тех, кто обидел его! Он вернулся, Мэй! Я знаю это, и он забрал Лилу! Мэй, они убьют ее! Они сделают пример из ее побега! Она знала. Эта сучка верила, что в конце концов ублюдки вернутся. И Лила у них. Какого хрена они с ней делают?

Рука ударила меня по спине, и Стикс дернул подбородком. Я поняла, что он спрашивал, в порядке ли я. Я кивнул и махнул ему говорить.

«Нам нужно снова обратиться к главам. План такой же, как и в прошлый раз. Мы идем и убиваем всех, кто там живет... Но Райдер мой», — показал он. — «Нам нужно убить этих мразей раз и навсегда».

Все братья пробормотали согласие, и я вытащил свой телефон, готовый всех созывать. Но как только собрался начать вызов, АК вытянул руку, чтобы я подождал, он сосредоточил взгляд на экране ноутбука.

— Что? — спросил я, теряя терпение.

АК прищурился, рассматривая карту на экране.

— Здесь нет ничего общего с последним разом. Это место — гребаная крепость. Прошлая община была открыта со всех сторон и плохо защищена. Тех охранников не обучали. Для нас было легко прийти и поиметь всех. — АК указал на карту, и я видел, как он упорно что-то обдумывал. — В этом месте больше земли, оно закрыто, несколько зданий, у всего толстые стены, чтобы противостоять атаке. Вероятно, в подобном месте есть подземные бункеры. — АК посмотрел на Стикса. — Совершенно другой уровень, През. Мы не знаем, сколько там людей, настолько они защищены. Но после произошедшего в последней общине, они будут глупцами, если не приготовятся к атакам. — АК покачал головой. — Мы все знаем Райдера, През. Парень не глуп. В действительности, все совсем наоборот. Полагаю, что он восстановился, окреп и готов к нападению Палачей.

— Ты говоришь, что мы не сможем захватить этих религиозных уродов? — сердито сказал я.

АК встретился со мной взглядом.

— Я лишь говорю, что если мы пойдем туда полные ярости, никто из нас не вернется.

«Смайлер, АК... Таннер», — показал Стикс, и все братья посмотрели в его направлении. Таннер был в шоке, что его включили. — «Вы все бывшие спецназовцы. Что думаете?»

Смайлер посмотрел на своих братьев и сказал:

— Мы не пойдем никуда, пока не узнаем с чем имеем дело. Нам нужно наблюдение, численность людей, количество боеприпасов, графики и чертежи этой базы.

АК кивнул.

— Согласен. Если пойдем вслепую — умрем. Должен напомнить, что эти ублюдки

верят в смерть ради своего дела. Нет ничего хуже, чем идти против народа, который не боится умереть. Я был в Афганистане и сталкивался с подобным... Я единственный, кто вышел живым.

Я сидел и закипал как долбаная кастрюля на плитке, и когда увидел выражение согласия на лицах своих братьев, резко встал. Все внимание сфокусировалось на мне.

Стикс показал мне сесть, но я не мог.

— Мы идем... СЕЙЧАС ЖЕ! — прошипел я сквозь стиснутые зубы.

АК вздохнул и продолжит говорить, но я перебил его.

— Нет! Моя гребаная женщина в этой тюрьме, и я расскажу вам сейчас кое-что; вы не слышали и половины садистского дерьма, что эти мрази делали с сучками в своем культе... с Мэдди, Мэй... с моей долбаной старухой!

— Старуха? — спросил Вик. — С каких пор?

— С ЭТОГО ГРЕБАНОГО МОМЕНТА! — закричал я, и Вик поднял руки. — Лила — моя старуха, была похищена, и вы все сидите как гребаные домохозяйки за кофе и обсуждаете стратегию? Тогда дайте мне сказать, что делают эти мрази. Они насиляют детей. Они насиловали мою женщину годами, заставляли ее принимать член, которого она не хотела, промыли ей мозги, заставив думать, что она зло, потому что она чертовски потрясающая. Говорили, что если ее будет трахать «последователь Бога», то это спасет ее грешную душу! И хуже всего, она была осквернена своим отцом... своим гребаным отцом, потому что он сказал, что она соблазняла его! Он не мог отказать ей и заставлял гладить его член, когда ей было шесть! Но хуже всего, что она все еще верит в это... все еще не видит, как это все извращено, потому что это единственное, что она знает.

— Дерьмо! — выплюнул Булл.

Я повернулся к Стиксу.

— Знаю, что Мэй прошла через что-то подобное, и понимаю, что ты не хочешь выносить это на публику, но гарантирую тебе, что если бы Мэй забрали эти ублюдки, ты бы штурмовал эту гребаную базу, составляя список имен и идя по головам!

Таннер внезапно встал со стула, привлекая мое внимание.

— Какого хрена ты хочешь, нацик? На случай, если не заметил, это церковь Палачей, не собрание Клана, принц гребаной «Белой силы»!

— Кай! Достаточно! — выплюнул Тэнк и подпрыгнул со стула, сердито смотря на меня. Стул заскрипел по полу, и внезапно Флейм оказался рядом со мной, в его ужасных глазницах было столько ярости, сколько я не видел раньше.

Схватив за руку, Флейм развернул меня.

— Все это ужасное дерьмо... Мэдди... изнасилование... дети.... — Он почти кричал. Его обезумевшие черные глаза встретились с моими. — Эти библейские придурки делали это с Мэдди? То, что они делали с Мэй и Лилой, они делали и с Мэдди?

Я вздохнул и неохотно кивнул. Флейм вытащил самый большой нож, который я только видел. Он скользнул им по своей груди, кровь стекала по его страшным демоническим татуировкам.

— Ей досталось хуже всех, брат. Ее гребаный опекун, брат Моисей, был больным, изобретательным ублюдком.

Все тело Флейма напряглось, чертовски пугающий шум раздался из его горла, и он заорал:

— ОН НЕ ЕЕ ГРЕБАНЫЙ БРАТ МОИСЕЙ! ОНА, БЛ*ДЬ, МОЯ!

Флейм схватился за край стола. Все братья встали со своих мест, как раз вовремя, потому что он опрокинул стол. Брат стоял посреди комнаты, истекающий кровью и потом, кулаки сжаты, и задыхался как гребаный питбуль после собачьих боев.

Уставившись на Стикса, он зарычал:

— Мы идем туда прямо, бл*дь, сейчас. Я с моим братом Каем. Потому что если кто-то из этих ублюдков придет за моей Мэдди или Мэй, или сделает что-нибудь Лиле, я не несу ответственности за резню, которую устрою. Я принесу такое гребаное зло, о котором эти религиозные уроды даже не думали.

АК и Викинг подошли к Флейму и попытались его успокоить, но на это раз брат оттолкнул их обоих, и его сумасшедшая сила опрокинула их на пол.

Стикс пошел вперед и встал прямо перед Флеймом.

«Мэдди и Мэй никуда не собираются. А Лилу мы вернем назад. Но, брат, у нас есть одна попытка и мы не должны облажаться. Это не значит, что ты не сможешь обескровить ублюдков. А только значит, что нам нужно подготовиться». — Тяжелый, не терпящий возражений взгляд Стикса встретился с моим, я знал, что он адресован мне.

Бл*дь!

Таннер внезапно шагнул вперед и разделил внимание между Флеймом и мной.

— Я могу получить чертежи и координаты базы.

— Да, и как ты, бд*дь, собираешься это сделать, американская история Икс⁹? — спросил я, внезапно не доверяя ублюдку.

— Я пойду в главный офис Клана и взять это там. Я знаю, где Лэндри хранит личную информацию. Я гребаный наследник и посвящен в большее, чем любой другой член клана. Я радость и гордость старика, и он научил меня, как быть подлым ублюдком. Ты сам сказал это, блондинчик. Я принц техасского клана гребаной «Белой силы»! — сказал он саркастично, смотря на меня и даже не дрогнув. — Я знаю больше о том, что происходит в этом штате, чем гребаный президент. Все местные копы принадлежат клану.

Тэнк вышел вперед и обошел Таннера.

— Если ты пойдешь на это и тебя поймают — ты мертвец, — зашипел он тихо.

Таннер пожал плечами, его мышцы сгруппировались.

— Они узнают, что я помешан на Адеите, и в любом случае мне конец. По крайней мере, так я смогу доказать моему брату-красавчику, что хочу выйти из Клана раз и навсегда. — Таннер подошел ближе к Тэнку и сказал: — Я больше и дня не могу находиться в этом месте. Я не могу стоять и проповедовать о белой чистоте и христианской расе, когда единственная сучка, которую я хочу, темнокожая и католичка. Нет, мужик, позволь мне сделать это.

Таннер посмотрел на нас со Стиском.

— Я получу эти данные. Я присоединюсь к Палачам. У меня есть до хрена всего для этого клуба, и вы сможете мне доверять.

— Доверять тебе? — рассмеялся я. — Мы, бл*дь, тебя не знаем. Ты покидаешь Клан, которому посвятил всю жизнь ради Мексикано-Нацистской версии «Ромео и Джульетты». Почему мы должны сейчас тебе доверять?

Таннер рванул вперед и встретился со мной нос к носу.

— Потому что то, что ты чувствуешь к своей сучке, я чувствую к этой принцессе картеля и хочу, чтобы она была моей, вот почему. И я сделаю что угодно ради ее защиты... включая отказ от своего наследства и моей гребаной свободы.

— Ты линчевал черных?

Вопрос раздался с задней части комнаты, и Хаш сделал шаг вперед, одетый в кожу, Ковбой был у него за спиной. Светло голубые глаза Хаш смотрели на Таннера.

Таннер опустил голову.

— Да, — прохрипел он. — Черных, евреев, желтых, латиносов, геев, священников — всех подряд — топил, душил, четвертовал, затем привязывал к грузовику и тянул, пока от них не оставалось ничего, кроме торсов, — ответил он честно. Я не мог не отметить, что ублюдок был смелым.

Хаш, наш брат с бритой головой, смешанной расы, задрожал. Правда брат был больше белым, чем черным, имел скандинавскую внешность своей шведки-матери, но нацист и черный? Как смесь воды и масла.

— Но я больше не такой, — сказал Таннер, когда Ковбой положил свою обтянутую кожей руку на шею Хаш и потянул его назад, что-то зашептав ему на ухо, без сомнения уговаривая его не перерезать глотку Таннеру.

Комната погрузилась в тишину, и я сказал:

— Ты достанешь данные и мы посмотрим, будешь ли ты с нами.

В комнате раздался громкий свист, и все глаза сосредоточились на Стиксе. Его лицо было каменным. Он указал на Флейма.

«Ты поднимаешь этот стол, убираешь, созданный тобой беспорядок и избавляешься от своего психованного дерьма. Мэдди не твоя. Ты не владеешь ею, поэтому успокойся, нахрен!» — затем он указал на Хаш и показал: — «Ты наш брат. Ты важнее любого с секретными данными или без них, понял?».

Хаш кивнул и прислонился спиной к стене, зло глядя на Таннера. Стикс наконец повернулся ко мне.

«И, Кай, последний раз, когда я проверял, я носил патч Преза, и я управляю этим гребаным клубом, не ты. Даже не думай, что если ты, наконец, нашел киску, которую хочешь не просто трахать, ты можешь диктовать условия. Не можешь. Ты не думаешь здраво и устраиваешь гребаное шоу на церкви, поэтому успокойся нахрен, прежде чем я вышвырну тебя из плана по спасению Лилы. И точка».

— Ты, бл*дь, не посмеешь, — зашипел я.

Стикс хрустнул костяшками, затем показал:

«А ты проверь, брат. Я защищаю этот клуб. А то, что мой ВП ведет себя как гребаная ноющая киска, не помогает. Мне нужно, чтобы ты вернулся ко мне, а не вызывал еще больше проблем».

Стиснув зубы, я поднял стул, который уронил, уселся и закрыл свой рот «ноющей киски».

Стикс дал знак Тэнку переводить и повернулся лицом к Таннеру.

«Сколько у тебя займет времени получить чертежи?»

Таннер выслушал Тэнка и повернулся к Стиксу.

— Около двух часов. Если не уложусь в это время, я не вернусь.

Стикс посмотрел на Таннера, и я знал, что он размышлял, насколько можно доверять нацику. Наконец, он дернул подбородком и показал:

«Действуй».

Ли́ла

Всю ночь я то просыпалась, то снова засыпала, так как за пределами моих покоев было слишком тихо. Я привыкла слышать рев двигателей, разбивание бутылок, смех людей, ссоры, и меня удивляло, что я скучала по этому.

Я не могла перестать думать о месяцах, что провела во внешнем мире. Я так долго хотела вернуться к своим людям. Снова и снова молилась о том, чтобы мой народ выжил и вернулся ко мне. Но сейчас я была здесь, и мне казалось это странным. Единственное место, которому я принадлежала, было странным для меня.

Сидя на кровати, пока веревки все еще крепко держали мои руки и ноги, я пыталась успокоиться. Утреннее солнце светило сквозь окно, наполняя пространство комнаты желтым сиянием. Утро могло бы быть почти безмятежным, даже прекрасным, если бы меня не удерживали в плену.

Снаружи моей двери раздались шаги и под дверью затанцевали тени. Мое дыхание участилось, и я замерла, ожидая того, кто войдет.

Дверная ручка начала поворачиваться, и секунду спустя вошла женщина в длинном белом платье, ее рыжие волосы спадали до середины спины.

— Приветствую, — сказала она, стоя ко мне спиной.

— П-приветствую, — вынудила я себя ответить. Должно быть, эта женщина была моей новой горничной, так же как большую часть моей жизни была сестра Ева. Я опустила глаза в пол, и внезапно увидела женские ноги в сандалиях.

— Подними голову, — приказала женщина, и повинувшись, я подняла. Женщина была моего возраста, хорошенькая... и она мне улыбалась.

Я не понимала ее радости. Я была Окаянной. Со мной нельзя быть дружелюбной. Я не должна была общаться даже с теми, кому поручена забота обо мне.

Женщина подняла руку, и я замерла, когда она провела пальцем по моей руке.

— Ты не узнаешь меня? — спросила она, и я стала тщательнее ее изучать.

Ее глаза были потрясающего оттенка зеленого, во всех нужных местах тела были изгибы. Она была привлекательной. Она улыбалась... Она...

— Фиби? — прошептала я, мой пульс участился. — Моя Фиби?

Глаза женщины наполнились слезами счастья, а на лице появилась ослепительная улыбка, когда она опустилась на колени передо мной.

— Ребекка. Моя сладкая, маленькая Ребекка.

Мой мир перестал вращаться от звука этого имени... мое имя при рождении, мое благословленное имя, данное родителями... прежде чем они поняли, что во мне живет дьявол, прежде чем меня забрали от тех, кого я любила, избегали и отправили подальше, чтобы спасти.

— Не называй это имя, пожалуйста, — умоляла я, и улыбка Фиби исчезла.

Она убрала спутанные волосы с моего лица и сказала:

— Я знаю, кто ты, и знаю, что в твоих венах течет зло. Но ты всегда была моей драгоценной прекрасной сестрой. Моей Ребеккой, которая прокрадывалась ко мне в постель по ночам и разрешала заплетать ее волосы, позволяла петь ей гимны и с нетерпением ждала, когда я начну читать Священное Писание. — Ее зеленые глаза наблюдали за мной, и она

добавила: — Ты помнишь, моя сестра? Ты помнишь те драгоценные времена, проведенные вместе, прежде чем тебя забрали?

Нахлынули воспоминания. Счастливое время с Фиби поглотило мой разум, — то, что я пыталась заблокировать. Она заботилась обо мне, смешила меня, улыбалась мне, занималась со мной домашними делами, пела мне, читала мне... любила меня. Я не могла вспомнить, чтобы кто-то любил меня, кроме Беллы, Мэй и Мэдди... а теперь Кая, хотя я и понимала, что это чары.

— Псалом 23, — прошептала я после того, как Фиби опустила взгляд, печальное выражение поглотило ее прелестное личико. — Мы пели псалом 23.

Фиби ахнула, и в ее глазах появились слезы.

— Ты помнишь...

Мы вдвоем сидели и смотрели друг на друга, когда Фиби замолкла на Писании, которого я больше всего боялась. Две маленькие девочки выросли. Прожили жизни, но не вместе. Есть шрамы, но они нанесены не друг другом. Девочки связаны, но не более чем незнакомки. Сплетенное прошлое, но потрепанное и одинокое будущее.

Фиби наклонила голову набок.

— Ты самое прекрасное создание, которое я когда-либо лицезрела. Слухи о твоей красоте не преувеличены.

По моей спине побежали мурашки.

— Я — Окаянная, Фиби. Я рождена Сатаной.

Фиби потупила взгляд.

— Я знаю это.

— Моя мать... — выдохнула я.

Фиби кивнула с грустью.

— Они пришли за ней, пытаясь объявить еретиком. Сначала она отвергала их утверждение, что она спала с Сатаной и родила проклятое дитя. Но после нескольких дней испытаний она ослабла и призналась. Она была быстро казнена и надлежащим образом погребена для покаяния.

Мое сердце болело за женщину, которая дала мне жизнь. Я смутно ее помнила, но не знала ее достаточно хорошо. Воспоминания были мимолетными проблесками того, как она расчесывала мои волосы и надевала мне чепец, чтобы скрыть цвет и длину. Я помнила, как она подстригала мои ресницы ножницами, чтобы мои глаза не привлекали внимания. Натирала мои щеки белым кремом, чтобы я выглядела бледной, а под глазами втирала темный порошок, чтобы под ними были синяки, и я выглядела усталой.

Я подняла дрожащие пальцы к лицу и потерла круги под глазами. Фиби взяла мою руку и опустила ее на колени.

— Я помню, что она делала странные вещи со мной, практически пряча, кем я была.

Одинокая слеза скатилась из глаза Фиби.

— Она пыталась скрыть твою невероятную красоту... Не хотела, чтобы ты привлекала внимание последователей... брата Луки

Реальность и весь ужас причины, по которой действовала моя мать, нахлынул на меня, и я не смогла удержать свое тело от дрожи.

Фиби заметила и положила руку мне на колено.

— Это правда, — сказала я, дрожащим голосом.

— Что?

— Что моя мать соединилась с Сатаной и... они вместе создали меня.

Фиби выдохнула, но неохотно кивнула.

— Да.

— Значит все обо мне правда, сестра? Я настоящая грешница.

Фиби потупила взор, затем посмотрела на меня сквозь ресницы.

— Но ты в Новом Сионе и теперь будешь спасена, Далила.

Я кивнула автоматически, но внутри была сломлена. Фиби, заметив, что у меня больше не было желания разговаривать, подошла к подносу на ночном столике, который, она, должно быть принесла. Затем она двинулась ко мне с ножницами в руках.

— Я освобожу тебя от веревок.

Я вытянула руки и ноги, и Фиби разрежала веревки. Мои кости болели в тех местах, где веревки натирали плоть, а кожа стала ярко-красной и покрылась волдырями.

Но я не чувствовала боли, все чувства поглотила абсолютная покорность. Кай и Мэй пытались убедить меня, что я ошибалась и не была соблазнительницей, что Пророк и старейшины убежали меня в этом, чтобы контролировать и заставлять исполнять их волю. Но услышав, что моя мама действительно соединилась с Сатаной и пыталась покаяться, я поняла все, что мне нужно было знать.

Я, Далила, была Окаянной... и находилась под влиянием внешнего мира.

— Ты можешь ходить? — спросила Фиби, и я машинально кивнула.

— Тогда мы должны прогуляться. Уверена, ты очень хочешь увидеть новую общину. Порок Каин собрал все общины в одном месте.

Это привлекло мое внимание.

— Другие общины?

Фиби вытянула руку, я приняла ее, и она потянула меня на ноги. Я стиснула зубы, так как мои лодыжки болели, но боль уходила под влиянием любопытства.

— Да, все общины. По всему миру их были сотни. После нападения и смерти пророка Давида, пророк Каин взошел на его место и вместе с советом старейшин привезли нас сюда.

Растерянный взгляд на моем лице, должно быть, дал понять Фиби о моем удивлении.

— Ты не знаешь этого, Далила?

Я покачала головой.

— Тогда где по-твоему ты жила, прежде чем была названа Пророком Окаянной?

Мое сердце заколотилось быстрее.

— Я... я думала, что бы на другой стороне той же самой общины. Но... но я не помню многое из своего детства, поэтому никогда особо не задумывалась. Всю мою жизнь мы, Окаянные, держались отдельно от других. Взаимодействие с другими избранными было запретным, было слишком опасно для их душ открываться блудницам.

Фиби кивнула понимающе, но потянула меня к двери. Я вырвала свою руку.

— Подожди! Не думаю, что пророк Каин изменил правила для меня. Мне запрещено покидать эти покои.

Фиби посмотрела на дверь.

— Мы будем держаться отдаленного пути. Нас никто не увидит. У нас есть час, до того брат Мика придет за тобой. Сейчас все на утреннем богослужении, а мне поручено следить за тобой.

— Почему ты? — спросила я.

Фиби улыбнулась, и по ее щекам начал расползаться румянец.

— Я привилегированная сестра... — Я нахмурилась, и Фиби откинула волосы назад. — Я являюсь супругой брата нашего Пророка, Иуды. Я занимаю высокий статус среди женщин.

Фиби выглядела такой гордой, что была приближена к Иуде, но единственный раз, когда я видела этого мужчину, я чувствовала только холодность.

— Пойдем. Нужно многое увидеть, — сказала Фиби восторженно, утягивая меня через дверь и под утреннее солнце.

***

Знакомый голос пророка Давида доносился из громкоговорителей, и я не могла поверить своим глазам перед Священным кругом.

Я усиленно моргала, полагая, что вижу неправду. Мои руки дрожали, а дыхание замедлилось. Они были повсюду — сотни и сотни людей... без одежды, они извивались в траве от удовольствия. Мужчины развратно соединялись с женщинами, женщины развратно соединялись с мужчинами.

Это было гедонистически и откровенно. Звуки удовольствия наполняли утренний воздух. Я никогда не видела ничего подобного. Это не было Данью Господней. Это было грешно, неправильно.

Я посмотрела на возвышенную сцену, и там сидел пророк Каин. Он был один, одетый в белое, и смотрел на людей. Хотя отсюда было видно, что ему было не комфортно, он не вступал в действие, а его глаза смотрели в пол, а не на массу извивающихся тел.

Повсюду люди занимались сексом. Я не понимала этого. Меня учили не этому, не так воспитывали.

Фиби счастливо выдохнула и повернулась ко мне.

— Разве это не славно, сестра?

Мои глаза расширились от ее слов.

— Я не понимаю. Почему такие действия происходят на святой земле Господа?

— Это послание Пророка, Далила. Так было всегда. Мы празднуем любовь Господа нашими телами — плоть к плоти.

Я затрясла головой.

— Нет! Мы должны быть чистыми. Сдержанными. Должны подавлять удовольствие, чтобы не навлекать зло на наши сердца и души.

Фиби положила руку мне на плечо.

— Нет, сестра. Это путь Окаянных. Вы должны подавлять удовольствие, чтобы не навлекать зло на ваши уже почерневшие души. Вы сохраняете чистоту для ваших благословленных Богом старейшин, которые помогают вам достичь спасения. Как избранный народ Бога мы молимся через наше удовольствие. Господь сделал нас сексуальными, чтобы почувствовать его любовь.

Моя губа задрожала, когда я вспомнила как впервые участвовала в Дане Господней будучи ребенком с братом Ноем...

— Далила, сегодня ты научишься послушанию, ибо послушание побеждает зло. — Он наклонил голову набок. — Ты хочешь, чтобы твоя дьявольская душа была спасена?

— Да, сэр, отчаянно хочу. Я не хочу быть падшей или соблазнительницей.

Брат Ной улыбнулся, и мой желудок сделал сальто. Улыбка не была доброй или искренней, больше похотливой и возбужденной.

— Тогда пойдём. Мы войдём в большой зал, где собрались остальные грешницы и Окаянные, которые нуждаются в спасении.

Я склонила голову, подчиняясь, и вложила свою маленькую ручку в его.

— Что случится, когда мы окажемся там? — спросил мой восьмилетний голосок.

Брат Ной наклонился, погладил пальцами мою щеку и сказал:

— Я возьму тебя, Далила. Очищу тебя своим семенем. И ты не должна сопротивляться этому. Сопротивление только отсрочит твоё спасение. Ты хочешь быть свободной? Ты хочешь быть с Господом, когда настанет судный день?

— Да, сэр, это моя самая большая мечта.

— Тогда не сопротивляйся. Твоя сестра, Белла, сопротивлялась брату Гавриилу при своей первой Дани Господней. Она все ещё упрямое и греховное дитя. Её душа все ещё темная. Ты же не хочешь этого, Далила?

Я энергично покачала головой. Я не хотела всего этого.

Я боялась, когда меня раздели. Боялась, когда меня поставили на корточки, моя голова была прижата к полу, а руки за спиной. Была боль, дискомфорт, но больше чем это — капитуляция перед братом Ноем и Господом. Вот как я должна была найти спасение.

У меня подгибались колени.

— Далила? — спросила Фиби, настороженно смотря на меня.

Я смотрела на девушку, которая когда-то была моей сестрой, и не чувствовала ничего, кроме растерянности.

Повернувшись, я побежала по короткому пути к своим новым покоям, слыша тихий звук шагов Фиби позади меня. Я не остановилась. Мой разум был лабиринтом недоумения, жутким хаосом суматохи, обмана и заблуждений.

Когда я вошла в свою новую спальню, расхаживая туда-сюда по большому пространству, Фиби вбежала и спросила:

— Далила, что не так? Почему ты так себя ведешь?

Проведя пальцами по волосам, я спросила:

— Ты участвуешь в этой службе? Как все остальные?

Она смотрела на меня, будто я потеряла рассудок.

— Пожалуйста, Фиби! Я должна знать!

— Да, я участвую в таких службах. Они важны для нашей веры... нашего дела. Вот для чего мы призваны. Апокалипсис близко, и пророк Каин обеспечит наше вознесение в рай через свое откровение.

— Вот поэтому ты привилегированная сестра? Как ты заработала этот титул? Я не слышала о таком прежде.

Фиби улыбнулась.

— Порок Давид наказал, что мы должны набирать больше членов. Я была одной из избранных сестер из нашей прежней общины, чтобы отправиться во внешний мир и обратить как можно больше последователей.

Мои ноги ослабли, и я плюхнулась на кровать.

— Ты... ты была снаружи? Покидала общину?

— Да. Мы должны были проповедовать и исполнять свою миссию по распространению слова Господа, как делал Иисус и его апостолы.

— Как? Как ты обращала их в нашу веру?

Фиби осторожно подошла ко мне и присела на кровать. Она взяла меня за руку и

призналась:

— Мы делили любовь Господа. Показывали мужчинам и женщинам, что они могут жить без ограничений, показывали, какой может быть жизнь, если они примут любовь Господа и полностью посвятят себя делу... пророка Давида, а теперь пророка Каина.

Я не думала, что Фиби может показать или сказать мне что-то этим утром, что шокирует меня больше, чем Священный круг. Я оцепенела. Все, во что я верила, оказалось под вопросом, мои убеждения были разорваны, нет, разбиты вдребезги. Вся моя жизнь и верования рушились на глазах!

Я не могла принять все это. Я хотела к Мэй. К Мэдди. Хотела обнимать Кая, позволить ему успокоить и утешить меня, сказать мне, что все будет хорошо.

Я была чужой в этой общине. Неосведомленной.

— Ты... соединялась с ними плотски... и приводила их сюда, в божий рай... Новый Сион?

Фиби выпрямилась, почти гордо.

— Да. И я привела большую часть наших новообращенных. Откуда думаешь, у нас новые члены?

— И... Иуда? Ты теперь с Иудой?

Фиби улыбнулась, я могла видеть, как она любила брата-близнеца нашего Пророка.

— Да. Он сказал, что я достойна находиться с ним. И я пример для других женщин, как использовать послания Господа и показывать нечестивым людям истинный путь.

Я не могла дышать. Мои легкие сокращались, в груди сдавливалось, и я не могла дышать!

— Далила? — Фиби опустила на колени и потрогала мой холодный лоб. — Тебе нехорошо?

— Да, — смогла я сказать. — Пожалуйста, мне нужно отдохнуть. Я устала.

Фиби вздохнула и быстро покинула комнату, оставив меня одну. Должно быть, я уснула на кровати, и когда услышала чьи-то шаги, резко подскочила. Темные тени расползлись по комнате. Я осознала, что должно быть, проспала целый день.

Моя спина была повернута к двери, но когда услышала тяжелые шаги, инстинкты заставили меня повернуть голову.

— Маленькая Ребекка... упс! Нет, Далила. верно? — сказал глубокий голос, и брат Мика вошел в отблеске дневного света, пробирающегося через окно.

Я испуганно вдохнула. Его тело было грозным. Каштановые волосы спускались по спине, длинная борода доходила груди. Карие глаза маленькие и прищуренные, на лице, казалось, был постоянный хмурый взгляд. Он был высоким и предвещал беду... Он был тем, кто спасет меня?

Брат Мика приблизился и возвысился над кроватью.

— Ты красивая, Далила, поистине красивая.

Я напряженно наблюдала за ним, смотря как его губы поджимаются. Брат Мика повернулся спиной и начал поднимать свою тунику. Я не смела оторвать взгляда, когда он обнажал свою кожу. Затем я не могла отвести взгляд, когда вся его спина была выставлена напоказ, и не смогла удержать резкий, шокированный вздох.

Мика оглянулся.

— Видишь, что твое шлюхастой искушение сделало со мной, Далила?

Широкие рубцы покрывали его тело. Они были повсюду, от нижней части шеи, до нижней части спины. Его избили, исхлестали... как Иисуса.

Мика развернулся и сердито на меня посмотрел.

— Ты помнишь ту ночь, Далила? Когда пришла ко мне в комнату и дразнила меня своей милой улыбкой. Соблазняла голубыми глазами. Я был в восторге от твоей внешности. Пророк Давид как раз проповедовал о том, как прикасаться и угождать девушке, о том, что смотрители Ордена начнут прикасаться к нам, чтобы продемонстрировать любовь Господа. А я любил тебя годами, сколько себя помню. И это было не просто детское увлечение. Ты поглотила меня, каждую мою мысль, каждую клетку моего тела, мои мечты. Я думал о тебе постоянно, о том, что ты можешь быть одной из девочек в книгах-раскрасках.

Мика закрыл глаза, и я наблюдала, как он вытянул руку к своей промежности, открывая свое возбуждение. Он сделал шаг вперед, затем еще один, пока его колени не оказались на матрасе в конце кровати. Он гладил рукой свой ствол, и из моего желудка поднялась рвота прямо до горла.

Нет... пожалуйста, Господь, спаси меня... умоляю, избавь меня от гнева Мики.

— Я научился касаться себя, представляя тебя. Научился достигать удовольствия, чтобы быть ближе к Богу... благодаря этим красивым глазам и пухлым губам.

Ладони Мики коснулись матраса, последовав за коленями. Мне было некуда отодвинуться, я была в ловушке. Страх держал меня узницей на кровати.

Но затем его глаза блеснули чем-то еще, что я не могла расшифровать.

— Дьявол в тебе говорил с моей невинной и набожной душой. И своим прекрасным лицом ты заманила меня. Из-за тебя я согрешил! Я был соблазнен и слаб!

Мика сильнее сжимал свой ствол, его дыхание участилось, а на груди появился пот. Отпустив свою хватку на мгновение, он пополз вперед, вынудив меня лечь на спину, пока не навис надо мной, снова схватив свой пенис.

— После того как мой отец поймал нас, тебя забрали, из-за твоего колдовства. А я был наказан за то, что не сопротивлялся. Ты искушала моего отца, и он победил. Но не я. Я поддался тебе. Злу. Блуднице Ада.

Я не могла говорить, не в состоянии сделать что-то, когда Мика наклонился, его дыхание опаляло мое лицо.

— Меня отвезли на холм вечных мук, руки привязали между двумя деревьями, разорвали мою тунiku по центру. Мой отец взял плеть и наградил меня тридцатью девятью ударами, как Иисуса.

— Мне... мне жаль, — прошептала я с ужасом.

Мика остановил свое самоудовлетворение. Пот капал с его щеки.

— Жаль? Я не хочу и не нуждаюсь в твоей жалости, шлюха. С каждым ударом плетью я избавлялся от твоих чар над своим разумом. С каждым вдохом боли я обещал Господу, что никогда не паду снова. Я запечатлел каждый удар в воспоминании и пообещал себе, что если Господь сочтет нужным снова поставить меня на твой испорченный путь, я стану солдатом Христа и избавлю твою душу от Сатаны.

Я закричала, когда брат Мика начал поднимать мое длинное платье. Его пальцы не остановились, пока прокладывали дорожку по моему бедру, пока не зацепили мое нижнее белье, и Мика стянул его по моим ногам, отбросив на пол.

— Поднимайся, — приказал Мика.

Я сделала, как приказано. Мне не была чужда данная ситуация. В действительности, я переживала подобное тысячу раз с братом Ноем.

Стоя на шатающихся ногах, я покорно склонила голову.

— Сними платье.

Дрожа, я подняла руки и расстегнула молнию, мое серое платье упало на пол.

Я была голой.

Я была обнаженной.

Я вернулась.

Пошелестев простыней, Мика встал передо мной, наклонив голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Посмотри на меня, Далила. — Так же естественно, как сделать вдох, я повиновалась.

Мика провел рукой по моим волосам, затем сказал слова, слишком знакомые для меня:

— Я возьму тебя, Далила. Очищу тебя своим семенем. И ты не должна сопротивляться этому. Сопротивление только отсрочит твоё спасение. Ты хочешь быть свободной? Ты хочешь быть с Господом, когда настанет судный день?

Мой разум наводнили воспоминания о том, как я была ребенком и те же самые слова исходили из уст брата Ноя. Я оцепенела.

Я снова стала той восьмилетней девочкой. Снова была одинокой потерянной душой.

Кивнув, мне пришлось сказать:

— Да, сэр, это моя самая большая мечта. — Я помнила это наизусть.

— Тогда не сопротивляйся, — приказал брат Мика. — У меня есть сила, чтобы спасти тебя. Я благословлен Богом, и смогу принести тебя в его объятия.

Брат Мика сдвинулся в сторону и показал на кровать. Я сделала три шага, встала на колени, прижала лоб к матрасу и сцепила руки за спиной.

Когда матрас прогнулся, брат Мика расположился у моего центра и начал толкать свой ствол в меня. Я закрыла глаза и представляла единственного мужчину, которого любила. Мужчину, который никогда не взял бы меня подобным образом. Он осуждал тех, кто так делал. Этот мужчина занимался со мной любовью...

— Детка, послушай меня и послушай внимательно.

Я всхлипнула и подарила ему свое внимание.

Его голос смягчился, и он заправил волосы мне за ухо своими пальцами, пока его светлые волосы щекотали кожу моей груди.

— Я не такой, как они. Да, я шлюха. Это не секрет. Я трахнул огромное количество дырок. Но я никогда не делал одного. Я никогда не заботился о сучках, как о тебе. Я никогда не ждал так долго ни одну кистку, как твою. Я бы убил за тебя, детка. Если кто-то попробует забрать тебя у меня, я разорву их убудодынные глотки. Ты принадлежишь мне, и прямо сейчас, в этой кровати, я сделаю кое-что в первый раз. Мы оба.

Я задержала дыхание, боясь выдохнуть, чтобы не разрушить момент, и не зная, что он откроет.

— Я займусь с тобой любовью, Лила. Я сделаю тебя своей, заклею тебя. Потому что для меня больше нет никого другого... никто не смог сделать со мной этого, кроме тебя.

— Кай... — выдохнула я, и на этот раз приветствовала слезы, текущие по моим щекам. Они показывали Каю, что я тоже хотела этого всего с ним.

Кай вздохнул и целовал соленую жидкость на каждой щеке. Прижав свой лоб к моему, он рвано выдохнул и прошептал:

— Я, бл*дь, люблю тебя, Лила. То, что между нами, больше чем просто трах. Ты понимаешь, да?

В этот момент моя сдержанность испарилась. Обхватив руками его лицо, я прижала губы к его и призналась:

— Я так сильно люблю тебя, очень-очень сильно. С тобой я чувствую себя в безопасности... Когда я с тобой, я не боюсь. Ты и не догадываешься, какие особенные эти чувства для меня.

Ослепительная улыбка украсила его красивое лицо...

Я держала в голове выражение его лица.

Кай Уиллис, моя красивая настоящая любовь...

Я люблю тебя, Кай... Мое сердце навсегда твое...

***

Кай

— Нам нужны разведданные, мы совершим глупость, если пойдем в это место вслепую, — сказал АК. Смайлер и Таннер поддержали его.

Нацистский ублюдок уехал и вернулся с чертежами в руках. И да, новая община была гребаной крепостью. Тысячи акров скрытой и первоклассной военной защиты. Как будто гребаный «Форт-Нокс».

Мы не знали, как много уродов было там, но из данных Таннера, их могло быть тысячи.

Палачам бы потребовались недели, чтобы узнать это количество, поэтому Стикс согласился и позволил АК и Смайлеру поехать и осмотреть территорию и разведать, сможем ли мы не попасться под радары. Это было день назад. У меня не было хитрых навыков, которые можно было использовать, поэтому я посчитал более продуктивным сидеть в баре и лакать «Джек».

Мою сучку забрали два дня назад, два несчастных и чертовски долгих дня, и я не был идиотом. Мэй рассказывала, что делали эти мрази, но я не мог позволить себе думать об этом, представлять, что какой-нибудь педофил-садист насилует мою женщину. Бл*дь, она, должно быть, была напугана. Моя старуха была робкой, потрепанной жизнью сучкой с промытыми мозгами.

Казалось, будто Мэй и Мэдди пережили крушение поезда. Они сидели в квартире Стикса в полном оцепенении, и смотрели в никуда все гребное время.

— Как дела, брат? — Хаш сел рядом со мной, вытаскивая меня из мрачных мыслей, и как всегда Ковбой был поблизости. Они были как гребаные тени друг друга.

— Кай, — поприветствовал Ковбой, наклонив свою шляпу, и сев рядом с Хаш, приказал проспекту подать пиво.

Мы втроем не говорили. Какого хрена мы могли сказать?

Проходили часы и один за другим братья наполняли бар: Тэнк, Булл, Вик, Флейм, Таннер показал свое лицо и наконец Стикс. Мы все ждали данных разведки, а старухи были наверху с Мэдди и Мэй.

Кто-то толкнул мою руку, и Стикс сел рядом. Он также ни хрена не говорил.

Рев Харли раздался снаружи, и я подпрыгнул с барного стула, готовый выбить дверь, но Стикс удержал меня.

Шли минуты, АК и Смайлер вошли в бар, выглядя уставшими и взъерошенными. Длинные волосы Смайлера были грязными и убранными назад, вся его одежда и кожа были

в грязи. Я бросился в их направлении, когда они сели на диван, и встал перед ними.

Я услышал, как Стикс засвистел, чтобы все собрались.

— Ну? — побуждал я.

АК поднял голову и провел руками по лицу.

— У них гребаная армия.

Протяжно выдохнув, я скрестил руки на груди, и Хаш спросил:

— Что будем с этим делать?

— Охранники патрулируют с АК-47 по всему периметру. Парни знают свое дело. Есть дневная и ночная смена, — сказал Смайлер.

— Слабые места? — спросил Тэнк.

— Не так много. Но они были недостаточно тщательны, когда обеспечивали внешний периметр, и мы нашли путь на юго-западе собственности. Там холмы, поля и кустарники. Это самое слабое место, в других местах мы встретимся с электронным забором, камерами и патрульными каждый час. — АК посмотрел на нас со Стиксом. През заерзал рядом со мной. — Не знаю, откуда они на хер все, но могу сказать, что ублюдки, убитые месяцы назад — старейшины, пророк, те братья, что имели Мэй, Мэдди и Лилу — были ничем. Подобного места я не видел прежде. И их боеприпасы настоящие израильские высшего сорта. И должен сказать, През, это лучше, чем то, что мы таскаем.

Стикс подтолкнул меня, и я машинально наблюдал за его рукой и переводил:

«Что это, нахер, за место? Что они там делают?»

Смайлер по-настоящему улыбнулся, хотя и без веселья.

— Похоже на гребаный крестовый поход, вроде укрепленного Иерусалима или подобное дерьмо. Похоже, что религиозные мрази готовятся к Апокалипсису.

Стикс запрокинул голову назад и застонал, затем посмотрел на Булла.

«Что-нибудь о новых торговцах оружием на нашей территории?»

Булл покачал головой.

— Ничего. Все в порядке.

— Они выжидают свое время, — сказал я и повернулся к Стиксу. — Мы все знаем Райдера. Он новичок. Ему нужно привести все в порядок, прежде чем нанести удар. Но после этого... ну... Он разозлен и хочет отомстить.

— Мы вошли, посмотрели окраины, но не заходили далеко, — сказал Смайлер.

— А Лила? Ты видел мою женщину? — спросил я, мой желудок сжался.

АК и Смайлер посмотрели друг на друга, казалось, будто сомневаясь, стоит ли делиться. Я шагнул вперед, привлекая их внимание, и сказал:

— Что бы там ни было, братья, лучше начать говорить.

АК сел на диван и сказал:

— Мы видели кое-что, но нет, Лилу не видели.

— Что вы видели? — спросил Хаш. — Нам нужно знать все, если мы идем.

Смайлер нахмурился и сказал:

— Мы возвращались назад, но слышали какое-то безумное библейское дерьмо из огромных колонок. — Они посмотрели друг на друга и этим только разозлили меня.

— Хватит, бл*дь, смотреть друг на друга и расскажите мне, что вы видели! — закричал я, заметив, как АК стиснул зубы.

— Хочешь знать, что мы видели? Мы видели гребаную оргию. Огромное количество народу, на огромном участке травы, киски и члены повсюду, все трахают друг друга в любую

дырку, до которой могут добраться, в то время как орут на каком-то языке, который мы не поняли.

— Никогда не видел ничего подобного, — добавил Смайлер.

Каждая часть меня замерла, и АК встал, положив руку мне на плечо.

— Брат, это будто какая-то безумная секс-секта. Никто из нас не видел Лилу, но это не значит, что ее там не было.

Флейм заметно дрожал и посмотрел на Стикса.

— Когда мы выдвигаемся?

Стикс посмотрел на Смайлера и АК и приподнял брови, молча задавая вопрос.

— Мы думаем о наступлении темноты, — ответил Смайлер. — У нас есть очень хорошая идея, мы расскажем, когда пройдем пару миль, но до тех пор это будет сюрпризом. Темнота даст нам дополнительное преимущество, когда мы начнем искать Лилу. И братья...

— Смайлер повернулся ко мне. — Мы заберем ее... любой ценой. Даже если бы мне не нравилась эта сучка, ее нахождение в этом трахнутом месте меня не устраивает.

— И оружие, — сказал Булл. — Нам надо постараться и узнать, что у них на складе. Эти ублюдки все еще недалеко от Остина. Они хотят поиметь нашу сферу влияния. Это означает гребаную тотальную войну с мразями. И теперь они с ККК? Не особо хорошая перспектива.

«Все согласны с тем, чтобы выдвигаться с темнотой?» — показал Стикс, кивнув на слова Булла.

Вокруг раздались «да», и я сказал:

— Кто идет? Потому что я иду и не хочу ничего слышать об этом.

Стикс кивнул и указал на АК, Смайлера. Ковбоя, Хаш, себя и меня.

«Нас шестеро, но, Кай?» — я смотрел на руки своего брата. — «АК и Смайлер поведут, хорошо?»

Я сжал челюсти так сильно, что они заболели, но ответил:

— Хорошо.

— Тэнк, Булл, Флейм, Вик, вы охраняете клуб. Ни один ублюдок не должен зайти сюда. — Они все дернули подбородками в согласии, но Флейм зарычал.

— Я иду, — выплюнул Флейм, выглядя чертовски безумным в своей коже, без футболки и только в жилете сверху. — Не смей отстранять меня. Я иду.

АК подошел к Флейму.

— Брат, это миссия туда и обратно. Никакой гребаной драмы или эти мудаки поймают нас и расплющат наши задницы. Это не какие-то тупоголовые хиппи, с которыми мы имели дело. Эта версия культа защищена и готова урыть любого ублюдка, который встанет на пути.

Флейм уставился на АК, как будто не слышал, но сказал:

— Я все еще иду. Я заткнусь нахер. — Флейм улыбнулся, и это выглядело жутко зловеще. — Способы, которыми я могу убивать, не нуждаются в звуках.

Я видел опасение на лицах всех братьев, но я бы чувствовал себя лучше, зная, что этот сумасшедший ублюдок прикрывает мою спину.

«Значит, мы пойдем сегодня, — показал Стикс. — Отдохните, вам нужно».

Каждый из братьев похлопал меня по плечу, когда покидали бар и расходились по комнатам, оставляя меня со Стиксом. Я дернул подбородком в его сторону и направился отоспаться, когда он остановил меня, схватив за руку. Он отпустил руку и показал:

«Если этот культ под руководством Райдера стал хуже, чем тот испорченный, из

которого пришли наши сучки, значит, тебе стоит приготовиться, брат».

— Она там только несколько дней. Мы вернем ее до того, как мудаки причинят ей боль, — ответил я, но, как и Стикс, если судить по его жалостливому выражению лица, я знал, что дурачил сам себя. Как только бы Лила вернулась в эту общину, ее бы увели в уединение, чтобы эти ублюдки «спасли» ее. Она сама мне так говорила.

— Иди к Мэй, — сказал я и почти побежал в свою комнату. Захлопнув дверь, я прислонился спиной к дереву и соскользнул на пол, опустив голову на руки.

Бл*дь, Ли... пожалуйста, пусть с тобой все будет хорошо.

19 глава

Лила

Листья с дерева за окном танцевали, отбрасывая тени на стену спальни. Снаружи было темно, и смертельная тишина поглотила ночь. Эти листья были не хорошим знаком. Темные формы соединялись, скрещивались и дрожали, почти выглядя как демоны, ползущие по стене, следя за мной... насмехаясь. Я зажмурила глаза, чтобы скрыться от них.

Мои ноги онемели. Я пыталась передвинуться в другую позу, но поморщилась, когда боль пронзила мое тело. Мика был грубым, кровь текла по моим бедрам, его семя высохло на моих ногах.

Я потеряла счет тому, сколько раз он взял меня — каждый раз, когда он повторял Писание, моя душа реагировала, дрожа изнутри, глаза закатывались, и персональная молитва к Господу исходила с моих уст.

— Покорись Господу, отвергни дьявола, и он охотно оставит тебя, — кричал брат Мика с каждым толчком бедер, каждый раз наматывая мои волосы на свой кулак и каждый раз, когда поток его семени проливался в мое чрево.

Устав от своей трудной задачи, Мика оставил меня неподвижной на кровати, пообещав вернуться завтра. Я не хотела наступления завтрашнего дня.

Я никогда не чувствовала себя такой... грязной, использованной. В конце каждой Дани Господней в прошлом я принимала, что нахожусь на шаг ближе к спасению. Но брат Мика брал меня не для того, чтобы спасти, нет, он наказывал меня за свои рубцы, рвал мои волосы, целенаправленно причинял боль, когда входил в меня, пока я была сухой. Он царапал меня и вонзал зубы мне в плечо, оставлял синяки на моих бедрах из-за своей неумолимой хватки, и оставил следы на шее, когда прижимал меня к матрасу, почти задушив.

За всю мою жизнь меня брал только брат Ной. Я не знала, каково это — заниматься любовью, получать удовольствие от развратных прикосновений... до Кая. Его ласки изменили меня, его любовь преобразила что-то во мне коренным образом.

Он показал мне, что это соитие... неправильное.

Я моргнула. Еще раз.

Соитие было неправильным! Все это место было неправильным!

Мои губы дрожали, и я помогла себе руками приподняться с матраса и переместить себя в сидячее положение. Незнакомая энергия наполнила меня. Прежде чем осознала свои действия, я поднялась на ноги, поправила свое испачканное кровью и семенем платье, и

направилась к двери.

Прижав ухо к дереву, я ничего не слышала. Медленно открыв дверь, проверила, что коридор был пуст, и на цыпочках вышла.

Из комнаты в конце коридора доносились голоса. Я предполагала, что в ней жили охранники-последователи. До выхода нужно было пройти совсем немного, поэтому так быстро, как возможно, я направилась к нему и в ночной воздух.

Моя голова кружилась, пока я шла по тропинке, которая привела меня к краю леса. У меня не было ни одной сознательной мысли, меня просто вели ноги, когда увеличили скорость и начали бежать. И я побежала.

Я прорвалась через гущу деревьев и бежала, бежала так быстро, как мои ослабевшие ноги мне позволяли. Я понятие не имела, где я, или куда направляюсь, но мне было все равно, пока я представляла Кая в своей голове. Это придавало сил. Я должна уйти... Я не могла поверить, что я, Далила, благочестивая последовательница Пророка пыталась убежать во внешний мир.

Мое дыхание стало поверхностным. Я споткнулась об упавшую ветку. Я была истощена, мое тело нуждалось в отдыхе. Когда мои колени и ладони коснулись земли, я пыталась подняться, но не могла. Прижавшись щекой к сухим листьям, я слышала приближающиеся голоса, один голос был почти передо мной... голос брата Мики.

— Здесь! Она здесь! — закричал он, и через секунду последователи-охранники окружили меня.

Меня подхватили руки, ошеломленная, я посмотрела в глаза брату Мике. Его губы были поджаты, а во взгляде плескалась ярость.

— Ты пыталась сбежать, шлюха? Снова покинуть свой народ... своего Пророка?

Я ничего не ответила. Я знала последствия для беглецов, и сомневалась, что к моим словам прислушаются.

В глазах брата Мики загорелась месть, и он сказал:

— Мы отведем ее к Пророку. Эта созданная Сатаной шлюха не поддается спасению и искуплению. Она зло по своей мути. Пророк Каин не потерпит ее попыток вернуться к тем грешным людям.

Мне стало все равно. Я позволила им сделать то, чего они хотели. Я не могла жить так. Если моя душа не могла быть спасена, Кай никогда не полюбит меня по-настоящему. Я бы предпочла умереть, чем жить и знать, что его любовь вызвана моими чарами... и я бы предпочла умереть, чем жить под властью Пророка.

Эта община не то, что я считала священным. Секс был аморальным. Шрамы покрывали невольные души.

Я приветствовала его обвинение в побеге.

Впервые в жизни я приветствовала окончательное облегчение от зла, живущего во мне.

***

— Пророк, вы должны сделать из не пример. Она Окаянная, совершает неподобающие поступки. Мужчины, с которыми она проживала, развратили ее душу, подпитывали влияние ее дьявола.

Мои руки снова были связаны, я сидела на твердом полу покоев Пророка Каина. Он стоял передо мной, окруженный Иудой и советом старейшин. Брат Мика рассказывал, что

произошло.

Пророк Каин наблюдал за мной, но в глубинах его глаз мелькала неуверенность. Сделав два шага вперед, он наклонился и сказал:

— Далила... я слышал о тебе много. — Я закатила глаза, чтобы встретиться с его, и была заморожена его красотой. — Расскажи мне, Далила, почему ты сбежала от наших людей?

Я не дала ответа, так как понимала, что все сказанное мной будет проигнорировано.

Пророк Каин вздохнул и тихо сказал:

— Далила, покайся, согласишься искупить свои грехи Писаниями пророка Давида, и ты будешь спасена от суда.

Я опустила взгляд, и пророк Каин поднял мой подбородок.

— Смотри на меня, — приказал он. Я уставилась ему в глаза, и затем с чем-то похожим на беспокойство, он посмотрел на старейшин.

— Оставьте нас, — приказал Пророк своему совету, и мгновенно они встали. Все, кроме брата Иуды. Пророк повернулся к нему. — Ты тоже, Иуда. Мне нужно поговорить с ней наедине.

Выражение лица Иуды помрачнело, когда он встал и направился на выход из комнаты. Хотя их лица и были идентичными, черты лица Иуды были резче. В глазах всегда оценивающий взгляд, будто он считал всех врагами. Взгляд пророка Каина иногда был добрым, иногда смущенным. Мэй рассказывала, что когда-то считала его другом. Иногда мне казалось, что я понимала, почему.

Когда все покинули комнату, пророк Каин подошел ко мне и сел на колени.

— Далила или Лида? Когда Мэй рассказывала о тебе, то всегда называла тебя Лилой.

Я не сводила глаз с плиточного пола, не произнося ни слова. Слишком онемевшая, чтобы ответить.

Пророк Каин сел на пол и обернул руки вокруг коленей, уставившись в окно. Его каштановые волосы спускались по спине, а борода отросла с последнего раза, когда я видела его месяцы назад, после того как он вернул Мэй пророку Давиду.

— Как она? — спросил Пророк через несколько минут, отчего я удивленно моргнула.

Я не ответила, поэтому он повернулся и посмотрел на меня.

— Она счастлива? Она... говорит обо мне когда-нибудь?

Печаль исказила его лицо, и он повесил голову, вздохнув, как будто пожалел о сказанном.

Уставившись на дверь позади нас, Пророк повернулся ко мне и сказал:

— Ты должна покаяться, Лида. Если не сделаешь этого, я не смогу тебя спасти. За каждым моим действием следят, каждое молитвенное собрание судят, и я пытаюсь сделать эту общину процветающей, ради наших людей. Люди должны верить в меня, чтобы я привел их к величию. Я все еще верю в послание Господа, в послание Пророка Давида. Я все еще хочу спасения для нас. Для этого нам нужна Мэй, нам необходимо вернуть всех Окаянных в Новый Сион. Пророчество должно быть исполнено!

Мои руки задрожали, когда я услышала правду, оправдание в его словах. Я тоже хотела, чтобы Окаянные были спасены, но затем в моей голове возникло изображение счастливой и улыбающейся Мэй со Стиксом, и я знала, что не могу покаяться. Когда я думала о тихой Мэдди, которая с удовлетворением смотрела в окно, я понимала, что не могу покаяться. И когда я думала том, как Кай заботился обо мне, как нежно занимался любовью со мной, я понимала, что не могу покаяться.

Их необходимо защитить.

Пророк Каин наклонился вперед и приподнял мой подбородок своими пальцами.

— Я никогда не причиню ей боль. Она будет моей единственной женой. Я люблю ее. И поэтому она должна освободиться от этого дьявола Стикса. Вы все. Вы все должны быть здесь. И потому что я люблю ее, и я знаю, что она любит тебя, мне нужно твое покаяние. В противном случае я не смогу остановить твое наказание. Я избавлю тебя от суда, если ты признаешься в своих искушениях. Потому что, Далила, ты не захочешь пройти через суд.

Я открыла рот заговорить и, казалось, Пророк вздохнул от облегчения, что я согласилась. Не прошло много времени, прежде чем я крепко поджала губы.

Порок стиснул челюсти и, выпрямляясь, злобно сказал:

— Так они завладели и тобой? Палачи испортили еще одну Окаянную душу? Ты отказываешься от спасения своего народа, чтобы их защитить? Почему? Ты тоже влюбилась в одного из них? — он рассмеялся, не веря. — Это правда, не так ли? — В его прежнем добром взгляде появилась горечь. — Значит, они просто приговорили тебя к вечности в Аду.

Дверь в комнату внезапно распахнулась, и брат Иуда вошел вместе с моим отцом и братом Лукой.

— Ну? — спросил Иуда, и я ощущала взгляд Пророка Каина на себе, который умолял меня признаться. Я сохраняла молчание. Мне было все равно, что они со мной сделают. Суд или не суд, я покончила со всем этим, с красотой, которая привлекала таких людей, как Иуда, насиловать меня. Теперь я понимала, что то, что они маскировали под «Данью Господней» было изнасилованием. Теперь я понимала, что такое изнасилование.

Пророк Каин вздохнул сдавшись. Встав, он посмотрел на брата.

— Ты сам ее судья, Иуда. Я умываю руки и не буду принимать участие в ее наказании. — Пророк посмотрел на Мику и сказал резко: — Может, в конце концов, ты прав, брат. Может, ей не поможет спасение.

Пророк Каин ушел и поднялся по большому ряду лестниц, исчезнув из виду, но я нахмурилась, когда увидела его отражение в окне напротив. Он стоял, прислонившись спиной к стене, наклонив голову, развернулся и ударил кулаком в стену. Его приступ гнева испугал меня, но у меня не было времени обдумывать это. Брат Иуда, брат Лука, брат Мика и, что больше всего ранило, мой отец все столпились над моим съезжившимся телом. Хотя я пришла к осознанию, что этот мужчина не отец для меня. В его душе не было заботы обо мне.

Брат Иуда посмотрел на Мику.

— Собери людей. Они должны видеть, как Орден наказывает блудницу Сатаны. Мы поведем ее в круг. Мы испытаем ее как ведьму, коей она и является.

***

Толпа стояла и пялилась, когда мне связывали запястья и каждую руку привязывали к двум стойкам. Они выкрикивали разные фразы в мою сторону, их злые лица покраснели, когда Иуда и Мика обвинили меня в попытке побега.

— Эта Окаянная женщина была поймана в попытке побега из Ордена, после спасения братом Микой. — По всей поляне раздались удивленные крики. Мужчины и женщины всех размером и возрастов сердито смотрели на меня, взрослые защищали лица детей от меня.

— Дьявол в ней убедил ее сбежать от спасения Господнего. И как слабая женщина, она

уклонилась от достижения божьего света. Вместо этого выбрав путь темноты.

Внимание людей было приковано к Иуде, когда он опустился на колени рядом со мной, брат Мика держал меня за волосы, чтобы мое лицо было всем видно.

— Это Окаянная. Запомните ее лицо, предназначенное для того, чтобы мужчины падали к ее ногам. — Иуда провел пальцем по моему лбу. — Ее черты лица идеальные, чтобы соблазнить любого мужчину. Ее лоб идеального размера, глаза большие, обрамлены густыми и длинными ресницами. Скулы высокие, тем не менее не слишком очерченные. Подбородок маленький, придающий внешности нежность, губы полные и пухлые, но рот не большой. Мужчины сходят с ума от ее лица.

Иуда поднялся на ноги, потянув мои волосы, чтобы я поднялась. Брат Мика встал позади меня и сразу же разрезал спину моего одеяния, так что мою честь покрывала только белая комбинация. Когда он ухватил ее сзади, материал прильнул к моему телу.

Мужчины в толпе смотрели на меня с похотью, кто-то даже подошел ближе к сцене.

— Ох, мои братья, вижу, что коварная соблазнительница притягивает вас. Ее тело было создано для того, чтобы вызывать похоть в сердцах мужчин.

Рука Иуды оказалась на моем плече, затем опустилась ниже.

— Ее плечи женственные, мягкие. Груды полные и вздернутые. — Я боролась с желчью в горле, когда вторая рука Иуды обхватила мою правую грудь, массируя плоть и сжимая сосок.

Его рука опустилась к моей талии.

— Ее талия тонкая, идеально плоский живот ведет к бокам, что расходятся и приветствуют мужчин между бедер.

Иуда отпустил меня, и я упала на землю, веревки обжигали мои запястья.

— Множество мужчин было соблазнены этой женщиной, этой шлюхой. — Иуда посмотрел позади меня на совет старейшин. — Сделайте шаг вперед, если эта женщина наложила на вас свои чары.

Брат Мика шагнул вперед, затем брат Лука, и наконец мой отец. Толпа ахнула, когда старейшины признали свою слабость. Иуда встал на краю возвышающейся сцены.

— И братья, которые сейчас смотрели на эту женщину. Сделайте шаг вперед, если вы смотрели на Окаянную, возжелали соединиться с ней, попробовать ее, прикоснуться к ней.

Дрожа, я подняла подбородок, увидев, что множество мужчин, десятки мужчин шагнули вперед. Сдерживаемые слезы потекли по моим щекам. Проклятье этого лица! Проклятье этого тела!

Иуда раскинул руки.

— Сегодня мы навсегда избавим эту женщину от дьявола!

Брат Мика снова появился за моей спиной и сорвал мою комбинацию, оставив меня обнаженной перед толпой. Некоторые из мужчин обезумели от похоти, когда уставились на мою голую плоть.

— Брат Мика! Достаньте плеть! — приказал Иуда, и я услышала, как брат Мика поднял что-то с пола. Горячее дыхание внезапно опалило мое ухо, и Мика сказал:

— Это мое возмездие, Далила. У тебя тоже будут шрамы... если ты не умрешь раньше.

Я не боялась, хотя должна была. Все было совсем наоборот. Они хотели, чтобы у меня появились шрамы, чтобы я вызывала отвращение... не была совершенной. Они хотели моего покаяния, чтобы я признала дьявола в себе.

Но у них не было шанса. Я хотела умереть, если был выбор между этим и проживанием

здесь в общине. Я просто хотела освободиться от дьявольского проклятия.

На моем лице растянулась улыбка, и я увидела, как брат Иуда нахмурился. Его лицо покраснело, когда гнев поглотил его. Склонив голову, я зажмурила глаза.

Первый удар плети врезался в мое тело, и раскаленное добела пламя чистой боли пленило мое тело. Невольный крик вырвался из моих уст, и я подняла голову, увидев победную улыбку на лице Иуды.

Я закалила себя к следующему удару, затем к следующему... и к тем, что последовали. По моему лицу тек пот, капая на деревянный пол, где низко висела моя голова.

Даже легкий ветерок ощущался лезвием на моей коже. Когда удары плетью прекратились, моя спина прогнулась от слабости, Иуда немного преклонил колени, успокаивая толпу.

— Ты раскаиваешься в своих искушающих действиях?

Держа рот на замке, я отвела взгляд от Иуды.

Покачивая головой, он перевел внимание за меня.

— Развяжите ее.

Кто-то перерезал веревки на моих запястьях, и мое тело упало на землю.

— Поднимите ее! — приказал Иуда, и грубые руки взяли меня под руку и оторвали от пола. Кто-то потянул меня за волосы, и я поняла, что стою перед толпой. Они все были размыты в одно целое, не имея определенных черт, невозможно было различить их одежду. Но затем они начали расходиться, возмущенные тем, что кто-то проталкивался вперед.

Сначала я увидела вспышку красного, затем услышала всхлип и мгновение спустя, мои глаза прояснились достаточно, чтобы увидеть Фиби, которая смотрела на меня, прикрывая рот рукой.

Мой взгляд был прикован к сестре, когда Иуда обратился к толпе:

— Иисус Христос умер на кресте, чтобы искупить грехи человечества... но некоторые грехи нельзя искупить. Быть заодно с Сатаной — смертный грех.

Иуда вытянул руку и в нее был помещен толстый металлический прут.

— Эта язычница должна встретиться с Господом, со знаком Христа на ней, чтобы наш Господь знал, что все сделанное для спасения ее гниющей души... увы, напрасно.

Я видела слезы в глазах Фиби, когда она наблюдала, как братья Мика и Лука держали мои руки, показывая мое обнаженное тело людям Нового Сиона.

Мой отец зажег установленный с краю сцены бочку, пламя поднялось высоко, тепло опалило мою раненую щеку. Взяв железо Иуда поднес его к огню, кончик покраснел от жара. Подняв раскаленное железо и подойдя ко мне, он расположил его вертикально моему животу, прижал, и раскаленный металл ошпарил мою кожу.

Хотела я этого или нет, ослабла или нет, но из горла вырвался крик, и глаза Иуды засветились удовлетворением. Все мышцы моего тела были натянуты — я не дышала, просто не могла втянуть воздух...

— Эта блудница всегда будет носить знак Христа, искупителя, нашего спасителя. Крест должен держать дьявола, живущего внутри нее, в страхе!

Погрузив железо в бочку с огнем, Иуда вытащил его и поднял высоко. Зажмурив глаза, я приготовилась к следующим мучениям... и они последовали, обжигая мою плоть; тлетворный запах этой отметки ударил мне в нос.

Бросив железо на землю, Иуда посмотрел мне в глаза, мое сознание тускнело, и спросил:

— В последний раз Далила, шляха Сатаны, ты покаешься в своем греховном соблазнении?

Я знала, что вот он, момент, когда я выбираю свою судьбу. Посмотрев в ночное небо, я уставилась на одинокую луну и молила Господа, чтобы он помог мне остаться сильной. Увидел меня на этом суде и понял, что я хотела избавиться от дьявола... Я хотела быть спасена... смертью.

Иуда сплюнул на землю у моих ног и провозгласил:

— На огне ты сгоришь. Кипящей кровью будешь очищена от своего греха!

Из толпы раздался болезненный крик, и Фиби упала на колени. Иуда прищурил глаза от недовольства. Затем адресовал моему отцу и брату Мике:

— Брат Мика, брат Исаяя, отведите Лилу на холм вечных мук. Вы знаете, что делать.

Мой отец и брат Лука встали по бокам, и вместе с братом Микой потащили меня со сцены, кожа на моих пальцах ног слазила от грубого дерева.

Должно быть, я потеряла сознание, потому что следующее, что я помню, как брат Мика толкал свое хозяйство в мое лоно.

— Боже, прости меня, — выдохнул он, когда толкнулся в меня два раза. Я даже не почувствовала.

Убрав голову из местечка между моей шеей и плечом, он отпрянул и встретился со мной взглядами.

— Далила, ты на самом деле самое красивое создание на свете. Я никогда не хотел женщину так, как хочу тебя... — Он вздохнул и потерся своей щекой об мою. — Это лицо... это красивое лицо сводит меня с ума.

— Брат Мика! Мы должны действовать! — я искала источник голоса и увидела, как мой отец укладывает деревянные доски.

— Я буду скучать по этому лицу, Лила, — сказал Мика тихо и выскользнул из меня, только чтобы схватить мои ноги, прижать их вместе и связать лодыжки. Я инстинктивно пыталась дергать руками, но они были подняты над моей головой и привязаны к толстому куску дерева.

Я была на столбе... я была привязана к столбу!

Мгновенно я начала бороться, когда мой отец расположил полено у моих ног.

На огне ты сгоришь. Кипящей кровью будешь очищена от своего греха!

Слова брата Иуды внезапно обрели смысл. Они сожгут меня как ведьму!

Брат Мика закрепил мои ноги, затем принялся помогать отцу.

Паника накрыла меня, и я закричала в растерянности, не в состоянии освободиться от оков.

— Пожалуйста! — умоляла я.

Из-за боли в спине я бредила, сожженная кожа моего туловища причиняла мучительную боль. Я испытывала жажду, у меня пересохло во рту из-за недостатка жидкости. Я осматривалась вокруг, но ничего не было видно, только поле за полем, обширное зеленое одеяло и небольшой грузовик, припаркованный у подножья холма, на котором они, должно быть, привезли нас в это уединенное место.

Достав спичку из небольшого льняного мешочка, мой отец поджег ее об кремень у основания столба, и я наблюдала, как бревна медленно зажигались, и небольшое пламя начало облизывать дерево.

— Пожалуйста, нет! — закричала я, когда ощутила тепло у своих ног.

Брат Мика и мой отец опустили на колени, закрыли глаза и подняли свои руки к Господу.

— Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его.

— А трусам, предателям, подлецам, убийцам, развратникам, колдунам, идолопоклонникам и всем лжецам — им место в озере, что пылает огнем и серой, а это вторая смерть.

— Они будут наказаны вечным процессом разрушения и навсегда убраны от Его присутствия и величия Его силы.

Писание скользило с их уст. От Матфея, Откровение, «Первое послание к Фессалоникийцам св. апостола Павла» и «Второе послание к Фессалоникийцам св. апостола Павла».

Они беседовали с Господом, слишком потерянные в восторге глоссолалия, чтобы слышать мои крики.

Пламя все поднималось, и любая надежда спастись от этой ужасной смерти — ушла.

Я закрыла глаза и молилась, чтобы все произошло быстро.

20 глава

Кай

— Готовы?

Смайлер повернулся к АК и начал выкручивать предохранитель, чтобы перекрыть электрический ток, проходящий через забор.

Остальные: я, Стикс, Флейм, Ковбой и Хаш сидели в ожидании, но я отчаянно хотел проникнуть внутрь.

АК и Смайлер не лгали, это место было проклятой военной крепостью. Стены, забор и смотровые площадки повсюду. К этому моменту были вырублены два охранника: один Стиксом, один мной. Ублюдки даже не слышали наше приближение, что идеально позволило удивить их глупые задницы, отправив пулю им прямо между глаз, благодаря отличным глушителям на наших Узи.

— Готово! — прошептал Смайлер, бросая дверцу предохранителя на землю. Используя Узи, он расстрелял гребную штуковину.

Используя приклад своего ружья, АК проверил забор — ничего.

Хаш шагнул вперед с кусачками для проволоки, обрезая достаточное пространство, чтобы мы могли пролезть.

Один за другим, мы проходили через ряд заборов, в невероятно большое поле. Придерживаясь линии деревьев, АК повел нас в лес.

— Что теперь? — спросил Ковбой.

— Мы направляемся на север, — ответил Смайлер. — В чертежах обозначено большинство зданий в этом направлении.

«Ты ведешь, мы за тобой», — показал Стикс, и мы выдвинулись.

Придерживаясь прикрытия густых деревьев, мы прошли несколько миль, когда звук голосов привлек мое внимание.

Замерев, я поднял руку, братья остановились. Я прислушивался, пока все взгляды устремились на меня.

— Вы слышите? — выдохнул я.

АК нахмурился.

— Здесь ничего нет. Поле и подобное дерьмо.

Голоса становились громче, и, отшатнувшись, следуя по направлению звука, я увидел что-то похожее на пламя вдалеке.

— Похоже на огонь, — сказал я, и братья посмотрели в ту сторону. — Почему, черт возьми, вдалеке огонь?

АК повернулся к Смайлеру.

— Нам нужно проверить. Чертежи не могут ошибаться.

Но затем громкий крик прорезался сквозь низкие бормотания, отчего кровь в моих венах застыла. Грудь сжалась, когда я услышал его снова, я помчался вперед, игнорируя братьев за мной. Этот голос... гребаный голос...

Когда он зазвучал снова, у меня не было сомнений, кому он принадлежит...

ЛИЛА!

Побежав так быстро, как мог, я направлялся к пламени, а жуткое бормотание становилось все яснее. Я быстро понял, что это был чертовски странный библейский разговор в стиле Лилы.

Услышав шаги позади себя, я оглянулся и увидел Стикса и Флейма, следующих за мной. Лицо Флейма осветилось предвкушением, а Стикса беспокойством.

Подняв свой Узи на крики Лилы, я наконец прорвался через деревья и замер.

Двое мужчин катались по земле, болтая на языке, который не мог понять ни один ублюдок... перед огнем... столб... гребаный столб с голой Лилой... она кричала... от боли.

— Лила! — закричал я, бросившись вперед и услышав злой рев Флейма и ругательства из уст мои братьев.

Мужчины на земле даже не беспокоили меня. Я мог видеть только Лилу, пламя лизало дерево почти у ее ног.

Оглянувшись, я увидел, что Ковбой и Хаш побледнели.

— Ковбой, Хаш! Вы со мной!

Оба брата последовали за мной к костру. Глаза Лилы были закрыты, проклятое распятие было выжжено у нее на животе. Она была избита до крови. Я осмотрел ее тело, пока Хаш и Ковбой стали по обе стороны сзади столба и начали отрезать веревки с ее запястий и ног.

Зная, что Ковбой и Хаш займутся веревками, я начал раскапывать землю вокруг ее ног. АК и Смайлер присоединились ко мне, пока не было расчищено достаточно, и я мог добраться до своей женщины.

— Лила! — крикнул я, приблизившись, но ее голова раскачивалась из стороны в сторону. Бл*дь, она была не в себе.

— Кай, брат, — позвал Хаш. — Ее спина исхлестана, похоже на реальное распятие гребаного Христа.

Я задрожал от ярости, и когда Ковбой и Хаш дали сигнал, что веревки развязаны, я поднял обмякшую Лилу со столба, ее голубые глаза открылись.

— Кай? Мой Кай... ты здесь... но ты не любишь меня по-настоящему. Это все ложь... Мне так жаль... жал...

Внезапно глаза Лилы закатились, и она потеряла сознание.

— Лила! Лила! — вскрикнул я, находясь в гребаной растерянности, но она не

просыпалась.

Выбежав из пламени, я наклонился и рассмотрел ее. Повсюду была кровь. Ожоги, шрамы, синяки, следы плети и....

Нет, черт побери, НЕТ!

Кровь вытекала из ее киски... вместе с гребаной спермой.

Они изнасиловали ее... Они, бл*дь, изнасиловали ее!

Сжав кулаки, я положил Лилу на траву, мой взор застилала пелена ярости. Сняв свой жилет, я положил его поверх ее тела и повернулся к ублюдкам, которые извергали это сумасшедшее дерьмо.

Стикс держал какого-то старика ублюдка, который почти обосрался при виде нас. А Флейм держал нож у горла мужчины, его свинные глазки наблюдали за мной и моей сучкой, которую он, бл*дь, пытался сжечь.

Флейм прошептал что-то ему на ухо, что я не мог разобрать. Но мразь услышал это, побледнел от того, что изверг наш клубный псих.

Решив начать с него, я встал перед его лицом и, вложив все силы в это удар, ударил его в челюсть. Флейм запрокинул голову назад и рассмеялся, когда кровь хлынула изо рта последователя Иисуса.

Но ублюдок воспрянул.

— Душа согрешающая, она умрет; сын не понесет вины отца, и отец не понесет вины сына, правда праведного при нем и остается, и беззаконие беззаконного при нем и остается.

Его взгляд вспыхнул, когда он цитировал Библию.

Обхватив его щеки, мое лицо встретилось с его.

— Не-а, согрешающая душа разорвет тебя на части и отправит в Ад, ублюдок.

— И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая.

— Убей его на хрен, Кай. Убей его или убью я, — зашипел Флейм, он прижимал лезвие так сильно, что полилась кровь.

— Она грешница, блудница! Она должна сгореть! Раскаяться!

Повернув внимание к старому ублюдку, которого держал Стикс, я направился к нему. Он держал голову высоко, могуче и гордо.

— Есть что сказать, дедуля?

Его морщинистое лицо побагровело, и он сказал:

— Она порождение дьявола! Соблазняет всех на своем пути. Она должна умереть! Единственный способ спасти ее испорченную душу!

— Может, тебе нужно, нахрен умереть, — выплюнул я и повернул свое внимание назад к другой мразе. Он был тем, кто причинил боль моей сучке, и должен умереть.

— Когда-то она была моей дочерью! И она соблазнила даже меня!

Замерев, я медленно повернулся к старику. Меня охватила такая злость, которую я не ощущал прежде. Потянувшись в свой ботинок, я вытащил лезвие, подошел туда, где Стикс держал его, и резанул его горло. Стикс уронил его почти мертвую задницу на землю, и я наклонился и сказал:

— Ты гребанный кусок педофила. Ты прикоснулся к собственной дочери и затем обвинил ее. Передай Аиду мой привет, потому что это единственное место для тебя.

Когда он захлебывался кровью, я стоял, но затем ударил его ботинком по яйцам, улыбаясь его крику, и перерезал его горло.

Шок отразился на его лице, когда по груди текла кровь. Я заставил ублюдочную мразь

задышаться. Он заслужил смерть... медленною.

— Кай! — закричал Флейм. Я дернул подбородком в сторону брата, и его рука дрожала. — Я хочу убить его. Хочу пролить его кровь... медленно. Хочу омыть себя ею. — Его безумные черные глаза были прикованы к Иисусу в его хватке.

Подойдя к последователю, я посмотрел ему в глаза и спросил:

— Ты трахнул мою сучку? Ты отхлестал ее, поджег и привязал к этому гребаному столбу, как гребаный кардинал испанской инквизиции?

Он старался скрыть свою реакцию, но его глаза и ноздри слегка трепыхались. Этого подтверждения мне было достаточно.

— Флейм, — сказал я, — сними его чертово белое платье.

Флейм нахмурился, но толкнул мудака вперед, сорвал эту ужасную тунику и держал ее на расстоянии вытянутой руки. Посмотрев позади себя, я заметил Ковбоя и Хаш с Лилой и сказал:

— Ковбой?

— Да?

— Отнеси это Лиле. Накрой ее, чтоб никто из вас ублюдков не пялился на ее киску.

Ковбой взял тунику, когда я повернулся к бородатому последователю.

— Так, ты, бл*дь, изнасиловал мою женщину? — спросил я натянуто, меня тошнило, представляя это. Моя кровь закипала, бурля под моей кожей.

— Она грешница, а я благословленный старейшина, которому выпала забота о ней... я спасал ее черную душу!

Прицелившись своим Узи в его ногу, я выстрелил ему прямо в бедро. Он закричал, но Флейм накрыл его рот своей рукой в перчатке, чтобы заткнуть нахер.

Затем я прицелился в его правое плечо и послал еще одну пулю в его плоть.

Засунув Узи себя за штаны, я вытащил зубчатый нож.

— Флейм, раздень его.

Насильник начал так сильно трепыхаться на полу, что я почти почувствовал его страх. Щенок. Так было до того, как Флейм взял свой пистолет и ударил его по затылку. Флейм стянул штаны мудака и разорвал их, выставя хозяйство последователя на обозрение.

— Кай! — закричал Смайлер, и когда я повернулся, он нависал над Лилой. — У нее шок, она сильно кровоточит. Нам, бл*дь, нужно быстрее отвезти ее домой, прежде чем попадет инфекция. Убей мразь и поехали.

Мой взгляд встретился со взглядом Флейма.

— Отрежь его член медленно и засунь ему в рот. И не останавливайся, пока он не сдохнет. Он не выживет, если причинил боль моей сучке.

Глаза Флейма засветились, как будто это было Рождество, и я наклонился сказать последователю:

— Ты так сильно любишь своего Бога, встретиться, бл*дь, с ним.

Я выпрямился и побежал к своей сучке. Мы все поморщились, когда услышали, как Флейм отрезал член ублюдка, а тот заорал от боли.

— Бл*дь, Кай! — сказал Ковбой. — Тебе обязательно нужно быть таким изобретательным?

Крики стали стихать, и Флейм убедился, что ублюдок подавился своим хером. Рвота и брызги слюной продолжались чертовски долго, пока Флейм внезапно не взревел как брат, который только что кончил в сучку, и мы все поняли, что последователь мертв.

Разомкнув свой немецкий нож, Стикс подошел к последователю, навис над его грудью и начал выводить «ПА» — его подпись Палачей. Затем он сделал то же самой со стариком Лилы.

Пророку долбаному Каину хватит одного взгляда, чтобы понять, кто убил его педофилов. Но я полагал, что крыса так и так бы понял. Он должен был знать, что если нападет на нас, то весь груз предсказанного им зла, о котором он так много проповедовал, упадет на его плечи.

Война приближалась. Не прямо сейчас... но скоро, и я, бл*дь, буду готов.

«Выдвигаемся», — показал Стикс. Вытерев кровь с лезвия об высушенную траву, он засунул его обратно в ботинок. Я взял Лилу на руки, кровь от ее повреждений просачивалась через тунику. Даже в таком состоянии она была чертовски ошеломляющей, и моя грудь в буквальном смысле болела, от того, как сильно я скучал по ней. Но, бл*дь, эти ублюдки протащили ее через то, что потрепало ее тело.

Стикс опустил руку на мое плечо.

«Мы отомстим позже. Сфокусируйся на своей сучке и позволь мне позаботиться об остальном».

Флейм присоединился к нам, вытирая кровь со своих рук об кожаные штаны, брат казался спокойнее, и мы побежали к забору.

Аханье остановило нас на полушаге. Когда мы повернулись, на нас смотрела рыжая сучка, с чистым страхом на своем лице. Она сбежала с холма со стороны базы.

АК сделал шаг вперед, и она отшатнулась в страхе, захныкав, увидев два тела на земле.

— Нет! — выдохнула она, плач заглушал ее голос. — Вы... вы демоны, о которых предупреждал пророк Каин. Живая армия Аида, которая носит черную кожу и убивает людей без угрызений совести. Вы забираете наши чистые души и отправляете их прямоком в Ад.

— Бл*дь! Мы известны в гребаном райском уголке! — сказал Хаш сухо, без веселья в голосе.

— Дерьмо! — сказал АК и встретился взглядом со Стиксом. — Я не убиваю женщин, но мы не можем позволить ей убежать к главному уродцу Иисуса.

Стикс провел рукой по своему лицу.

Сучка оторвала взгляд от двух трупов на земле, затем посмотрела на Лилу.

— Она жива? — прошептала она, казалось, ее лицо содрогалось от страха. Но не от боязни нас, а от страха за Лилу.

Нахмурившись, я прижал Лилу ближе к себе и уставилась на рыжую святошу.

— Какого хрена тебя это заботит?

Поднявшись на ноги, она осмотрела своими зелеными глазами моих братьев и сказала:

— Она... она моя сестра.

— У нее нет сестры в этой дыре. Ее сестры не здесь, подальше от этого педофильного ада и под защитой Палачей.

Ее глаза стали больше при упоминании Палачей, но она быстро взяла себя в руки и начала трясти головой.

— Нет... я ее сестра по крови. Я ее сестра... Фиби. — Она подняла дрожащую руку и указала на старого мужика на земле, который тонул в своей крови. — Этот... он был нашим отцом... Вы убили нашего отца.

АК двинулся вперед и схватил ее за руку, поднося дуло своего пистолета к ее голове.

— Он был долбаным педофилом и заслужил встречу с лодочником. И ты тоже. Тебе не следовало здесь появляться, красавица. Теперь ты должна умереть.

— Нет, пожалуйста! — закричала она. — Я пришла помочь сестре. То, что они делали с ней сегодня... мои люди... Боже! Я не могла вынести этого. Ее крики выжжены в моей голове. Все, что я могу видеть — ее кровь...

Мой желудок перевернулся на ее словах и из-за гребаного опустошения в ее голосе. Я сжал свою женщину крепче и изучал рыжую. Она была не похожа на Лилу, не была ошеломительной, но в каком-то смысле была красивой, и явно заботилась о моей женщине.

— Ты должен забрать ее, — сказала она мне, игнорируя АК. — Ты должен забрать и не позволять им снова ее вернуть, защити ее...

АК посмотрел мне в глаза, и я кивнул, показывая не убивать ее. Боже! В последнее время я становился киской.

АК щелкнул предохранителем своего девятимиллиметрового и сказал Фиби на ухо.

— Послушай, сучка, мы свяжем тебя, чтобы ты не смогла побежать к долбаному Пророку и сказать, где мы. Да, ты же понимаешь это своим трахнутым маленьким мозгом?

Фиби закрыла глаза, я видел, что ее руки дрожали, но она кивнула.

— Просто... просто, пожалуйста, увезите ее в безопасное место. В следующий раз, старейшины не оплошают и убью ее.

АК посмотрел на меня в замешательстве и повел сучку к дереву в стороне от костра, но остановился, когда сучка уперлась пятками и вежливо спросила:

— Я могу с ней попрощаться?

Я дернул подбородком в сторону АК. Он потащил рыжую ко мне, и я увидел, что по ее бледным щекам текут слезы. Медленно вытерев руку, она нежно провела тыльной стороной ладони по лицу Лилы и сказала:

— Ее жизнь не была простой. Я молилась, чтобы она оказалась в лучшем месте, но нам всегда рассказывали истории об Окаянных, их обучении. И затем я снова увидела ее. Я знала, что ее жизнь состояла из несчастий и боли. — Сучка расплакалась и выдохнула: — Будь спокойна, моя Ребекка. Будь счастлива. Мы встретимся снова когда-нибудь, неважно, в этой жизни или нет.

Когда она опустила руку, я спросил:

— Как ты ее назвала?

Фиби посмотрела на меня и сказала нервно:

— Р-ребекка. Ее имя при рождении было Ребекка. Но они забрали ее от меня, из нашего дома, еще маленькой девочкой, и назвали ее Далилой, грешным именем, именем Окаянной. — Сучка посмотрела на Лилу и сказала: — Они сказали, что она зло. Они убили ее мать за то, что та соединилась с Сатаной и создала на свет ребенка, согрешив с самим Айдом. Они отправили ее к Пророку, чтобы обучить и спасти... но даже тогда она всегда была моей маленькой Ребеккой.

— Я не видела ее, пока ее не вернули сюда. И я никогда не ненавидела ее как все остальные. Хотя она и была отвергнута моими матерью и отцом, я молилась о ее возвращении. — Глаза Фиби встретились с моими. — Несмотря на то, что ты дышащий демон, кажется, ты заботишься о ней, и может, она принадлежит месту с людьми темноты... потому что она тоже грешна. Прошу тебя дать ей настоящую любовь. Моя Ребекка заслуживает быть любимой.

Я опустил взгляд на свою прекрасную сломленную женщину и прошептал:

— Ребекка...— Ее ресницы затрепетали на это имя, и стон сорвался с губ. Имя подходило ей — белокурая и голубоглазая Ребекка.

— Нам нужно идти, — сказал Смайлер позади меня. — Уже, бл*дь, давно. Следующий патруль через тридцать минут. Не знаю, насчет вас, но я не хочу встретиться с армией гребаного джихадистского культа, когда нас всего шесть Палачей!

Когда мы тронулись с места, взгляд рыжеволосой не покидал сестру, когда АК оттащил ее и привязал к дереву. У меня была огромная потребность вернуть мою женщину на территорию лагеря. Я видел, как АК пялился на рыжеволосую сучку, и понимал, что он не хотел ее покидать.

Но не было времени для жалости и совестливости в этой жизни вне закона — сестра она или нет. Она могла лгать, пытаюсь одурачить нас, притворившись, что заботится о Лиле... пытаюсь также одурачить и Лилу.

Лила была моей женщиной и все остальные могли пойти на хер. Как единое цельное братство мы пролезли через забор, не оглядываясь.

Семьдесят минут спустя, мы вошли в ворота лагеря, и прижимая безжизненное тело Лилы к своей груди, я бросился в свою комнату. Смайлер сразу же пошел за аптечкой, когда Мэй вместе с Мэдди, Летти и Красоткой бежали по коридору. Мой разум даже отметил, что Мэдди на самом деле покинула квартиру.

Бросив один взгляд на мою сучку, Мэй и Мэдди опустились на колени, болезненный плач срывался с их губ.

Положив Лилу на кровать, я почувствовал облегчение, что моя сучка в моих объятиях, на моей кровати, но я знал, когда она очнется, все будет не так уж и хорошо... ничего из этого ненормального ведьмовского костра не было хорошим.

Все это было катастрофой...

Гребаной полнейшей катастрофой...

21 глава

Лила

— Смайлер сказала, она будет в порядке. Просто нужно время. Ее подлатали, а лихорадка прошла.

— И кто из мужчин сделал это с ней? Кто ответственен?

— Мы взяли двух из них, отправили в Ад. Одним из них был ее гребаный отец, Мэй.

— А... а Пророк?

— Нигде не видно. Она была на каком-то столбе для суда ведьм, на холме в пустынной местности.

— Не могу поверить, что он позволил сделать это с ней... Удары плетью, сжигание на костре...

— Ее, бл*дь, изнасиловали! Множество раз!

— Пожалуйста... Не говори это... Я не могу вынести...

— Да, ну, эта мразь не тот человек, которого ты знала. Он блаженный мудака с комплексом Бога и скоро умрет... действительно чертовски скоро.

Мое горло было стянуто и сухое, и все тело болело. Разговоры вокруг проникали в мое

сознание, но я не могла понять, о чем они говорили.

Где я?

Мне казалось, что моя спина была в огне, а живот слишком напряжен, чтобы двигаться. Паника начала нарастать в груди, сердце забилося быстрее, вздохи стали резкими и короткими.

Новый Сион... Я была в Новом Сионе... Огонь, там был огонь. Мое тело слишком горячее, и пламя лизало мои ноги.

Я пыталась двигать ногами, но они были связаны, руки скованны над головой. Мой отец и брат Мика читали Писание у моих ног, их голоса становились громче, когда язык изменился на один для обращений к нашему Богу.

Я была проклята, горела в адском пламени, моя душа очищалась от горячей температуры моей крови.

В моем желудке нарастал крик, и не в состоянии выдержать жар огня я выпустила его.

— Лила! — закричал женский голос.

Тяжелые руки держали меня, когда боль в моем сильно побитом теле становилась сильнее.

— Нет, пожалуйста! — умоляла я. — Не убивайте меня так... не пламенем! Другим способом, не пламенем!

— Лила, детка, успокойся, бл*дь.

Этот голос... голос... вернул меня в настоящее.

Мое тело замерло, и что-то шероховатое, но нежное, коснулось моего лба и спустилось к щеке.

— Лила, очнись. Открой глазки, сладкие щечки.

Следуя приказу, я открыла тяжелые веки и яростно заморгала, пытаюсь ясно видеть. Перед моими глазами плясали тяжелые тени, пока не показалось лицо... Знакомое лицо, я узнала это красивое лицо.

— Лила? Ты здесь, детка? — прохрипел он глубоким голосом с южным акцентом.

Я оглядела комнату: темные стены, деревянные полы... Что-то знакомое, я знала это место. Мои руки нащупали постельное белье. Оно было знакомым. Я знала его.

— Детка? — мои глаза уставились в голубые глубины. Они были знакомыми, я знала эти красивые глаза. Я не была в огне... я не в огне!

— Кай? — прохрипела я, звук разрезал мое горло как лезвие бритвы. Мои руки накрыли кожу на шее, как будто могли успокоить плоть изнутри.

— Вот, — рядом со мной раздался тихий женский голос, стакан воды появился возле моего рта.

Длинные темные волосы и пара необычно голубых глаз показались на виду.

— Мэй, — сказала я, и она улыбнулась мне, хотя улыбка выглядела болезненной.

— Сестра, мне жаль... Мне очень-очень жаль... — плакала она.

Я не могла говорить. Слишком оцепеневшая, чтобы даже двигать своими губами.

— Они хотели меня, — плакала она. — Они приказали забрать меня... Райдер... Пророк Каин...

— Хочет всех нас назад, — донесся тихий голос слева, и маленькие пальцы обернулись вокруг моих. — Это правда, не так ли, сестра? Они хотят вернуть нас троих к нашим людям?

Мэдди. Моя Мэдди была со мной в этой комнате. Я хотела радоваться, но эмоции отсутствовали. Что-то случилось со мной. Что-то обособило меня. Мэдди приняла молчание

за ответ «да» на свой вопрос. И правильно сделала. Это правда.

Кай сел на кровать и убрал длинные пряди волос с моего лба.

— Детка... — затих он, и я увидела боль, исказившую его лицо. — Эти извращенцы... то, что они сделали с тобой...

Я взяла его руку в свою и поднесла ее к его губам. Кай смотрел на меня долгое время. Затем сжал руки в кулаки и отстранился от меня, спрыгнув с кровати.

— Бл*дь! Я не могу справиться с этим!

Мэдди вскочила со стула рядом со мной. Дрожа, она опустилась на пол. Я наблюдала, как он расхаживал туда-сюда, его лицо искажал гнев, и попыталась сесть. Острая боль разрезала мою спину, и я стиснула зубы.

— Они, бл*дь, избили тебя, выпороли... ОНИ, БЛ*ДЬ, ИЗНАСИЛОВАЛИ МОЮ СУЧКУ! Мою сучку, и меня не было там, чтобы спасти ее!

Захныкав, я вздрогнула от гнева Кая. Услышав мое беспокойство, он остановился на середине шага, и его лицо поникло.

— Детка, это, черт подери, разрушило меня! Посмотри на себя, прекрасное тело... Они, бл*дь, покрыли шрамами твою идеальную кожу...

Он сделал три быстрых шага, встав сбоку кровати, и я наблюдала, как он разваливается, но не могла избавиться от его слов.

Посмотри на себя, прекрасное тело... Они, бл*дь, покрыли шрамами твою идеальную кожу...

— Я люблю тебя, — смогла я прошептать, нуждаясь сказать эти слова вслух.

Кай прижался к моим губам в крепком поцелуе и сказал:

— Детка, черт, я тоже люблю тебя.

Я осмотрела его лицо на признаки лжи.

— Чертовски люблю тебя, детка. Дерьмо, ты везде: в моей голове, в моем гребаном сердце. — Наклонившись вперед, он покрывал поцелуями мое лицо.

С каждым ласковым прикосновением в моем животе порхали бабочки, но затем они превратились в лед, когда он сказал:

— Это гребаное лицо, Лило, чертовски красивое лицо. Я не мог вынести твоего отсутствия. Я мог думать только о твоих голубых глазах, о поцелуях твоих губ, этих солнечных длинных волосах, о том, как твоя киска обхватывала мой член. Меня сводило с ума то, что тебя не было рядом... моей женщины.

Моя нижняя губа дрожала, и Кай провел большим пальцем по моим губам.

— Не плачь, сладкие щечки. Я, бл*дь, не могу этого вынести.

— Я... я устала, — выдохнула я, мой голос был болезненным и сухим от жара огня. Я опустила взгляд, опасаясь, что он почувствует мой обман.

— Хорошо, малышка, — ответил он и встал. — Пойду поговорю со Стиксом. Позже вернусь провести тебя. Просто поспи.

Я позволила себе посмотреть на его широкую мускулистую спину под жилетом, на то, как его нечесанные светлые волосы были стянуты в хвост, и на его накачанные ноги под джинсами. Он был по-настоящему идеальным, но я была не для него.

Я никогда не должна была влюбляться в него.

Когда дверь закрылась, я уткнулась головой в подушку и расплакалась. Это была уловка. Он скучал по моим губам, глазам... Боже, я ненавидела это лицо! Такой сильный и красивый мужчина как Кай никогда бы не полюбил меня просто за внутренний мир.

В этот момент я жалела, что не погибла в костре, потому что это чувство сейчас было хуже ожога на моей коже... или шрамов на спине.

Опустошение охватило меня, и последний кусочек надежды затух как свеча. Я всегда была всего лишь искусительницей.

Делай, как я говорю, моя маленькая Рапунцель. Подними головку, чтобы я смог рассмотреть твое красивое личико, эти сверкающие глазки.

«Нет! Нет», — думала я, когда слезы текли стремительным потоком.

Ты видела картинки в моей раскраске. Пророк Давид хочет, чтобы мы были ближе друг к другу, ибо близость приводит к единству с Господом. А ты такая красивая... соблазнительная. Я хочу прикасаться к тебе, как мальчик к девочке на картинке.

И мой отец, мой собственный отец...

Она искушает и меня. Я... я согрешил с ней, брат Лука... я делал разные вещи... в моменты слабости...

И Кай, мой Кай...

Детка, в то мгновение, когда ты вылезла из той клетки кучу недель назад, я был потерян. Сошел с ума от твоего чертовски красивого лица, твоего убийственного тела, глаз, губ... Дерьмо, я помню, как видел тебя рядом с Мэй, напуганную, и был поражен, как будто гребаной молнией.

Это было фальшивкой... наша любовь — фальшивка...

Бл*дь, Ли, какого черта ты со мной делаешь?

Какого черта ты со мной делаешь?

Я вперилась взглядом в потолок и дышала... просто дышала. Но это было нехорошо. Я должна очиститься. Моя кожа была покрыта грязью и грехом. Я должна очиститься... Я ДОЛЖНА ОЧИСТИТЬСЯ...

Подняв одеяло, накрывающее меня, я поставила ноги на деревянный пол, стиснув зубы, когда наклонилась. Используя тумбочку для равновесия, я медленно побрела в ванную, залитую тусклым светом.

Поморщившись, я направилась в душ, затем потянулась к кабинке и повернула ручку воды, убедившись, что она будет ошпаривать... Мне было так холодно...

Зайдя в душ, я наслаждалась ощущением воды, покалывающей мои сшитые рубцы, уродливый красный крест на моем животе. Боль — единственное, что у меня осталось.

Пятнадцать минут спустя я вышла из очищающей воды, снова чувствуя себя грешной и грязной, когда воздух поцеловал мою кожу. Пар поднимался в ванной. Я вытерлась после душа, не трудясь накрыть свое тело, подошла к раковине и замерла, глядя невидящим взглядом в запотевшее зеркало.

Оцепенение охватило меня, парализуя каждое мое движение.

Все, случившееся за последние несколько месяцев, полностью разрушило меня. Преследовало меня, заставляло подвергать сомнению ранее непоколебимую веру и открывало мне то, кем я была: шлюхой, искусительницей, женщиной, которая единственная не могла быть с Богом. Женщиной, которая с рождения была порождением Дьявола, созданным шедевром, идеально вылепленной, запятнанными когтями сатаны.

Подняв дрожащую руку, я яростно вытирала мокрое зеркало, пока мое грешное отражение не показалось на виду. Я уставилась на девушку в отражении, мои губы поджались в отвращении. Она была красивой: золотистая кожа без изъянов, длинные светлые волосы, васильково-голубые глаза... самая впечатляющая маскировка. Создание

наивысшего зла.

Каждая прядь платиновых волос была запятнана грехом, каждый сапфир в ее глаза горел безнравственностью, румянец на ее щеках расцветал безбожностью.

Мужчины стекались к ней, оказываясь рядом, попадая в ловушку сатаны. Они хотели взять ее, соединиться с ней в плотской манере, сходили с ума из-за изгибов ее тела, ее большой груди и роскошного розового рта.

Все рациональные мысли покидали их разум только от одного взгляда. Оставалась только одна, которая вовлекала их похоть в действие: ненасытное желание быть с ней. Как мотыльки летят на пламя, они купались в ее красоте, все это время дьявол радовался внутри нее, забирая еще одну душу, чтобы вечность гореть в аду.

Пророческие слова пророка Давида закрутились в моей голове, мучая меня и сокрушая мою душу:

— *Остерегайтесь Окаянных. Один взгляд в их бездушные глаза, и вы окажетесь в ловушке похоти. Одно прикосновение их рта к вашей плоти, и вы будете жаждать их тел в ненасытной и плотской потребности. Их соблазнительные намерения очаруют вас, заманят в ловушку, чтобы вы исполняли их приказы, затем затащат вас в Ад, где вы будете вечно гореть.*

— *Ни один из мужчин никогда не полюбит Окаянную. И ни одна Окаянная женщина не испытает любви от чистой души.*

Когда я моргнула и оторвала свой взгляд от этой девушки, от Окаянной, про которую проповедовал пророк Давид, меня настигло понимание. Всегда должно было быть так. Я никогда не буду спасена Богом — неважно как сильно пытаюсь. Я никогда не достигну своей цели спасения. Возможно, единственный способ быть спасенной — оказаться лицом к лицу с Дьяволом? Я не буду, не смогу быть спасенной, пока мужчины не перестанут нарушать свою праведность и испытывать желание взять меня...

Мне оставалось сделать только одно — взять данную Сатаной ядовитую красоту и сделать из нее уродство, отвратительное уродство, гадкое уродство... чтобы освободить себя от проклятия.

Полная решимости действовать, и будто бы видя себя со стороны, я открыла дверь ванной и ступила в прохладу комнаты. Кровать была помята на том месте, где я лежала, а на льняной простыне была кровь от ран на моей спине.

Подойдя к дивану, я подняла грязную белую тунику и натянула через голову, даже не ощущая, как колючий материал потирал мою открытую плоть.

Я нетвердо стояла на ногах, а с длинных волос вода капала на пол, но мне удалось направиться к двери. Когда я проходила мимо стеллажа, то сверху лежал пистолет Кая. Оцепенев и подумав, я взяла его и положила в карман. Когда я повернула дверную ручку, чтобы выйти в коридор, с бара доносилась громкая музыка, призывая меня.

Я не знала, куда направляюсь, каково мое предназначение, поэтому посмотрела на запертую стальную дверь коридора.

Следуя на тяжелые звуки барабанов, я шагала в унисон с ритмом, будто в трансе, мое зрение потеряло фокус от усталости, серьезности моего положения. С каждым шагом, мое сердце билось быстрее, издеваясь надо мной, называя греховное имя...

Искусительница... удар... шлюха... удар... блудница... удар... Далила..... удар... Далила, Далила, Далила...

Голые пальцы ног уперлись в стальную дверь, которая вела в гостиную. Я повернула

ручку, и на меня нахлынула волна сигаретного дыма и звуков музыки.

Тела были повсюду. Мужчины в кожаных жилетах пили, шумно и громко. Распутные женщины висли на их шеях, выставя тела напоказ, руки совершали греховные поступки на мужской плоти. И они все смеялись.

Но чему было радоваться?

Пробираясь через тепло тел, я прошла мимо Флейма. Он стоял ко мне своей широкой татуированной спиной, но я видела нож в его руке, острое лезвие скользило по его коже, разрушая ее, уродуя...

Уродуя...

Уродуя...

Уродуя...

Увидев множество лезвий на столе, слева от себя, мои пальцы скользили по массе холодного металла, сжимая последний и самый острый.

Я продолжала идти, опустив нож, никто не заметил меня. Мне нравилось игнорирование. Уродливую будут игнорировать... Я больше не буду искушать.

Заметив ревущий огонь, меня потянуло к пламени. Огонь... очиститься огнем. Кипящей кровью будешь очищена от своего греха!

Мои ноги несли меня к камину, и я заметила свое отражение в зеркале на стене. Я уставилась на это лицо в последний раз, это идеальное лицо... грешное лицо.

Уродуй...

Уродуй...

Уродуй...

Уничтожь дьявольское создание.

Сделав глубокий вдох и крепко схватившись за нож, я медленно подняла руку, собрав в охапку свои длинные волосы в другой руке. Держа острый нож, спокойная как летний бриз, я улыбнулась своему отражению и...

— ДЕТКА! НЕТ!

22 глава

На двадцать минут раньше...

Кай

Я вошел в бар, где все мои братья праздновали. Повсюду были киски, клубные шлюхи играли с братьями, кого-то уже трахали.

Достав сигарету из кармана жилета, я засунул ее в рот, подкурил и наконец-то сделал длинную затяжку.

Отталкивая братьев со своего пути, я направился к бару. Вик прижимал к столу какую-то толстую сучку с завитыми волосами, трахая ее в задницу.

Игнорируя чертовски отвратительную сцену, я ударил по стойке, и проспект вытащил стакан. Я покачал головой. Проспект нахмурился.

— Просто дай гребаную бутылку! — зло сказал я, чувствуя себя гребаным незнакомцем в своей же коже.

Я мог видеть только свою сучку на столбе, вокруг которого был огонь. Видел, как

Смайлер очищал гребаные отметины у нее на спине... а долбаное распятие навсегда выжжено у меня в голове.

Но больше всего меня беспокоило оцепенение Лилы, ее чертово безразличие ко всему. Ее потухшие глаза, смотрящие в никуда, бледная кожа и долбаная тишина. Меня это убивало.

Ее изнасиловали. Мою гребаную женщину изнасиловали. Я не мог выбросить из головы это изображение. Я хотел взять чертов нож и вырезать его из своей головы.

Свист прорезался сквозь N.I.B, Black Sabbath, и я увидел, что Стикс, Ковбой, Хаш Смайлер и АК сидят на диване. Мэй была на коленях у Стикса, лицом уткнувшись в его шею когда он делал затяжку, держа бутылку «Бима» в руке.

Мой През и лучший друг смотрел на меня. Он и мои братья, окружавшие его, демонстрировали чертовски жалкую картину, отражая то, как я себя чувствовал. Я подошел к ним, опрокинул «Джек» и затем сделал затяжку.

Тэнк и Булл были в дальней части комнаты с Красоткой и Летти, они пилились на меня, пока я проходил.

Никто из них, бл*дь, не понимал, каково это... Даже женщину Стикса не насиловали и не подвергали пыткам. Никто не понимал, какой это ад.

Увидев, что какой-то проходящий и его уродливая шлюха сидят на стуле рядом с диваном, я затушил сигарету об его голову, схватил ее за волосы и бросил ее противную задницу на пол.

Обращаясь, к мечтающему стать байкером, который, вероятно, ездил на спортивном красном мотоцикле, я наклонился и сказал:

— У тебя есть две секунды, чтобы нахрен встать с моего места, пока я не перерезал тебе глотку. — Паренек не тратил времени даром, игнорируя свою шлюху на полу, и со всех ног покинул клуб.

Сев, я уставился на пламя, ревущее в камине, в другой стороне комнаты. Я ощущал взгляды братьев на себе, но просто продолжал пить свой «Джек» — виски утихомиривал часть боли внутри.

— Как Лиля, брат?

Переводя внимание с огня, я уставился на диван, поняв, что вопрос был от Ковбоя. Достав еще одну сигарету, я подкурил и дым наполнил мои легкие.

Мэй подняла голову с плеча Стикса, ее глаза были красными от слез. Ее гребаный волчий взгляд встретился с моим, но я отвернулся и снова уставился на огонь.

Неважно, что я говорил Лиле, она не отвечала. Единственная сучка, которую я любил, и она не отвечала. Какого хрена я сделал? Она обвиняла меня? Она обвиняла меня в том, что ее забрали?

Ярость снова наполнила меня, когда я подумал, что она едва не умерла. Эти ублюдки из культа почти забрали ее у меня. Я, бл*дь, не мог этого вынести.

Снова зазвучал свист, и я поднял голову, посмотрев на Стикса. Его мрачное выражение было напряженным, и поставив «Бим» на стол, он показал:

«Она пройдет через это. Мы пройдем через это».

Видя, как Стикс показывал эти слова руками, мой желудок сжался. Расположив сигарету между губ, я поставил «Джек» между ног и показал в ответ:

«Она изменилась. Она больше не та Лиля. Что-то в ней переключилось».

— Кай. — Кто-то назвал мое имя, но я был слишком занят, смотря на Стикса.

— Кай... — снова попытался кто-то, но я провел руками по лицу. Я терял контроль.

— КАЙ! — закричал кто-то, голос заставил кого-то выключить музыку.

— ЧТО? — крикнул я в ответ, бросая бутылку «Джека» на пол, отчего жидкость потекла по полу.

Ковбой, Хаш и АК встали на ноги, Смайлер был тем, кто кричал.

Лила?

Подпрыгнув со стула, Стикс и Мэй присоединились ко мне, когда мы наблюдали как Лила, одетая в окровавленную тунику последователя, уставилась в зеркало, держа волосы в одной руке, а чертовски острый нож в другой.

Ее права рука была поднята вверх, готовая резать.

— ДЕТКА! НЕТ! — проревел я, когда ее рука пришла в действие, и лезвие отрезало чертовски большую копну волос.

Повернувшись к нам лицом, Лила посмотрела расширенными глазами, слезы текли по ее щекам.

Она не остановилась, вместо этого продолжала резать свои волосы. Я попытался помчаться вперед, но она вытянула нож, целясь прямо в мою долбаную грудь.

— Не останавливай меня! Это должно быть сделано! — шипела она, и я попятился, поднимая руки в воздухе.

Ее нижняя губа дрожала, и Лила продолжала отрезать свои длинные волосы, пока на голове не осталось всего пару сантиметров белокурых волос.

— Детка, — прошептал я, слыша, как Мэй плачет в объятиях Стикса, будто ей было больно.

Затуманенный взгляд Лилы встретился с моим.

— Это должно быть сделано, Кай. Нужно освободить тебя... закончить все. Больше никаких чар... никаких чар.

Лила стояла близко к огню, высоко держа нож. Свободной рукой она поднимала рукав своей туники, ее взгляд был остекленевшим.

— *Некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов.*

Лила начала бормотать какое-то библейское дерьмо, когда вложила лезвие в ладонь и начала резать свою плоть.

— *Се, я изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра...*

— Лила?

Взгляд Лилы метнулся в направлении коридора, из которого вбежала Мэдди.

— Лила! — кричала она, слезы текли по ее лицу. — Ты ушла из своей комнаты!

Держа голову опущенной, Мэдди протискивалась сквозь притихшую толпу. Грудной рев раздался позади нее, и Флейм появился за ее спиной, расталкивая людей от младшей сестры Мэй.

Мэдди остановилась рядом с Мэй, ее зеленые глаза были полны страха.

— Пожалуйста, Лила... остановись... — умоляла Мэдди, позади нее стоял Флейм, раскинув руки и защищая ее спину.

Лила покачала головой, ее короткие влажные волосы прилипли ко лбу.

— Я не могу.. не могу жить во грехе. Мне нужно спасение... Мы все должны быть спасены...

Взяв нож, Лила разрешила свою тунику, обнажив грудь. Взявшись за кончик ножа, она прижала его к коже, стиснув зубы, пока резала себя из одной стороны в другую.

Болезненный крик сорвался с ее губ, кровь потекла по груди.

Мэй опустилась на пол, уткнувшись ладонями в деревянный пол. Она начала произносить какую-то молитву, ее тело раскачивалось вперед-назад. Стикс опустил взгляд на нее в ужасе, затем Лила подняла нож глядя на кровь, капающую с лезвия.

— *Ибо если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению.*

Пользуясь тем, что она отвлеклась на что-то другое, я двинулся вперед, показывая братьям, что обезврежу ее. Но как только пол закрипел под моими ногами, Лила посмотрела безумными глазами на меня, засунула свободную руку в карман и вытащила мой пистолет.

— Дерьмо! — выплюнул Хаш, когда Лила подняла пистолет, щелкая предохранитель.

— Не останавливай меня, это нужно закончить, чтобы достигнуть спасения!

— Лила! Опусть гребаный пистолет! — приказал я, но вместо этого, она нацелила его на меня, ее рука дрожала как осиновый лист.

Снова подняв нож, Лила поднесла его к лицу, и каждая капля крови отлила от моего лица.

— Детка, что ты делаешь?

Пистолет дрожал, слезы стекали по ее щекам, опускаясь на ее остриженные на полу волосы.

— Я люблю тебя. Я никогда не думала, что буду способна чувствовать это... но я люблю тебя... всем своим сердцем.

Задыхаясь от огромного кома в горле из-за того, что моя женщина была так сломлена, я прокашлялся и сказал:

— Я тоже люблю тебя, детка. Пожалуйста, не делай этого! Я тоже чертовски сильно люблю тебя!

Грудь Лилы сотрясалась от рыданий, она сказала:

— Я должна... освободить тебя. Я слишком сильно люблю тебя, чтобы быть твоей тюрьмой... твоей дорогой в Ад!

Я посмотрел на Мэй и Мэдди, но увидел только замешательство. Затем отшатнувшись и указывая пальцем вперед, Мэдди закричала, заставляя меня посмотреть на мою женщину, и увидеть, как она прижала лезвие к виску, погружая кончик в свою плоть. Все случилось так быстро, что у меня едва было время отметить это.

Увидев Лилу с ножом, Мэдди бросилась вперед. Лила, испугавшись сестры, закричала и нацелила пистолет на Мэдди. Ее палец соскользнул, и она нажала курок, но бросившись вперед, Флейм оттолкнул Мэдди с пути, и пуля попала ему в шею.

— ФЛЕЙМ! — закричала Мэдди, увидев, что брат упал на пол.

АК и Викинг бросились к Флейму, Мэй к Мэдди, и я повернулся как раз вовремя, чтобы услышать Лилу:

— *Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа.* — Она провела лезвием по своей щеке до линии подбородка, нож выскользнул из ее хватки и упал на пол. Моя женщина начала биться в конвульсиях, рвота вырвалась из ее рта, когда она упала на пол, ее тело было парализовано шоком.

— ЛИЛА! — закричал я. Место было гребаным беспорядком. Братья столпились вокруг

Флейма. Стикс, Тэнк и Булл очищали дом от посторонних.

Когда я взял свою сучку на руки, мой желудок сжался при взгляде на ее щеку, а ее глаза были закатаны. Она была в ужасном состоянии: кровь текла с ее тела, омрачая тонны порезов.

Раскачивая ее и прижимая ее обмякшее тело к своей груди, я прошептал:

— Детка... какого черта ты натворила?

Пальцы коснулись моей щеки, привлекая мое внимание, и пораженный взгляд Лилы встретился с моим, пока она пыталась улыбнуться.

— Больше нет искушения. Ты свободен от искушения... свободен от... моего зла.

Глаза Лилы закатились, и она потеряла сознание. Ковбой и Хаш опустились на корточки рядом со мной, и как гребаная бешеная собака, мои защитные инстинкты взбунтовались.

— Брат, нужно действовать. Нам нужно отвезти ее в госпиталь. Смайлер не справится с этим, — сказал Хаш, не обращая внимания на мою взбешенность.

— Флейма уже повезли. АК и Викинг засунули его в грузовик. Она попала ему в гребаную шею. Тупой псих принял пулю вместо зеленоглазой, которой одержим.

Сбросив свой жилет, но, не отпуская свою женщину, я накинул его на Лилу и поднялся на ноги.

Стикс бросился вперед.

«Вези ее в больницу! СЕЙЧАС ЖЕ!» — показал он, глядя на то, как Мэдди дрожит бледная как призрак, пока Мэй раскачивает ее в своих руках.

— Я поведу, поехали, — сказал Ковбой, и втроем мы помчались к выходу, пока Тэнк и Булл выталкивали последних нескольких человек из дверей.

Запрыгнув в грузовик, Ковбой завел двигатель, пока я держал Лилу на руках, убирая ее неровные короткие волосы от ран на щеке. Опустив голову, я прижался в поцелуе к ее лбу, ее лицо хоть и было чертовски сильно испорчено, было ошеломляющим.

И впервые за чертовски долгое время, я начал плакать.

***

Часы медленно шли в длинном стерильном коридоре. Все Палачи были здесь, выстроившись в ряд, одетые в кожу, обычные люди держались подальше от нас.

Лила и Флейм оба были в отделении хирургии. Флейм обезумел от нахождения здесь и еще сильнее от того, что его касались, поэтому ему вкололи успокоительное по прибытию, чтобы они могли оценить ущерб и засунуть его психованную задницу в реанимацию.

Лилу сразу же забрали от меня, доктора и медсестры искоса на меня смотрели. Ублюдки посмотрели на наши цвета и жилеты, и мгновенно пришли к выводу, что я порезал свою сучку. Потребовалась вся моя сила, чтобы не набить их неодобрительные лица, но моя женщина сейчас нуждалась в них больше, чем моя ярость.

Всю дорогу она не просыпалась, и доктора сразу забрали ее на операцию, чтобы наложить швы, не упуская ни секунды. Стикс, Мэй, Булл и Таннер прибыли вскоре после нас. Летти и Красотки остались, чтобы успокоить шокированную Мэдди.

Что привело меня в настоящее время. Я сходил с ума тут, пока ждал, воспроизводя в голове слова Лилы:

Больше нет искушения. Ты свободен от искушения... свободен от... моего зла.

На ее обезображенном лице была улыбка. Бл*дь, она полностью слетала с катушек.

Тяжелые кожаные сапоги скрипели по полу рядом со мной, и секунду спустя Стикс сел рядом, его задница с глухим стуком опустилась на пол. Его руки опирались на ноги, и он показал:

«Объявился шериф. Охранники доложили об огнестрельном выстреле, и что Палачи привезли истекающую кровью сучку».

Вздыхнув, я провел руками по лицу и сказал:

— Чертовски идеально.

«Тэнк и Булл заплатили ему, и я убедился, что он получил бонус за то, что сохранит свой рот закрытым».

— Спасибо, брат, последнее, что нам нужно, это полицейские на хвосте.

Стикс положил руку мне на плечо и оставил ее там. Этот гребаный жест от моего лучшего друга почти сломил меня. С тех пор как наши отцы отправились к лодочнику, мы были друг у друга. Затем у него появилась Мэй. Сучка была трахнута на голову... но ничего и близко похожего на мою сучку, которая сейчас лежала на операционном столе, пока ей накладывали швы.

«Мы пройдем через это», — показал Стикс.

«Да? Через что? Через то, что происходит в ее голове, из-за чего она покалечила себя, или еще хуже, почему я не замечал этого?»

— Никто из нас не замечал, — сказал тихий голос. Я поднял голову и увидел Мэй, которая стояла перед нами, обняв себя руками. Стикс вытянул руки и приняв их, Мэй позволила Стиксу усадить себя к нему на колени. Положив щеку ему на грудь, ее взгляд не покидал моего. — Лила всегда была той, кто лучше всех... обучался у старейшин. Она была идеально покорной женщиной, и она ненавидела наше звание, нашу изоляцию и ненавидела называться Окаянной... Я думаю... Думаю, она больше не хотела быть красивой... чтобы больше не было никакого искушения.

— Черт, Мэй. Эти мрази из секты действительно оказывали на нее такое влияние? — спросил я, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение. До того, как истекая кровью, появилась Мэй в нашем дворе, я даже не знал о существовании сект, не придавал значения, как они могут промывать мозги людям.

— Да, — ответила она, сдерживая слезы. — Это все, что мы знали. Для нас было сложно отказаться от учений, которые мы считали святыми...

Стикс запустил руку в черные волосы Мэй и поцеловал ее макушку. Запрокинув голову назад, я кратко уловил, что братья смотрели в нашу сторону, подслушивая разговор, прежде чем закрыл глаза и просто начал дышать.

Проходили минуты, раздался кашель, и я открыл глаза. Средних лет доктор неловко стоял в конце коридора.

— Вы привезли мужчину и женщину?

Мы все сразу подскочили на ноги, я ступил вперед.

— Сучка в порядке?

В глазах доктора было гребаное осуждение и, осмотрев меня сверху донизу, он сказал:

— Если вы имеете в виду молодую женщину, которую привезли в порезах и истекающую кровью, то да, ей сделали операции, и она восстанавливается.

— Отведите меня к ней, — приказал я, доктор опустил свой планшет.

— У этой женщины есть имя? — спросил он, и клянусь, мне потребовались все силы,

чтобы не вставить этот планшет в его узкую задницу.

— Лила, — сказала Мэй позади меня. — Ее зовут Лила.

Доктор начал что-то писать, и спросил:

— Фамилия?

Мэй нахмурилась.

— У нее нет.

Доктор прищурил глаза.

— У нее нет фамилии? — рассмеялся он без намека на веселье и покачал головой. —

Молодую женщину, истекающую кровью от порезов на лице и руке, и свежих и похожих на ранения после хлестанья плетью по спине, с распятием, выжженным на животе... привозит общеизвестный нечестивый мотоциклетный клуб, и сейчас вы говорите мне, что у нее нет полного имени. Нет документов, медицинских записей, и никакой истории в нашей системе. И как раз перед этим вы привезли мужчину с ранением в шею, которого пришлось усыпить, пока он все крушил, и его зовут Флейм. У него тоже нет полного имени.

Когда я двинулся вперед, лицо доктора побледнело, и я вырвал планшет из его рук и бросил в стену. Доктор напрягся.

— Слушай-ка, док. Мы проигнорируем все, что ты сказал. — Я сорвал бейдж с его белого халата и бросил Вику.

— Эй! — закричал доктор, и я встал прямо перед его лицом, он замер.

— Закрой свой гребаный рот и послушай. — Доктор сглотнул, и я сказал: — Теперь ты позаботишься о моем брате и моей женщине с гребаной улыбкой на своем уродливом лице, или я позволю моему брату Вику узнать все о твоей семье, пробраться к тебе в дом посреди ночи и заколоть их прямо в гребаные сердца. Ты понял это, мудак?

— Д-да, — заикался он, и я произнес в его ухо:

— Палачи управляют этим городом, не копы или федералы, или любая другая власть, которой ты думаешь позвонить. Ты должен запомнить это, если попытаешься встать на моем пути увидеть мою женщину. Потому что ничто кроме проклятого апокалипсиса не остановит меня от того, чтобы пробраться в палату к своей сучке.

Вик подошел ко мне, вертя бейдж в руках.

— Что такое, док? — он сделал паузу. Затем на его лице расплылась широкая улыбка. — Я просто умирал от желания сказать это.

Я дернул головой и стиснул зубы. Улыбка Вика сразу исчезла, и он сказал:

— Ты будешь делать то, что тебе сказали, или я получу шанс поиграть с сиськами твоей жены?

Доктор дал задний ход.

— Нет, я подчинюсь. Только не делайте больно моей жене.

— Хороший выбор, — сказал я натянуто, затем спросил: — Где Лила и Флейм?

— Лила в восьмой палате. Флейм в послеоперационной палате Б. Его скоро переведут в отдельную палату. — Доктор развернулся и практически убежал.

Мэй пыталась протиснуться мимо Вика, чтобы попасть к Лиле, но Стикс удержал ее за руку, отпустив только, чтобы показать:

«Детка, позволь сначала Каю ее увидеть. Позволь ему побыть со своей женщиной. Мы подождем».

— Нет! — запротестовала Мэй. — Она моя сестра... Она захочет меня увидеть... я нужна ей.

Опустив голову, я повернулся лицом к Мэй и сказал:

— Мэй, пожалуйста. Позволь мне побыть с ней наедине какое-то время. Мне очень нужно это. Мне нужна она.

Слезы появились в глазах Мэй.

— Хорошо, — прошептала она. — Просто дай ей знать, что я здесь, если она захочет меня увидеть.

Кратко дернув подбородком, я направился по коридору в палату номер 8. Пока я шел за мной наблюдали: персонал, посетители, пациенты. Я игнорировал большинство из них и обнаружил, что стою снаружи отдельной палаты.

Повернув дверную ручку, я толкнул дверь, сразу же увидев, что Лиля спит на кровати. Моя грудь сжалась, как будто внутри меня было железное легкое. Ее короткие волосы были отброшены назад, белые марлевые полоски покрывали ее тело, самая большая на ее щеке.

Левым глазом я уловил движение, и медбрат, одетый в медицинский костюм, встретился со мной взглядом, замерев на месте.

— Ты закончил? — спросил я коротко.

Он кивнул и начал говорить, но я перебил:

— Иди на хрен отсюда и не возвращайся, пока я не позову.

— Но...

— Иди на хрен! — заревел я, и ударившись спиной о медицинскую тележку, он вышел из палаты.

Как только закрылась дверь, я защелкнул замок и медленно направился к Лиле. Стоя с края узкой койки, я заметил капельницу, и запах антисептика исходил от ее кожи.

Я провел пальцами по тыльной стороне ее руки, слушая ее мягкое дыхание. Ее выражение лица было таким спокойным, таким умиротворенным. Она была так красива, так чертовски красива.

Сев на край кровати, я наклонился и прижался в поцелуе к ее губам, затем засунул руки ей под спину и сдвинул ее в сторону, осторожно, чтобы не повредить капельницу.

Сбросив ботинки, я лег рядом с ней, вдыхая ее ванильный аромат. Взяв ее за руку, я положил голову на подушку рядом с ее и погладил ее короткие волосы.

— Я люблю тебя, детка. Мы пройдем через это, потому что, бл*дь, ты заслуживаешь лучшей жизни, чем у тебя была. Ты заслуживаешь быть счастливой со мной.

23 глава

Лилля

Услышав устойчивый ритм капающей воды, я медленно открыла глаза и мгновенно уперлась взглядом в белый потолок. Дезориентированная, я сделала глубокий вдох и наполнила легкие воздухом. Все мое тело ощущалось деревянным, спина чесалась и саднила, поэтому я повернулась на правый бок и замерла.

Передо мной на стене было зеркало, которое отражало женщину на кровати. У этой женщины были лохматые короткие волосы, она была покрыта бинтами, а на щеке была повязка.

Широко раскрытые голубые глаза шокировано смотрели на меня, и на мгновение я

забыла, как дышать.

Это была я?

Это я....

В мое сознание нахлынули воспоминания: нож, оцепенение, порезы, уничтожение проклятья дьявола... свобода от моей красоты.

Осторожно вдохнув, я сразу же нахмурилась. Мой желудок скрутило от понимания, что я наделала. В моем разуме не было демона, который мучил меня и говорил, что я грешница, и что связана с адом. Я чувствовала только спокойствие, божественный покой, которого не было прежде.

Я больше не была красивой. Девушка из зеркала была... кем-то менее. Менее привлекательная, менее грешная. Эта девушка не будет существовать в мужских глазах. Для меня эта девушка была идеалом.

Когда я смотрела на эту девушку, то осознала, что в уродстве была настоящая красота.

Я попыталась улыбнуться, улыбнуться с облегчением, но поврежденная сторона моего лица не приподнималась, шрам был слишком глубокий, воздействовал на мышцы, ощущение движения было странным и неизведанным.

Подняв руку, чтобы коснуться своего нового лица, я заметила провод, тянущийся от моей кожи, и еще больше воспоминаний всплыли в моей голове. Пистолет, который я схватила, нажатие курка, как побежала Мэдди, Флейм оттолкнул ее с моего пути... И Кай, боже, Кай держал меня на руках, в его глазах — мучение и страх.

— *Детка... какого черта ты натворила?*

Я подняла пальцы, чтобы провести по безупречному лицу Кая. Он отдернул голову, и его ослепляющая красота практически украла дыхание из моих легких. Он был хорошим мужчиной, который заслуживал настоящей любви. Я улыбнулась свободе, которая у него была.

— *Больше нет искушения. Ты свободен от искушения... свободен от... моего зла.*

Нож, моя щека, потеря дьявола...

Затем с пониманием, что я потеряла его, вернулась боль. Кай больше не был под моими чарами, его увлечение мной разрушено. Я потеряла свою любовь, и хоть это и больно, я понимала, что это правильно. Я ощущала стянутость на щеке, следы от порезов на моем теле, но также я ощущала, что с моих плеч снят тяжелый груз.

Я больше не была красивой. Я боролась со злом изнутри и победила. Я больше не соблазняла мужчин. И наконец-то могла достичь спасения.

Внезапно рядом со мной раздался тихий вздох, и я замерла. В отражении я не видела никого в комнате, но когда еще один низкий шум наполнил тишину, я поняла, что не одна.

Повернув свое тяжелое тело и голову налево, запах табака и машинного масла немедленно окутал меня, и мое сердце застучало с неистовой силой. Светлые волосы, собранные в лохматый хвост, лежали рядом со мной.

Кай.

Мой Кай спал рядом со мной.

Что он делал здесь со мной? Теперь он был свободен, его связь со мной разрушена...

Осмотрев незнакомую комнату, я запаниковала, когда заметила странные аппараты, окружавшие меня. Я не знала, где нахожусь. Хотя мое неустойчивое сознание начало проясняться. Руки задрожали, и когда я двинула левой рукой, что-то было обернуто вокруг нее.

Опустив голову, я обнаружила, что рука Кая переплетена с моей. И он сжимал ее так крепко, как будто не мог заставить себя отпустить меня, даже во сне. Затем на мгновение я забыла, что находилась в незнакомом месте, просто сфокусировалась на факте, что Кай был здесь.

Я больше не была красивой, а он был здесь.

Моя кожа испорчена, волос нет, моя щека изуродована... тем не менее он здесь, защищает меня, лежит рядом со мной.

Почему?

Я провела большим пальцем по грубой коже его руки, и , услышав его пробуждение, подняла взгляд, чтобы встретиться с его. Я задержала дыхание, когда только проснувшиеся голубые глаза осматривали мое лицо.

Вот он. Тот самый момент, когда я потеряю его. Мои легкие почти перестали работать, когда я ждала того, что он скажет, но затем я почти расплакалась.

— Детка, — выдохнул Кай, с облегчением и любовью, и затем медленно наклонился вперед, освободив свою руку от моей, чтобы осторожно провести по моей щеке. Я закрыла глаза, наслаждаясь его прикосновением, но мой разум не перестал задавать один и тот же вопрос.

Почему он не ушел? Теперь он свободен.

Ласковая рука опустилась мне на шею, вниз по руке, и я неохотно открыла глаза, борясь со слезами.

Кай смотрел на меня с самым чистейшим выражением обожания на лице, которое я когда-либо видела. Он не смотрел на меня так, когда я была идеальна, на его потрясающем красивом лице я никогда не видела подобного выражения. Затем, готовясь к моей реакции, он наклонил голову и нежно прижал свои губы к моим.

Я была поражена.

Я не знала, что думать. Я пожертвовала своей красотой, чтобы освободить любимого, но он все еще был здесь.

Я не могла понять, почему он все еще здесь!

Губы Кая продолжали ласкать мои, и поначалу мой рот оставался неподвижным, я была слишком шокирована, что этот красивый мужчина целует меня... мое... мое некрасивое лицо. Но Кай продолжал давить на меня, его язык медленно порхал по моим губам, пока они не приоткрылись со вздохом, и его язык скользнул внутрь.

Ощущая его такой привычный вкус, я потерялась в нем. Затем он был везде — в моем рту, его осторожные руки в моих коротких волосах... его душа в моем сердце.

Когда Кай отстранился, его глаза сияли и блестели, поначалу я думала, что это из-за похоти, но затем, когда слезинка скатилась из уголка его уставшего глаза по щеке, мое сердце рассыпалось в пыль.

— Кай, — заплакала я. Наклонившись вперед, поморщившись от дискомфорта, я сцеловала горячую соленую слезу. — Пожалуйста, не плачь...

— Не делай подобного снова, детка, — прервал он хриплым, болезненным голосом. В его тоне не было злости, только опустошение. — Потому что я не хочу существовать без тебя. Слышишь меня? Ты моя гребаная женщина. Мы едем по этой дороге вместе, неважно, что встречается на пути.

Яростно заморгав, я пыталась сформулировать ответ, но могла только моргать.

Кай провел пальцами по краю бандажа на моей щеке, в его глазах плескалась боль, и он

сказал:

— Я спрашиваю снова. Ты слышишь меня, Ли?

Его любящий взгляд умолял меня сказать хоть что-нибудь.

— Я... я не понимаю, что происходит, — прошептала я, наблюдая, как Кай наклонил голову набок, изучая меня. Он вытер свои слезы тыльной стороной руки и взял себя в руки.

— Что, детка? Что не понимаешь? Какого черта происходит в твоей голове? — спросил он, его голос был хриплым от нахлынувших эмоций.

Погладив его короткую бороду, я спросила:

— Почему... почему ты все еще здесь? Я не понимаю, почему ты здесь, рядом со мной?

Выражение лица Кая стало пустым, а затем все мышцы напряглись, небольшие морщинки образовались вокруг уголков его глаз.

— Где мне, бл*дь, еще быть, если не с моей женщиной? Моей сломленной женщиной. Ты порезала себя перед моим клубом, детка, стреляла в брата, находясь в каком-то культовом трансе, и попала в госпиталь. Я могу быть только здесь, в твоей кровати, чтобы убедиться, что ты в порядке.

— Твоей женщиной? — спросила я в полном шоке, и на это раз мое сердце заколотилось... надеждой.

Он и правда...?

Кай и правда...?

Нет... невозможно!

— Лила, детка, тебе лучше объяснить мне в чем дело, потому я чертовски запутался сейчас. — Он наклонился ближе, облизав свои идеальные губы. — Ты моя женщина. Ты стала целым миром для меня с тех пор, как я впервые тебя увидел. Ты понимаешь это сейчас?

Слезы застилали мой взор, и недоверчивое рыдание сорвалось с губ. Кай обхватил мою голову, и его выражение лица смягчилось от моей реакции.

— Я люблю тебя, Ли. Ты моя. Моя женщина. Моя собственность. Моя гребаная старуха... моя гребаная вечность.

— Но... но я больше не идеальна. Я освободила тебя от своего дьявола. Я больше не искушаю тебя в фальшивой любви.

На его лице отражалось замешательство, затем оно превратилось в злость.

— Так вот почему ты все это сделала? Ты думала, что я под какими-то долбаными чарами? Ты так плохо о себе думала, Ли? Что даже порезала себя?

Мои губы задрожали, и я сказала:

— Это было не только из-за тебя. Все мужчины хотели меня только из-за моего лица... моего тела. Меня брали против воли с тех пор, как я была ребенком. Каждый раз, прикасаясь ко мне, мне рассказывали, что это из-за моего грешно красивого лица. Меня брали и касались, потому что мужчины не могли сопротивляться. Меня обучали, а затем брат Ной взял меня для того, чтобы я обрела спасение.

Я видела, что на лице Кая отражалась ярость, поэтому вздохнув, добавила:

— Но в отличие от этих мужчин, мужчин, которых я не желала знать, я любила тебя. Потому что сильно люблю тебя, я желаю тебе счастья. Я не могла держать тебя с собой под ложным предлогом. — Борясь со страхом, я сказала:

— Я не могла жить подобным образом больше ни дня. Вся боль, которую мне причинили старейшины за последние несколько дней, огонь, которому меня подвергли,

соития, которые я была вынуждена терпеть с братом Микой... Я просто хотела избавиться от причины всего этого. Моя красота, моя привлекательность у мужчин всегда была причиной моей боли и борьбы. Меня отобрали из-за моих светлых волос и голубых глаз, мимо которые не могли пройти последователи. Меня остерегалась семья, потому что из-за меня у старейшин закрадывались похотливые мысли. — Слезы потекли по моим щекам, когда я добавила: — Я хочу быть незаметной. Я не хочу существовать в мужских глазах. Я убедилась, что так и будет. Я хочу быть невидимой.

Кай сел ко мне спиной, облаченной в белую футболку, свесил ноги с кровати и наклонил голову вперед. Его мышцы напряглись, а плечи дрожали. Используя всю небольшую силу, что у меня была, я попыталась сесть и положила руку на его спину.

Красивое лицо Кая с выражением страдания на нем, повернулось ко мне, его профиль был царственным и сильным.

— Вот где ты ошибаешься, Ли. Есть шрамы или нет, обрезаны волосы или нет, рубцы на спине или нет, выжженный крест на животе или нет, ты идеальна для меня. Ты всегда будешь существовать для меня. И все, что ты сделала, чтобы изуродовать себя, не сработало, потому что ты всегда будешь самой красивой сучкой, которую я когда-либо видел. Точнее сказать, ты всегда будешь единственной сучкой, которую я вижу.

— Кай, я...

Развернувшись, Кай поймал меня в ловушку с обеих сторон своими сильными руками, его широкое тело нависало надо мной.

— Нет, Ли, ты послушай меня. Ты была втянута в жизнь, которая принесла тебе только плохое. Черт, не просто гребаное плохое. Они без остановки издевались над тобой, насиловали, заставляя думать, что все хорошее внутри и снаружи тебя было от дьявола. Эти больные мрази считали себя последователями Бога, которые должны заставить тебя почувствовать себя дерьмом, используя свои педофильские замашки! У меня нет веры. Не думаю, что когда-нибудь доберусь до гребаных жемчужных ворот, но я уверен, что если бы Бог существовал, ничего из того, что делали эти ублюдки, он бы не хотел. Он бы любил тебя такой, какая ты есть, не за твою красоту, сучка, а за тебя саму.

Кай погладил мои волосы и поцеловал мою пораненную щеку.

— Я буду любить все эти шрамы, и чертовски сексуальные короткие волосы. Можешь выглядеть как тебе, черт побери, захочется, можешь мусорный мешок на себя напялить даже. Я с тобой до самого конца.

Когда я обняла его за шею, волна любви... безоговорочной любви накрыла меня, и я сказала:

— Я не могу жалеть.

— О чем жалеть?

Изучая его идеальное лицо, я была наполнена счастьем.

— Я не могу жалеть о том, что сделала с собой. Теперь я чувствую себя свободной.

Кай вздохнул, словно от истощения, и прижал свой лоб к моему. Я закрыла глаза, радуясь этому чуду, которое лежало рядом со мной.

— Не могу поверить, что ты любишь меня... вот так, — прошептала я. — Ты моя недостижимая мечта, ставшая реальностью.

Кай поерзал на боку, и осторожно, чтобы не коснуться моих повреждений, потянул меня на себя, пока я не распласталась на его груди, а его теплые руки в защитном жесте обнимали меня. Я слышала, как он пытался говорить, но не смог ничего выговорить.

Я закрыла глаза, проходили минуты, и я вдохнула уютный запах Кая. В конце концов, он поцеловал меня в макушку и сказал:

— Я сделаю так, что ты будешь чувствовать себя красивой, детка. И ты больше никогда не будешь чувствовать себя хуже других.

Незнакомая волна покоя наполнила мою душу, пока Кай лениво проводил пальцем по моим теперь коротким волосам.

— Вот так у всех? — пробормотала я, потерянная в ощущениях его прикосновений.

— Как так, детка?

— Вот это все между нами. То, что мы чувствуем друг к другу. Это нормально?

Кай резко вдохнул, его рука вокруг моего плеча немного усилила хватку.

— Нет, детка, — выдохнул он, в его хриплом тембре явственно слышалось обожание. — Такого нет у всех.

Вздохнув от удовольствия, осознание наполнило меня.

— Значит оно того стоило, — признала я, и по-настоящему это и имела в виду.

— Что, Ли? Что того стоило?

— Все... — прошептала я, моя наполненная болью жизнь промелькнула в голове: мучения, потеря, изоляция, издевательство... насилие. Я уткнулась в его торс и продолжила: — Каждая секунда моей жизни... потому что, в конце концов, она привела меня к тебе. Позволила мне так сильно влюбиться в тебя, Кай... мужчину, который спас мое израненное и разбитое сердце.

24 глава

Кай

— Кай? Куда мы? Клуб в другой стороне.

Прошло ровно две недели с момента, как Лила порезала себя. Сегодня она возвращалась домой. И спасибо, бл*дь, потому что я больше не мог проспать и ночи на этой гребаной узкой койке.

Моей женщине стало лучше. Ее щека заживала. Шрам все еще был красным и свежим, но моя женщина хорошо справлялась. Очень хорошо. Она изменилась. Освобождение от красоты и получение шрама каким-то образом подарило ей свободу, и я чертовски обожал сучку, которой она стала сейчас.

Лила смотрела на меня в замешательстве, когда я свернул на проселочную дорогу, которая вела к земельным владениям моего и старика Стикса, принадлежащих клубу. Она прищурила голубые глаза и поджала пухлые губы. Ее аккуратно коротко подстриженные волосы — спасибо Красотке — были чертовски милыми, и я не мог решиться сказать ей, но стрижка сделала ее еще более красивой, чем она была.

— Едем в новое место, сладкие щечки, — сказал я. Лила отвернулась посмотреть в окно. — Большем не можем оставаться в клубе. Ты заслуживаешь жить в другом месте.

Лила нахмурилась и посмотрела на меня. Я не смог сдержать широкую улыбку. Две мили по дороге, затем я повернул налево и выехал на расчищенный в лесу участок, который показывал недавно отреставрированный бревенчатый домик.

Лила ахнула. Когда я остановился, она выскочила из грузовика и встала прямо напротив

дома. Я вышел и встал позади нее, обнял ее за талию и положил подбородок ей на макушку.

— Как ранчо, — воскликнула Лила, впечатленная.

— Раньше был дом моего старика. Стикс доделал их ранее в этом году.

— Их? — спросила Лила.

Убрав руки с талии Лилы, я взял ее за руку и повел вокруг. Указывая на дорогу на холм, я сказал:

— Стикс и Мэй будут жить в нескольких милях, вверх по холму.

— Стикс и Мэй переезжают из клуба? — сказала она с улыбкой.

Я кивнул.

— Да, настало время прекращать заниматься херней и использовать дома для чего они и были построены для Преза и ВП.

— Кто-нибудь еще живет рядом с клубом?

— АК, Вик и Флейм живут в пяти милях южнее рядом с рекой. Отдельные дома, но достаточно рядом, чтобы быть соседями. — Обхватив щеки Лилы, я сказал: — Но Стикс, Мэй, Флейм. АК, Вик не живут рядом со мной.

— Я... я не понимаю.

Я посмотрел ей в глаза и сказал:

— Они живут рядом с нами.

Лила удивленно выпучила глазки.

— Ты хочешь, чтобы я жила с тобой?

— Лила, нет другого выбора. Ты больше не останешься в клубе. Это не место для моей женщины. Ты заслуживаешь настоящий дом. Наш дом. Тебе понравилось ранчо Си, этот дом похож.

Слезы скопились в глазах Лилы, и я обрушил свои губы на ее. Она застонала в мой рот. Через секунду поцелуй стал чем-то большим. Мой член стал очень твердым, и Лила обхватила края моего жилета, прижимая свои упругую грудь к моей.

Я потерял контроль. Я не был с Лилой с ночи, когда ее похитили, и мне отчаянно нужно было взять ее, трахнуть, кончить в нее и сделать своей раз и, бл*дь, навсегда.

Проведя рукой по ее платью, я положил руки на ее бедра, поднял Лилу, и она обернула ноги вокруг меня, пока я нес ее в коттедж, губы Лилы все еще терзали мои.

Схватившись за дверную ручку передней двери, я открыл ее, а Лила даже не удосужилась посмотреть на телевизор или кухню, даже не подняла голову, пока мы поднимались по лестнице, и не разорвала поцелуй, даже когда вошли в спальню.

Опустив нас на кровать, я разорвал поцелуй, чтобы посмотреть на покрасневшее лицо Лилы. Ее глаза были полузакрыты, и я понимал, что она хотела меня так же сильно, как я хотел ее.

— Кай, пожалуйста... — умоляла она.

Встав на колени на кровати, я снял футболку через голову и расстегнул пуговицу на джинсах. Голубые глаза Лилы вспыхнули, когда она с желанием уставилась на мои наполовину расстегнутые джинсы.

Наклонившись, я поднял подол ее платье, спасибо, бл*дь, не серого, а белого без рукавов, которое ей принесла Мэй. Показались ее голенькие загорелые ноги и ванильный запах масла, которое она втирала в кожу, ударил мне в нос. Клянусь, я низко зарычал, мой член был таким твердым, что почти выпрыгивал из штанов.

Лила извивалась на матрасе, когда я провел указательным пальцем до ее киски,

кончиком задел ее вход и клитор. Мне нравилось смотреть, как ее глаза расширились, а спина выгибалась.

— Черт, детка, я могу кончить, просто наблюдая за тобой.

Оставив ее киску, я поднял платье до живота Лилы, удерживая свой голод под контролем, когда пытался не заострять внимание на заживающем ожоге распятия, который эти ублюдки выжгли на моей сучке.

Ощущая руку Лилы на своей бороде, я поднял голову, и увидел, что она за мной наблюдает.

— Я люблю тебя, — прошептала она, и бах, я снова навис над ней, поднимая ее платье над головой, обнажая ее большие титьки для своего рта.

Опустив голову, я захватил ртом тугий красный сосок. Черт, на вкус она была как малина или клубника... что-то подобное. Неважно! Для меня чертовски идеально.

Лила запустила пальцы в мои волосы и начала пропускать через них пряди, сильно потянув, отчего я сходил с ума. Она любила это. Любила ощущение моего рта на своем теле.

Моя женщина была свободна, в ее глазах была только похоть, ничего не сдерживало ее, в ее голове не было глупого Пророка, говорящего ей, что она ведет меня в грех. Только я и она на нашей гребаной кровати.

Проведя рукой по ее животу, я положил ладонь на ее влажную киску, нажимая пальцем на ее клитор, и громкий стон сорвался с ее рта. Скользнув пальцем в нее, я всосал сосок жестче, ощущая, как она сжимается вокруг моего пальца и жаждет мой член.

Потерев пальцами ее точку G, по дыханию Лилы я определил, что она уже близко.

Ее киска начала сжиматься вокруг моих пальцев. Кожа покраснела, она задержала дыхание, открыла рот и замерла.

— Ааааааа! — простонала Лила, этот стон звучал как гребаный рай, ее руки почти вырывали мои волосы, когда первый из множества сегодняшних оргазмов пронесся сквозь ее тело.

Замедлив темп своих пальцев, я спустил ее с небес на землю, теперь ее грудь вздымалась. Лила задыхалась, ее глаза медленно открылись, а на лице расплылась смущенная улыбка.

— Тебе хорошо, детка? — спросил я. Лила кивнула.

Я вытащил пальцы и медленно, будучи уверенным, что внимание Лилы приковано ко мне, засунул их в себе в рот, слизав ее влажность.

Лила сжала бедра вместе, пока наблюдала за мной. Затем внезапно встала на колени, вытащила мои пальцы изо рта, прижав свои губы к моим, и протолкнула язык в мой рот.

Вытянув руку, я положил ее на короткие волосы Лилы, пока ее дрожащая рука легла на мой, покрытый джинсами, член. Лила сглотнула стон из моего рта, когда ее чертовски нежные пальцы опустили молнию, и мой член ударился об мой живот.

Отстранившись, я встал с кровати и в мгновение ока мои джинсы были в куче на полу. Лила стояла на коленях, наблюдая за мной и облизывая губы. Ее нежная кожа была покрыта шрамами, ожогами и гребаными укусами от Мики. Несмотря на все это, она оставалась самой чертовски красивой женщиной.

Я подошел к краю кровати, волосы упали на мои печи, когда обхватил свой член. Лила поползла вперед, нервничая, и я провел рукой по ее волосам.

— Могу я... могу я прикоснуться к тебе? — спросила она, ее голос был хриплым, когда она обняла меня.

Я отпустил свой член, и Лила робко протянула руку, обернув пальцы вокруг ствола, не в состоянии полностью его обхватить. Ее рука нежно сжала и начала двигаться. Запрокинув голову назад, я стиснул зубы, чтобы не прореветь ее имя.

Было так хорошо, так чертовски хорошо. Затем она отпустила руку, и я ощутил, как теплый рот мягко скользнул по моему кончику. Клянусь, я кончил почти на месте.

Открыв глаза, я обнаружил, что Лила смотрела в мои, когда опускала свой рот ниже, круговыми движениями проводя языком по кончику.

— Бл*дь, детка, чертовски хорошо, — прохрипел я.

Осторожно и робко Лила начала двигать языком быстрее и быстрее, и быстрее, и я больше не мог сдерживаться.

Схватив ее за подбородок, я оттолкнул Лилу от своего члена, ее губы были полными и припухшими от этого идеального отсоса.

— Ложись на спину детка, — приказал я и улыбнулся, когда Лила сделала так, как я просил. Ее невероятные изгибы были на полном обозрении, а гребаной киске было слишком сложно сопротивляться.

Забравшись на кровать, я навис над Лилой, пока мои губы не коснулись ее, и провел своим членом по ее влажной киске.

— Я хочу взять тебя без презика, Ли, — сказал я. — Я проверялся на этой неделе, и я чист. Твои анализы крови в больнице тоже в порядке, и они сделали противозачаточную инъекцию. Я хочу почувствовать, как эта киска будет сжимать мой член. Да?

Лила обняла меня рукой за шею и потянула к своим губам. Ее бедра начали двигаться. Я отстранился, как раз в момент, когда врезался членом в ее жаркую, влажную киску.

— Да, Кай, пожалуйста, возьми меня. Всю меня... без искушения.

Больше разрешения мне и не нужно было, и, обхватив в кулак волосы Лилы, я толкнулся в нее до конца.

Сдавленный стон сорвался с губ Лилы. Она обхватила руками мою спину, провела ногтями по коже. Боже, было так хорошо, тепло, влажно и чертовски идеально.

Я начал двигать бедрами, ощущая, как она сжимается вокруг моего члена, сводя меня с ума. Наклонив голову, я прижался губами к ее и еще сильнее толкнулся в ее киску. Мой язык проскользнул в рот Лилы, и я сглотнул каждый стон. Я хотел толкаться в нее так глубоко, как это возможно, хотел заклеить ее, сделать своей, заменить любой чертов след от этого ублюдка Мики.

— Кай... — простонала Лила, когда ее бедра синхронно двигались с моими. Но я хотел большего, желал увидеть, как она кончает, хотел смотреть на ее чертовски красивое лицо.

Я перекатился на спину, и Лила ахнула, когда оседлала мои бедра, а я все еще находился глубоко в ней. Она положила руку мне на грудь и ее голубые глаза смотрели на меня в шоке.

— Трахни меня, детка, — зарычал я, когда поднял руки и обхватил ее бедра.

Лила откинула голову назад, когда я вонзался в нее. Ее соски были твердыми камушками, большие сиськи подпрыгивали ритмично.

— Кай, это ощущается... — пробормотала она, прервавшись на громкий стон, затем облизала языком губы, царапая мышцы моего пресса ногтями.

Лила начала сильнее двигать бедрами, гребаный инстинкт овладел мной, и я устался в ее покрасневшее лицо. Ее глаза были закрыты, и я застонал, когда моя женщина объезжала меня быстрее, увеличивая скорость с каждой секундой.

Убрав руку с ее бедра, я закружил по ее клитору пальцем. Глаза Лилы широко

открылись. Она начала дрожать. Ее бедра дергались, и то, как ее киска сжимала мой член, дало мне понять, что она близка.

Я увеличил темп движения большого пальца. Ее кожа засветилась от румянца, и мой член стал еще тверже. Лила запрокинула голову назад и выкрикнула мое имя, пока ее киска чертовски сильно сжимала мой член, что я не мог связно мыслить. Я чертовски сильно кончал.

Лила задыхалась, когда мы оба замерли и наши взгляды встретились. Я не видел шрама на ее лице. Все, что я видел, мою женщину, мою старуху... мою гребаную жизнь.

Обхватив ее запястье, я потянул Лилу вперед, пока ее сиськи не коснулись моей груди. Я провел большим пальцем по ее шраму: от виска до подбородка, и Лила посмотрела на меня настороженно.

— Я чертовски сильно люблю тебя, — сказал я, и слезы наполнили глаза Лилы.

— И я люблю тебя, Кайлер.

Я изучил каждую черточку ее лица и сказал:

— Ребекка...

Лила замерла, и ее губы задрожали.

— Как... ты узнал, что меня так зовут?

— Я встретил твою сестру, когда спасал тебя. Она сказала мне твое настоящее имя.

— Фиби? — прошептала она и теперь залилась слезами.

— Да, она хотела, чтобы я спас тебя.

Лила отвела взгляд. Она больше ничего не сказала о своей сестре.

Когда она снова повернулась ко мне лицом, то сказала:

— Пожалуйста, не называй меня этим именем, Кай.

— Почему?

Лила опустила голову на мою грудь и поцеловала мою потную кожу.

— Потому что я не знаю девочку с этим именем. Хотя я и жила всю жизнь как Окаянная Далила, ты знал меня как Лилу. Теперь я Лила. Ребекка умерла, когда ее забрали ребенком.

Мое сердце ухнуло камнем вниз, когда я услышал боль в ее голосе. Но я притянул ее к своему рту и прошептал:

— Лила. Моя старуха.

Лила попятилась и часто заморгала.

Улыбнувшись, я провел рукой по ее спине, затем до упругой задницы, сжав плоть.

— Одевайся, — приказал я.

Лила нахмурилась.

— Зачем? — Она наклонила голову, обвела пальцем татуировку петли на моей коже и сказала: — Я вполне довольна находиться здесь, с тобой. И не возражаю оставаться в кровати с тобой еще какое-то время.

— Потому что я настолько хорошо трахаюсь? — пошутил я.

Лила покраснела и сказала:

— Ты знаешь, что ты красивый. Невероятный... и очень опытный... в этом.

Рассмеявшись и подмигнув Лиле, я сжал ее задницу, поднял ее с кровати и сказал:

— Одевайся. И штаны.

Лила покачала головой.

— Не могу. На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твой всякий делающий сие.

Второзаконие 22:5.

Раздраженно выдохнув, я сказал:

— Ли, мы не будем снова это обсуждать.

— Кай, хоть я и не в Ордене, я не могу отрицать, кем являюсь. Не могу отречься от своей веры.

Подойдя к своей женщине и чертовски возбуждаясь от того, как моя сперма стекает по ее бедру, я обхватил ее щеки в колыбель своих ладоней и сказал:

— Тогда надевай платье, но под него кожаные штаны. Красотка забила твой шкаф. Там они точно есть.

Челюсть Лилы удивленно отвисла.

— У меня есть шкаф здесь?

— Да, сладкие щечки, есть. Как и у меня. И чтоб ты знала, я не хочу, чтобы ты одевалась как мужик. Мне нравится, когда моя женщина выглядит как гребаная женщина, а не брат. Я не тащусь от членов.

Лила боролась с улыбкой и кивнула.

— Я должна надеть кожаные штаны под платье.

— Хорошо, — сказал я уверенно и пошел одеваться. — Потому что я наконец заполучу тебя на заднее сиденье моего байка. Время пришло.

Я слышал, как Лила нервно ахнула.

Но я на хрен проигнорировал это.

***

— Готова? — спросил я, когда Лила обняла меня за талию.

Она кивнула мне в спину, и ее хватка на моем жилете усилилась.

— Да.

Я поднял подножку и двигатель моего Харли взревел, мы покатались по грязной дороге на проселочную, что проходила мимо клуба. Руки Лилы железной хваткой держали меня за талию, но я не мог стереть ослепительную улыбку со своего лица. Моя старуха сидела на моем байке, ветер хлестал мне в лицо, свобода на дороге и два колеса сжигали асфальт.

Это была жизнь, которую я теперь хотел, я никогда не был так чертовски счастлив.

Звук хихиканья раздался в моем ухе. Посмотрев на Лилу через зеркало заднего вида, я увидел, что она улыбается. Она запрокинула голову назад и рассмеялась.

Она полюбила это.

Она тоже попробовала свободу.

Мы ездили часами, пока не оказались в Мак-Кинни-Фолс-Стейт-Парк. Палачи приезжали сюда все время. Лиле сразу же понравилось это место.

Остановившись рядом с водой, я развернулся на месте, и Лила обернула ноги вокруг моих бедер. Схватив ее за задницу, я притянул ее ближе. Лила широко улыбалась, когда обняла меня за шею.

— Тебе нравится ездить, детка? — спросил я.

— Да, очень сильно, — ответила она, и, прижав свой лоб к моему, сказала: — лучшая часть — держаться за тебя, разделять с тобой то, что ты любишь.

— Прижми свои гребаные губы к моим, — потребовал я, и Лила придвинулась, обрушив свои губы на мои.

Я разорвал контакт, покрывая поцелуями ее нежный подбородок, затем тонкую шею. Ваниль. Повсюду ваниль.

— Кай, — прошептала она, и я отстранился, прежде чем закончил тем, что трахнул ее на этом байке. Лила положила голову мне на грудь и уставилась на воду, вздохнув.

Я ощутил, что ее настроение изменилось, поэтому усилил свою хватку и спросил:

— Все хорошо?

Лила молчала несколько минут, прежде чем спросила:

— Ты веришь в Бога?

Вопрос опрокинул меня на задницу. Я нахмурился, задаваясь вопросом, куда она, на хрен, с этим ведет.

— Не знаю, детка, — ответил я честно. — Но я думаю, что религия испорчена. Люди убивают за Бога, который может быть настолько же реальным, как гребаный Санта-Клаус. Люди судят других за то, что они не верят в то же самое, а мрази, как пророки Давид и Каин, используют эту власть, чтобы контролировать людей. — Я вздохнул, пытаюсь не выйти из себя. — Но Бог не имеет гребаного понятия.

— Я верю, — прошептала она. — Несмотря ни на что, я все еще верю, что есть Бог, который любит свой народ.

Я не знал, что сказать, но огромный поток страха наполнил меня. Я только вернул свою женщину назад, мою женщина, которая была разрушена долбаной педофильской сектой. Я думал, что мы двигаемся дальше, начинаем нашу жизнь, но она все еще верит? Из-за этого я боялся так, что у меня подгибались ноги. «Разве женщина захочет этой жизни, когда так крепко связана с Богом», — подумал я.

— Мы с Мэй говорили, когда я была в больнице. Она рассказала мне, как пророк Давид изменил Библию, чтобы мы поверили в его послание. Она рассказала о его лжи, как он использовал свою власть, чтобы делать плохие вещи с детьми... со мной, — сказала она тихо. Я обнаружил, что сжимаю ее сильнее, как будто мог каким-то образом защитить ее от прошлого. Лила уткнулась в мою грудь и сказала счастливо. — Но она также дала мне Библию, настоящую Библию, и эти откровения поразили меня. Они были полны прощения, хороших намерений и притч о мире и любви к человечеству. Я влюбилась в эти слова... Влюбилась в эти послания. Они возродили меня, наполнили надеждой и даровали мне благодать.

Комок сформировался в моем горле, пока я слушал Лилу. Сказанное ею не соответствовало жизни Палачей, не подходило нам с ней.

Ощувив что-то мокрое на своей груди, я подтолкнул Лилу своим плечом и увидел ее слезы.

— Детка, — прохрипел я, вытирая ее щеки. Она покачала головой, схватив меня за руки, оставляя поцелуй за поцелуем на запястье.

— Не хочу, чтобы ты думал, что я несчастна или не люблю тебя. Потому что я счастлива и люблю больше, чем могу объяснить. Псалмы — это стихи, ты — мой. Ты — воплощение каждого божественного слова, что может соскользнуть с моих уст. Я обожаю тебя, Кай. Я не могу представлять свою жизнь без тебя. Ты мой белый голубь. Ты наполняешь меня миром любви и преданности.

Моя грудь сжалась, я провел большим пальцем по ее шраму и сказал:

— Детка...

Лила подняла платье, кожаные штаны идеально облегли ее ноги, и она показала мне

свой плоский живот, обводя один из своих шрамов, оставленных сектой.

— Этот крест был заклеен на моем животе отвратительными и пагубными мужчинами, но также этот символ есть в моем сердце, образно, конечно же. Я ребенок Господа, которым дорожу, Христом, которого люблю и любила безумно.

Закрыв глаза, я втянула вдох и меня затошнило. Чем больше она говорила, тем сильнее я чувствовал, как она отстранялась. Я знал, что быть вместе будет сложно... я не думал, что это будет невозможно.

Я был убийцей.

Преступником.

И когда ты Палач, у тебя нет времени на религию.

Лила опустила свое платье, и ее лицо исказилось, будто от боли.

— Вся моя жизнь состояла из служения Господу. — Ее блестящие от слез глаза встретились с моими, и она сказала: — Кай... Я не знаю кто я, без своей веры.

В ее голосе звучало отчаяние, как будто он ждала, что у меня был гребаный ответ, но я его не говорил.

Лила плакала у меня на груди. Вскоре она устала, выплакалась, все еще восстанавливаясь от повреждений. Молча мы поехали домой, где я отнес ее в кровать. Мы трахались медленно. Затем она уснула на моей груди.

Я не спал. Моя голова была забита тем, что она сказала.

Ты мой белый голубь. Ты наполняешь меня миром любви и преданности.

Но она не знала себя без веры...

Забавно, учитывая, что я не знал, кто я без нее. Сучка изменила меня. Раньше я не заботился о женщинах ни на йоту, а сейчас благословлял проклятую землю, по которой она ходила.

Я притянул Лилу ближе к груди, вдохнул ее ванильный запах и прижал крепче, потому что то, что я собирался сделать, не удержит ее со мной навсегда.

В действительности я был чертовски уверен, что это полностью отдалит ее от меня.

Но для моей женщины, сучки, которую я безумно любил, все должно быть закончено. Она наконец заслуживала счастья, даже если это означало, что я должен был пожертвовать своим.

25 глава

Кай

— Т-ты ув-уверен, ч-что это с-сработает?

Прислонившись к грузовику Стикса, я пожал плечами, мы оба выдохнули струи дыма.

— Я не уверен ни в чем. Я знаю только, что последние несколько дней, с тех пор как я привез свою женщину домой, она тихая и постоянно думает. Она хочет этого. Нуждается в этом. — Я посмотрел на Стикса. — Также ей нужны ее сестры. Только они понимают. Черт, насколько мы знаем, они чувствуют то же самое.

Стикс бросил окурок на землю, и его ботинки захрустели на гравии у наших ног. Он встал передо мной, на его мрачном, напряженном лице было беспокойство.

— Я... Я н-не х-хочу п-потерять Мэй из-за этого.

Я устался на свой коттедж и вздохнул.

— Мэй выбрала эту жизнь. Ты в безопасности.

Стикс положил руку мне на плечо и поднял ее, чтобы дважды похлопать мне по щеке. Ему не нужно было говорить. Я слишком хорошо знал своего брата, чтобы быть уверенным, что он понимает, отчего я собирался отказаться.

— Н-никогда н-не в-видел т-тебя т-таким п-прежде, б-брат, — сказал Стикс, протягивая мне еще одну сигарету.

— Раньше мне было нечего терять, Стикс. Ничто не могло разрушить меня так, как потеря Ли.

Зазвонил телефон Стикса, сигнализируя, что Мэдди с Мэй. Мэдди не покидала квартиру месяцы, кроме того раза, когда проводывала Ли после похищения. Это привело к тому, что Мэдди обнаружила уход Лилы и то, что она порезала себя в баре. После этого Мэдди не смела выходить. Но сейчас она жила со Стиксом и Мэй в их коттедже, и Мэй очевидно убедила Мэдди поехать с нами сегодня.

Стикс открыл дверь грузовика и сказал:

— В-встрет-тимся т-там.

Я оттолкнулся от грузовика и пошел к дому. Лила убиралась, напевая про себя, одетая в платье с длинными рукавами. Оно больше облегалo, чем те, что она обычно носила, и демонстрировало ее потрясающую фигуру. Также она носила байкерские ботинки по щиколотку. Ее короткие светлые волосы были не расчесаны, но выглядели чертовски круто, и она вытирала со столешниц. Но лучше всего был мой патч на ее спине, ее кожаный жилет гордо гласил: «Собственность Кая».

Мое сердце ухнуло в желудок, когда я смотрел на нее. Я задавался вопросом, был ли это последний раз, когда я видел ее вот так. Сделав вдох и услышав, как грузовик Стикса поехал по нашей грязной дороге, я понял, что настало время все прояснить.

Подойдя к Лиле, я обнял ее за талию, и она подпрыгнула, затем сняла свои перчатки.

— Кай! — рассмеялась она, повернулась и обняла меня за шею. Она прижала свои губы к моим и уткнулась в мою шею. — М-м-м... ты так хорошо пахнешь. Как масло и сигареты.

— И это хорошо? — спросил я хрипло.

— Очень хорошо, — прошептала она. — От этого я чувствую себя в безопасности.

Мой желудок сжался, и я прижал ее ближе.

Лила задержала дыхание, затем отстранилась, посмотрела мне в глаза и спросила:

— Ты в порядке, Кай?

Обхватив ее лицо в колыбель своих рук, я подтолкнул ее к столешнице. Мои губы обрушились на ее, и через секунду, я приподнял ее платье, сорвал трусики и ворвался своим членом в нее.

— Кай... — застонала Лила, схватив меня за волосы, ее голая задница была на гранитной столешнице. Я не дал ей и шанса сказать что-нибудь еще, когда вбивался в нее, ее киска стала влажной и сжимала мой член.

— Чертовски сильно люблю тебя, детка, — прохрипел я, мои толчки становились быстрее, и я чувствовал, что готов взорваться.

— Я тоже люблю тебя, — сказала Лила, прежде чем ее киска сжала мой член, покрывая меня своей влажностью и выжимая мой член без остатка.

— Бл*дь! — закричал я, когда кончал, моя голова была на ее плече, пока я пытался перевести дыхание.

Ли́ла медленно толкнулась бедрами, получая последнее наслаждение. Затем подняла мою голову, в ее взгляде светилось беспокойство.

— Что не так?

Я быстро прижался губами к ее и отстранился, мой член выскользнул из ее влажной киски, и я застегнул ширинку.

— Или приведи себя в порядок и надень штаны. Мы прокатимся.

— Прокатимся? — спросила она.

— Да, детка. Нам нужно кое-куда съездить.

Ли́ла посмотрела на меня подозрительно, но сделал так, как я сказал.

Пять минут спустя мы ехали по автостраде, направляясь в центр. Ли́ла крепко держалась за меня, и я делал все, чтобы не потерять остатки разума.

***

Я остановился позади грузовика Стикса, и почувствовал, что Ли́ла крепче сжала меня от удивления.

— Кай? — спросила она.

Выключив двигатель, я просто сидел с минуту.

— Так красиво, — Ли́ла пробормотала позади меня. Я заставил себя взглянуть на церковь. Белая церковь, которая ей понравилась много месяцев назад.

— Слезай, сладкие щечки, — приказал я, и Ли́ла свесила ноги, коснувшись асфальта. Я последовал за ней и наблюдал, как она наклонила голову, пока рассматривала церковь.

— Очень-очень красиво, — снова прошептала она.

— Именно так я и думал, — пробормотал я себе под нос, но я не смотрел на белый камень или витражные окна. Я смотрел на свою женщину, в чьих глазах горело волнение.

Повернувшись ко мне, Ли́ла сказала:

— Кай, что мы здесь делаем?

Я посмотрел на грузовик, и видя, что он бы пуст, я провел рукой под носом.

— Ты сказала, что не знаешь, кем являешься без веры.

Глаза Ли́лы расширились, и она сделала прерывистый вдох.

— И... и ты привез меня сюда?

— Да, детка. Организовал все так, чтобы пастор показал тебе все вокруг, показал, что значит религия, которая не унижает и не заставляет делать то, чего ты не хочешь.

Глаза Ли́лы наполнились слезами, и она покачала головой.

— Я не... я не понимаю...

— Ли́ла, детка, я так чертовски сильно люблю тебя...

— Я тоже люблю тебя, — перебила она, но я вытянул руку, чтобы она затихла. Слеза скатилась по ее щеке, и я ее вытер.

— Я чертовски сильно люблю тебя, но знаю, что без всего этого... — я указал на церковь позади себя, — ты не чувствуешь себя единым целым. У тебя нет цели. Но больше всего ты веришь в Бога, детка, и вот к чему это сводится.

Ли́ла провела рукой по краю моего жилета, и я не мог встретиться с ней взглядами. Как гребаная киска, я не мог встретиться с ее чертовым взглядом.

— Кай, — выдохнула Ли́ла, когда провела тыльной стороной ладони по моей щеке. Я поднял голову и увидел опечаленное выражение на ее лице. — Что не так? Почему ты это

делаешь?

— Потому что это правильно для тебя. Всю жизнь тебе говорили, что делать. У тебя никогда не было того, что ты любишь, ничего своего. — Я указал на церковь позади себя и сказал: — Тебе нужно это место, сладкие щечки.

— Но почему ты грустный? — надавила она снова.

Я шагнул вперед и прижал свой лоб к ее.

— То, во что ты веришь, и как я живу — противоположные полюса, Ли. Палачи не живут по законам морали. Мы живем отдельно от людей по своим собственным правилам — ничего из этого не подходит твоей вере. И я понимаю это. — Я выдохнул и сказал: — Я просто хочу, чтобы ты была чертовски счастлива, Ли....

Звук открывшейся двери позади меня привлек мое внимание, и не обращая внимания на опустошенное выражение лица Лилы, я повернулся и увидел, что пастор стоит у двери с Мэй и Мэдди. Обе широко улыбались моей женщине. Мэй махнула рукой, показывая Лиле присоединиться к ним. Мэдди выглядела спокойной, даже счастливой.

Лила сомневалась, и ее голубые глаза встретились с моими.

— Кай... — сказала она грустно, но по ее взгляду я видел, что она хотела пойти.

— Или, Лила. Найди себя.

Лила наклонилась вперед и прижала свой рот к моему.

— Спасибо, — прошептала она, и я почти развалился на части.

Лила спокойно поднималась по лестнице, робко пожала руку пастора. Я наблюдал, как пастор завел их внутрь. Лила последовала. не оглядываясь.

Я пялился на закрытую деревянную дверь, казалось, целую вечность и думал, что моя грудь взорвется. Я понимал, что потерял ее. Как я мог конкурировать с Богом? Я был красивым ублюдком с почти идеальным телом, но даже я не был божественным.

Справа раздался свист, и Стикс появился с двумя стаканчиками кофе. Я прислонился к его грузовику, опустив голову, когда он протянул мне стакан. Стикс встал рядом со мной.

Он ничего не говорил, и, опустошив полчашки, я сказал:

— Чертовски уверен, что я потерял ее, мужик.

Стикс вздохнул и положил руку на мое плечо.

— Бл*дь! — выплюнул я и бросил стакан с кофе на землю, игнорируя, что люди вокруг обходили нас стороной.

Я провел рукой по волосам и глубоко вдохнул. Стикс наблюдал. Но его челюсти были стиснуты, а глаза прищурены. Я понимал, что он бесится от сочувствия ко мне, но я не мог видеть этого, не мог вынести его жалости.

— Я поеду, — сказал я и направился к своему байку. Остановившись рядом со Стиксом, я сказал:

— Убедишься, что она вернется в безопасности, хорошо?

Он кивнул. Я вытащил ключи, в тот же момент, когда позади меня со скрипом открылась дверь церкви. По мраморным ступеням раздались шаги.

— Кай! Кай!

Развернувшись, держа в руках шлем и авиаторы, я увидел, как Лила сбегает по ступенькам церкви и машет мне остановиться.

Беспокоясь, что что-то не так, я опустил шлем и очки на сиденье и бросился к ней.

— Какого черта не так? — спросил я, вглядываясь в ее лицо и готовясь надрать какую-нибудь пасторскую задницу. — Кто-то здесь обидел тебя?

Но Лила не переставала бежать. Оказавшись возле меня, она обняла меня за шею, уткнувшись в нее головой, ее хватка была сильной.

— Детка? Что не так? — спросил я, глядя ее короткие волосы.

Лила отстранилась, в ее глазах стояли слезы.

— Кай... — прошептала она, и каждая часть меня напряглась.

— Кто из них обидел тебя? Я, бл*дь, убью их!

Лила прижала руку к моей щеке.

— Нет, Кай, ты не понимаешь.

Я замер. Лила широко улыбнулась, ослепив меня.

— Там так прекрасно, Кай. То, чему они учат, чему поклоняются... чистая жизнь, которую они ведут...

Разочарование наполнило меня, и я убрал прядь волос с лица Лилы.

— Это хорошо, детка, да?

Она кивнула, счастливо рассмеявшись.

— Да.... да, я влюбилась в это. Мы все. Я чувствую, что принадлежу этому месту.

— Хорошо, детка. Очень хорошо, — прохрипел я, чертовски запутанный, почему же она вернулась. Чтобы мучить меня? Сделать все еще тяжелее, чем есть?

— Кай? — спросила Лила, вынуждая меня посмотреть на нее. Я встретился с ней взглядом и очень медленно вдохнул. — Ты спас меня. Ты продолжаешь спасать меня, — всхлипнула она, ее нижняя губа дрожала.

Мое сердце сильнее заколотилось в груди.

— Я... черт, Ли, — это все, что я смог произнести.

— Ты вернул мне веру, чистую веру, без условностей. И у меня есть ты...

— Я грешник, детка. Какого хрена ты хочешь быть со мной, когда у тебя есть такая сильная вера? — я указал на церковь за собой.

Лила наклонила голову набок.

— Даже спасение можно найти с помощью любви грешника.

И вот здесь я все понял. Они никуда не уходила. Она была в моей постели, на моем байке и на гребаную вечность рядом со мной.

Лила погладила мою щеку.

— Любовь — это жизнь, а ты моя любовь... Ты — вся моя жизнь.

Когда я смотрел на свою женщину, которая сияла, пока говорила, что я — ее жизнь, я знал, что есть единственный способ сделать все правильно. Привязать ее к себе, чтобы она не ушла снова.

Положив руку на затылок Лилы, я выдохнул:

— Выходи за меня, Ли.

Лила замерла в моих руках и ахнула, прошептав в шоке:

— Что?

— Выходи за меня. Ты хочешь сделать все правильно. Тогда выходи за меня замуж.

— По святому закону Бога? — спросила она.

Я пожал плечами.

— Хоть по святому закону розового единорога, мне плевать.

— Ты сделаешь это ради меня?

— Детка, я достану луну для тебя. Наручниками прицеплю себя к тебе на всю оставшуюся жизнь.

Ли́ла рассмеялась, запрокинув голову назад.

— Тогда да, Кай! Мой ответ — да!

Я обрушил свои губы на ее, и мое сердце было готово взорваться. Мой старик был неправ, я, черт побери, поклонялся женщине, которая была в моих объятиях.

Хлопок по моей спине заставил меня повернуться. Стикс широко улыбался, показывая: «Ад замерзнет, если ты свяжешь себя узами брака! Добро пожаловать в братство подкаблучников, Кай!»

«Мой старик ошибался. Киски нужно хорошо лизать, жестко трахать и всегда поклоняться им», — показал я в ответ

Стикс рассмеялся.

«Аминь этой истине, брат».

«Околдован киской, Стикс. Я всегда был околдован этой блондинкой святошей».

26 глава

Ли́ла

Я вышла замуж за Кая четыре дня спустя, купаясь в красоте созданий Господа, пока голуби летали в небе. Я была одета в простое белое платье и с венком в волосах, а на Кае была его обычная кожаная одежда и жилет Палачей.

Мэй и Мэдди стояли со мной, пока я одевалась, Мэй не переставала плакать, а Мэдди смотрела за мной со счастливой улыбкой...

— Ты такая красивая, Ли́ла, — сказала Мэй, когда одела венок мне на голову. Ее светящиеся голубые глаза встретились с моими, и она сжала мою руку. — Ты заслужила эту любовь, Ли́ла. Заслужила быть счастливой.

— Спасибо, сестра, — сказала я сквозь комок в горле, прижав свой лоб к ее. Мне все еще было сложно поверить, что это произошло.

Я выходила замуж за Кая, объявляла о любви к нему под взглядом Господа.

— Мы должны помолиться вместе? — спросила Мэдди позади меня, и я повернулась, увидев, как она протягивает руки ко мне и Мэй. Кивнув, я взяла ее за руки, как сделала и Мэй, и Мэдди начала «Отче наш».

Когда она закончила, мы втроем посмотрели друг на друга, и не нужно было ничего говорить, все было и так понятно. Мы выжили. Были едины. У нас была новая вера и надежда на новую жизнь, свободную от боли.

Мы постепенно освобождались от нашего проклятия...

Пастор Элси Джеймс провел церемонию перед братьями Кая, их старухами и моими сестрами — которые были подружками невесты — в красивом саду возле нашего коттеджа. Даже Элисия, сестра Кая присутствовала, что шокировало клуб. Она сказала, что готова рискнуть быть раскрытой, чтобы только увидеть, как «изменившаяся шлюха», ее брат, женится. Но я знала, что она хотела быть здесь ради своей семьи в этот особенный день, и я видела, как был счастлив Кай, когда Сия появилась со слезами гордости на глазах.

Мы с Каем обменялись кольцами. Он дал мне простое золотое кольцо, надев его на мой палец, когда самая идеальная церемония подходила к концу. Мы сказали «согласны», и когда солнце достигло своего пика я официально стала «Собственностью Кая»

Пастор Джеймс объявил нас мужем и женой, и Кай повернулся к своим братьям, скрепив наш союз, прокричав:

— Живи свободным, разъезжай свободным, умирай свободным! — когда мы проходили через семью МК, и они с радостью подхватывали клич.

Они приняли нас как мужа и жену.

Позже в это день мы сидели на крыльце, я на коленях Кая проводила пальцем по золотому кольцу на его пальце, и была не в состоянии остановить чувство полного удовлетворения.

Кай поднял мою руку к своему рту и спросил:

— Тебе хорошо, детка?

Положив руку на грудь своего мужа и смотря, как моя семья пьет и смеется в моем саду, я сказала самые правдивые слова, которые когда-либо говорила:

— Мое сердце в покое. Без моей красоты, но благословенное твоей безоговорочной любовью. Впервые в жизни я полностью умиротворена.

Кай вздохнул. Я узнала это был сигнал его согласия.

Стикс и Мэй заехали во двор на мотоцикле, после сопровождения Мэдди в церковь. Моя сестра нашла свое место в четырех белых стенах церкви Спасителя. Она нашла покой в месте без осуждения и боли. Она сидела часами у ног мраморного Христа под бдительным взглядом пастора Джеймса. Я знала, что она не останется на моей церемонии надолго. Ей все еще было некомфортно находиться среди людей.

Мэй подошла к нам, улыбаясь, и наклонилась поцеловать меня в макушку, прежде чем села на колени к Стиксу в кресло-качалку рядом с нами. Ковбой и Хаш были с другой стороны, болтали с Элисией. Она и Ковбой были увлечены беседой о лошадях и родео, Хаш не мог отвести взгляда от нее тоже, казалось, их троих мгновенно притянуло друг к другу. Я не могла сдержаться и захихикала от гиперопекающей хмурости Кая, но мне нравилось видеть Сию улыбающейся и счастливой.

Мое сердце порхало от счастья. У меня была еще одна сестра, которую я любила.

— Думаю, она нравится им обоим, — прошептала я Каю. — И думаю, они тоже ей нравятся. — Его взгляд дал мне понять, что он недоволен этим фактом.

Рассмеявшись на прищуренный взгляд Кая, пока он следил за их разговором, я повернулась к Мэй.

— Как Мэдди? Казалось, она наслаждалась церемонией.

— Да, — сказала Мэй. — И ей лучше. Хотя я не уверена, что сделает ее по-настоящему счастливой и заставит чувствовать себя в безопасности.

Я отправила молчаливую молитву Господу, чтобы он помог Мэдди найти ее путь.

— И психи вернулись!

Я посмотрела в сторону волнующейся толпы у входа на нашу собственность. Викинг и АК только что заехали во двор в своем фургоне. Флейм выпрыгнул с заднего сиденья, его братья подходили поприветствовать его. Все это время Флейм был в больнице, восстанавливался после ранения в шею. АК и Викинга отправили присматривать за ним, чтобы когда он отходил от успокаивающих препаратов, никого не покалечил.

Хаш и Ковбой подпрыгнули на ноги и оба похлопали его по спине, приветствуя его возвращение, и эти двое мужчин заставили меня улыбнуться. Они оба остались с нами и, как объяснил Кай, получили жилеты с патчами Остина. Когда я увидела, что Сия смотрит на них, покраснев, то задумалась, будем ли мы видеть Сию чаще.

Таннер, друг Тэнка, тоже переехал в клуб. По большей части он был тих и замкнут. Мне всегда казалось, что в его сердце много печали. Кай рассказал мне, что сначала невзлюбил этого мужчину, но после того как Таннер рискнул своей жизнью, чтобы вернуть меня, Кай уважал его.

Голова Флейма крутилась из стороны в сторону, и он оглядывал двор как животное, в поисках добычи. Викинг вложил ему в руку бутылку пива, но Флейм бросил ее на землю и продолжил поиск.

Увидев, что мы сидим на крыльце, Флейм рванул к нам, мышцы его груди и рук выпирали из-под множества татуировок. Он был в жилете, но без футболки, в кожаных штанах и тяжелых черных ботинках. На одной стороне его шеи были швы красные и со шрамами, там, где моя пуля встретила его шею. Увидев рану, я испытала вину.

— Где она? — огрызнулся Флейм на Стикса, прежде чем у меня появился шанс извиниться за то, что ему сделала.

Стикс сощурил глаза, тем не менее молчал.

Следующим Флейм посмотрел на Кая. На это раз его голос был как битое стекло.

— Где. Она?

Кай заерзал подо мной, поправил мое положение у себя на коленях и сказал:

— Успокойся, нахер, брат. Ты только вернулся, и сегодня моя гребаная свадьба, на случай, если ты не заметил!

Флейм излучал ярость, его лицо стало красным, он закричал:

— ГДЕ, БЛ*ДЬ, ОНА!

— В церкви Спасителя, — сказала я быстро. Измученные глаза Флейма сверлили дыру в моих. Наклонившись ближе, я сказала: — Для начала Флейм, я хочу извиниться за то, что причинила тебе боль. Это было ненамеренно. Я... просто была не в себе.

Флейм напрягся на мое извинение, но кратко кивнул. И я знала, что это было далеко от того, как должен проходить разговор.

— Мэдди? — настоял он, его полностью черные глаза нервировали меня.

— Мэдди в церкви Спасителя, — призналась я. — Она там уже некоторое время. Все мы ходим туда.

Флейм отшатнулся, как будто его ударили в живот, и его лицо исказилось от боли.

— Нет... — прошипел он, переводя взгляд со Стикса на Кая, в поисках подтверждения. Они оба кивнули, выражения лиц были суровые.

Флейм сжал кулаки, и его тело затряслось от злости.

— НЕТ! — взревел он, из-за чего я подпрыгнула и схватилась за Кая. Флейм начал раскидывать стулья по двору на землю.

— Она не может быть там! Какого хрена вы отправили ее туда? — кричал он. Все братья дали ему пространство, смотря на него в замешательстве и с беспокойством.

Вытащив нож из жилета, Флейм начал резать кожу на своей руке, кровь капала с лезвия. Он качал головой и бормотал:

— Они не могут. Она не может быть там. Боль. Ей сделают больно. Они причинят ей боль. Она будет кричать. Я не могу слышать ее крик. Мэдди. Моя Мэдди. Мэдди. БЛ*ДЬ. МОЯ МЭДДИ!

Запрокинув голову назад, он издал оглушительный, кровожадный крик, затем запульнул нож в ближайшее дерево, повернулся и побежал к холму.

— Бл*дь! — выплюнул Кай. АК и Викинг посмотрели на них со Стиксом. Кай встал со

мною на своих руках и приказал:

— Идите, нахрен, за ним и не дайте ему никого убить в этой церкви!

АК и Викинг побежали за ним, психотрио снова было в деле, как и приказал Кай.

Кай посмотрел на Стикса и сказал:

— Еще больше гребаной драмы, През. И какие, мать его, проблемы у Флейма с гребаной церковью?

Стикс показал что-то в ответ, и они оба безрадостно рассмеялись.

— С Мэдди все будет хорошо? — Мэй спросила Стикса.

— АК и Викинг поймают его раньше и успокоят, — сказал Кай, и Мэй настороженно кивнула.

Странно, но я не переживала за Мэдди. Каким бы больным на голову не казался Флейм, он был полностью очарован моей сестрой, и если я правильно поняла, Мэдди смотрела на него не так, как на остальное мужское население, которого боялась.

В последнее время я узнала, что тот, кто кажется нечестивым снаружи, может быть доброй душой внутри. Флейм олицетворял насилие и ненависть, но когда он смотрел на Мэдди, в его глазе не было ничего, кроме обожания.

«Только время покажет», — подумала я про себя.

Мы ели, мужчины пили, и к ночи были готовы идти спать. Когда все начали покидать наш двор, Кай сгреб меня в объятия и понес в нашу супружескую постель, все время смотря на меня своим красивым, обожающим взглядом.

Когда он спросил меня, была ли я счастлива в своей новой счастливой жизни, я могла ответить только правду.

— Кай, мое сердце... оно бьется ради тебя. Мои легкие — они дышат ради тебя. Моя душа...

Глаза Кая наполнились эмоциями, когда я говорила.

— Что, сладкие щечки? Скажи мне, — спросил он с намеком на отчаяние в голосе.

— Моя душа... принадлежит тебе. Ты спас меня, малыш. Ты захотел меня за мой внутренний мир. Даже когда ты смотришь на меня так, я верю, что меня достаточно тебе.

— Черт, детка, — прошептал Кай и, схватив меня за затылок обрушил свой рот на мой.

После того как мы погрузились в чувственные ощущения, исследовали тела друг друга, на это раз под благословение моего Господа, я поняла, что пророк Давид ошибался.

Ибо он проповедовал, что никто не может по-настоящему полюбить Окаянную. И ни одна Окаянная никогда не получит любовь от чистой души.

Но я, Далила, Окаянная, получила искреннюю, незапятнанную любовь Кайлера «Кая» Уиллиса, чистой души, непоколебимой в его преданности. Он любил меня по-настоящему, без условностей.

И я, Далила, Окаянная, нашла то, о чем всегда мечтала.

Я наконец-то была спасена.

Я не должна была влюбляться в него, но запретная любовь, которую я нашла с ВП «Палачей Аида» превратилась в ключ к моему спасению.

Эпилог

Кай

Я вытянул руку на сторону кровати своей жены, желая прижать свою детку ближе. Под моей ладонью была только холодная простынь, а не теплая сиська, которую я искал. Мой член присоединился к моему разочарованию, что моя старуха выскользнула из кровати, не сказав мне. Открыв глаза, я вздрогнул, так как утреннее солнце уже залило коттедж ослепительным светом.

Я чертовски сильно не любил утро.

Но моя детка любила.

«Сколько, нахрен времени?» — подумал я, когда перекатился и посмотрел, что часы на стене показывали пять утра — рассвет.

Сев в кровати, я вытащил сигарету из тумбочки и свесил ноги с кровати; мои ступни коснулись деревянного пола, когда я потянулся.

Натянув джинсы, я прошел из комнаты на кухню и встал у задней двери, зная точно, что увижу через окно.

Лила сидела на краю сада, на расстоянии наблюдая, как рассвет окрашивает холм. Как всегда она была одета в длинную ночнушку, но эта была без рукавов, с низким вырезом и на тонких лямках — ее немного измененный стиль. В действительности я бы сжег этих ублюдков, в них было мало место для маневров.

С тех пор как она стала мне женой пару недель назад, то постепенно все больше открывалась, рассказывая о своем прошлом и страхах. И она, наконец, стала счастлива. Шрамы на лице освободили ее от демонов.

Она считала себя уродливой.

Для меня она была самым красивым созданием на свете.

Открыв дверь и пройдя на крыльцо, я направился к Лиле, она наклонила голову набок, рассматривая рассвет с улыбкой на губах.

Сделав последнюю затяжку, я бросил окурок на землю и тихо сел на корточки, прижимаясь в поцелуе к поджатому рту Лилы.

Лила ахнула от удивления, в шоке положив руки мне на щеки. Используя ее теперь открытый рот, я скользнул в него языком, и Лила мгновенно застонала, как только мой язык встретился с ее.

Отстранившись, я проложил дорожку из поцелуев по ее шраму и затем посмотрел в ее голубые глаза, ее черные ресницы казались огромными, когда касались ее щек. Лицо Лилы покраснело, и она тяжело дышала, но огромная улыбка растянулась на ее красивых полных губах.

— Доброе утро, сладкие щечки, — поприветствовал я, ухмыльнувшись и подмигнув ей. Я сел на росистую траву рядом со своей старухой, сразу же лег на спину и положил голову ей на колени.

Лила подняла руку и расчесывала пальцами мои волосы, пока улыбалась мне.

— Доброе утро, малыш, — сказала она тихо, затем отвела взгляд, наклонила голову и прижала пальцы к губам, давая мне знак, быть тихим.

Я приподнял брови, когда все погрузилось в тишину, затем птицы внезапно начали петь, и Лила закрыла глаза, просто слушая гул. На лице появилось безмятежное выражение, и ее глаза распахнулись, чтобы посмотреть в мои.

— Пересмешники, — прошептала она, как будто звук ее голоса мог нарушить пение птиц.

Нужно просыпаться каждое утро и слушать пение птиц.

Воспоминания о ее самых первых словах мне, пронеслись в моей голове.

Я не мог поверить, что мы были здесь прямо сейчас... черт возьми, женаты... чертовски счастливы.

Моя грудь болела от того, как сильно я любил эту женщину, и я вытянул руку, притягивая Лилу вниз на себя. Лила засмеялась, когда приземлилась мне на грудь, ее руки вцепились в мои бицепсы.

— Кай! — вскрикнула она, хихикая, и, запустив пальцы в ее короткие волосы, я притянул ее губы к себе, на этот раз желая больше одного гребаного поцелуя.

Проведя свободной рукой по ее ночнушке, я поднял подол до ее талии, обнажая голую задницу, прежде чем скользнул пальцами между ягодицами, дальше к киске и нашел ее клитор.

Лила разорвала поцелуй со стоном и посмотрела мне в глаза. Ее веки начали смыкаться, когда бедра подавались навстречу моим пальцам, поглаживая мой член.

— Мне не понравилось, что тебя не было в кровати этим утром, детка. Не нравится просыпаться одному, — сказал я, когда стянул лямки ее ночнушки, выставляя напоказ идеальную грудь. Наклонившись вперед, я взял сосок в рот и жестко всосал, приподнимая плоть.

Ощущая, что ее киска стала влажной, я выпустил ее сосок изо рта и перекатил нас, пока не оказался сверху. Быстро расстегивая пуговицу на джинсах, вытащил член, и, закинув ногу Лилы себе на плечо, погрузился прямо в нее.

— Боже! — прохрипел я сквозь стиснутые зубы, когда наполнил свою женщину и начал толкаться бедрами. Ее узкая киска так чертовски хорошо ощущалась.

Обняв меня руками за шею, Лила закрыла глаза, когда я опустил руку и потер ее клитор круговыми движениями. Я наблюдал за своей женщиной, когда она облизала губы, ее громкие стоны становились громче и громче, чем быстрее я толкался в нее.

Ощувив, как кожа моих яиц натянулась, я стиснул челюсти и выдохнул через нос, пытаюсь сохранить контроль.

— Черт, детка, — сказал я. — Ты такая чертовски узкая... такая чертовски красивая.

— Кай — закричала Лила и дернулась, когда ее киска начала стискивать мой член сильнее. Ее ногти впились в кожу моей шеи, а пальцы потянули мои длинные волосы, отчего я застонал. — Я близко... я... ах! — Лила запрокинула голову назад и ее спина изогнулась, когда она кончила. Я толкнулся в нее еще три раза, крепко удерживая ее ногу у себя на плече, и закричал, когда кончил так сильно, что мои ноги по-настоящему задрожали.

Задыхаясь, я опустил ногу Лилы к своей талии и опустил свою грудь на ее, уткнувшись в ее мягкую грудь.

— М-м-м-м, — пробормотал я, облизывая ее влажную кожу, — вот чертовски хороший способ проснуться.

— Да, — сказала Лила, задыхаясь. — Утро — безусловно, мое любимое время дня.

Смеясь над ее попыткой пошутить, я поднял голову и прижал свои губы к ее, разорвав поцелуй, чтобы сказать:

— Люблю тебя, красавица.

Лила покраснела, даже после всего этого времени, и обхватила мою щеку.

— Я люблю тебя. И ты тоже красивый, — сказала она робко.

Я поиграл бровями.

— Ох, я, черт побери, знаю это, детка. Это лицо не может быть более идеальным. Мое тело как у греческого бога, и мой член длинный...

Лила накрыла мой рот рукой и рассмеялась, одна часть ее рта поднималась выше другой из-за шрама. Но для меня ее улыбка стала только милее.

Взгляд голубых глаз Лилы смягчился, и она выдохнула.

— Что, детка? — спросил я, поглаживая пальцем ее тело, докуда только мог дотянуться.

— Просто я невероятно счастлива. До тебя во мне отсутствовала любовь, теперь я переполнена ею. До тебя я жила без надежды. Теперь вдохновлена ею. До тебя я была сломлена. Теперь я цельная.

— Лила, — прохрипел я, в моем горле сформировался комок от ее слов. Я побил по сердцу кулаком и сказал: — Ты здесь, Ли. Ты всегда будешь здесь.

Лила потянулась за поцелуем, и казалось, через целый век, я отстранился. Ухмыляясь своей женщине, я выскользнул из нее, встал на ноги и вытянул руку.

— Пойдем поедим.

Лила взяла меня за руку, я потянул ее на ноги, и обняв ее за плечи, повел к коттеджу.

Как только мы вошли на кухню, Лила направилась к шкафчикам и начала готовить. Она все еще любила готовить, в действительности, она занималась этим при любой возможности, что не вызывало ни единой жалобы от меня.

Я сидел за столом и просто наблюдал ее перемещение по кухне, пока она напевала церковные песни, и задавался вопросом, как, черт побери, я жил без нее прежде?

Через пятнадцать минут, Лила сделала блинчики, бекон и кофе для нас обоих — наш обычный завтрак.

Моя старуха поставила все это на стол, села рядом со мной, взяла мою руку в свою и начала кушать...

И не спрашивала у меня разрешения.

***

Новый Сион

Пророк Каин

Я расхаживал туда-сюда в комнате для переговоров, где мы с Иудой и братом Лукой встречались с Кланом. И не просто с Кланом. С Джонни Лэндри и губернатором Айерсом Великим Магистром знаменитого техасского ККК.

Настало гребаное время. Мой оскуделый совет сходил с ума из-за последней атаки.

— Мы хотим, чтобы эти поклонники дьявола были уничтожены. Мы хотим убить их, а их тела наколоть на шипы, чтобы предупредить любого угрожающего общине человека, не ввязываться в войну с избранным народом Господа! — зашипел Иуда, и я поднял руку, чтобы заговорить.

Прошли недели с тех пор как Палачи забрали Далилу и убили двоих моих членов совета в процессе, черт, не просто убили, а изуродовали и отметили их чертовыми огромными «ПА»! Я был сыт этим по горло. Эти придурки испортили все для меня в общине. Мои люди начали сомневаться в моем лидерстве, и я еще не получил откровение от Господа. Ничего не

шло по плану. Ничего из предначертанного для меня не сбывалось.

И теперь мои люди хотели крови.

Мне нужно было вернуть их веру в меня. Мне нужно было стать Пророком, которым мне всегда было предназначено стать. Мне было некуда идти. Нечего делать. Это все, что было в моей жизни!

Повернувшись лицом к лидерам клана, я сказал:

— Я хочу вернуть Окаянных, чтобы они больше не смогли сбежать во внешний мир. Затем я женюсь на Окаянной, как сказано в пророчестве, и исполню слова Давида. Я должен жениться на Саломее и соединиться с ней в Дане Господней. Я должен вернуть ее, неважно какой ценой. Это важно для будущего моего народа.

Ударив ладонями по столу, я уставился в глаза Лэндри и Айерсу.

— Ваши люди облажались. Кто-то просочился в систему и узнал местонахождение Нового Сиона. Это место должно было быть выключено со всех радаров, непроницаемым, ради всего святого! Только свой человек мог раскрыть эту информацию Палачам.

Лэндри посмотрел на Айерса, а Айерс наклонился вперед, расположил подбородок на сцепленных пальцах, полностью выглядя как политик, в которого он себя превратил.

— Ты прав, Каин....

— Пророк Каин! — в унисон подчеркнули Иуда и брат Лука, перебивая губернатора, предостерегая его от отсутствия уважения к посланнику Господа. Мика, сын брата Луки, был убит самым отвратительным образом, в манере, которая принадлежала Флейму, и брат Лука был взбешен.

Айерс поднял руки и улыбнулся.

— Пророк Каин. Приношу извинения.

Лэндри ухмыльнулся Айерсу и скрестил руки, но вскоре их веселье испарилось.

— У нас есть подозреваемый, дезертир из офицеров высшего чина, который, по нашему мнению, украл информацию из офиса Лэндри. Он не был замечен со дня налета, поэтому мы пришли к выводу, что он объединился силами с ними.

Я сжал кулаки, пока они не заболели.

— Значит, он должен быть пойман и наказан!

Айерс поднял руки.

— Пророк Каин, я знаю Палачей много лет, при нескольких президентах, могу добавить. И могу сказать, что эти мужчины могущественны. Ты жил с ними пять лет, поэтому в курсе этого. У них интернациональные связи. Больше связей, чем у меня и всего Клана. Черт, больше чем у гребаного президента США, и полагаю, больше, чем у вас. Поэтому нам нужно тщательно все планировать, отнестись внимательно к деталям. Мы не должны оставлять следов.

— Это займет время. Но я твердо верю, что в конце концов мы победим. С поставкой вашего оружия моему клану для войны, которая, несомненно, грянет в США, наши отношения будут нерушимы. Белая христианская мечта Господа будет реализована.

Я посмотрел на Иуду, и он пожал плечами. Было видно, что он согласен с ними. Айерс, очевидно, уловил это и сказал:

— Это марафон, пророк Каин, не спринт. Позвольте нам убедиться, что все наши активы на своих местах, и мы ударим. И это разрушит МК.

Я подошел к окну кабинета, уставившись на общину, и сделал вдох. Может, это будет не сейчас, может, не завтра, но в скором времени я верну Окаянных месту, которому они

принадлежат, и Мэй в свою постель. А Палачи?

Они будут гореть в гребаном Аду.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Плейлист

Emeli Sande — Clown

The White Buffalo — Devil Is a Woman

Blue Oyster Cult — (Don't Fear) The Reaper

Ron Pope — A Drop In the Ocean

Ella Henderson — Ghost

Biffy Clyro — God & Satan

Lifehouse — Hanging By a Moment

Creed — Higher

Regina Spektor — Laughing With

Janis Joplin & Big Brother & The Holding Company — Piece of My Heart

Gene Loves Jezebel — The Prairie Song

Lana Del Ray — Ride

Gabrielle Aplin — Salvation

The Rolling Stones — Sympathy For the Devil

Hozier — Take Me to Church

Evanescence — Tourniquet

Amos Lee — Violin

Ella Henderson — Yours

Jonny Fears — The Squeeze

Hozier — In The Woods Somewhere

Заметки

[

←1

]

Откровение св. ап. Иоанна Богослова — последняя книга Нового Завета. Иное название: Апокалипсис Иоанна.

[

←2

]

жаргонное название белых фермеров, жителей сельской глубинки США, вначале преимущественно юга, а затем и области при горной системе Аппалачи.

[

←3

]

Сладкий снэк, состоящий из плитки шоколада и поджаренного зефира, зажатых между двумя крекерами.

[

←4

]

Вудстокская ярмарка музыки и искусств (англ. Woodstock Music & Art Fair, в разговорной речи Вудсток) — один из знаменитейших рок-фестивалей, прошедший с 15 по 18 августа 1969 года на одной из ферм городка в сельской местности Бетел (англ.)русск., штат Нью-Йорк, США. Вудсток стал символом конца «эры хиппи» и начала сексуальной революции.

[

←5

]

американский убийца, музыкант, лидер коммуны «Семья», отдельные члены которой в 1969 году совершили ряд жестоких убийств.

[

←6

]

телешоу конкурс красоты для детей.

[

←7

]

Мэйфлауэр (с англ. «Майский цветок») — корабль, который приплыл с первыми поселенцами, отцами-пилигримами, к берегам Северной Америке, чтобы создать там новую колонию.

[

←8

]

Модель Харли Дэвидсона

[
←9
]

«Американская история Икс» (англ. American History X) — американская кинодрама 1998 года о неонацистах 1990-х годов